

ОБЩИЙ ТИРАЖ ПРЕВЫСИЛ 30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

misterium

**БЛЕСТЯЩЕ И
УЖАСАЮЩЕ...**

Страшное и захватывающее чтение, и я наслаждался каждой его минутой.

Стивен Кинг

ДЖОН СЭНДФОРД

**ТЕНЬ
УБИЙЦЫ**

СЕРИЯ СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРОВ

О ДЕТЕКТИВЕ ЛУКАСЕ ДЭВЕНПОРТЕ

ЭКСМО

Преступление, совершенное много лет назад двумя полицейскими, осталось безнаказанным. С тех пор один из них сделал головокружительную карьеру и стал директором ФБР. Он славится своей непримиримостью в борьбе с преступностью. Однако те, кто пострадал когда-то от его действий, ничего не забыли. Они решают наказать высокопоставленного негодяя. Но как подобраться к чиновнику такого ранга? И тогда у этих людей возникает дерзкий и кровавый план...

Роман «Тень убийцы» входит в серию супербестселлеров о детективе Лукасе Дэвенпорте.

Джон Сэндфорд
Тень убийцы

Они остановились в переулке возле мусорных контейнеров. Карл Рид, держа в руке банку с пивом, стоял на шухере. Ларри Клей раздел пьяную индейскую девушку, швырнул ее одежду на пол перед задним сиденьем и втиснулся между ее ног.

Девушка завывала.

— Боже праведный, она воет, как чертова енотовидная собака, — сказал Рид, родившийся в Кентукки.

— Она не дается, — пожаловался Клей, а Рид рассмеялся и сказал:

— Поторапливайся.

Он швырнул пустую банку из-под пива в контейнер, но она угодила в стенку и упала на землю.

Клей уже набрал темп, когда завывания девушки внезапно перешли в крик. Он положил ей на лицо свою огромную ладонь и сказал:

— Заткнись, сука.

Ему это нравилось, и через минуту он кончил и сполз с нее.

Рид снял ремень с пистолетом и бросил на крышу рядом с проблесковым маячком. Клей стоял в переулке и осматривал себя.

— Ты только посмотри, на мне кровь, — проворчал он.

— Проклятье, — сказал Рид, — тебе досталась целка. — Он нырнул на заднее сиденье и сказал: — А вот и папочка...

Радио в их машине принимало только полицейскую волну, но у них был транзистор, купленный Ридом на базе во Вьетнаме. Клей достал его, включил и принялся искать что-нибудь приличное. В выпуске новостей рассказывали о противостоянии Роберта Кеннеди и Линдона Джонсона. Клей продолжал крутить ручку и в конце концов нашел музыкальную станцию, на которой передавали «Ode to Billy Joe».

— Ну, ты закончил? — спросил он, когда песня Бобби Джентри наполнила переулок.

— Сейчас... вот черт... подожди... — пропыхтел Рид.

Индианка затихла.

Когда Рид кончил, Клей уже привел в порядок форму. Они потратили пару минут, чтобы кое-как одеть девушку.

— Заберем ее или здесь оставим? — спросил Рид.

Она сидела на земле в полубессознательном состоянии, окруженная разбросанными рекламными листовками, которые ветер вытащил из мусорного контейнера.

— Черт с ней, оставим здесь, — решил Клей.

«Это всего лишь пьяные индейские девки». Так говорили все. Никто из-за них не переживал. От них все равно не убудет. Им это даже нравилось.

Вот почему, когда звучал вызов, полицейские машины слетались со всего Феникса. Пьяная индейская цыпочка. Нужно доставить домой. Желающие имеются?

Произнесите «пьяный индеец», и у вас сложится ощущение, что все патрульные машины в городе неожиданно провалились в пропасть. Ни одного ответа. Но пьяная девка? Тут возникала пробка. Многие из этих женщин были толстыми и старыми. Но некоторые — нет.

Лоуренс Дабервилль Клей был младшим сыном богатого отца. Остальные сыновья занялись семейным бизнесом: химикаты, пластмасса, алюминий. Ларри закончил колледж и поступил на службу в полицейское управление Феникса. Вся семья была в шоке, кроме старика, который и сколотил огромное состояние. Он сказал:

— Пусть идет. Посмотрим, что ему удастся там сделать.

Ларри Клей начал с того, что отрастил волосы до самых плеч и стал разъезжать по городу в «форде» модели пятьдесят шестого года. За два месяца он завел друзей среди хиппи. Пятьдесят длинноволосых «детей-цветов» получили срок за наркотики, пока не прошел слух о новом члене общины.

После этого он стал патрульным, работал в барах, ночных клубах и забегаловках, открытых в позднее время, где подбирал перебравших спиртного индейских цыпочек. Если ты полицейский, можно отлично проводить время. Ларри этим и занимался.

Пока его не избили, да так сильно, что первый коп, прибывший на место происшествия, решил, что он умер. Его отвезли в травматологический центр, где доктора вытащили его с того света. Кто это сделал? Торговцы наркотиками, сказал он. Хиппи. Чтобы отомстить. Ларри Клей стал героем, и его повысили до сержанта.

Выйдя из больницы, Клей оставался в рядах полиции достаточно долго, чтобы доказать, что он не из пугливых, а затем уволился. Подрабатывая летом, он за два года окончил юридическую школу. Еще два года набирался опыта в офисе прокурора, а потом открыл частную практику. В тысяча девятьсот семьдесят втором году он участвовал в выборах в сенат штата и победил.

Его карьера по-настоящему пошла в гору, когда у одного профессионального игрока возникли неприятности с налоговой службой. В благодарность за некоторое снисхождение он назвал представителю налоговой инспекции имена старших офицеров полиции, которым он на протяжении многих лет давал взятки. Возникла очень неприятная ситуация. Отцы города пришли в невероятное волнение, принялись оглядываться по сторонам и вдруг обнаружили юношу с головой на плечах да еще из хорошей семьи. Бывшего защитника правопорядка, юриста и политика.

«Проведи в полиции чистку, — сказали они Лоуренсу Дабервиллю Клею. — Только не слишком усердствуй».

Он сделал именно то, чего они хотели. И его щедро отблагодарили.

В семьдесят шестом году Лоуренс Дабервилль Клей стал самым молодым шефом полиции в истории. Через пять лет он уволился, чтобы занять пост заместителя генерального прокурора США в Вашингтоне.

Шаг назад, говорили его братья. Он еще себя покажет, отвечал их отец. А сам он всегда был рядом, чтобы помочь: нужные люди, полезные знакомства. Деньги, если в них возникала необходимость.

Когда в ФБР разразился скандал — взятки и торговля секретной информацией, — администрация знала, к кому обратиться. У мальчика из Феникса была безупречная репутация. Он привел в надлежащий порядок полицию Феникса, а теперь проведет чистку в ФБР и не будет слишком усердствовать.

В сорок два Лоуренс Дабервилль Клей стал самым молодым директором ФБР после Джона Эдгара Гувера. Он был главным человеком администрации в борьбе с преступностью. Он показал народу и прессе Америки, что такое ФБР. Во время рейда по борьбе с наркотиками в Чикаго фотограф из Ассошиэйтед Пресс сделал снимок усталого Лоуренса

Дабервилля Клея с закатанными до локтей рукавами и запавшими глазами. Огромный полуавтоматический пистолет «дезерт игл» красовался в наплечной кобуре.

Эта фотография превратила его в знаменитость.

Мало кто помнил, что Лоуренс Дабервилль Клей начинал в Фениксе, где охотился по ночам на пьяных индейских девиц.

Именно тогда Ларри Клей полюбил развлекаться с молоденькими девочками. Иногда совсем маленькими. Некоторые из них не были очень пьяными, и многим совсем не хотелось заниматься ничем таким на заднем сиденье машины. Но кто поверит индианке в Фениксе в середине шестидесятых? Гражданские права существовали для черных на юге, а вовсе не для индейцев или мексиканцев на юго-западе. Об изнасилованиях во время свидания никто даже не говорил, а феминизм еще только показался на горизонте.

Но та девчонка в переулке... ей было двенадцать, и она немного выпила, однако была не настолько пьяна, чтобы не сказать «нет» и не запомнить, кто затолкал ее в машину. Она не стала ничего скрывать от матери, та возмущалась несколько дней, а потом поделилась своим горем с двумя мужчинами, с которыми встретила в резервации.

Они поймали Ларри Клея перед его домом и избili бейсбольной битой до полусмерти. Сломали ему ногу, обе руки и несколько ребер. Нос и много зубов.

На Ларри Клея напали вовсе не торговцы наркотиками. Это были двое индейцев, которые решили отомстить за изнасилование.

Лоуренс Дабервилль Клей так и не узнал, кто это был, но не забыл, что они с ним сделали. За годы работы прокурором, сенатором, шефом полиции и заместителем генерального прокурора он множество раз выступал против краснокожих.

И всегда побеждал.

Он не забыл о них, когда возглавил ФБР, сжав в железном кулаке все резервации страны.

Но у некоторых индейцев тоже была хорошая память.

Например, у тех двоих, что избili его в Фениксе.

У Воронов.

Глава 1

Рэй Куэрво сидел в своем офисе и считал деньги. Он делал это каждую пятницу между пятью и шестью вечера. И ни от кого этого не скрывал.

Куэрво владел шестью многоквартирными домами, разбросанными по району к югу от центра Миннеаполиса, где жили индейцы. Самые дешевые квартиры стоили тридцать девять долларов в неделю, самые дорогие — семьдесят пять. При расчете Куэрво не принимал ни векселей, ни отговорок или объяснений. Если у кого-то не оказывалось наличных к двум часам пятницы, он ночевал на улице. «Бизнес есть бизнес», — любил повторять Куэрво тем, кто не мог заплатить.

Иногда это был опасный бизнес. Собирая деньги, домовладелец носил в кармане брюк хромированный «чартер армс спешиал» тридцать восьмого калибра. Старое оружие: дуло в оспинах, а рукоять слишком маленькая и немодная. Но револьвер прекрасно работал, а пули были новенькими. Из цилиндра вам подмигивала блестящая медь. Не роскошное оружие, как говорили его съемщики, зато оно отлично стреляло. Когда Рэй считал недельную выручку, он всегда держал револьвер на столе около правой руки.

Его офис представлял собой крошечную комнатку кубической формы на самом верху трехэтажного здания. Обстановка была скромной: металлический стол, деревянный картотечный шкаф и дубовое кресло на колесиках, а также черный телефон с диском. На левой стене висел календарь «Спортс иллюстрейтед» четырехгодичной давности с девицами в купальниках. Куэрво остановился на апреле, где была изображена красотка с просвечивающими сквозь мокрую футболку сосками. Напротив календаря располагалась доска с дюжиной визиток и парой выцветших наклеек для бампера. Одна гласила: «Дерьмо случается», а другая — «Вам нравится, как я вожу мою машину? Позвоните 1-800-поешьте-дерьма». Жена Рэя, родившаяся на ферме в Кентукки, с языком, как бритва, называла его офис сортиром. Впрочем, Рэй Куэрво не обижался. В конце концов, он ведь был хозяином трущоб.

Куэрво складывал деньги аккуратными стопками: один доллар, пять и десять. Неожиданно возникшую двадцатку он убрал в карман. Затем сосчитал монеты, записал и бросил в банку из-под кофе «Максвелл хаус». Домовладелец был толстяком с маленькими глазками. Когда он поднимал свой тяжелый подбородок, на красной шее появлялось три ряда жирных складок. А если наклонялся вперед, на боках из подмышек вываливалось еще три складки. Издавая непристойный звук, что происходило довольно часто, он машинально приподнимал толстую ягодицу со стула, чтобы облегчить себе задачу. Он не считал это невежливым или бестактным. Если в комнате находилась женщина, он говорил: «Ой!» В компании мужчин не произносил ничего. Мужчины всегда пускают ветры.

Пятого октября, в теплый не по сезону день, около пяти вечера, внизу хлопнула дверь и по лестнице начал подниматься человек. Куэрво положил пальцы на револьвер и привстал, чтобы лучше рассмотреть посетителя. Мужчина на лестнице повернул к нему лицо, и домовладелец расслабился.

Лео Кларк. Старый клиент. Как большинство индейцев, снимавших жилье в домах Куэрво, Лео постоянно уходил и возвращался из резервации. Он был крепким орешком, с лицом, напоминающим бетонную стену, но у Рэя никогда не возникало с ним проблем.

Лео остановился на площадке второго этажа, чтобы отдышаться, затем поднялся по последнему пролету. Он происходил из племени сиу: лет сорока, одинокий, с кожей, почерневшей от летнего солнца. Длинные черные косы вились по спине, на поясе сверкал кинжал наваха. Он родился где-то на западе, в резервации Роузбад или Стэндинг-Рок.

— Как дела, Лео? — спросил Куэрво, не поднимая головы. Он держал в обеих руках деньги, которые считал. — Тебе нужна квартира?

— Положи руки на колени, Рэй, — сказал посетитель.

Домовладелец поднял голову и увидел, что Лео наставил на него пистолет.

— Послушай, приятель, не делай этого, — взмолился Куэрво, выпрямляясь. Он не смотрел на свой револьвер, но думал о нем. — Если нужна пара долларов, я дам тебе в долг.

— Конечно, дашь, — ответил индеец. — С процентами, два к одному.

Куэрво время от времени занимался ссуживанием денег. Бизнес есть бизнес.

— Да ладно тебе, Лео. — Он небрежно бросил купюры на стол и освободил правую руку. — Хочешь провести старость в тюрьме?

— Если еще раз пошевелишься, я сделаю у тебя в голове пару дырок. Я не шучу, Рэй, — сказал Лео.

Куэрво посмотрел ему в лицо. Оно было холодным и мрачным, точно статуя майя. Домовладелец замер на месте.

Индеец обошел стол, и теперь их разделяло не больше трех футов, но дуло пистолета Лео смотрело прямо в лицо Куэрво.

— Просто не шевелись и не волнуйся, — проговорил Кларк. Когда он оказался позади стула Куэрво, он сказал: — Мне надо надеть на тебя наручники, Рэй. Убери руки за спину.

Домовладелец выполнил его указания и обернулся, чтобы посмотреть, что делает Лео.

— Смотри перед собой, — велел индеец и ткнул ему за ухом дулом пистолета.

Куэрво подчинился. Лео сделал шаг назад, убрал пистолет за пояс и достал из переднего кармана джинсов обсидиановый кинжал — семь дюймов великолепно обработанного вулканического стекла, добытого из скалы в национальном парке Йеллоустоун. По кромке шел желобок, а сам нож был острым, точно скальпель хирурга.

— Эй, приятель, — сказал Лео и подошел поближе к хозяину труппы.

Куэрво пустил ветры от страха или отчаяния, и комната наполнилась мерзким запахом, но он не стал говорить «ой!».

— Что?

Домовладелец смотрел прямо перед собой, он просчитывал варианты. Его ноги стояли на специальной полочке под столом, а потому он не мог быстро вскочить. Он решил подождать еще пару минут. Когда индеец попытается сковать его, возможно, ему удастся... Револьвер блестел всего в полутора футах от его глаз.

— Я наврал про наручники, Рэй, — сказал Лео, схватил мужчину за волосы над лбом и дернул его голову назад.

Затем одним сильным движением он перерезал Рэю Куэрво горло от уха до уха.

Домовладелец приподнялся, высвободился и попытался прижать одну руку к шее, а другой в отчаянии потянулся к револьверу. Но он уже понимал, что из этого ничего не выйдет. Кровь хлестала из сонной артерии, словно вода из шланга, заливая зеленые купюры на столе, девицу с роскошным бюстом из «Спортс иллюстрейтед» и коричневый линолеум на полу.

Рэй Куэрво дернулся, повернулся и упал, зацепив помятую банку из-под кофе

«Максвелл хаус». Из нее высыпались монеты и покатались по полу, пара штук вылетела на лестницу. Он лежал лицом вверх и видел перед собой лишь тусклое пятно, которое превратилось в равнодушное лицо Лео Кларка, заполнившее собой мрак. А потом Куэрво умер.

Убийца отвернулся, когда тело жертвы перестало контролировать мочевой пузырь и сфинктер. На столе лежало две тысячи тридцать пять долларов, но Лео не обратил на них ни малейшего внимания. Он вытер обсидиановый кинжал о собственные штаны, убрал его в карман и запахнул рубашку, чтобы спрятать пистолет. Затем убийца спустился по лестнице и прошел шесть кварталов до своей квартиры. Он был перепачкан кровью, но, казалось, этого никто не заметил. Полицейские получили весьма приблизительное описание преступника — индеец с косами. В Миннеаполисе было пять тысяч индейцев с косами.

И большинство из них обрадовались, узнав, что произошло с Куэрво.

Проклятые индейцы!

Джон Ли Бентон их ненавидел. По его представлениям, они были хуже ниггеров. Если ты приказываешь черному прийти, а он не приходит, он всегда называет какую-то причину, пусть и дурацкую.

Индейцы не такие. Ты говоришь ему, что он должен явиться в два часа, но как бы не так. Он приходит в два на следующий день и считает, что все в порядке. Он не прикидывается, он действительно так думает.

Психиатры в их заведении называли это культурной аномалией. Джон Ли Бентон — занозой в заднице. Психиатры говорили, что единственным решением проблемы является образование. У Джона Ли Бентона имелся собственный подход к данному вопросу.

У Бентона под надзором находилось семь индейцев. Если они не появлялись в срок, он употреблял время, которое обычно отводилось на беседу с ними, на заполнение бумаг, чтобы отправить их назад в Стиллуотер. За два года он вернул туда девять человек и создал себе вполне надежную репутацию. Проклятые индейцы обходили его стороной. Если тебя выпускают под залог, говорили они друг другу, главное — не попасть к Джону Ли Бентону. Потому что это всегда означало дорогу назад.

Бентону нравилась такая известность.

Джон Ли Бентон был маленьким человечком с большим носом и мышинового цвета волосами, которые он зачесывал вперед, пряча под ними водянистые глаза. Свои соломенного цвета усы он подстригал под прямым углом. Когда он смотрел утром на себя в зеркало, ему казалось, что он на кого-то похож, только он не знал на кого. На кого-то знаменитого. Он не сомневался, что поймет это рано или поздно.

Джон Ли Бентон ненавидел черных, индейцев, мексиканцев, евреев и азиатов — примерно в таком порядке. Ненависть к черным и евреям досталась ему в наследство от отца, когда Джонни рос в ветхих трущобах для рабочих в Сент-Луисе. Враждебное отношение к индейцам, мексиканцам и азиатам он развил в себе самостоятельно.

Каждый понедельник днем Бентон сидел в душном офисе в глубине Индейского центра неподалеку от Франклин-авеню и разговаривал с придурками, находившимися у него на попечении. Предполагалось, что он должен называть их клиентами, но пошли они все к чертовой матери. Они все были преступниками и уродами, все до одного.

— Мистер Бентон?

Бентон поднял голову и увидел, что в дверях стоит Бетти Сэйлс, робкая, с серой кожей

индианка с растрепанными волосами. Она работала секретарем сразу в нескольких офисах.

— Он пришел? — резко, нетерпеливо спросил Джон Ли, даже его голос источал ненависть.

— Нет, — ответила Бетти. — Но вас хочет видеть другой человек. Какой-то индеец. Бентон нахмурился.

— Я на сегодня больше никого не вызывал.

— Он сказал, что он пришел поговорить насчет мистера Клауда.

Вот это сюрприз. Уважительная причина!

— Ладно. Пришли его через пару минут, — распорядился он.

Секретарша ушла, а Бентон снова пролистал дело Клауда. Ему не требовалось смотреть, что там написано, но он любил заставлять индейцев ждать. Через две минуты в дверях появился Тони Блуберд. Джон никогда не видел его прежде.

— Мистер Бентон?

Посетитель оказался приземистым мужчиной с близко посаженными глазами и коротко подстриженными волосами. Он был в льняной рубашке, шею украшал ремешок из сыромятной кожи, с которого свисал черный кинжал из обсидиана. Блуберд чувствовал, как он приятно щекочет кожу на груди.

— Да?

Инспектор позволил ярости пробраться в свой голос.

Блуберд достал пистолет.

— Положите руки на колени, мистер Бентон.

Три человека видели Блуберда. Бетти Сэйлс — как он входил и выходил. Мальчишка, выскочивший из спортивного зала, уронил баскетбольный мяч, и Блуберд остановил его ногой, поднял, а потом бросил пареньку, когда Бетти Сэйлс закричала. Дик Желтая Рука, семнадцатилетний индеец, который отчаянно пытался раздобыть порцию крэка, видел, как он показался в дверях, и крикнул:

— Привет, Блуберд.

Тони остановился. Дик подкатился к нему, почесывая жидкую бородку.

— Плохо выглядишь, приятель, — сказал Блуберд.

Желтая Рука кивнул. Он был в грязной футболке с выцветшим портретом Мика Джаггера; джинсы на три размера больше нужного поддерживала бельевая веревка. Руки парнишки походили на стебли кукурузы, во рту не хватало двух передних зубов.

— Я и чувствую себя паршиво. Знаешь, мне бы не помешала парочка баксов.

— Извини, приятель, у меня нет денег, — ответил Тони, засунул в карманы руки и вывернул их, показывая, что там пусто.

— Ладно, ничего не поделаешь, — разочарованно протянул Желтая Рука.

— На прошлой неделе я видел твою маму, — сказал Блуберд. — Недалеко от резервации.

— И как она?

— Хорошо. Ловила рыбу. Минтай.

Истерические вопли Сэйлс стали громче, когда кто-то открыл дверь в Индейский центр.

— Классно, что у мамы все в порядке, — сказал парень.

— Ладно, думаю, мне пора, — проговорил Тони, отходя.

— Давай, дружище, — ответил Желтая Рука. — Еще увидимся.

Блуберд шел не спеша, размышляя совсем о других вещах. Как ее звали? Это случилось так давно. Анна? Она была симпатичной женщиной, большегрудой, с теплыми карими глазами. Ему казалось, что он ей нравился, хотя оба были женаты, и ничего такого между ними не произошло; ничего, кроме мимолетного влечения, возникшего на территории индейского поселения в Миннеаполисе.

Муж Анны, чиппева из Нетт-Лейка, сидел в тюрьме округа Хэннепин. Однажды поздней ночью, как следует набравшись, он увидел автомат по продаже кока-колы, который переливался красно-белым сиянием внутри заправочной станции. Он швырнул в окно кусок бетона, залез внутрь и тем же обломком разбил автомат. Кто-то рассказал Блуберду, что на пол высыпалось около тысячи четвертаков. Муж Анны терпеливо их собирал, когда приехала полиция. Перед этим его досрочно освободили из тюрьмы, и он получил шесть месяцев сверх того, что ему оставалось досидеть в первый раз.

У Анны и ее мужа никогда не было денег. Он пропивал большую часть, и она, скорее всего, ему в этом помогала. Еды вечно не хватало. Одежды тоже. Зато у них был сын двенадцати лет, приземистый, крепкий, погруженный в себя ребенок, который все вечера напролет смотрел телевизор. Однажды в субботу днем, через несколько недель после того, как посадили его отца, мальчик отправился на мост Лейк-стрит и спрыгнул в Миссисипи. Многие видели, как он это сделал, и копы выловили его из реки через пятнадцать минут. Мертвого.

Блуберд услышал об этом и пошел к реке. Там он встретил Анну, которая обнимала тело сына. Она подняла голову и посмотрела на него глазами, наполненными болью и...

Чем?

Это все часть того, что ты индеец, считал Тони. Смерть. Они делали это лучше, чем белые. По крайней мере, чаще.

Когда Блуберд выходил из комнаты после того, как он перерезал горло Бентону, он посмотрел на его лицо, и оно показалось ему знакомым. Напомнило какого-то известного человека. Теперь же, когда он шагал по тротуару, оставив позади Желтую Руку, перед его мысленным взором всплыло лицо инспектора.

«Гитлер, — подумал он. — Джон Ли Бентон был как две капли воды похож на молодого Адольфа Гитлера».

Молодого мертвого Адольфа Гитлера.

Лукас Дэвенпорт сидел, откинувшись на обитом штофом диване, в задней части букинистического магазинчика и ел сэндвич с ростбифом. На коленях у него лежал потрепанный экземпляр биографии Хьюи Лонга,^[1] написанной Т. Гарри Уилльямсом.

Уилльямс все правильно описал, размышлял Лукас. Человек в белом костюме мечется среди последователей Морского Царя, которые собрались перед офисом губернатора. Выстрел. Попадание, крики, суматоха. Копы, превратившиеся в берсерков.

«Роден и Коулман открыли огонь практически одновременно, но пуля Коулмана, скорее всего, попала в него первой, — пишет Т. Гарри. — Несколько других охранников достали оружие и принялись стрелять. Мужчина упал лицом вниз около стены коридора, из которого вышел. Он лежал, положив голову на руку, и не шевелился. Очевидно, он был уже мертв. Но это не удовлетворило некоторых из охранников. Обезумевшие от ярости и горя, они стояли над телом и выпускали в него пулю за пулей, пока барабаны не опустели. Позднее было зафиксировано тридцать попаданий в спину, двадцать девять в грудь (по большей части входные и выходные отверстия совпадали) и две пули в голове. Лицо было наполовину разворочено, а белый костюм превратился в лохмотья и пропитался кровью».

Убийство никогда не бывает аккуратным, в отличие от того, что показывают по телевизору. И не важно, какие ужасные картины возникают на экране, в жизни всегда хуже. В реальности остается пустая оболочка, лишившаяся души, безжизненная плоть, глаза, похожие на шарикоподшипники. И этим приходится заниматься. Кто-то должен забрать тело, кто-то — смыть кровь. А кто-то поймать убийцу.

Дэвенпорт потер бровь, перечеркнутую старым шрамом, следствием несчастного случая на рыбалке. Грузило сорвалось с лески и угодило ему в лицо. Шрам его не портил, а знакомые женщины говорили, что с ним Лукас выглядит лучше. Этот след даже шел ему, но его улыбка пугала.

Он снова почесал бровь и вернулся к книге. Он был не очень похож на заядлого читателя, который проводит все дни на диване и шурится в тусклом свете ламп. Его окружала аура улицы. Руки, покрытые густыми темными волосами, казались слишком крупными и неуклюжими на фоне книжки в мягкой обложке. У него был сломан нос, и не один раз, могучая шея твердо сидела на крепких плечах. Черные волосы слегка припорошила седина.

Мужчина перевернул страницу одной рукой, а другую засунул под пиджак и поправил кобуру.

«— Морской Царь, что случилось?»

— Джимми, мой мальчик, меня застрелили, — застонал Хьюи...»

Запищала рация Лукаса, он взял ее и подкрутил звук.

— Лейтенант Дэвенпорт? — услышал он женский голос.

— На приеме.

— Лукас, Джим Венц хочет, чтобы ты приехал в Индейский центр по поводу того убийства. Нашелся свидетель, и Венц считает, что тебе стоит на него взглянуть.

— Ладно, через десять минут, — ответил Лукас.

Стоял прекрасный день, один из лучших, какие выдаются в хорошую осень. Убийство все испортит. Обычно убийство является результатом агрессивной глупости, смешанной с алкоголем и злобой. Не всегда так, но почти. Дэвенпорт, если у него был выбор, старался держаться от них подальше.

Он вышел из магазинчика, несколько мгновений постоял на тротуаре, чтобы глаза привыкли к яркому солнцу, и доел свой сэндвич. Покончив с ним, он выбросил упаковку в урну и перешел на другую сторону улицы к своему автомобилю. Нищий на тротуаре протянул руку и сказал: «Я присматривал за вашей машиной». Он постоянно тут болтался, шизофреник, которого выбросили из государственной больницы. Он не мог нормально существовать без лекарств, но категорически отказывался добровольно принимать препараты, притупляющие умственную деятельность. Лукас дал ему доллар и забрался в свой «порше».

Центр Миннеаполиса — яркий пример модернистской архитектуры, представленной блоками из стекла, хрома и белого мрамора. Здание муниципалитета торчит посреди него, точно старая красная бородавка. Лейтенант покачал головой, проезжая мимо, свернул налево, потом направо и пересек автомагистраль, соединяющую соседние штаты. Блеск и краски остались позади, уступив место обветшавшему району: выдавшие виды жилые дома, обшитые досками, древние автомобили и умирающий бизнес. Индейский район. Перед Центром стояло около полудюжины полицейских машин. Дэвенпорт остановился у тротуара.

— Три свидетеля, — сказал ему детектив из отдела по расследованию убийств.

У Венца было плоское бледное лицо выходца из Скандинавии, вместо сломанных нижних передних зубов он носил коронки; когда он разговаривал, они сверкали серебряным светом. Он показал на пальцах, что у них три свидетеля, точно сомневался в том, что Лукас его понял.

— Секретарша, — продолжал детектив. — Она видела его два раза и говорит, что сможет опознать. Еще паренек, живущий по соседству. Он играл в баскетбол и сказал, что у убийцы все брюки были в крови. Я ему верю. Офис похож на кровавый бассейн.

— А мальчик сможет его опознать? — спросил Дэвенпорт.

— Говорит, что сможет. Он сказал, что запомнил лицо убийцы. Уже встречал его в этом районе.

— А кто номер три?

— Еще один парень. Наркоман. Он видел преступника возле здания и даже разговаривал с ним. Мы думаем, что они знакомы, но свидетель отказывается отвечать на вопросы.

— Где он? — спросил Лукас.

— В машине.

— Как вы его нашли?

— Проще простого, — пожав плечами, ответил Венц. — Секретарша — кстати, она обнаружила тело — позвонила в девять-один-один, а потом подошла к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха. Ее затошнило, когда она увидела, что случилось. Короче говоря, она заметила, что мальчишка и убийца о чем-то разговаривают. Когда мы приехали, парень все еще болтался неподалеку. Просто стоял, и все. Наверное, пытался раздобыть дозу. Мы

посадили его в машину.

Лукас кивнул и прошел по коридору в офис. Бентон лежал лицом вверх на полу, выложенном плиткой, в луже алой крови. Его руки были раскинуты, словно его распяли, ноги тоже широко раздвинуты, забрызганные кровью носки ботинок указывали в разные стороны под углом в сорок пять градусов. Рубашка и спортивная куртка пропитались кровью. На полу в луже крови Дэвенпорт увидел следы ног и коленей там, где прошли парамедики, но не заметил никакого медицинского мусора. Обычно повсюду валяются упаковки от шприцев, тампоны, пластырь и бинты. На Бентона не стали тратить силы.

Лейтенант вдохнул железистый запах крови, когда к нему сзади подошел детектив.

— Похоже, тот же тип, что прикончил Рэя Куэрво, — сказал Лукас.

— Возможно, — ответил Венц.

— Вам надо быстро поймать его, а то газеты начнут вас полоскать, — мягко проговорил Дэвенпорт.

— Все может быть гораздо хуже, — сказал полицейский. — У нас есть приблизительное описание парня, который зарезал Куэрво. У него были косы. А здесь все говорят, что у этого убийцы короткие волосы.

— Он мог их подстричь, — предположил лейтенант. — Испугался...

— Надеюсь, но мне кажется, здесь что-то не так.

— Если мы имеем дело с двумя разными преступниками, это уже серьезные проблемы...

Лукасу стало интересно.

— Проклятье, а то мы этого не знаем. — Венц снял очки и потер крупной рукой лицо. — Господи, как же я устал. Моя дочь в прошлую субботу разбила машину. В самом центре города, прямо перед зданием «Ай-ди-эс». Виновата она, поехала на красный свет. Я пытаюсь договориться со страховщиком и с мастерской по поводу ремонта, а тут еще это... на два часа позже, и я бы уже...

— Она в порядке?

— Да, да. — Он снова надел очки на нос. — Это первое, что я спросил: «Ты в порядке?» А она отвечает: «В полном». И тогда я сказал: «Сейчас я приеду и убью тебя».

— Конечно, раз уж с ней все хорошо, — сказал Дэвенпорт.

Носок его ботинка попал в кровь, и он сделал шаг назад. Он посмотрел на лицо Бентона от двери, и ему пришло в голову, что он похож на какого-то знаменитого человека, но Лукас никак не мог понять на кого.

— ...Моя главная радость в жизни, — говорил Венц. — Если с ней что-нибудь случится... У тебя ведь есть ребенок?

— Да, дочь.

— Бедняга. Подожди пару лет. Она разобьет твой «порше», и страховая компания сожрет тебя с потрохами. — Венц покачал головой. — Проклятые дочери. Жить с ними невозможно, но без них еще хуже. Слушай, может, ты знаешь парня, который сидит у нас в машине? Он сказал, что мы не должны его трогать, потому что Дэвенпорт его приятель. Мы решили, что это один из твоих осведомителей.

— Пойду посмотрю, — ответил Лукас.

— Любая помощь...

Детектив пожал плечами.

— Ясное дело.

Выйдя наружу, Дэвенпорт спросил у полицейского, где свидетель-наркоман, и тот показал на последнюю машину в ряду. За рулем сидел патрульный, а у него за спиной лейтенант разглядел маленькую темную фигурку. Их разделяла стальная перегородка. Лукас наклонился к открытому окну со стороны пассажира, кивнул патрульному и посмотрел на заднее сиденье. Паренек нервно подпрыгивал на месте, запустив одну руку в спутанные темные волосы. Желтая Рука.

— Привет, Дик, — сказал Лукас. — Как дела в «Кей-марте»?

— Слушай, Дэвенпорт, забери меня отсюда. — Глаза индейца были широко открыты от страха. Он продолжал подпрыгивать, только теперь еще быстрее. — Я ничего не сделал, приятель, совсем ничего.

— Ребята из «Кей-марта» с радостью с тобой об этом поговорят. Они сказали, что ты мчался к двери с проигрывателем дисков...

— Черт возьми, это был не я...

— Точно. Но знаешь, что я тебе скажу: ты назовешь мне имя, и я тебя выпущу, — пообещал ему лейтенант.

— Я не знаю, кто это был, приятель, — заверещал Желтая Рука.

— Да как же, — проворчал коп на водительском месте, передвинул языком зубочистку и посмотрел на Лукаса.

У него было широкое лицо ирландца, с кожей цвета персика со сливками.

— Знаете, что он мне сказал, лейтенант? «От меня ты ничего не узнаешь, придурок». Прямо так и сказал. Ему известно, кто это был.

— Это правда? — спросил Дэвенпорт и снова повернулся к Желтой Руке.

— Да клянусь, я его не знаю, — заныл Желтая Рука. — Самый обычный бродяга...

— Индеец?

— Да, индеец, но я его не знаю...

— Да как же, — повторил патрульный.

Лукас обернулся к нему.

— Подержи его здесь. Если кто-нибудь захочет его забрать, скажи, что я просил его тут оставить.

— Ладно. Конечно. Как скажете.

Копу было все равно. Он сидел на солнышке, а в кармане у него имелся огромный запас мятных зубочисток.

— Я вернусь через десять минут, — пообещал Дэвенпорт.

Элвуд Стоун устроился в ста футах от здания Центра. Это было отличное место: посетители Центра могли получить кокаин по дороге домой. Некоторые из них жили по жесткому режиму: в специальных журналах отмечали, когда они ушли с работы, и им давалось определенное количество времени, чтобы добраться домой. Бегать по району и искать наркотики им было некогда.

Дэвенпорт заметил Стоуна тогда же, когда тот увидел «порше» Лукаса. Дилер поспешил на юг по улице, но она была застроена невысокими зданиями, и между ними не нашлось ни одной щели, куда он мог бы забиться. Полицейский ехал с ним рядом, пока Стоун не сдался. Тяжело дыша, он сел на крыльцо одного из домов и подумал, что мог бы выбросить товар. А теперь уже слишком поздно.

— Как дела, Стоун? — дружелюбно поинтересовался Лукас, обходя нос машины. —

Похоже, ты немного не в форме.

— Да пошел ты, Дэвенпорт. Мне нужен адвокат.

Стоун хорошо его знал.

Лейтенант сел на крыльцо рядом с ним и откинулся назад, подставив лицо теплым лучам солнца.

— Ты ведь приторговывал травкой в средней школе?

— Пошел ты, Дэвенпорт!

— Я помню соревнования по легкой атлетике против округа Сибли. У них был белый паренек, как его звали? Тернер, кажется? Классно бегал. Не так много белых...

— Пошел ты, мне нужен адвокат.

— А папаша у Тернера был небедный, — спокойно проговорил Лукас. — И он подарил сыну «корветт». А ты знаешь, что Тернер поехал на север и врезался в опору моста? Его пришлось собирать по частям и склеивать липкой пленкой, чтобы положить в гроб.

— Иди к черту, я имею право на адвоката.

Наркоторговец начал потеть, Дэвенпорт его достал.

Лукас покачал головой и демонстративно вздохнул.

— Я не знаю, Элвуд. Можно я буду называть тебя Элвуд?

— Иди на...

— Иногда жизнь бывает ужасно несправедливой. Ты знаешь, откуда я? Взять хотя бы малыша Тернера. Или, к примеру, тебя, Элвуд. Они задействовали кучу бюрократов, чтобы вынести нужное им решение. И знаешь, что они сделали? Ужесточили статью о хранении с целью распространения. И знаешь, что тебе теперь светит?

— Я что, законник какой-нибудь?

— Шесть лет, друг мой. А ты у нас такой симпатяшка, что, когда ты выйдешь, твоя задница будет похожа на тоннель на I-девяносто четыре. Обидно: если бы это случилось два месяца назад, ты бы отделался двумя годами.

— Иди к черту, мне нужен адвокат.

Лукас наклонился к нему поближе и хищно улыбнулся.

— А мне нужен крэк. Прямо сейчас. Дашь пару доз, и я не стану тебя трогать.

— Тебе нужен крэк? — удивленно взглянув на него, спросил Стоун.

— Точно. Мне необходимо прижать одного парня.

Свет в глазах торговца погас. Шантаж. Звучит разумно.

Он не мог поверить, что Дэвенпорт балуется наркотиками.

— И ты меня отпустишь?

— Отпущу.

Стоун задумался на пару секунд, затем кивнул, встал и достал из кармана рубашки стеклянный тюбик, закрытый черной пластмассовой пробкой. Внутри лежало пять кусочков крэка.

— Сколько тебе нужно? — спросил он.

— Все, — ответил полицейский и забрал у дилера тюбик. — И держись подальше от «Дома на полпути».^[2] Если я тебя еще раз здесь поймаю, мало тебе не покажется.

Помощники патологоанатома выносили тело Бентона из здания Индейского центра, когда туда вернулся Лукас. Телеоператор пятился перед носилками с накрытым простыней телом, которые катили по тротуару, затем быстро развернулся и обвел камерой лица в небольшой группе зевак. Лейтенант обошел толпу и зашагал вдоль полицейских машин.

Желтая Рука с нетерпением его ждал. Дэвенпорт попросил патрульного открыть заднюю дверь и сел рядом с пареньком.

— Слушай, не хочешь прогуляться в «Севен-илевен» и купить себе пончик? — предложил Лукас копу.

— Не-е-е, слишком много калорий, — заявил тот и развалился на переднем сиденье.

— Давай прогуляйся, — теряя терпение, настоял лейтенант.

— Да нет проблем. Хорошо, пойду куплю пончик, — сказал полицейский, который наконец понял намек; про Дэвенпорта ходили самые разные слухи.

Лукас смотрел ему вслед, пока он не скрылся из вида, а затем повернулся к индейцу.

— Итак, как звали того типа?

— Слушай, Дэвенпорт, я его не знаю...

Адамово яблоко Желтой Руки запрыгало, словно подтверждая честность его слов.

Лукас достал стеклянный тюбик из кармана и принялся вертеть в руках так, чтобы паренек увидел грязно-белые кусочки крэка. Наркоман облизнулся, когда Дэвенпорт вынул пластмассовую пробку и высыпал пять кусочков на ладонь.

— Хорошая отравка, — спокойно проговорил полицейский. — Я купил ее у Элвуда Стоуна около «Дома на полпути». Ты знаешь Элвуда? Его мамаша сама готовит эту гадость. Они покупают ее у кубинцев в Уэст-Сайде Сент-Пола. Это действительно отличная наркота.

— Слушай, приятель, прекрати...

Лукас зажал один из маленьких кусочков между большим и указательным пальцами.

— Кто это был?

— Я не могу...

Желтая Рука так страдал, что принялся заламывать свои тощие руки. Дэвенпорт раздавил комочек, локтем открыл дверь и высыпал крошки на землю, точно песок из песочных часов.

— Умоляю тебя, не делай этого.

Индеец был в ужасе.

— Осталось еще четыре, — сообщил ему Лукас. — Все, что мне нужно, это имя, а потом ты сможешь отвалить.

— О боже...

Лейтенант взял второй комочек, поднес его к лицу Желтой Руки и начал медленно сжимать пальцы, когда паренек выпалил:

— Подожди.

— Кто?

Желтая Рука выглянул в окно. Было тепло, но в ночном воздухе чувствовалась прохлада. Приближалась зима. Трудное время для индейца на улице.

— Блужерд, — пробормотал он.

Они были из одной резервации, и он сдал своего соплеменника за четыре порции крэка.

— Кто?

— Тони Блужерд. У него дом недалеко от Франклин.

— Какой дом?

— Проклятье, я не знаю номер... — заныл он, но у него забегали глаза, и Лукас понял, что он врет.

Дэвенпорт снова поднес кусок крэка к его лицу.

— Попрощайся с ним...

— Знаешь дом, где старик разрисовал столбы у крыльца в горошек? — быстро проговорил индеец, которому отчаянно хотелось с этим покончить.

— Знаю.

— Через два дома от него. В сторону магазина телевизоров.

— Он когда-нибудь нам попадался? Этот Блubberд?

— Ясное дело. Год отсидел в Стиллуотере. За ограбление.

— Что еще?

Желтая Рука пожал плечами.

— Он из Форт-Томпсон. Уезжает туда летом, а здесь работает зимой. Я его плохо знаю, он совсем недавно вернулся в резервацию. Мне кажется, у него тут женщина. Но это не точно. Он знаком почти со всей моей семьей. Он старше меня.

— Пистолет у него есть?

— Не знаю. Я с ним не общаюсь. Я никогда не слышал, чтобы он ввязывался в драки или что-нибудь еще.

— Ладно, — сказал Лукас. — Ты где живешь?

— В Пойнте. На последнем этаже, с несколькими парнями.

— Это был один из домов Рэя Куэрво? До того, как его зарезали.

— Да.

Желтая Рука смотрел на крэк, лежащий на ладони полицейского.

— Хорошо. — Лукас высыпал четыре кусочка назад в пробирку и отдал индейцу. — Засунь в носок и сразу отправляйся в Пойнт. Тебе лучше быть там, когда я туда приду.

— Я обязательно буду дома, — радостно заявил паренек.

Дэвенпорт кивнул. На задней дверце машины не было ручек, и он не стал ее закрывать. Теперь он распахнул ее и выбрался наружу. Следом выскользнул Желтая Рука и остановился около него.

— Надеюсь, ты не соврал про Блubberда, — сказал офицер и ткнул пальцем в тощую грудь паренька.

Индеец закивал.

— Это был он. Я с ним разговаривал.

— Хорошо. А теперь вали отсюда.

Желтая Рука поспешил убраться с его глаз, и Лукас пару секунд смотрел ему вслед, а затем прошел через улицу к зданию Центра. Он нашел Венца в кабинете директора.

— Итак, как наш свидетель? — спросил коп.

— Идет домой.

— Рассказал чего-нибудь?

— Во-первых, он никуда не денется, — ответил Дэвенпорт. — А во-вторых, парня, который нам нужен, зовут Тони Блubberд. Живет на Франклин. Я знаю дом. К тому же он у нас засветился. Так что мы сможем получить фотографию.

— Ну и ну, — сказал Венц и потянулся к телефону. — Дай-ка, я все это сообщу нашим.

Лукасу больше нечего было делать. Убийством должны заниматься ребята из соответствующего отдела. Он же был сборщиком информации. У него имелась собственная сеть, состоящая из уличных бродяг, официанток, барменов, парикмахеров, игроков, проституток, сутенеров, букмекеров, торговцев машинами и кокаином, почтальонов и даже парочки грабителей. Мелкая рыбешка, но зато у них внимательные глаза и хорошая память.

А Дэвенпорт всегда платил долларами или угрозами, в зависимости от того, что требовалось, чтобы осведомитель почувствовал себя нужным.

Лукас сделал свою часть работы, но, после того как Желтая Рука назвал имя убийцы, задержался посмотреть на полицейскую машину в действии. Иногда он получал от этого истинное удовольствие. Вот, например, как сейчас: когда коп из убойного отдела позвонил в контору, одновременно произошло несколько вещей.

Отдел опознания подтвердил информацию Желтой Руки и отправил в Индейский центр фотографию Тони Блуберда.

Одновременно на парковке винного магазина примерно в миле от предполагаемого места жительства подозреваемого начал собираться отряд быстрого реагирования полиции Миннеаполиса.

Пока они прибывали на место сбора, была проведена проверка в муниципальных службах, установившая, что Блуберд действительно живет в доме, на который указал Желтая Рука. Через сорок минут после того, как паренек назвал имя подозреваемого, высокий чернокожий мужчина в рабочей куртке военного образца и синих джинсах прошел по улице мимо его дома к соседнему, поднялся на крыльцо, постучал, показал значок и попросил, чтобы его впустили внутрь. Жильцы не знали Блуберда; впрочем, постояльцы здесь все время меняются.

Другой детектив, белый мужчина, который выглядел так, словно его прогнали сквозь ад мешком с золой, подошел к коттеджу рядом с домом Блуберда, только по другую сторону, и проделал то же самое.

— Да, Тони Блуберд, точно, того парня именно так зовут, — сказал ему пожилой мужчина, который открыл дверь. — А что он натворил?

— Мы не уверены, что он в чем-то замешан, — ответил полицейский. — А вы его видели в последнее время? Я имею в виду, сегодня?

— Конечно, видел. Он вошел в дом меньше получаса назад. — Старик пожевал нижнюю губу. — Думаю, он все еще там.

Белый детектив позвонил и сообщил, что подозреваемый на месте. Затем вместе с чернокожим полицейским они внимательно изучили место предполагаемого задержания из окон прилегающих домов и доложили все, что им удалось узнать, командиру отряда быстрого реагирования. Обычно, когда полицейские находили нужного им человека, они пытались связаться с ним по телефону. Но существовала вероятность, что Блуберд — маньяк и может представлять опасность для заложников или покончить с собой. Они решили его брать. Сотрудники спецподразделения перешли к выполнению второй стадии операции и остановили свой неприметный фургон в трех кварталах от дома Блуберда.

Тем временем Бетти Сэйлс выбрала фотографию убийцы из тех, что выложили перед ней на столе. Мальчишка, игравший в баскетбол, подтвердил ее слова.

— У тебя отличный осведомитель, Лукас, — сказал Венц. — Поедешь с нами?

— Давай.

Парни из ОБРа нашли мертвую зону около задней двери дома Блуберда. В ней не было окна, а на единственном, находящемся рядом, были задвинуты шторы. Они могли подойти к двери, выломать ее и ворваться внутрь до того, как подозреваемый поймет, что происходит.

План сработал бы, но владелец дома оказался слишком жадным: он нелегально разделил дом на две части. Деление было практичным и не имело никакого отношения к

эстетике: дверь, соединяющая переднюю часть дома с задней, была забита листом фанеры толщиной в три с четвертью дюйма.

Когда командир спецподразделения скомандовал: «Вперед!» — один из полицейских швырнул светошумовую гранату в боковое окно Блуберда. Мощный взрыв и яркая вспышка должны были заставить любого, кто находился внутри, замереть на мгновение, которого ребятам из ОБРа хватило бы, чтобы его схватить. Когда граната взорвалась, другой спецназовец выпустил в заднюю дверь очередь из автомата, и командир с тремя бойцами ворвались внутрь.

Молодая мексиканка дремала на диване, а на животе у нее лежал крошечный ребенок. Другой, чуть старше, сидел в покосившемся манеже. Женщина кормила ребенка, и рубашка у нее была расстегнута, открывая грудь. Она попыталась встать, когда услышала взрыв и автоматную очередь; ее рот и глаза широко раскрылись от страха.

Командир отряда блокировал коридор, а самый крупный боец группы попытался выбить фанерную перегородку. Затем он еще дважды ударил по ней ногой и сдался.

— Здесь не пройти, — воскликнул он.

— Отсюда можно попасть в другую половину дома? — крикнул старший группы, обращаясь к мексиканке.

Женщина, которая никак не могла прийти в себя, не понимала, о чем он ее спрашивает. Командир вывел своих людей наружу, и они прошли вдоль здания.

С начала операции прошло десять секунд, и он рассчитывал, что им удастся провести ее чисто, но в этот момент в доме закричала женщина, затем раздались выстрелы, разбилось окно, и командир отряда решил, что Блуберд взял заложника. Он приказал своим людям остановиться.

«Какая все-таки странная штука секс», — подумал он.

Он стоял, прижавшись спиной к полуразрушенной белой ограде коттеджа, держа автомат в руках; по лицу потоком стекал пот. Атака получилась беспорядочной, возникла стрельба — то, чего он боялся. Схватка с безумцем на близком расстоянии, когда в любой момент дуло пистолета может быть наставлено прямо на тебя. И несмотря на все это, перед глазами у него стояла грудь мексиканки, а в горле пересохло, и он никак не мог сосредоточиться на смертельно опасной операции, которой должен был командовать...

Когда приехал Лукас, он увидел две полицейские машины, припаркованные на улице перед коттеджем убийцы. Парни из ОБРа заняли позиции перед соседними домами, группа захвата вернулась назад. Из дома доносился бой барабана.

— Вы ведете переговоры? — спросил Лукас командира.

— Мы попытались позвонить ему по телефону, но ничего не вышло, — ответил офицер. — В телефонной компании нам сказали, что он не работает. Видимо, Блуберд выдернул его из розетки.

— Сколько внутри человек?

Спецназовец пожал плечами.

— Соседи говорят, что у него есть жена и двое детей-дошкольников. Больше ничего не известно.

Фургон телевизионщиков появился в начале улицы, и его остановил патрульный. В другом конце квартала показался репортер из «Стар трибьюн», за ним спешил фотограф. Журналистка с телевидения перестала спорить с полицейским, показала на Лукаса и громко

окликнула его. Когда Дэвенпорт повернулся, она помахала ему рукой, и он зашагал в ее сторону. Соседей собрали на тротуаре перед домами. В одном из них отмечали день рождения, и полдюжины детишек играли с воздушными шариками, бегая в толпе. Лукас подумал, что происходящее очень похоже на карнавал.

— Что случилось, Дэвенпорт? — крикнула девушка-репортер через голову патрульного.

Это была шведка атлетического сложения, с высокими скулами, узкими бедрами и кроваво-красной помадой на губах.

— Тебя интересует сегодняшнее убийство в Индейском центре? Мы думаем, что преступник находится в доме.

— Он взял заложников? — спросила девица.

В руках у нее не было блокнота.

— Мы не знаем.

— А нам нельзя подъехать ближе? Хотя бы чуть-чуть? Мы не можем снимать отсюда, ничего не видно...

Лейтенант окинул взглядом перекрытый район.

— Как насчет вон того проезда между домами? Вы окажетесь дальше от места, зато сможете снять переднюю часть дома...

— Что-то происходит, — сказал оператор, который смотрел на дом Блуберда через глазок камеры.

— Ой, черт! — выругалась журналистка.

Она пыталась незаметно протиснуться через оцепление и приблизиться к Дэвенпорту, но патрульный оттеснил ее.

— Увидимся позже, — бросил Лукас через плечо, повернулся и зашагал прочь.

— Послушай, Дэвенпорт...

Он, не останавливаясь, покачал головой. Командир группы захвата стоял на крыльце дома, расположенного слева от коттеджа Блуберда, и что-то кричал. Он получил ответ, немного отошел назад и достал рацию.

— Что? — спросил у него Лукас, когда добрался до командного пункта.

— Он сказал, что собирается выпустить свою семью, — сказал коп по рации.

— Я отвожу ребят, — ответил командир отряда.

Лукас прислонился к крыше машины и наблюдал, как командир отправил патрульного предупредить его парней и полицейских, что из дома сейчас выйдут люди. Через пару мгновений около двери в воздух взлетело белое полотенце и показалась женщина с младенцем на руках. Она держала за руку еще одного ребенка, лет трех.

— Не волнуйтесь, с вами все будет хорошо, — крикнул детектив.

Она один раз оглянулась, затем, опустив голову, быстро зашагала к тротуару мимо строя машин.

— Кто вы? — спросил командир.

— Лайла Блуберд.

— Внутри находится ваш муж?

— Да.

— С ним еще кто-нибудь есть?

— Он один, — ответила женщина, и по ее щекам покатились слезы.

Она была в мужской ковбойской рубашке и шортах из эластичного черного материала с ворсом. Малыш цеплялся за ее рубашку, как будто понимал, что происходит, другой повис на

руке.

— Он просил сказать вам, что выйдет через минуту.

— Он пьян? Крэк? Не в себе? Что-нибудь такое?

— Нет. В нашем доме нет ни алкоголя, ни наркотиков. Но с ним что-то не так.

— В каком смысле? Вы имеете в виду, что он безумен? Что...

Но он не успел закончить вопрос, потому что дверь в дом распахнулась, и Тони Блуберд вылетел на лужайку. Он был обнажен по пояс, на груди на кожаном ремне висел обсидиановый кинжал. Голову украшало два орлиных пера, в обеих руках он держал пистолету. Отбежав на десять футов от крыльца, он поднял оружие и открыл огонь по ближайшей патрульной машине, приближаясь к полицейским, которые за ней прятались. Они буквально изрешетили его; он сначала остановился, а потом повалился на землю.

На секунду повисла тишина, а потом Лайла Блуберд громко завывала. Старший ребенок, который ничего не понимал, вцепился в ее ногу и тоже начал вопить. По рации вызвали парамедиков. Три копа приблизились к мужчине, продолжая держать его на мушке, и отбросили оружие в сторону, чтобы он не мог до него дотянуться.

Командир ОБРа посмотрел на Лукаса и с трудом выговорил:

— Боже праведный, что все это значит, черт подери?

Дикий виноград опутал ивы, наклонившиеся к воде. В тусклом свете, падающем с моста Мендота, остров напоминал трехмачтовую шхуну с черными парусами, плывущую из устья реки Миннесота в Миссисипи.

Двое мужчин вышли на песчаный берег у оконечности острова. Чуть раньше они развели костер, поджарили рыбу и разогрели банки со спагетти. Огонь прогорел, превратившись в угли, но запах горячей сосны все еще висел в холодном воздухе. Примерно в ста футах от кромки воды, под ивами, стояла парная.^[3]

— Нам следует отправиться на север. Сейчас на озерах должно быть хорошо, — сказал более высокий мужчина.

— Слишком тепло. И много комаров.

Высокий человек рассмеялся.

— Какие комары? Мы же индейцы, тупица.

— Проклятые чиппева снимут с нас скальп, — весело возразил его собеседник.

— С нас не снимут. Убивай их мужчин, бери женщин и пей их пиво.

— Я не пью их пиво, — ответил второй, и между ними на мгновение повисло безмятежное молчание.

Потом тот, что был ниже ростом, тяжело вздохнул и сказал:

— Слишком много нужно сделать. Мы не можем себе позволить развлекаться на севере.

Его лицо стало серьезным. Высокий индеец этого не мог видеть, но почувствовал.

— Жаль, что я не смог помолиться над телом Блуберда, — сказал он и через мгновение добавил: — Я рассчитывал, что он продержится дольше.

— Он не отличался умом.

— Зато верил.

— Да.

Оба мужчины были из племени сиу мдевакантон, приходились друг другу двоюродными братьями и родились в один день на берегу реки Миннесота. Одному дали имя Аарон Сандерс, другому — Сэмюэл Клоуз, но так их называли только представители властей. Для всех остальных, с кем они имели дело, они были Воронами, в честь отца их матерей Дика Ворона.

Позже шаман дал им имена на языке индейцев дакота, которые было невозможно перевести. Кое-кто из дакота утверждал, что они означают Светлый Ворон и Темный Ворон. Другие говорили, что это Солнечный Ворон и Лунный Ворон. Третьи же уверенно выступали за Духовный Ворон и Практичный Ворон. Но кузены называли себя Аарон и Сэм. Если кто-то из дакота и белых считал такие имена недостаточно впечатляющими, их это не волновало.

Высокого звали Аарон, он был Духовным Вороном. Того, что ниже — Сэм, и он был Практичным. В багажнике их пикапа Аарон возил армейский сундучок, наполненный травами и самой разной корой. В кабине Сэм держал два пистолета сорок пятого калибра, бейсбольную битку и пояс с деньгами. Они считали себя одним человеком в двух телах, каждое из которых обладало одним аспектом. Это началось в тысяча девятьсот тридцать втором году, когда дочери Дика Ворона и их двое крошечных сыновей провели четыре месяца в холщовой палатке, страдая от голода и холода и пытаясь выжить. С декабря по март

кузены жили в картонной коробке, заполненной разорванными армейскими одеялами. За эти четыре месяца две личности превратились в одну. Они были неразлучны почти шестьдесят лет, если не считать того времени, когда Аарон сидел в федеральной тюрьме.

— Жаль, что от Билли ничего нет, — сказал Сэм Ворон.

— Мы знаем, что он там, — тихо ответил Аарон Ворон.

— Но что он делает? Прошло уже три дня, а от него никаких вестей.

— Ты боишься, что он снова запил. Не стоит, потому что этого не произошло.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Сэм кивнул. Когда его кузен говорил, что он знает, можно было не сомневаться, что так оно и есть.

— Я волнуюсь насчет того, что будет, когда он соберется нанести удар. Нью-йоркские полицейские в таких вещах большие мастера.

— Доверься Билли, — сказал Аарон.

Он был худощавым, но не хрупким, а жилистым и жестким, точно вяленая говядина. Суровые черты лица подчеркивали нос с горбинкой и глаза, подобные черным камешкам.

— Он отлично соображает и все сделает правильно.

— Надеюсь. Если его сразу поймут, телевизионщики тут же поднимут шум. Слишком рано.

У Сэма было широкоскулое лицо с морщинками вокруг большого мягкого подбородка, оттого что он часто улыбался, волосы цвета соли с перцем и глубоко посаженные задумчивые глаза. Круглый животик нависал над широким ремнем с черепаховой пряжкой.

— Этого не произойдет, если он не станет останавливаться. Он должен быть завтра в Оклахоме, если его машина не развалится, — сказал Аарон. — Когда две... атаки... произойдут одновременно, телевидение обезумеет. А письма уже готовы.

Сэм подошел к кромке воды, некоторое время смотрел на нее, затем повернулся и заговорил, словно обращаясь к песчаному пляжу.

— Я продолжаю считать, что первые две акции были ошибкой. Мы потеряли Тони во время второй. Эти убийства не произведут нужного впечатления...

— Нам требовалось начать с чего-нибудь не слишком рискованного...

— Для Блурберда получилось очень даже рискованно.

— Мы знали, что у него могут возникнуть проблемы, но хотим показать, что мы начали войну, а не совершили пару обычных убийств. Средства массовой информации должны говорить именно о войне. Нам необходимо раздавить мерзавца. И устроить грандиозное представление, если...

— Тысяча чертей, — фыркнул Сэм, — если нам не удастся с ним покончить, все будет зря.

— Не будет. Те, с кем мы уже разобрались, были настоящими подонками. Но его очередь тоже придет, — уверенно заявил Аарон. — Мы знаем, что он сюда приезжает. Нам известно зачем. И куда конкретно. Мы сумеем до него добраться.

— Нет, — возразил Сэм. — Мы знаем только то, что он сюда приезжал. Но возможно, больше он этого не делает. За ним очень внимательно наблюдают средства массовой информации. Он хочет стать президентом... И он невероятно осмотрителен...

— Но как только он здесь объявится, он не будет соблюдать осторожность. Учитывая его пристрастия.

— Возможно, ты прав, — сказал Сэм и засунул руки в карманы. — Однако я продолжаю считать, что в первых двух убийствах не было необходимости.

— Ты ошибаешься, — спокойно ответил Аарон.

Сэм снова посмотрел на воду.

— Просто я не хочу никого терять.

Он наклонился, поднял камешек и попытался бросить его, чтобы получились «блинчики». Но вместо этого камень разрезал поверхность, точно нож, и тут же исчез.

— Вот черт, — выругался он.

— Тебе никогда это не удавалось, — заметил Аарон. — Нужно лучше замахиваться.

— Интересно, сколько раз ты мне это говорил, — сказал Сэм и занялся поисками нового камешка.

— Примерно миллион.

Сэм швырнул камень в воду. Он ударился о поверхность и утонул. Сэм тряхнул головой, снова засунул руки в карманы джинсов, молча постоял несколько мгновений, а затем повернулся к кузену.

— Ты говорил с Тенью Любви? — спросил он.

— Нет.

— Ты по-прежнему намерен отправить его на Беар-Бат?

— Да. Я не хочу, чтобы он здесь засветился, — ответил Аарон.

— Тень Любви — это оружие, — проговорил Сэм Ворон.

— Он — наше дитя.

— «Каждый человек приходит на землю с определенной целью». Я цитирую знаменитого Аарона Ворона. Тень Любви — это оружие.

— Я не стану его использовать, — сказал Аарон и, подойдя к кромке воды, встал рядом с кузеном.

— Тебе не должно мешать то, что он наш ребенок, — настаивал Сэм.

— Дело не в этом. Просто Тень пугает меня. И в этом главная проблема. — Аарон сбросил потрепанные туфли и, сделав маленький шаг, вошел в воду. Она была холодной и успокаивающей. — Я боюсь того, что мы сотворили с мальчиком, когда оставили его Розы. У нас были важные дела, но... ты же знаешь, она была не совсем в себе. Славная женщина, но в голове у нее поселились неправильные мысли. Ты говоришь, что мы создали оружие. Я считаю, что мы воспитали безумца.

— Помнишь Безумную Лошадь?

— Это не то же самое. Безумная Лошадь любил жизнь воина. Тень не воин. Он убийца. Ты его видел: ему нравится причинять боль, и он стремится обладать властью и силой, чтобы это делать.

Оба на некоторое время замолчали, слушая, как вода с журчанием набегает на песчаный берег. Затем Аарон проговорил уже немного веселее:

— Как ты думаешь, когда нас возьмут?

Сэм откинул назад голову и рассмеялся.

— Через три недели. Может, через месяц.

— И мы умрем, — заявил Аарон, и его слова прозвучали как шутка.

— Или нет. Мы можем сбежать в Канаду. В Долину Сиу. И спрятаться там.

— Мм.

— Что? Думаешь, у нас нет ни полшанса? И мы с тобой всего лишь пара мертвых

придурков? — спросил Сэм.

— Люди, которые делают подобные вещи... им обычно не удается выйти сухими из воды. Так устроен мир. — Аарон пожал плечами. — И всегда существует вопрос: «А стоит ли пытаться?»

Сэм провел рукой по волосам.

— Господи, — пробормотал он.

— Вот именно, — поддержал его Аарон и резко рассмеялся. — Если мы погибнем... это привлечет к нам внимание. Все знают Сидящего Быка, потому что он умер. Все помнят Безумную Лошадь по той же причине. А кто слышал про Инкпадута? Он, наверное, был величайшим из них всех, но он сбежал в Канаду, состарился и закончил там свои дни. Мы собираемся начать войну, чтобы разбудить наш народ. Если мы потихоньку исчезнем, не думаю, что это будет правильно.

Сэм покачал головой, но ничего не сказал. Он нашел еще один плоский камешек и швырнул в воду, но он тут же утонул.

— Задница! — крикнул он камню.

Аарон обернулся на своего кузена, вздохнул и сказал:

— Я еду в город с тобой. Сегодня я слышу слишком много голосов. Это невыносимо.

— Тебе не следует приходить сюда так часто. Даже я их чувствую, они стонут под песком.

Он обвел рукой песчаную полоску берега, воду и холм. Когда-то на острове был лагерь смерти, в котором погибли сотни индейцев сиу, по большей части женщины и дети.

— Пошли, — сказал Аарон. — Загрузим машину и будем отсюда выбираться.

Билли Худ лежал на кровати в мотеле в Джерси и смотрел в потолок. Он провел предварительную разведку на другом берегу реки на Манхэттене и пришел к выводу, что справится. Он сможет убить свою жертву. Каменный нож висел у него на шее, касаясь груди.

Перерезать человеку горло... Внутри у Билли все сжалось. В прошлом году, во время охоты в округе Милль-Лакс в Миннесоте, он убил оленя. Он заметил его в березовой роще. Словно темный призрак мчался на фоне белых деревьев и снега. Это была самка, но довольно большая. Выстрел из ружья свалил ее, и она больше не встала. Впрочем, она не умерла. Она лежала на боку на тонком слое снега, ноги едва заметно дергались, словно она продолжала бежать. Один глаз будто подмигивал ему и его шурина Роджеру.

— Нужно добить ее, брат, — сказал Роджер.

Он улыбался. Испытывал восторг? Ощущал свое могущество?

— Избавь ее от страданий.

Худ достал из футляра охотничий нож, который был острым точно бритва. Затем схватил олениху за ухо, приподнял голову и перерезал ей горло одним быстрым, сильным движением. На снег брызнула кровь, олениха несколько раз дернулась, продолжая ему подмигивать. Затем глаз затянула пленка смерти, и она перестала шевелиться.

— Знаешь, только так можно увидеть настоящую красную кровь, — сказал Роджер. — На белом снегу. В лесу летом и осенью кровь всегда выглядит темной. А здесь, на снегу, она действительно красная.

Кровь жертвы будет казаться черной на бежевом ковре офиса. Именно до него удалось Худу добраться во время разведки. Все знали, что Андретти допоздна засиживается на работе. Другие кабинеты, расположенные в том же коридоре, закрывали, но его «команда»

продолжала работать. Андретти называл их командой. На доске объявлений у двери висела фотография, на которой был изображен Андретти и его служащие в баскетбольной форме, собравшиеся вокруг праздничного пирога. У босса, разумеется, был номер один.

— Матушка, — сказал Билли и закрыл глаза, чтобы уснуть или, может быть, помолиться.

На душе лежал камень. Кровь Андретти будет выглядеть черной на ковре. Он сделает это завтра, после закрытия.

Ночь была темной и наполненной видениями, даже в душевой комнате мотеля. Худ проснулся в час, потом в три, четыре и пять. В шесть он встал; он совсем не отдохнул, но спать не мог. Он побрился, привел себя в порядок, надел свой лучший костюм, чувствуя тяжесть каменного ножа, висевшего на шее, и маленького пистолета в кармане.

Он дошел пешком до железнодорожной станции, переехал на другой берег реки и прогулялся до Центрального парка. Заглянул в зоопарк и музей Метрополитен. Не обращая особого внимания на Ван Гога и Дега, остановился около Ренуара и Моне. Худу нравились яркие краски, которыми изображали мир импрессионисты. Его родные места по берегам Миссури в Южной Дакоте большую часть года оставались темно-коричневыми. Но иногда весной, там, где небольшие ручьи спешили влиться в реку, можно было наткнуться на крохотные участки земли, заросшие дикими цветами. Билли смотрел на Моне и ощущал аромат жарких прерий, мечтая о черноглазой Сьюзен...

Ему казалось, что время тянется бесконечно. Когда пришла пора действовать, он отправился в центр на метро, заставив себя постепенно избавиться от всех эмоций. Он вспомнил время, проведенное на Беар-Бат, и суровую красоту тех мест. Далекие крики Блэк-Хиллз, истерзанных бледнолицыми, которые отмечают каждую тайну природы потускневшими хромированными табличками.

К тому времени, когда Худ добрался до здания городского совета, он чувствовал, что внутри у него все окаменело — как никогда прежде. Около пяти он поднялся по лестнице на пятый этаж.

Отдел социального обеспечения, который возглавлял Андретти, занимал двенадцать этажей здания, но его личный офис состоял из четырех комнат. Худ выяснил, что в них, как правило, работали от шести до восьми человек: директор и его секретарша; регистратор; три помощника, один мужчина и две женщины; кроме того, пара клерков, то приходивших, то уходивших. Клерки и регистратор заканчивали ровно в пять. Так что ему придется иметь дело не больше чем с пятью.

На пятом этаже Билли проверил коридор, затем быстро прошел в туалет, выбрал одну из кабинок и распахнул рубашку. Обсидиановый кинжал висел у него на шее на шнурке, сделанном из кожи оленихи, которую он убил в прошлом году. Он снял его и спрятал оружие в левый карман куртки. Пистолет лежал в правом.

Худ посмотрел на часы. Три минуты шестого. Он решил подождать еще немного и, сидя на унитазе, наблюдал, как двигается секундная стрелка. Часы были новыми и стоили двенадцать долларов. «Таймекс». Ему купила их жена, когда они рассчитывали, что он получит место в государственной компании дорожных работ. Но из этого ничего не вышло, и он остался без работы, зато с часами.

Когда «Таймекс» показал 5.07, Билли встал, чувствуя, что его душа стала безжалостной, точно кинжал. В коридоре было пусто, и он быстро зашагал к офису Андретти, бросив короткий взгляд направо, когда проходил главный холл. Около лифта стояла женщина,

которая посмотрела на него и тут же отвернулась. Худ, не останавливаясь, добрался до офиса, на мгновение замер, взявшись за ручку двери, затем распахнул ее. Регистратор ушла, но он слышал смех по другую сторону ширмы за ее столом.

Билли положил руку в карман и нащупал там пистолет, а затем обошел перегородку. Два помощника, мужчина и женщина, стояли, прислонившись к столам, и разговаривали. В открытую дверь он увидел Андретти, который сидел без пиджака под зеленой лампой с высоким абажуром. В кабинете находился по крайней мере еще один человек.

Когда Билли Худ появился из-за ширмы, женщина заметила его не сразу, а мужчина увидел и слегка нахмурился. Тогда женщина повернула голову и сказала:

— Извините, мы уже закрылись.

Худ вынул из кармана руку с пистолетом и сказал:

— Не говорите ни слова и не шумите. Просто идите в кабинет мистера Андретти.

— О нет, — выдохнула женщина, а мужчина сжал кулаки и отодвинулся от стола.

Худ направил пистолет ему в голову и сказал:

— Я не хочу вас убивать, но я это сделаю. А теперь вперед. — Он стоял так, что Андретти не мог его видеть. — Скорее! — велел он.

Они неохотно направились в сторону кабинета.

— Если вы шевельнетесь, хотя бы прикоснетесь к двери, я вас пристрелю, — тихо пообещал Билли, когда они подошли к кабинету.

Мужчина вошел первым, следом за ним женщина.

— Отойдите в сторону, — приказал им Худ.

— Босс, у нас проблема, — сказал мужчина.

— Вот черт! — выругался Андретти, когда поднял голову.

В кресле, стоящем у стола, удобно устроилась женщина, на лице которой застыла улыбка, но она растаяла, когда она увидела Худа. Билли пришло в голову именно слово «растаяла», потому что улыбка очень медленно покинула лицо незнакомки. Словно она опасалась его побеспокоить. Или ей очень хотелось считать, что все это шутка.

— Где секретарша? — спросил индеец.

— Она сегодня ушла домой раньше, — ответил Андретти. — Послушайте, друг мой...

— Помолчите. Нам нужно кое-что уладить, но сначала я должен заняться этими людьми. Я не хочу, чтобы они мне мешали, когда мы будем разговаривать.

— Если у вас какая-то проблема...

— У меня действительно есть проблема, — перебил его Худ. — Как не выстрелить в одного из этих людей, если они не станут делать то, что я им скажу. Так, вы должны лечь лицом вниз на ковер вон у той стены.

— А откуда нам знать, что вы нас не убьете?

— Потому что я обещал этого не делать. Но даю вам слово, я вас пристрелю, если вы не ляжете на пол.

— Делайте, как он говорит, — приказал им Андретти.

Трое попятились к стене, а потом сели около нее.

— Ложитесь, лицом вниз, — сказал Худ.

Они распластались на полу, но одна из женщин повернула голову, чтобы на него взглянуть.

— Смотрите на ковер, леди.

Когда они дружно устались на ковер, Билли медленно обошел стол. Андретти был

крупным молодым человеком лет тридцати. Не больше тридцати пяти.

— А теперь я объясню вам, что сейчас произойдет, мистер Андретти, — сказал Худ на ходу. Он, Блуберд и их товарищи все обдумали и пришли к выводу, что лучше всего лгать. — Я надену на вас наручники, а потом позвоню в администрацию от имени моего народа. Браслеты нужны для того, чтобы вы мне не мешали, пока я буду разговаривать по телефону. Если все будут делать то, что я приказываю, никто не пострадает. Ясно?

— Я понимаю то, что вы говорите, но мне непонятно, чего вы хотите.

— Об этом чуть позже, — пытаясь его успокоить, ответил индеец.

Он уже стоял за спиной жертвы. Потянувшись вперед, он прикоснулся к его виску дулом пистолета.

— Заведите руки за спину и сцепите их.

Когда мужчина выполнил его указание, Худ проговорил:

— А теперь смотрите прямо перед собой. Нет, выпрямите спину и наклоните голову назад. Я хочу вам кое-что показать, прежде чем я это сделаю.

— Что? — спросил Андретти, откинув голову.

— Вот это, — ответил Билли.

Он поменял пистолет на кинжал, схватил мужчину за волосы левой рукой и перерезал ему горло, вонзив каменный нож намного глубже и сильнее, чем когда он добивал олениху.

— Ах-х-х, — пробормотал он, когда из шеи жертвы брызнула кровь.

Андретти принялся колотить руками по столу, он закашлялся и начал задыхаться, глядя на своего убийцу. Одна из сотрудниц приподнялась, увидела Андретти и закричала. Худ выстрелил в белое пятно ее лица, и она упала. Билли не знал, попал ли он, но мужчина откатился в сторону, а другая женщина поползла по ковру.

— Стоять! — крикнул Худ и выстрелил человеку в спину.

Он выгнулся, а индеец уже выскочил из офиса и, промчавшись по коридору, побежал вниз по лестнице, слушая, как затихают за спиной крики.

Он убрал пистолет и кинжал в карманы. Четвертый этаж. Худ посмотрел на свои руки. Чистые. Брюки. Чистые. Кровь на рубашке и пятно на куртке. Он запахнул одежду. Второй этаж. Первый. Вестибюль. Охранник за столом поднял голову. Он прошел мимо него и оказался на улице. Через квартал Билли спустился в метро. Подождал, прислушался, пытаясь уловить топот бегущих ног, крики, полицейские сирены. Ничего, только сырой воздух подземки и грохот приближающегося поезда.

Ему потребовался час, чтобы добраться до Джерси. Через полчаса после этого он сидел в своей машине и ехал на запад, в сторону заката.

В Оклахома-Сити Лео Кларк стоял перед зданием федерального суда и смотрел наверх. Он производил разведку, чувствуя на шее тяжесть каменного кинжала.

Обнаженная Дженнифер вышла из ванной. Высокая, стройная женщина, с маленькой грудью и светлыми волосами, темными бровями и голубыми глазами, которые иногда, если она сердилась, становились цвета речного льда. Лукас поймал ее, когда она проходила мимо кровати, и, потянув на себя, положил животом себе на лицо.

— Было классно, — сказал он. — Нужно заниматься этим чаще.

— Я здесь, — ответила она.

Лукас потерся носом о ее живот, но она оттолкнула его голову.

— Ты мне все мышцы испортишь.

— Какие? Их тут нет.

— Очень даже есть. — Дженнифер включила свет, закрыла дверь и закружилась, рассматривая себя в огромное зеркало, висевшее у дальней стены. — У меня животик растянулся и сзади отвисло. С этим я справлюсь, а вот с животом труднее.

— Вы, барышни-яппи, обладаете диковинными представлениями о реальности, — лениво проговорил Дэвенпорт, откинувшись на спину и наблюдая за ней. — Ты выглядишь безупречно.

Она проскочила мимо, увернувшись от его руки, и взяла с комода хлопчатобумажную ночную сорочку.

— Не могу решить, ты опять врешь или у тебя один секс на уме, — сказала она, натягивая рубашку через голову.

Лукас пожал плечами и снова откинулся на огромную подушку.

— Но как бы там ни было, это срабатывает. И с постельными делами у меня все в порядке.

— Мне бы следовало вышвырнуть тебя, Дэвенпорт, — заявила Дженнифер. — Я... Малышка плачет?

Он прислушался и уловил тихий плач ребенка, доносившийся из соседней комнаты.

— Ага.

— Пора есть, — сказала женщина.

Они не были женаты, но у Лукаса и Дженнифер имелась крошечная дочь. Дэвенпорт настаивал на свадьбе. Дженнифер говорила: «Может быть, когда-нибудь. Но не сейчас». Она жила с ребенком в загородном доме к югу от Миннеаполиса, примерно в пятнадцати минутах от дома Лукаса в Сент-Поле.

Дэвенпорт сполз с кровати и пошел за подругой в детскую. Как только дверь открылась, Сара перестала плакать и начала мурлыкать.

— Она мокрая, — сказала Дженнифер, взяла малышку и передала мужчине: — Переодень ее, а я пойду подогрею кашку.

Лукас отнес дочь на пеленальный столик, расстегнул липучки на памперсе и бросил его в мусорный контейнер. Он насвистывал, занимаясь этим, и малышка завороченно на него смотрела, даже пару раз поджала губки, как будто сама собиралась засвистеть. Дэвенпорт вытер ей попку влажными салфетками, отправил их вслед за подгузником, присыпал кожу и надел чистый памперс. К тому времени, как он закончил, Сара пускала пузыри от восторга.

— Боже праведный, тебя определенно нельзя оставлять рядом с любым существом женского пола, — сказала Дженнифер, которая в этот момент вошла в комнату.

Лукас рассмеялся, поднял Сару и принялся подбрасывать ее на ладони. Она засмеялась и с неожиданной силой схватила его за нос.

— Ой-ой, отпусти папин нос...

Дженнифер заметила, что он похож на Элмера Фадда,^[4] когда пытается говорить детским голоском. Сара ткнула его в глаз другой рукой.

— Господи, меня избивают, — сказал Лукас. — Ты что вытворяешь, детка, зачем ты бьешь своего старика?

В этот момент зазвонил телефон, и Дэвенпорт посмотрел на запястье, но он снял часы. Впрочем, было уже поздно, больше двенадцати ночи. Дженнифер вышла в коридор и взяла трубку. Через секунду она вернулась.

— Тебя.

— Никто не знал, что я поехал сюда, — удивленно проговорил мужчина.

— Это дежурный, забыла, как его зовут... Мини. Даниэль сказал ему, чтобы он попробовал позвонить сюда.

— Интересно, что случилось?

Лукас подошел к телефону, взял трубку и сказал:

— Дэвенпорт.

— Гарри Мини, — услышал он мужской голос. — Шеф приказал найти тебя, чтобы ты явился к нему. В его кабинете, через полчаса.

— А что случилось?

— Понятия не имею. Лестер и Андерсон уже здесь, Слоун едет.

— А у вас ничего особенного не произошло? — спросил Лукас.

— Ничего, — ответил Мини. — На Юниверсити ограбили «Севен-илевен», но это обычное дело. Никто не пострадал.

— Хм, — Дэвенпорт задумчиво почесал подбородок. — Ладно, сейчас приеду.

Он повесил трубку и стоял, не убирая от нее руки и рассеянно глядя на картинку на стене — раскрашенный от руки английский коттедж.

— Что? — спросила Дженнифер.

— Не знаю. Совещание. Шеф, Лестер, Андерсон, Слоун и я.

— М-да, — Дженнифер стояла, уперев руки в бока. — Ты над чем сейчас работаешь?

— Ни над чем особенным, — ответил Лукас. — До нас продолжают доходить слухи, что отсюда продают оружие, но ничего определенного. Активная торговля крэком. Вроде бы и все.

Дженнифер кивнула. Она десять лет была телевизионным репортером в отделе новостей. После рождения Сары работала на полставки и стала продюсером. Но годы, проведенные на улицах города, не прошли даром: она по-прежнему обладала хваткой и любила новости.

— Знаешь, на что это похоже? — спросила она, и на ее лице появилось задумчивое выражение. — На компанию, которую Даниэль закрыл в прошлом году. Банду Бешеного Пса.

— Но у нас ничего не происходит, — проговорил Дэвенпорт, снова покачал головой и отправился в туалет.

— Ты мне расскажешь? — крикнула она ему вслед.

— Если смогу.

Лукас подозревал, что первые отцы города построили здание городского совета

Миннеаполиса в качестве изысканной насмешки над своими потомками. В этой куче гранита было жарко летом и холодно зимой. Весной и осенью, в подвале, где находился его офис, стены покрывались сырым налетом, похожим на сок деревьев. Другой детектив, не слишком рьяный католик, как и Лукас, сказал, что им стоит подождать, когда стены особенно обильно покроются влагой, потом аккуратно разбить одну из них, наподобие Иисуса, и заявить о священном чуде.

— Мы могли бы срубить неплохую капусту, — с энтузиазмом сказал он.

— Я не слишком часто хожу в церковь, — сухо ответил ему Дэвенпорт. — Но все равно не хочу, чтобы меня отлучили.

— Чушь собачья.

Лукас обошел здание, оставив «порше» на стоянке, отведенной для полиции. В угловом офисе шефа горел свет. Когда он обошел капот своей машины и ступил на тротуар, сзади остановился микроавтобус «шевроле» и громко просигналил. А через минуту из него выбрался Гаррисон Слоун.

— Что происходит? — спросил Дэвенпорт.

Слоун пожал плечами. Он был худым, с мягкими карими глазами доброго щенка и маленькими усиками, делавшими его похожим на пилота истребителя английских ВВС в кино про Вторую мировую. На нем был спортивный костюм и теннисные туфли.

— Понятия не имею. Я спал. Мне позвонил Мини и сказал, чтобы я явился сюда.

— Со мной было то же самое, — проговорил лейтенант. — Великая тайна.

Когда они входили в дверь, Слоун спросил:

— Как рука?

Лукас посмотрел на тыльную сторону руки и пошевелил пальцами. Бешеный Пес сломал ему несколько костей в области кисти. Когда он сильно сжимал руку, она еще болела. Доктора сказали, что, возможно, она будет тревожить его до конца жизни.

— Неплохо. Она уже нормально действует. Я тренируюсь с резиновым мячом.

— Если бы такое случилось с тобой десять лет назад, ты стал бы инвалидом, — заметил Слоун.

— Десять лет назад я, скорее всего, успел бы пристрелить мерзавца, прежде чем он бы до меня добрался, — ответил ему Дэвенпорт.

В здании было безлюдно, пахло мастикой и дезинфицирующими средствами. Их подошвы тихо шуршали, когда они шли по тускло освещенным коридорам, голоса отражались от мраморного пола, когда они рассуждали о звонке Даниэля. Гаррисон считал, что срочное совещание вызвано политическими проблемами.

— Вот почему нас всех сорвали посреди ночи. Хотят решить все до того, как пронюхают газетчики, — сказал он.

— В таком случае зачем нужны Лестер и Андерсон? Какое к этому имеют отношение отделы ограблений и убийств?

— Даже не знаю.

Слоун задумчиво разгладил усы.

— Тут что-то другое, — сказал Дэвенпорт. — Кто-то умер.

Дверь в офис шефа была открыта, Лукас и Слоун вошли и обнаружили в темной приемной Квентина Даниэля, который что-то искал в столе своей секретарши. Начальник был широкоплечим мужчиной с открытым, приветливым лицом мясника из соседней лавки. Только глаза, маленькие, пронзительные, внимательные, выдавали острый ум за простоватой

внешностью.

— Скрепки воруешь? — спросил Слоун.

— Проклятых спичек никогда не найти, особенно когда они нужны. А курить все бросили, — проворчал Даниэль. Он рано ложился спать и рано вставал, но сейчас выглядел взволнованным, почти счастливым. — Заходите.

Фрэнк Лестер, заместитель начальника следственного отдела, и тощий, как доска, Хармон Андерсон, компьютерный гений и помощник Лестера, сидели на стульях напротив стола шефа. Дэвенпорт и Слоун устроились на тех, что остались, а Даниэль уселся за свой стол.

— Я весь вечер провел с телефонной трубкой в руках. Фрэнк и Хармон слышали большую часть моих разговоров, — сообщил Даниэль прибывшим. — В Нью-Йорке совершено убийство главы отдела социального обеспечения. Сразу после пяти часов дня, по их времени. Довольно известная личность, Джон Андретти, итальянец. Кто-нибудь из вас о нем слышал?

Лукас и его коллега покачали головами.

— Нет, а должны были? — спросил Слоун.

— Про него много писали в «Таймс», — пожав плечами, ответил Даниэль. — Бизнесмен, который занялся политикой. У него были весьма необычные представления о социальном обеспечении... В любом случае он из богатой семьи. Строительство, банки и тому подобное. Учился в Чоуте, потом в Гарварде. В Йельском университете изучал юриспруденцию. Роскошные зубы, роскошная жена с роскошным бюстом и четверо роскошных деток. В семье никто не принимает наркотиков, не употребляет алкоголь, не спит с чужими женами или мужьями, и все ходят в церковь по воскресеньям. Его отец устроил так, что он собирался баллотироваться в конгресс этой осенью, а через четыре года, возможно, в сенат. Нью-йоркские газетчики уже начали называть его итальянским Джоном Кеннеди...

— И что произошло? — спросил Дэвенпорт.

— Его прикончили. В собственном офисе. При трех свидетелях. Убийца вошел внутрь, в руках у него был пистолет. Заставил всех отойти к стене, а сам встал за спиной жертвы. И еще прежде, чем кто-то успел ахнуть, этот парень — кстати, он индеец — схватил Андретти, заставил откинуть назад голову и перерезал ему горло странного вида каменным кинжалом.

— Дело дрянь, — сказал Лукас.

Слоун сидел на своем стуле, открыв рот. Андерсон с любопытством на них поглядывал, а у Лестера на лице застыло беспокойное выражение.

— Очень точно подмечено, — проговорил Даниэль, наклонился вперед, взял сигару из новенькой коробки, поднес к носу, понюхал и положил назад. — Вот именно дрянь. Индеец выстрелил в одного из помощников Андретти, но он выкарабкается.

— Семья убитого пришла в ярость и начала вспоминать старые контакты, — продолжил Андерсон. — Губернатор, мэр, задействованы все. — Андерсон был в клетчатых брюках, полосатой рубашке и желто-коричневых ботинках. — Полиция Нью-Йорка носится по городу, точно куры, которым отрубили головы.

— Андретти обладал в Нью-Йорке огромными связями, — кивнув, подтвердил Даниэль. — У него двадцать братьев, сестер и кузенов с кузинами, а еще родители. Море денег и вдвое больше политического влияния. Они жаждут крови.

— По их мнению, тот, кто убил Андретти, был связан с Блудердом?

— А ты взгляни на убийства, — ответил Квентин и развел руки в стороны. — Это же очевидно. Есть кое-что еще. В офисе Андретти имеется видеочамера, которая ведет запись круглосуточно. Свидетели опознали убийцу. Снимок получился отвратительный, он появился на пленке всего секунд на десять, когда шел через вестибюль, но час назад они передали его на телевидение. А через несколько минут после того, как его показали, владелец мотеля из Нью-Джерси сказал, что ему кажется, этот парень останавливался у него. Местные копы проверили информацию и считают, что он не ошибся. У них нет номера машины — в этом мотеле номера никого не интересуют, — но хозяин помнит, что они из Миннесоты. И еще: когда убийца выезжал, он сказал, что возвращается домой. Кроме того, владелец абсолютно уверен, что это индеец. И еще одна деталь.

— Какая? — спросил Слоун.

— Полицейские Нью-Йорка умолчали про каменный нож, — ответил шеф. — Они сообщили в средства массовой информации, что Андретти зарезали, но про кинжал ничего не рассказали. А владелец мотеля спросил ребят из Джерси: «Он его зарезал большим каменным ножом?» Копы удивились: «Что?» Хозяин вспомнил, что убийца носил его на кожаном шнурке. Он видел его около автомата по продаже кока-колы и заметил, что кинжал висел у него на шее.

— Значит, сведения точные, — заметил Слоун.

— Да. И похоже, он направляется сюда.

Даниэль откинулся на спинку стула, положил руки на живот и переплел пальцы.

Лукас пощипывал губу, раздумывая над тем, что услышал. После короткого молчания он посмотрел на шефа.

— У того парня есть косы?

— У убийцы? Никто ничего не говорил про косы... — Он пару мгновений что-то искал на своем столе, нашел компьютерную распечатку, прочитал ее и сказал: — Нет. Волосы прикрывают уши и верхнюю часть воротника рубашки. Довольно длинные, но для кос недостаточно.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что тип, который пришел Куэрво, носил косы.

Все дружно переглянулись, и Даниэль предположил:

— Он мог их состричь.

— Я то же самое говорил про Блурберда, когда мы его застрелили, — сказал Лукас.

— О господи, — выдохнул Лестер и принялся тереть шею сзади.

Он отвечал в их отделе за работу со средствами массовой информации.

— Получается, их трое. Будь их двое, репортеры устроили бы нам настоящий сумасшедший дом, но трое... Мне уже поджаривали пятки, я больше не хочу этого.

— Плохо дело, Фрэнк, — ухмыльнувшись, сказал Слоун. — Похоже, убитый был большой шишкой. Как только телевизионщики и газеты объявят происходящее заговором, они тебя в клочья разорвут. Особенно когда услышат про каменные ножи. Все придут от них в полный восторг.

— Местные газеты уже про них пронюхали. Через пять минут после того, как в новостях сообщили, что убийца — индеец, нам сразу же позвонили и стали расспрашивать про Блурберда. «Стар трибьюн», «Пионер пресс», все станции. Ассошиэйтед Пресс передавало сообщение по радио, — доложил Андерсон.

— Слетелись точно мухи на мед, — заметил Слоун.

— Итак, мы создаем команду, как в деле Бешеного Пса. Я объявлю об этом на пресс-конференции завтра утром, — сказал Даниэль. — Фрэнк будет отвечать за внешнее расследование и каждый день общаться с прессой. Хармон снова займется базами данных. Все так же, как раньше. Ты должен собрать даже незначительные мелочи. Сделай копии для всех.

— Я начну сегодня. Попрошу кого-нибудь размножить отчет об операции по захвату Блubberда. И как его застрелили.

— Хорошо. И сделай мне для пресс-конференции. — Даниэль повернулся к Слоуну. — Ты должен заняться связями Блubberда. Всеми. Он — наша единственная зацепка в этом деле. Если нам удастся узнать имя убийцы из Нью-Йорка, проверь всех его знакомых. Ты будешь действовать относительно самостоятельно, но о каждом своем движении докладывай Андерсону ежедневно. Нас интересуют мельчайшие детали, которые тебе удастся накопать.

— Понял, — кивнув, ответил детектив.

— Лукас, ты сам по себе, как и в расследовании дела Бешеного Пса, — продолжал Даниэль. — У нас почти нет контактов с сообществом индейцев. А ты у нас единственный, у кого они есть.

— Не слишком много, — возразил лейтенант.

— Но это все, что у нас имеется, — сказал шеф.

— Может быть, задействуем Ларри Харта? Мы использовали его раньше...

— Хорошо. — Даниэль расплел пальцы и указал на Лестера. — Позвони завтра в отдел социального обеспечения и выясни, не можем ли мы на время забрать у них Харта в помощь. Скажи, что мы повысим ему зарплату.

— А кто он такой? — спросил Слоун. — Чиппева?

— Сиу, — ответил Дэвенпорт.

— Странный он, вот что, — заметил Андерсон. — Он вытащил какие-то генеалогические данные из компьютера городской администрации. Системщики с ума бы посходили, если бы узнали про это.

— Он нормальный парень, — пожав плечами, сказал Лукас.

— Значит, давайте постараемся его привлечь, — проговорил Даниэль, встал и медленно, держа в карманах руки, отошел от своего стола. — Что еще?

Похороны Блubberда будут записывать на пленку. Следователи попытаются идентифицировать всех, кто туда придет, а затем изучат их под микроскопом. Слоун составит список друзей и родственников, которые могли знать о деятельности убийцы. Их допросят лучшие детективы отдела сбора информации и борьбы с наркотиками. Андерсон свяжется с копами из Джерси и постарается получить у них описание внешности и машины убийцы, а затем сверит эти данные с делами индейцев из Миннесоты, Висконсина, Небраски, Северной и Южной Дакоты.

— Завтра с самого раннего утра у нас тут начнется настоящий цирк, — добавил Даниэль. — И вот что я вам скажу: когда сюда прилетит парень из Нью-Йорка, я хочу, чтобы у него сложилось впечатление, что мы держим руку на пульсе. Мы должны выглядеть как высший класс, а не как кучка провинциальных идиотов.

Андерсон откашлялся.

— Не думаю, что это будет парень, шеф. Мне кажется, к нам отправили женщину, — сказал он.

Слоун и Лукас переглянулись.

— Ты что несешь? — возмутился детектив.

— Мы же вам говорили. Нет? Проклятая семейка Андретти взяла нью-йоркских копов за горло. Они решили прислать сюда человека, который будет наблюдать за нашим расследованием, — сказал Даниэль и повернулся к Андерсону. — Ты говоришь, это женщина?

— Да. Я так понял. Если только у них нет копа по имени Лилиан. Она лейтенант.

— Фу, — проворчал Даниэль и принялся потирать подбородок так, словно поглаживал бородку. — Ладно, как бы там ни было, могу гарантировать, что с ней будет непросто.

— И к кому мы ее направим? — спросил Лукас.

— Пусть работает со Слоуном, — ответил Даниэль. — Так она проведет некоторое время на улице. И будет чувствовать, что занимается чем-то полезным.

Он окинул взглядом комнату.

— Еще что-нибудь? Нет? Тогда за дело.

В мужской парикмахерской было одно кресло, модель начала века с потрескавшимся сиденьем из черной кожи. Зеркало висело на стене перед ним. Под зеркалом на полке стояли в ряд бутылки с ядовито-желтыми лосьонами и ярко-красной туалетной водой. Солнечные лучи резвились на них, словно на трубах органа.

Когда вошел Лукас, Уильям Дули возил плоской шваброй по полу, собирая обрезки черных волос в кучку на слоющемся коричневом линолеуме.

— Офицер Дэвенпорт, — мрачно проворчал Дули.

Он был старым и очень худым, а его виски казались прозрачными, словно яичная скорлупа.

— Мистер Дули, — так же мрачно кивнув, поздоровался Лукас и сел в кресло.

Парикмахер встал у него за спиной, надел на шею скользкий нейлоновый фартук и отошел на шаг назад.

— Поправить около ушей? — спросил он, поскольку Дэвенпорту не требовалась стрижка.

— Вокруг ушей и сзади на шее, мистер Дули, — ответил Лукас.

Лучи октябрьского солнца расцветивали яркими пятнами линолеум у него под ногами. Оса билась в пыльное окно.

— Неважные дела получились с Блubberдом, — через некоторое время сказал полицейский.

Ножницы Дули громко щелкали в тишине, потом замерли около уха клиента и снова возобновили свою песню.

— Неважные, — не стал спорить он.

Он еще некоторое время работал, а потом Лукас его спросил:

— Вы его знали?

— Нет, — мгновенно ответил парикмахер.

Еще несколько громких щелчков, и он добавил:

— Но я был знаком с его отцом. Во время войны. Мы вместе служили. Не в одной части, но виделись иногда.

— У Блubberда есть родственники, кроме жены и детей?

— Хм. — Дули перестал работать и задумался. Он был полукровкой сиу, отец индеец, а мать шведка. — В Роузбаде у него, кажется, есть пара дядей и теток. Если кто-то из них еще жив, они должны жить там. Его мать умерла в начале пятидесятых, а отец — четыре или пять лет назад, так мне кажется.

Дули уставился невидящим взглядом в залитое солнцем окно.

— Боже праведный, нет, — через минуту проговорил он дрогнувшим голосом. — Его старик умер летом семьдесят восьмого, между теми двумя жуткими зимами. Двенадцать лет назад. Как же быстро бежит время.

— Это точно, — согласился с ним Лукас.

— Хотите знать, что значит быть индейцем, офицер Дэвенпорт? — спросил парикмахер, остановившись.

— Любые сведения могут оказаться полезными.

— Когда умер Блubberд-старший, я поехал на его похороны в резервацию. Знаете, что он

был католиком? Его похоронили на католическом кладбище. Поэтому я отправился туда с толпой провожающих, его положили в землю, и все стояли вокруг. Сейчас уже все могилы находятся рядом друг с другом, а тогда я заметил в дальнем углу еще одну группу, они были сами по себе. Я спросил: «Что там?» И знаете, что мне ответили?

— Нет, — признался полицейский.

— Это могилы католиков-самоубийц. Хоронить тех, кто покончил с собой, на обычном кладбище не разрешают, но суицидов случается так много, что для них выделили специальное место. Слышали про такое?

— Никогда. А я ведь католик, — сказал Лукас.

— Подумайте об этом. Столько самоубийц в маленькой грязной резервации, что им пришлось отвести отдельный угол на кладбище.

Дули стоял и смотрел в окно еще несколько секунд, затем встряхнулся и вернулся к работе.

— Блubberдов осталось не так много, — проговорил он. — По большей части они женились или вышли замуж и уехали на восток и запад, в Нью-Йорк или Лос-Анджелес. Лишились своих имен. Но они были хорошими людьми.

— Тем не менее он совершил безумный поступок.

— Почему?

Вопрос так удивил Лукаса, что он резко повернул голову и острый конец ножниц вонзился ему в кожу.

— Ой, больно? — спросил Дули с беспокойством.

— Нет. А что вы...

— Я чуть не проделал у вас в голове дырку, — перебил его парикмахер и принялся тереть пострадавшее место большим пальцем. — Но крови не видно.

— Что вы имели в виду, когда спросили: «Почему?» — настаивал на своем Дэвенпорт. — Он перерезал человеку горло. Может, даже двоим.

Дули долго молчал, а потом ответил:

— Их следовало убить. Они были мерзкими людьми. Я, как и все, читаю Библию. То, что сделал Блubberд, плохо. Но он заплатил за это. Око за око. Они мертвы, он тоже. Но вот что я вам скажу: с плеч индейцев свалилось два тяжелых груза.

— Ладно, это я понимаю, — проговорил Лукас. — Рэй Куэрво был настоящим подонком. Прошу меня простить за грубость.

— Я уже слышал пару раз это слово, — ответил парикмахер. — И не скажу, что вы не правы. И про Бентона тоже. Он был не лучше Куэрво.

— Да, я знаю, — сказал полицейский.

Дули закончил подстригать волосы около уха клиента, наклонил его голову вперед так, что подбородок уперся в грудь, и привел в порядок затылок.

— В Нью-Йорке убили еще одного человека, — сообщил ему Лукас. — Тем же способом, что Куэрво и Бентона. Перерезали горло каменным кинжалом.

— Я видел, — сказал Дули и показал на черно-белый телевизор, стоящий в углу. — В сегодняшнем выпуске новостей. Мне показалось, что убийства похожи.

— Даже слишком, — проговорил Дэвенпорт. — Мне вот что интересно...

— Слышал ли я что-нибудь? Всего лишь разговоры. А вы знали, что Блubberд был танцором-солнцепоклонником?

— Нет, не знал, — ответил Лукас.

— Посмотрите на тело, если оно еще у вас. Вы найдете шрамы на груди в тех местах, где он вонзал в нее колышки.

Дэвенпорт поморщился. Во время одного из обрядов сиу индейцы пронзали кожу на груди колышками. К ним привязывали веревки, и участники церемонии вращались вокруг шеста, пока колышки не вываливались из тела.

— И еще: Блуберд был солнцепоклонником, но кое-кто говорит, что пару лет назад он принимал участие в танцах призраков, посвященных мертвым.

— В танцах призраков? Я не знал, что их еще устраивают, — удивленно проговорил Лукас.

— Кое-кто из тех, кто приехал из Канады, попытались их возродить. У них был барабан, они побывали во всех резервациях, собирали деньги, танцевали. Перепугали до полусмерти кучу народа, но в последнее время я что-то про них не слышал. Многие индейцы считают, что это была самая настоящая афера.

— Но Блуберд танцевал?

— Так говорят...

Дули замолчал, и полицейский, повернувшись, увидел, что старик снова смотрит в окно. На другой стороне улицы находился небольшой парк с пожелтевшей под ногами детей и ударами осенних холодов травой. В его центре мальчишка-индеец чинил перевернутый велосипед, а пожилая женщина маленькими шажками спешила к бетонному питьевому фонтанчику.

— Не думаю, что это что-то значит, — сказал парикмахер и снова повернулся к Лукасу. — Кроме того, что Блуберд был человеком, который искал веру.

— Веру?

— Он искал спасения. Возможно, он его нашел, — предположил старик и вздохнул.

Он вернулся к Лукасу и закончил стрижку двумя уверенными движениями. Потом положил ножницы, смахнул волосы, снял фартук и встряхнул его.

— Посидите спокойно пару минут, — сказал он.

Дэвенпорт ждал; Дули нашел электрическую машинку и сбрил волосы с шеи, затем вылил на нее целую пригоршню желтого ароматического масла.

— Готово, — сказал он.

— Сколько? — спросил клиент, встав с кресла.

— Как обычно, — ответил старик, и Лукас вручил ему три доллара.

— Я ничего не слышал, — с серьезным видом проговорил Дули и посмотрел Лукасу в глаза. — Если бы слышал, то сказал бы вам, но не уверен, что сообщил бы, что *именно* я слышал. Блуберд был индейцем, получившим назад то, что ему принадлежало.

В резервации было полно Дули.

Дэвенпорт шагал по ней, останавливаясь, чтобы поговорить с индейцами, которых знал: портнихой в мастерской, где шили тенты, торговцем морепродуктами, подрядчиком, занимающимся системами отопления, служащими на двух заправках и в магазинчике, работающем допоздна, антикваром, ушедшим на покой, мастером по изготовлению ключей, уборщицей и продавцом автомобилей. За час до начала похорон Блуберда он оставил машину в переулке и дошел пешком до лавки скобяных изделий, принадлежавшей индейцу дакота.

Звякнул колокольчик над дверью, и Лукас на мгновение замер на пороге, дожидаясь,

когда глаза привыкнут к сумраку внутри. Улыбающийся Эрл Мэй в кожаном переднике появился из задней комнаты. Лукас направился к нему и увидел, как погасла его улыбка.

— Я уже собрался сказать: «Рад вас видеть», но, думаю, вы пришли, чтобы спросить про Блubberда и убийство в Нью-Йорке, — сказал хозяин, повернул голову и крикнул куда-то в темноту: — Эй, Бетти, это Лукас Дэвенпорт.

Бетти Мэй высунула голову в щель в занавеске между задней комнатой и магазинчиком. У нее было круглое лицо со старыми оспинами и хриплый голос, отлично подходящий для блюзов.

— Мы почти ничего не знаем про Блubberда, — сказал Эрл и посмотрел на жену. — Он спрашивает про убийства.

— Мне все говорят примерно одно и то же, — ответил лейтенант.

Эрл стоял, скрестив на груди руки. Своеобразная защитная поза, словно говорящая: «Отстань», но Лукас никогда прежде не видел ничего подобного, когда разговаривал с Мэями. Бетти за спиной мужа невольно встала в такую же позу.

— Вам будет непросто узнать здесь то, что вас интересует, — сказала она. — Бентон был плохим человеком, Куэрво и того хуже. Он оказался таким мерзавцем, что, когда его жена приехала к нему в офис после того, как ей позвонила полиция, она улыбалась.

— А как насчет того парня в Нью-Йорке, Андретти? — спросил полицейский. — Он-то что, черт подери, сделал?

— Андретти. Либерал с хорошими бухгалтерами, — фыркнул Эрл. — Он называл себя реалистом. Говорил, что некоторых людей следует сбросить со счетов. Что нет никакой разницы: тратить деньги на бедняков или предоставить им жить, как они хотят. А еще, что низший класс это вечная обуза для тех, кто трудится.

— Правда? — удивился Лукас.

— К его словам прислушивались очень многие, — продолжал индеец. — И насчет кое-кого он, возможно, был прав — алкоголиков и наркоманов. Но на один вопрос у него не нашлось ответа. Как насчет детей? А это главное. Настоящий геноцид! И жертвами его становятся не короли социального обеспечения, а дети.

— И ты считаешь, что за это их нужно было убить? — спросил Дэвенпорт.

Хозяин лавки покачал головой.

— Люди постоянно умирают. А сейчас на тот свет отправились те, кто причинял страдания индейцам. Это плохо для них, и это преступление, но меня их смерть не огорчает.

— А тебя, Бетти? — Дэвенпорт с волнением повернулся к женщине. — Ты думаешь так же?

— Да, Лукас, — ответила она.

Лейтенант пару мгновений смотрел на них, внимательно изучая лицо Эрла, потом Бетти. Они были лучшими людьми из всех, кого он знал. И многие станут думать как они. Он тряхнул головой и постучал костяшками пальцев по прилавку.

— Проклятье, — сказал он.

Похороны Блubberда были... Лукас пытался подобрать подходящее слово и наконец остановился на «необычными». Многие индейцы пожимали друг другу руки и обменивались мимолетными усмешками, которые тут же уступали место серьезному выражению на лицах.

Кроме того, индейцев пришло слишком много, если вспомнить, что Блubberд был далеко не знаменит. После того как гроб опустили в землю и были произнесены последние

молитвы, они собрались небольшими группками, по двое и трое, о чем-то переговариваясь. Дэвенпорт подумал, что это событие окутывает атмосфера с трудом сдерживаемого ликования. Кто-то повел себя плохо. Блуберд заплатил за это, но остались другие, и они воздадут всем по заслугам. Полицейский изучал толпу, пытаясь увидеть в ней знакомые лица, людей, с которыми он мог бы поговорить позже.

Ривервуд был кладбищем для рабочих в рабочем районе. Блуберда похоронили на южном склоне под ясенем. Даже зимой его могилу будут заливать лучи солнца. Лукас стоял на небольшом возвышении, примерно в тридцати ярдах от нее, под одним из вязов, которых становилось все меньше. Прямо напротив, на другой стороне улицы и в ста футах от могилы, замерли другие наблюдатели. Фургон «шевроле» цвета кетчупа подходил для этого района, точно идеально подобранный кусочек головоломки. На заднем сиденье двое полицейских сквозь затемненные окна записывали похороны на видеопленку.

Лукас подумал, что идентифицировать всех будет невозможно. Похороны получились грандиозными, и на них пришло слишком много зрителей. Он заметил белую женщину, которая медленно шла вдоль границы толпы. Она была выше большинства женщин и немного тяжеловата. Она посмотрела в его сторону, и, глядя на нее издалека, он решил, что она похожа на мрачную мадонну: с темными волосами, овальным лицом и длинными густыми бровями.

Он наблюдал, как она пробирается сквозь толпу, когда к нему подошел Слоун.

— Привет.

Дэвенпорт повернулся, чтобы поздороваться, а когда снова взглянул на людей, оказалось, что незнакомка исчезла.

— Ты уже поговорил с женой Блуберда? — спросил Лукас.

— Попытался, — ответил детектив. — Но мне не удалось застать ее одну. Ее со всех сторон окружают люди, которые твердят: «Не разговаривай с копами, милая. Твой муж герой». Они ее затыкают, и все тут.

— Может, позже получится?

— Не исключено. Впрочем, не думаю, что нам удастся от нее много узнать, — сказал Слоун. — Ты где оставил машину?

— За углом.

— Я тоже.

Они начали пробираться между памятниками, спустились по пологому склону и направились в сторону улицы. Некоторые могилы выглядели ухоженными, другие заросли травой. Один надгробный камень из известняка был таким старым, что имя стерлось, осталось только едва различимое слово «отец».

— Я поговорил с одним типом у нее дома. Он сказал, что Блуберд там редко бывал. Судя по всему, они с женой находились на грани развода, — сказал детектив.

— Не слишком многообещающая информация, — согласился с ним Лукас.

— А ты что делаешь?

— Бегаю тут и теряю время, — ответил Дэвенпорт, в последний раз попытался отыскать глазами черноволосую женщину, но не нашел. — Я собираюсь в Пойнт. Там живет Желтая Рука. Может, он слышал что-нибудь интересное.

— Что ж, попытаться стоит, — не слишком уверенно сказал Слоун.

— Он — моя последняя надежда. Никто не хочет ничего говорить.

— И у меня такие же результаты, — признался детектив. — Все по другую сторону

баррикады.

Пойнт представлял собой ряд жилых домов из красного кирпича. Квартиры располагались по одной на этаже. Лукас вошел в дверь, закрыл ее за собой и принялся. Его приветствовал застарелый запах вареной капусты, кукурузы в банках, овсянки и рыбы. Он потянулся к кобуре, достал «Хеклер-Кох Р-7» и переложил в карман спортивного пиджака.

Квартира Желтой Руки находилась на пятом этаже, на чердаке, где когда-то была общественная кладовая. Лукас остановился на площадке четвертого этажа, отдышался и поднялся по последнему пролету, держа руку на пистолете. Дверь на верхней площадке была закрыта. Он не стал стучать, а просто нажал на ручку и повернул ее.

На матрасе сидел парень, который читал журнал «Пипл», — индеец, в голубой рабочей блузе с закатанными выше локтей рукавами, джинсах и белых носках. Армейская куртка лежала рядом с матрасом в компании с ковбойскими сапогами, зеленой банкой имбирного пива, еще одним номером «Пипл» и потрепанным томом антологии, составленной «Ридерз дайджест». Полицейский вошел внутрь.

— Ты кто такой? — спросил индеец.

Его руки украшала татуировка: роза внутри сердца на той, что была ближе к Лукасу, и крыло орла — на другой. В дальнем конце комнаты лежал еще один матрас, на котором спали мужчина в шортах и женщина в розовой сорочке из искусственного шелка. Ее платье было аккуратно сложено рядом, поодаль стояли две чашки с отбитыми краями, в одной лежал кипяtilьник. Пол был усыпан кусками бумаги, старыми журналами, пустыми упаковками от еды и банками. Пахло марихуаной и супом.

— Коп, — ответил Лукас, прошел дальше и посмотрел налево. Увидел третий матрас, на котором спал Желтая Рука. — Ищу Желтую Руку.

— Он отключился, — сообщил индеец с татуировками.

— Пил?

— Ага.

Парень скатился с матраса и взял куртку. Дэвенпорт тут же наставил на него палец.

— Побудь тут минутку.

— Конечно, никаких проблем. Сигаретка есть?

— Нет.

Женщина на втором матрасе пошевелилась, повернулась на спину и приподнялась, опираясь на локти. Она была белой и выглядела старше, чем показалось Лукасу на первый взгляд. Лет сорока, наверное, решил он.

— Что происходит? — спросила она.

— Коп, к Желтой Руке, — объяснил парень с татуировкой.

— Вот черт. — Она, прищурившись, посмотрела на Лукаса, и он заметил, что у нее не хватает передних зубов. — Есть сигарета?

— Нет.

— Проклятье, теперь тут никто не курит, — возмутилась она, посмотрела на мужчину, спавшего рядом, и ткнула его в бок. — Вставай, Боб. Коп пришел.

Боб застонал, дернулся и снова захрапел.

— Оставь его, — сказал лейтенант, подошел к Желтой Руке и пнул его ногой.

— Отвали, — сонно пробормотал паренек и попытался отпихнуть ногу.

— Нужно поговорить.

— Отвали, — повторил индеец.

Лукас пнул его сильнее.

— Вставай, Желтая Рука. Это Дэвенпорт.

Глаза наркомана распахнулись, и Лукас подумал, что он выглядит слишком старым для подростка. Таким же, как женщина, которая сидела, скорчившись, на матрасе и облизывала губы. Парень с татуировкой несколько мгновений постоял, раскачиваясь на носках, а потом потянулся к ковбойскому сапогу.

— Оставь сапоги в покое, — велел ему Лукас, снова наставив на него палец. — Просыпайся, Желтая Рука.

Паренек сел.

— Что такое?

— Мне нужно с тобой поговорить.

Дэвенпорт повернулся к татуированному.

— А ты иди сюда и сядь на матрас.

— Я ничего не сделал, — с вызовом заявил тот.

Он был невероятно худым и стоял, повернувшись к Лукасу одним плечом, невольно приняв позу боксера.

— Я не собираюсь вас допрашивать, — сказал полицейский. — Мне не нужны ваши документы, у меня нет ордера. Я просто хочу поговорить.

— Я не разговариваю с чертовыми копами, — заявил парень с татуировками и огляделся по сторонам в поисках поддержки.

Женщина смотрела в пол и качала головой, потом она сплюнула. Лукас засунул руку в карман. В маленьком помещении было слишком много народа. При обычных обстоятельствах он легко справился бы с парой отбросов и бродягой, но парень с татуировками производил впечатление крепкого орешка. Если возникнет драка, места для маневра будет немного.

— Мы можем договориться по-хорошему, но можем и по-плохому, — спокойно сказал он. — А теперь тащи свою задницу сюда, или я тебе ее надеру.

— А что ты можешь мне сделать, коп, пристрелишь? У меня нет ножа, нет пистолета, я в своей квартире, ты мне не показал никакого ордера. Что, застрелишь меня?

— Нет, но я отделаю тебя так, что мало не покажется, — пообещал Дэвенпорт.

Мужчина и женщина на втором матрасе на них не смотрели. Если незнакомец с татуировками бросится в бой, поддержки от них он не получит. Желтая Рука тоже вряд ли сумеет ему помочь, значит, схватка будет один на один. Лукас приготовился.

— Успокойся, Тень, зачем тебе драться с копом? — сказал со своего матраса Желтая Рука. — Ты же знаешь, чем это грозит.

Дэвенпорт посмотрел на наркомана, а потом на парня с татуировками и догадался, что его досрочно выпустили из тюрьмы.

— Знаешь Бентона? — быстро спросил он. — Инспектора, который курирует таких, как ты?

— Нет, я его никогда не встречал, — ответил парень, который неожиданно закрыл глаза и отвернулся; напряжение начало спадать.

— Я хочу только поговорить, — примирительно сказал Лукас.

— Ага, с пистолетом в кармане, — заявил индеец с татуировками, снова повернувшись

к нему. — Как все белые.

Он посмотрел прямо на лейтенанта, и тот увидел, что у него светло-серые глаза, такие светлые, что кажется, будто зрачок затянула катаракта. Парень снова вздрогнул, и его тело начало медленно вибрировать, точно гитарная струна.

— Успокойся, — повторил Желтая Рука, потирая лицо. — Иди сюда и сядь. Дэвенпорт тебя не тронет.

В воздухе снова повисло напряжение; затем так же неожиданно, как пришел в ярость, парень расслабился и улыбнулся. На фоне темной кожи его зубы выглядели ослепительно-белыми.

— Конечно, ясное дело. Прошу прощения, вы появились так неожиданно, — сказал он и кивнул, извиняясь.

Дэвенпорт отступил назад на несколько шагов, опасаясь столь резкой перемены в поведении; ему не понравились глаза незнакомца. Они показались ему какими-то колдовскими. Парень с татуировками сел на угол матраса Желтой Руки. Лукас секунду за ним наблюдал, затем подошел к индейцу и вскоре уже нависал над ним. Он заговорил, обращаясь к темечку подростка.

— Что ты слышал, Желтая Рука? Я хочу знать все про убийство Рэя Куэрво. И что-нибудь про Бентона. Кто дружил с Блубердом?

— Я ничего не знаю про это, — ответил Желтая Рука. — Я встречался с Блубердом в резервации.

— В Форт-Томпсоне?

— Точно, приятель. Его сестра и моя мать ходили к дамбе ловить рыбу.

— Что ты слышал про него в последнее время? — Лукас потянулся, схватил парня за волосы над ухом и заставил закинуть голову назад. — Давай скажи хоть что-нибудь, говори.

— Я ничего не знаю, приятель. Честное слово, — мрачно проговорил Желтая Рука и вырвался из хватки полицейского, и тот присел, чтобы их лица оказались на одном уровне.

Индеец с татуировками наблюдал за лицом Лукаса через плечо паренька.

— Послушай, когда убили Бентона, ты был свидетелем, — дружелюбно сказал Дэвенпорт. — Это имеется в наших записях. Копы составляют список, в нем есть твое имя. А это значит, что строгие дяди из отдела ограблений и убийств захотят тебя проверить, но они совсем не такие добрые, как я. И не рассчитывай, что они будут белыми и пушистыми. Они не станут о тебе заботиться, Желтая Рука. Если ты дашь мне какую-нибудь полезную информацию, я смогу сделать так, что они тебя не тронут. Но мне необходимо, чтобы у меня что-нибудь было. Иначе они скажут, что я не слишком сильно на тебя надавил.

— Я мог бы вернуться в резервацию, — сказал индеец.

Лейтенант покачал головой.

— И что ты там будешь курить? Полынь? Или залезешь незаметно в местную лавку и стащишь бумбокс?^[5] Не морочь мне голову. В городах полно «Кей-мартов», где есть чем поживиться, каждый вечер ты балуешься наркотой, которой здесь сколько душе угодно. А в Форт-Томпсоне продают крэк?

По щеке Желтой Руки скатилась слеза, и он захлюпал носом. Лукас посмотрел на него.

— Что тебе известно? — снова спросил он.

— Я кое-что слышал, — признался наркоман и посмотрел на парня с татуировками, а потом быстро отвернулся. — И все. Наверняка это пустышка.

— Ты расскажи, а уж я буду решать.

— Помнишь драку летом? Месяца два или три назад. Между байкерами и индейцами у Блэк-Хиллз?

— Да, что-то читал в газетах.

— Понимаешь, байкеры собрались там отовсюду. В Стургисе проводилось большое ралли, и они заключили что-то вроде перемирия. Все: «Ангелы», «Разбойники», «Бандиты», «Рукава Дьявола» и черт знает кто еще. Многие остановились на площадке у Беар-Бата. Его называют кемпингом, а индейцев это возмущает.

— Какое это имеет отношение к Блуберду?

— Дай закончить, — сердито сказал Желтая Рука.

— Ладно, валяй.

— Некоторые байкеры напились ночью и стали носиться по склону Беар-Бата на мотоциклах. Это священное место, там находилось несколько шаманов и люди, пришедшие туда в надежде, что им откроются видения. Они спустились вниз, у них были пушки. Это и стало причиной драки.

— И там был Блуберд? — спросил Лукас.

— Так мне говорили. Он находился в группе тех, кто ждал видений. Они спустились с оружием в руках. Вчера, когда убили того человека в Нью-Йорке, я был в бильярдной Дорка на Линдейл.

— И что?

— Там у одного типа была фотография, вырезанная из «Трибьюн», на которой та драка. И он ее всем показывал — несколько копов, группа байкеров и шаманы. Один из парней с ружьем — Блуберд.

— Хорошо, это уже кое-что, — сказал Дэвенпорт и похлопал индейца по колену.

— Господи, — пробормотал парень с татуировками и посмотрел на Желтую Руку.

— А как насчет тебя? — спросил у него Лукас. — Ты где был в это время?

— Я вчера вернулся из Лос-Анджелеса. Где-то около кровати валяется автобусный билет. И я ничего не слышал, кроме всякой ерунды.

— Какой?

— Мол, Блуберд страшно разозлился и решил прикончить парочку белых, которые его доставали. И про то, как это хорошо. Все говорят, что это просто классно.

— А что ты знаешь про Блуберда?

Парень с татуировками пожал плечами.

— Я с ним не знаком. Слышал имя, но я из Стэндинг-Рок. В Форт-Томпсон приезжал один раз на церемонию заклинания. Мы в стороне от всего.

Полицейский бросил на него внимательный взгляд и кивнул.

— А что ты делал в Лос-Анджелесе?

— Так. Поехал туда, чтобы поболтаться. Взглянуть на кинозвезд.

Он пожал плечами.

— Ладно, — через некоторое время проговорил Лукас и посмотрел на Желтую Руку. Он понял, что больше все равно ничего от него не добьется. — Отдохните пару минут, ребята.

Дэвенпорт перешагнул через постель парня с татуировками. На полу в дальнем конце, так что его было не видно от двери, стоял ивовый прут с красным лоскутком наверху. Рядом лежал смятый автобусный билет и зажим для денег с водительскими правами, выданными в Южной Дакоте, и фотографией между двумя пластиковыми листками. Полицейский наклонился и поднял все с пола.

— Ты что делаешь с моими вещами, мужик? — вскричал парень с татуировками, который снова вскочил на ноги, и его тело опять начало вибрировать.

— Ничего. Просто смотрю, — ответил Лукас. — Это то, о чем я подумал?

— Это молитвенный посох, он остался от старой церемонии у реки. Я ношу его на удачу.

— Хорошо.

Дэвенпорт уже видел такой посох. Он осторожно положил его на матрас. Автобусный билет был из Лос-Анджелеса, трехдневной давности. Это могло быть специально организованное алиби, но он так не думал. На правах, выданных в Южной Дакоте, была тусклая фотография парня с татуировками, он был в белой футболке. Светлые глаза блестели, точно шарикоподшипники, вроде глаз Джесса Джеймса на фотографиях девятнадцатого века. Лукас прочитал имя.

— Тень Любви? — сказал он. — Красивое имя.

— Спасибо, — ответил парень с татуировками, и улыбка вспыхнула на его лице, словно зажегся фонарик.

Лейтенант посмотрел на выцветший снимок: женщина средних лет в бесформенном платье стоит около веревки для сушки белья, натянутой между деревом и углом дома, обшитого белой вагонкой. На заднем плане дощатый забор, а вдалеке фабричная труба. Город, возможно, Миннеаполис. Женщина смеется, держа в руках джинсы, которые замерзли и стали жесткими, точно картон. Деревья на заднем плане голые, но женщина стоит на зеленой траве. Ранняя весна или поздняя осень, решил Лукас.

— Это твоя мама? — спросил он.

— Да, и что с того?

— Ничего, — ответил Дэвенпорт. — Тот, кто носит фотографию матери, не может быть совсем уж плохим человеком.

После посещения Пойнта Лукас сдался и направился назад в городской совет, остановившись только, чтобы позвонить из телефона-автомата около здания «Стар трибьюн».

— Библиотека, — ответила женщина.

Она была миниатюрной, печальной, ближе к сорока. В газете никто не обращал на нее особого внимания.

— Ты одна? — спросил Дэвенпорт.

— Да.

Он почувствовал, как она задержала дыхание.

— Можешь для меня кое-что найти?

— Говори, — сказала она.

— Последняя неделя июля или первая августа. Между байкерами и индейцами в Южной Дакоте была потасовка.

— Ключевое слово есть? — спросила его знакомая.

— Попробуй «Беар-Бат».

Дэвенпорт произнес название по буквам, и на мгновение воцарилось молчание.

— Три ссылки, — сообщила она.

— Ты пользуешься каким-то заклинанием?

Снова тишина.

— Да, — сказала она. — Сначала август. Три колонки, третья страница.

— У вас или в Ассошиэйтед?

— У нас.

Женщина назвала имя фотокорреспондента.

— Шанс получить снимок есть?

— Мне придется вытащить его из папки, — приглушенным голосом проговорила она.

— А ты сможешь?

Прошла еще пара секунд.

— Ты где?

— Здесь, на углу, в своей машине.

— Подожди минуту.

Слоун выходил из здания городского совета, когда туда приехал Лукас.

— Зима приближается, — сказал он, выбираясь из машины.

— Еще тепло, — заметил Дэвенпорт.

— Да, но уже становится темнее, — ответил детектив, глядя на машины, которые с включенными фарами медленно катили к автостраде.

— Сумел что-нибудь найти? После того, как я уехал?

— Ничего. — И вдруг его лицо просветлело. — Зато мне удалось посмотреть на барышню, которую к нам прислали из Нью-Йорка.

Лукас ухмыльнулся.

— Это того стоило?

— Очень даже. Знаешь, у нее немного неправильный прикус и такое нежное выражение лица, как будто, ну, не знаю, как будто она сейчас застонет или еще что-нибудь в этом роде...

— Господи, Слоун...

— Вот посмотрим, что ты скажешь, когда ее увидишь, — заявил Гаррисон.

— А она еще здесь?

— Да. Внутри. Сегодня утром ездила с Ширсоном. — Слоун рассмеялся. — С нашим дамским угодником. Хорошие костюмы и все такое.

— Он к ней клеился?

— Можешь не сомневаться, — ответил детектив. — Когда он вернулся, то очень старательно изучал свои бумаги. А она сидела с холодным видом.

— Хм, — Дэвенпорт фыркнул. — А как получилось, что она оказалась с Ширсоном? Я думал, она будет ездить с тобой.

— Не-е-е. Ширсон уболтал Лестера и забрал ее к себе. Чтобы ввести в курс дела и всюду сопровождать.

— Он такой обходительный, — проговорил лейтенант.

— Отличное определение. Тебе бы следовало написать песню, — сказал Слоун и отправился по своим делам.

Лукас увидел ее в коридоре перед офисом отдела ограблений и убийств. Оказалось, что это «мадонна» с кладбища. Она шла навстречу на высоких каблуках, и он сначала обратил внимание на ее ноги и только потом на карие глаза, похожие на омут. Он подумал про парня с татуировками и его блестящие бледные глаза, холодные, как камень, глаза, которые отталкивали того, кто в них смотрел. Глядя на эту женщину, ты уходил на дно и ничего не

мог сделать.

Она была в твидовом пиджаке, блузке с рюшками и черным галстуком и юбке. В руке она держала бумажный стаканчик с кофе, и Дэвенпорт придержал для нее дверь.

— Спасибо.

Она улыбнулась и прошла внутрь, направляясь в сторону крошечного загончика, где сидел Андерсон. Голос женщины оказался низким и чувственным.

— Мм, — промычал Лукас, который шел за ней.

Ее волосы были собраны в пучок слегка неправильной формы, из которого на шею выпало несколько прядей.

— Я уйду, — сказала она Андерсону, засунув голову в его каморку. — Если сегодня будет что-нибудь новое, у вас есть номер моего телефона.

Андерсон сидел за компьютерным терминалом и жевал палочку для еды. Остатки обеда из китайского ресторана покрывались жирной пленкой в контейнере из пенопласта на его столе, в офисе пахло переваренным чилимом^[6] и ароматизированными сигарами.

— Ладно. Посмотрим, может, завтра мы найдем для вас что-нибудь другое.

— Спасибо, Хармон.

Она повернулась и чудом не налетела на Лукаса. Он уловил тонкий аромат, не имеющий ничего общего с чилимом или сигарами, что-то дорогое, французское.

— Вы знакомы с Лукасом Дэвенпортом?

— Очень приятно, — сказала она, сделала шаг назад и протянула руку.

Лукас пожал ее и вежливо улыбнулся. Она оказалась крупнее, чем ему показалось в первый момент. С большой грудью и несколько полновата.

— Это ведь вы разобрались с Бешеным Псом.

— Именно он, — подтвердил Андерсон из-за ее спины. — Удалось что-нибудь узнать, Лукас?

— Возможно, — ответил Дэвенпорт, продолжая смотреть на женщину. — Хармон не сказал, как вас зовут.

— Лили Ротенберг, — представилась она. — Лейтенант, департамент полиции Нью-Йорка.

— Убойный отдел?

— Нет, я работаю в... на территории Гринвич-Виллидж.

Андерсон вертел головой, переводя взгляд с одного на другую, точно зритель на теннисном матче.

— И почему же вас направили на это дело? — спросил Лукас, мысленно проводя инвентаризацию своего внешнего вида.

Он был в твидовом спортивном пиджаке в бледно-розовую полоску от «Брукс бразерс» за четыреста долларов, синей рубашке, коричневых слаксах и кожаных мокасинах. Он решил, что выглядит замечательно.

— Это длинная история, — сказала Лили и кивком показала на маленький конверт из плотной бумаги, который он держал в руке. — Что вам удалось найти? Если, конечно, мне будет позволено спросить.

— Фотографию Блуберда, сделанную первого августа, — ответил Дэвенпорт, достал снимок из конверта и протянул ей. — Парень с ружьем на плече.

— А кто эти люди?

На лбу у нее появилась небольшая морщинка, соединившая широкие черные брови.

— Группа индейцев сиу, которые искали откровений, и пара шаманов. Я не знаю, кто из них кто, но у них было оружие, и месяц назад Блubberд находился среди них.

Лили взглянула на него, продолжая держать фотографию в руке, и их глаза встретились, словно две монетки в кармане.

— Возможно, это нам что-то даст, — сказала она. — А где вы взяли снимок?

— У друга, — ответил Лукас.

Лили отвела глаза и перевернула карточку. На оборотной стороне остались следы от клея.

— Газета, — догадалась она. — А остальные снимки можно получить?

— Вы считаете, что оно того стоит?

— Да, — сказала она и указала на голову одного из мужчин на фотографии. — Видите этого парня?

Дэвенпорт снова взглянул на снимок. Кончик ее пальца упирался в голову плотного индейца, но рассмотреть можно было только внешние контуры лица и один глаз. Все остальное пряталось за фигурой другого человека, стоящего на переднем плане.

— И что в нем интересного?

Лукас взял из ее рук карточку и принялся внимательно ее разглядывать.

— Существует вероятность, что это тот, кто нам нужен, — проговорила Лили. — Тот, кто прикончил Андретти. Очень на него похож, но мне нужно посмотреть другой снимок, чтобы сказать наверняка.

— Ничего себе.

Андерсон встал со своего стула, чтобы взглянуть на фотографию.

Задний план заполнял огромный холм Беар-Бата, серый и мрачный, одинокий аванпост Блэк-Хиллз. На переднем плане за спиной старого шамана стояла группа индейцев в рубашках из миткаля и джинсах. Головы большинства были повернуты куда-то влево от камеры, в сторону группы помощников шерифа. Среди них — Блubberд со своим ружьем, один из немногих, кто более или менее смотрел в объектив.

— И как же нам связаться с вашим другом и взглянуть на негативы? — спросила Лили.

— Сегодня я поговорю с шефом, — ответил Дэвенпорт. — А завтра утром мы первым делом встретимся с газетчиками.

— Завтра? — не веря своим ушам, переспросила Ротенберг. — Господи, этот парень направляется сюда прямо сейчас. Мы должны сделать все сегодня.

— Это будет... непросто, — с сомнением проговорил Лукас.

— А что тут трудного? Мы получаем негативы, печатаем их и находим того, кто знает, как зовут нужного нам человека.

— Послушайте, мне известно, как работают местные газеты. Им потребуется устроить три совещания и восемь консультаций, прежде чем они отдадут нам снимки, — возразил Дэвенпорт. — Так что сегодня у нас ничего не выйдет. Нам не получить негативы. Никаким способом.

— Если мы на них надавим...

— Мы говорим о бюрократии. Ускорить процесс не в наших силах. А если мы попытаемся проделать все сегодня, существует высокая вероятность, что я подставлю своего друга. Первым делом они заглянут в архивы и обнаружат, что фотография исчезла. Я не хочу этого делать. Более того, я намерен вернуть ее назад.

— Боже праведный, вы просто...

Она захлопнула рот.

— Придурки?

— Я не собиралась говорить ничего подобного, — соврала она.

— Чушь собачья. Вот что я вам скажу. Я постараюсь сделать что возможно. По максимуму. Мы позвоним в газету, всем, кому требуется, объясним, что происходит, они смогут организовать свои совещания, а мы явимся к ним в восемь утра и получим пленку.

Она мгновение смотрела на него и наконец проговорила:

— Ну, не знаю.

— Послушайте, — сказал Лукас, пытаясь ее убедить. — Ваш убийца едет на старой развалине. Даже если он будет гнать изо всех сил, он не доберется сюда до завтрашнего вечера. Если только у него нет напарника, который сменит его за рулем, чтобы двигаться без остановок.

— Он был в мотеле один...

— Так что мы ничего не теряем, — подвел итог Дэвенпорт. — И я не подставлю своего друга, что для меня имеет огромное значение.

— Хорошо, — сказала Лили, кивнула, не сводя с него глаз, а затем направилась к двери. — Увидимся завтра, Хармон.

— Конечно.

Андерсон смотрел ей вслед, когда она прошла в дверь.

Она скрылась из вида, и он повернулся к Лукасу. На его лице появилась ухмылка.

— Ты бы себя видел, — сказал он.

— В каком смысле?

— У всех, кто с ней разговаривает, такой вид, будто их треснули молотком, — сообщил ему Андерсон.

Даниэль обедал.

— Что случилось? — спросил он, когда понял, что звонит Дэвенпорт.

— Нам удалось добыть фотографию из «Стар трибьюн», — ответил Лукас и объяснил все остальное.

— И Лилиан думает, что это, возможно, убийца? — задал вопрос Даниэль.

— Угу.

— Черт возьми, хорошая новость. Нам это может оказаться полезным. Я поговорю с ребятами из «Трибьюн», — пообещал Даниэль. — Как, по-твоему, лучше к ним подобраться?

— Скажи, что нам нужны негативы по этой драке и всем остальным стычкам. Если начнут возражать, напомни, что снимки сделаны во время публичного события и речь не идет о секретных данных — никаких источников и ничего конфиденциального. Пообещай, что, если они помогут нам поймать убийцу Андретти, мы отдадим им эту историю. А эксклюзивные фотографии, которые помогут нам раскрыть преступление, у них уже есть.

— А они не устроят цирк и не начнут ссылаться на конфиденциальность? — спросил шеф.

— Им незачем это делать, — ответил Лукас. — Снимки не были частными. Мы говорим о серийных убийствах крупных политических фигур, а не о какой-то там драке.

— Ладно, сейчас позвоню.

— Нам нужно получить все как можно раньше.

— Девять утра. Негативы будут у нас к девяти, — сказал Даниэль.

Дэвенпорт повесил трубку и позвонил в библиотеку «Стар трибьюн». Он рассказал своей приятельнице, что произошло, и договорился встретиться с ней около офиса газеты.

— Очень волнующее приключение, — прошептала она, наклонившись к окну его машины. Он протянул ей конверт из плотной бумаги, и она добавила: — Я — как тайный агент из романа Ле Карре.

Оставив ее в восторженном состоянии, он поехал домой.

Лукас жил в Сент-Поле. Из окна гостиной он видел ряд деревьев, растущих вдоль Миссисипи, и огни Миннеаполиса на другом берегу. Он жил один, в доме, который когда-то казался ему слишком большим. Однако за десять лет он освоил его. В гараже на две машины стоял старенький полноприводной «форд», на котором он отправлялся в свой загородный коттедж и перевозил лодку. В подвале нашлось место для гирь и перчаток, тяжелых и легких боксерских груш, там был сейф для оружия и все необходимое для стрельбы, инструменты и верстак.

Наверху, в гостиной, стояло глубокое кожаное кресло, в котором он дремал или смотрел баскетбол по телевизору. Одна спальня была его собственной, другая предназначалась для гостей. Третью он превратил в рабочий кабинет с дубовым раздвижным столом и книжным шкафом для справочной литературы.

Лукас придумывал игры. Стратегические, фэнтезийные, ролевые. Именно благодаря им он мог позволить себе такой дом, «порше» и домик на озере в северном Висконсине. Вот уже целых три месяца он полностью погрузился в игру, которую назвал «Нарорг». Он сам выдумал это слово, вдохновленный «киборгом», сокращением от «кибернетический организм». Киборги были людьми с искусственными частями тела. В игре Лукаса нарорг являлся человеком, чьи возможности изменены и усилены при помощи особых наркотиков. Он обладал способностью видеть в темноте, передвигаться при помощи сонара, обостренным слухом, силой гориллы и рефлексам кошки. А кроме того, мозгом гения.

Разумеется, не всеми этими качествами одновременно. Вот тут и начиналась игра. К тому же наркотики обладали длительным действием: он призывал на помощь суперсилу, но она не оставляла его, когда ему требовались сверхинтеллектуальные способности. Когда он прибегал к ним, наркотик толкал его к безумию и самоубийству, если он не мог получить антидот. Определенные препараты при долгом применении могли стать причиной смерти, но сначала давали сверхспособности, а в конце почти невыносимое наслаждение.

Все это требовало напряженной работы. Нужно было написать базовый сюжет — «Нарорг», по сути, представлял собой квест, как и большинство ролевых игр. Кроме того, Лукасу требовалось придумать систему начисления очков, создать соперников, сочинить детали обстановки и пейзажи. Издатель пришел в восторг от его идеи и требовал, чтобы он работал быстрее. Он хотел создать компьютерную версию игры.

Так что пять или шесть ночей в неделю в течение трех месяцев Лукас проводил в своем кабинете, сидя при ярком свете и придумывая сюжеты. Он слушал классический рок, иногда выпивал банку пива, но по большей части создавал историю информационной бюрократии, корпоративных войн, обманутых низших классов и воинов-нароргов. Он не знал, откуда все это берется, но каждую ночь слова к нему приходили как будто по собственной воле.

Добравшись до дома, Дэвенпорт завел машину в гараж, вошел внутрь и поставил обед из замороженного цыпленка в микроволновку. За пять минут до готовности он обошел дом,

забрал газету с крыльца и отправился мыть руки. Он съел всю картошку фри и пару кусочков цыпленка — он не смог наверняка определить, из какой они части, но кости там были, — когда в его памяти всплыло лицо Лили Ротенберг.

Почему она появилась? Он про нее не думал, но неожиданно она возникла, точно фотография, которую положили на стол. «Крупная женщина, — подумал он. — Немного полновата и не моего типа». Он любил спортсменов, маленьких мускулистых гимнасток или высоких, стройных бегуний.

Совсем не в его вкусе.

Лили.

Лео Кларк пристрастился к алкоголю к пятнадцати годам. В сорок он уже провел на улицах двадцать два года, выпрашивая монетки у жителей Миннеаполиса и Сент-Пола. Жизнь прошла зря.

Но одной очень морозной ночью в Сент-Поле его и еще одного пьяницу, белого парня, выгнали из благотворительной миссии после того, как они начали препираться со служащим. Они зашли в винную лавку и купили две бутылки ржаного виски. Немного поспорив, они отправились на железнодорожные пути. Старый туннель забили досками, но они было плохо пригнаны, и приятели залезли внутрь.

Поздно ночью Лео вышел наружу, нашел разбросанные вдоль путей куски дерева, покрытого креозотом, притащил их в туннель и развел костер. Они допили виски, окутанные тучами смрадного дыма. Щеки, руки и желудки у них горели огнем, но ноги и ступни были все равно что ледышки.

И тогда белому парню пришла в голову мысль. Он сказал, что на склонах Миссисипи есть трубы ливневой канализации, которые ведут в систему туннелей под городом. Если им удастся туда забраться, они смогут лечь на теплые трубы. В туннелях будет тепло, не хуже, чем в миссии, да еще бесплатно. Они смогут добыть фонарь, пару книг...

Когда Лео Кларк проснулся на следующее утро, оказалось, что белый умер. Он лежал лицом вниз на холодной земле и перед смертью несколько раз конвульсивно вгрызся в землю. Его рот был наполовину заполнен маслянистой грязью. Лео Кларк видел один глаз, он был открыт и казался таким же плоским, серебристым, и пустым, как десятицентовик, который ему не придется платить за туннель, заполненный паром.

— Он умер в грязной пещере, ребята; его оставили умирать в поганой земляной яме, — сказал Лео полиции.

Копам было наплевать. И всем остальным тоже: тело осталось невостребованным и в конце концов его похоронили в могиле для нищих. На самый невероятный случай — если кто-то вдруг станет искать покойного — сделали рентгеновскую карту зубов, и патологоанатом внес ее в отчет.

После того как белый мужчина умер в пещере, Лео Кларк бросил пить. Это произошло не сразу, но уже год спустя он капли в рот не брал. Он переехал на запад, обратно в резервацию. Стал верующим, но его душу наполняла ненависть к тем, кто позволяет людям умирать в ямах на голой земле. Ему исполнилось сорок шесть лет, руки и лицо у него были жесткими, точно древесина дуба, когда он познакомился с Воронами.

Лео Кларк прятался в углу тускло освещенной парковки, между бампером «ниссан максима» и внешней стеной. Он находился в тридцати футах от запертой стальной двери, ведущей в дом, который был ему нужен.

Несколько минут назад он обвязал дверную ручку куском прочной лески, опустил ее к основанию двери, закрепил там скотчем и протянул до «максимы». Лео ждал, когда кто-нибудь пройдет через дверь — он надеялся, что внутрь, но если кто-то выйдет, тоже будет неплохо, если только он не соберется сесть в «ниссан». Это будет неприятно.

Лео Кларк лежал, окутанный запахом выхлопа и масла, и думал о своей миссии. Когда он собирался убить Рэя Куэрво, главным чувством, которое он испытывал, был страх —

страх, что он не справится и попадется копам. Он знал домовладельца лично, пострадал от его жадности, и ненависть к нему тоже была. Но судья? Этот человек получил взятку от нефтяной компании, когда рассматривалось дело о незаконном вывозе токсических отходов в резервацию Лост-Триз. Лео Кларк про это знал, но не *чувствовал*. Он ощущал только пустоту в груди. Печаль, наверное? Можно сказать и так.

Мужчина думал, что за годы бродяжничества он избавился от подобных глупостей и у него остались только необходимые для выживания эмоции: страх, ненависть, ярость. Впрочем, он не знал, как относиться к этому открытию, и является ли возрождение чувств, эта новая печаль, даром или проклятием. Он решил, что подумает о своих ощущениях потом: Лео был осторожным человеком.

А что касается судьи, здесь ничего не менялось — его приговорили к смерти.

Через двадцать минут на пустом месте, примерно в центре парковки, остановилась машина, из которой выбралась женщина. Он слышал, как цокают высокие каблуки по бетонному полу. В руке она держала ключи. Открыв дверь, она вошла в дом. Когда дверь начала закрываться, и Лео потянул за леску, липкая пленка оторвалась, он до отказа натянул нить и аккуратно прикрыл дверь, так, чтобы она не захлопнулась на замок. Он подождал, когда женщина дойдет до лифта, надеясь, что никто не выйдет наружу...

Через три минуты он выскользнул из-за машины и, продолжая держать леску туго натянутой, подошел к двери и открыл ее. В вестибюле никого не было. Он шагнул внутрь, миновал лифт, остановился на мгновение около пожарной лестницы и начал подниматься вверх.

Судья жил на шестом этаже, в одной из трех квартир. Лео прислушался, стоя за дверью на площадку, но за ней царил тишина. Он заглянул внутрь и вошел в пустой коридор. Шесть С. Он отыскал дверь и тихонько постучал, хотя знал, что там никого нет. Никакого ответа. Он еще раз быстро осмотрелся по сторонам, достал из-под куртки ломик и вставил в щель у замка рядом с косяком, а потом надавил. Дверь некоторое время сопротивлялась, затем послышался тихий скрежет, и она открылась. Индеец вошел внутрь, в темную комнату. Сев на стул, он отдался на волю печали.

Судья Мерилл Болл и его подружка, которую звали Синди, вернулись домой в самом начале первого. Судья вставил ключ в замок и только после этого заметил сломанную дверь.

— Господи, похоже... — начал он, но дверь распахнулась, и он замер на месте.

Перед ним стоял незнакомец: длинные черные косы на груди, глаза широко раскрыты, всматриваются в полумрак, рот приоткрыт, а в поднятой руке острый точно бритва каменный нож...

Через час на стоянке грузовиков на I-35, к северу от Оклахома-Сити, Лео Кларк сидел за рулем своей машины и плакал.

Тень Любви шагал, сторбившись под порывами ветра, его кроссовки для бега с шорохом давили кленовые листья, а впереди плыло черное пятно.

Черное пятно.

Когда Тень Любви был ребенком, мать однажды взяла его с собой к соседке. Там пахло газом и вареными овощами, и он помнил толстые ноги женщины, когда она сидела за кухонным столом и плакала. У ее мужа нашли затемнение в легких. Размером с десятицентовик. Сделать ничего нельзя, сказала соседка. Доктора посоветовали ей постараться облегчить его жизнь. Тень Любви помнил, как его мать обнимала подругу за

плечи.

Теперь он знал, как называется то, что живет у него в голове. Черное пятно.

Иногда невидимые человечки разговаривали с его матерью, касались рук, лица и одежды, даже обуви, чтобы привлечь ее внимание, рассказать, что сделал Тень Любви. Они никогда не ошибались, так она говорила. Они все видели и все знали. Мать била его палкой от швабры за то, что он сотворил. Она ловила его и колотила по спине, плечам и ногам. А потом, когда невидимки уходили, хватала его, плакала, умоляла простить, пыталась стереть синяки, словно они были ваксой для обуви.

Черное пятно появлялось вместе с невидимыми человечками. Когда Тень Любви сердился, оно возникало у него перед глазами, превращаясь в дыру в окружающем мире. Он не говорил матери об этом, иначе она рассказала бы про него невидимым человечкам, и те потребовали бы, чтобы она его наказала. По той же причине он никогда не показывал, что сердится. Неповиновение было самым страшным грехом, и человечки мгновенно возжелали бы его крови.

В какой-то момент невидимки перестали приходить. Его мать убила их при помощи спиртного, так думал Тень Любви. Ее запои были настоящим кошмаром, но человечки были в тысячу раз хуже. И хотя они пропали, черное пятно осталось...

И теперь оно плыло у него перед глазами. Проклятый коп. Дэвенпорт. Он обращался с ним как с грязью. Вошел и наставил на него палец. Заставил сесть. Точно дрессированного пса. «Сидеть, — сказал он. — Говори, — велел он. — Голос!»

Черное пятно начало расти, и у Тени Любви от пережитого унижения закружилась голова. Как с собакой! Он пошел быстрее и вскоре уже почти бежал; тогда он заставил себя замедлить шаг, откинул назад голову и громко застонал. Паршивый пес. Он сжал руку в кулак и изо всех сил ударил себя по скуле. Боль победила гнев, и черное пятно сжалось.

Точно паршивый пес, ты ползал, как пес...

Тень Любви был совсем не глуп. Его отцы начали войну, и он знал, что понадобится им. Он не мог допустить, чтобы его арестовала полиция, по крайней мере не за такую глупость, как обычная драка. Но то, как Дэвенпорт с ним обращался, грызло его изнутри. Проклятый коп заставил его вести себя прилично...

Тень Любви купил пистолет у подростка, занимавшегося грабежами. Не новый, но ему и не требовалось ничего особенного. Он дал пареньку двадцать долларов, засунул оружие за пояс штанов и направился назад, в Пойнт. Он решил, что ему придется найти другое жилье. Он не мог поселиться вместе со своими отцами: они ютились в крошечной каморке. Кроме того, они не хотели, чтобы он принял участие в их войне.

Дом. В прошлый раз, когда он приехал в город, он пошел к Рэю Куэрво.

У Желтой Руки выдался кошмарный день. Началось все с Дэвенпорта, который вывел его из ступора, состояния, которое он обожал. Чем дольше он спал, тем больше откладывал решение своей проблемы. Индеец не мог обходиться без крэка. Он прикусил верхнюю губу и задумался о том, что произошло.

После ухода Дэвенпорта Тень Любви надел ботинки и куртку и, не говоря ни слова, куда-то отправился. Старая белая тетка снова рухнула на матрас и вскоре захрапела рядом с мужиком, который так и не проснулся. Желтая Рука через полчаса вышел на улицу. Он послонялся по местному «Кей-марту», но ушел оттуда с ощущением, что кто-то за ним наблюдает. В «Таргете» было то же самое. Ничего явного, всего лишь белые типы в

галстуках из искусственного шелка.

Он пожалел, что Джиниль и Гауди нет в городе. Если бы они не отправились во Флориду, они бы все разбогатели.

Джиниль была очень черной. Когда она работала, она заплетала волосы во французские косички и красила губы розовой блестящей помадой. На правой щеке у нее был уродливый шрам, результат необдуманной драки с мужчиной, который держал в руке открывашку для пивных банок. Этот шрам наводил на всех ужас.

Если Джиниль была плохая, то Гауди был поистине кошмарным типом. Такой бледный, точно его лицо выкрасили белой краской, со взглядом, говорившим, что парень вдыхает что-то ужасное. Может, эфир. Или самолетное топливо. Токсические отходы, например. В общем, его глаза всегда были широко раскрыты, а язык то и дело выскальзывал изо рта, совсем как у змеи. В качестве украшения, в придачу к жуткому лицу, Гауди носил на шею стальные кольца, черный кожаный ошейник с шипами и доходившие до колен черные кожаные сапоги. Ему было двадцать — по тому, как он держался, становилось понятно, что он еще молод, — но его тонкие, как шелк, волосы были совершенно белыми. Когда Джиниль и Гауди входили в «Кей-март», белые парни в галстуках из искусственного шелка теряли рассудок. Пока страшная парочка разгуливала по магазину, Желтая Рука выносил в переднюю дверь ящики с добычей.

Господи, как же ему их не хватало.

Через час после того, как он вышел на улицу, он сумел разжиться радиочасами и тремя калькуляторами в аптеке «Уолтрина». Он продал их за дозу, выкурил ее и уплыл в сказочную страну. Впрочем, путешествие получилось не слишком приятным, потому что, проваливаясь в забытие, он уже знал, что его ждет холодная реальность ломки.

Под вечер он попытался украсть ящик с инструментами на заправке. И у него почти получилось. Но, когда он заворачивал за угол, служащий его заметил и громко закричал. Ящик был слишком тяжелым и убежать с ним воришка не мог, поэтому он его бросил, а сам помчался прочь через задние дворы ближних домов. Служащий вызвал копов, и Желтой Руке пришлось целый час прятаться под лодочным трейлером, пока полицейская машина объезжала район. К тому моменту, когда он зашагал назад в Пойнт, уже полностью стемнело. Ему требовалось подумать. И еще был нужен план. До очередной платы за аренду жилья осталось два дня. А ночи становились все холоднее.

Тень Любви курил сигарету, когда пришел Желтая Рука.

— Одолжишь мне пару баксов? — попросил у него паренек.

— Я не могу спускать деньги на крэк, — ответил Тень Любви и потянулся к картонной пачке «Мальборо». — Хочешь сигарету?

— Послушай, друг, я не собираюсь покупать крэк, — заныл индеец. — Мне нужно поесть. Я целый день ничего не ел.

Он взял сигарету, и Тень Любви зажег для него спичку.

— Знаешь что, — проговорил Тень Любви через некоторое время, уставившись на Желтую Руку своими белесыми глазами. — Мы можем вместе сходить в забегаловку у реки, где делают тако. И я куплю тебе полдюжины.

— Это далеко, друг, — пожаловался парень.

— Тогда иди к чертовой матери, — сказал Тень. — Я съезжаю отсюда. Спасибо, что пустили к себе.

Он заплатил Желтой Руке три доллара за использование матраса.

— Ну ладно, ладно, — быстро сказал паренек. — Я пойду с тобой. Есть ужасно хочется.

Они шли медленно и добрались от Пойнта до берега Миссисипи за двадцать минут. Река несла свои воды в ста футах внизу, и Тень Любви начал боком спускаться по склону.

— И куда ты идешь, приятель? — озадаченно спросил паренек.

— Спускаюсь к воде. Идем. Так короче.

Тень Любви думал про Желтую Руку и Дэвенпорта. Мальчишка рассказал копу про газетную статью, а это немало. Перед глазами у него снова появилось черное пятно.

— Нам же придется потом забираться вверх, — жалобно проговорил Желтая Рука.

— Иди быстрее, — рявкнул Тень Любви.

Черное пятно парило перед ним, сердце колотилось в груди, и сила росла и текла по жилам, точно расплавленное золото. Он больше не стал ничего говорить. Желтая Рука с сомнением оглянулся на огни улицы и наконец пошел за ним, продолжая тихо возмущаться.

Они перешли дорогу, ведущую к реке, и двинулись дальше, к воде, где берег был укреплен бетонной стеной. Тень Любви забрался на парапет, вдохнул речной воздух и медленно выдохнул. Затем повернулся к Желтой Руке, который встал рядом с ним.

— Посмотри, какие красивые огни там, внизу, — указал Тень Любви. — Взгляни на их отражения в воде.

— Э-э, наверное, — удивленно ответил Желтая Рука.

— А как здорово под мостом, — сказал второй индеец.

Паренек повернулся, чтобы посмотреть. Тень Любви приблизился к нему и достал из-за пояса пистолет. Прижав его за ухом жертвы, он с наслаждением подождал секунду, потом еще одну и еще, получая удовольствие от темного действия, которое должно было вот-вот свершиться. А когда уже больше не мог выносить восхитительного напряжения, нажал на спусковой крючок.

Раздался резкий хлопок, и Желтая Рука рухнул, точно марионетка, у которой обрезали веревочки. Убийца хотел, чтобы тело упало в воду, но оно осталось лежать на бетонной стене. Ему потребовалась всего одна минута, чтобы сбросить его в реку.

Ветер превратил рубашку Желтой Руки в шар, который поддерживал его на поверхности воды. Потом послышался всплеск, еще один, и труп исчез.

Предатель. Мерзавец, который вывел копов на след Блуберда.

Пока Лео Кларк плакал в своем грузовике, Тень Любви сидел в забегаловке и с невероятным аппетитом, точно изголодавшийся волк, поглощал тако. Его тело ликовало после совершенного убийства.

Лукас работал над «Нароргом» до четырех утра, а шеф позвонил в восемь. Услышав телефон, Дэвенпорт перевернулся на бок и принялся шарить на тумбочке у кровати, точно утопающий в поисках соломинки. Он наткнулся рукой на аппарат, трубка упала на пол, и ему потребовалось еще некоторое время, чтобы ее найти.

— Дэвенпорт? Какого черта...

— Я уронил телефон, — сонным голосом ответил Лукас. — Что случилось?

— Новое убийство. Федеральный судья в Оклахоме.

— Вот черт! — Лукас зевнул и сел. — Похоже, убийце удалось уйти.

— Точно. У него были косы, как...

— ...у того парня, что зарезал Куэрво. Получается, что их по меньшей мере трое, включая Блubberда.

— Да. Андерсон пытается выяснить, что известно полиции Оклахомы. Насчет снимков... мы получим их в девять. Встретимся в офисе Уинка.

— Проблем не возникло?

— Придется пройти обычную процедуру, но мы их получим, — ответил Даниэль.

— Кто-то должен позвонить Лили, — сказал Дэвенпорт.

— Моя секретарша. И еще кое-что...

— Что?

— К делу подключились федералы.

— Только не это, — застонал Лукас.

— Вот именно. Причем очень плотно. Час назад сделали официальное заявление. Я разговаривал с агентом из Миннеаполиса, так вот он сказал, что Лоуренс Дабервилль Клей взял дело под личный контроль.

— Сукин сын! А мы сможем не подпускать их к основному расследованию? Эти ребята все испортят.

— Я предложу им сосредоточиться на сборе информации, но из этого ничего не выйдет, — ответил Даниэль. — Клей рассчитывает, оседлав борьбу с преступностью, стать генеральным прокурором или даже президентом. Газеты называют эти убийства «национальным терроризмом». Он обязательно сюда явится. Помнишь, он отправился в Чикаго, когда там работали над делом о наркотиках, и в Лос-Анджелес, когда бушевала Армия зеленых. А как только он здесь окажется, развернет бурную деятельность.

— Да пошел он. Пусть делает что захочет.

— Попытайся вести себя прилично. А пока давай получим снимки в «Трибьюн» и начнем прочесывать улицы. Если нам удастся поймать этих уродов, Лоуренсу Дабервиллю незачем будет сюда тащиться.

Они встретились с представителями «Стар трибьюн» в кабинете Луиса Уинка, главного редактора газеты, голова которого напоминала бильярдный шар. Гарольд Пробст и Келли Лоуренс тоже присутствовали. Лили появилась под руку с Даниэлем; Лукас заметил, что его локоть прижимается к ее груди. Шеф надел серый костюм, как две капли воды похожий на костюм Уинка; на лице застыла довольная улыбка. Встреча продолжалась десять минут.

— Причина, по которой я выступаю против того, чтобы удовлетворить вашу просьбу, в

следующем: оказываем ли мы содействие полиции? Ответ наносит вред нашей репутации и лишает нас доверия, — сказала круглолицая Лоуренс.

— Чьего доверия? — сердито поинтересовалась Лили.

Она была в шелковой блузке и новой юбке из твида. Лукас подумал, что у нее лучший в мире цвет лица или она отлично умеет пользоваться макияжем.

— Простых горожан, — ответила Лоуренс.

Она была в мятом хлопчатобумажном платье голубого цвета, который совсем не гармонировал с ее глазами. Лили выглядела намного лучше, и Лукас пожалел, что она не осталась за дверью.

— Ерунда, — фыркнула Лили. — Вы сидите в огромном здании, по которому болтаются яппи в дешевых мокалинах, и при этом беспокоитесь, что о вас подумают простые горожане? Боже праведный!

— Успокойтесь, — вмешался Дэвенпорт. — Она права. Это тонкий вопрос.

— Мы бы не стали вас ни о чем просить, если бы были совершены самые обычные преступления. Но прошлой ночью убили федерального судью, зарезали. А кроме того, одного из подающих надежды политиков и еще двух человек, — сладчайшим голосом проговорил Даниэль и повернулся к Лили. — Дело в том, что пресса находится в очень деликатном положении.

Затем он снова повернулся к Уинку и Пробсту, которые принимали все решения.

— Нам нужно только взглянуть на лицо человека, который, как кажется офицеру Ротенберг, является убийцей из Нью-Йорка. А также нас интересуют люди, стоящие вокруг него. Мы хотим их допросить. Вы можете напечатать эти снимки в газете, чтобы на них могли взглянуть все желающие. Вы же никому не обещали хранить конфиденциальность. По правде говоря, те люди сами привлекли к себе внимание, когда приняли участие в драке.

— Да, действительно, — сказал Пробст, и на лице Уинка вспыхнуло и погасло раздражение.

Пробст занимался рекламой.

— Вы сможете сделать из этого замечательную историю, — вставил Лукас. — И заткнете за пояс «Пионер пресс».

Лоуренс тут же просветлела, но Лили продолжала кипеть от возмущения.

— А если вы нам откажете, мы пойдем в суд и все равно заставим вас сделать то, что нам нужно, — сердито заявила она.

— Эй, послушайте...

Уинк выпрямился в своем кресле.

Даниэль перебил его прежде, чем он успел еще что-то сказать. Он наставил палец в лицо Лили и заявил:

— Нет, мы не станем этого делать, лейтенант. Если здесь будет принято решение не давать нам то, что мы просим, мы будем искать другие фотографии, но в суд не пойдем. А если вы и дальше собираетесь продолжать в том же духе, я отправлю вас назад в Нью-Йорк быстрее, чем вы успеете произнести «Авеню обеих Америк».^[7]

Лили открыла рот и тут же его захлопнула.

— Ладно, — сказала она и посмотрела на Уинка. — Извините.

Даниэль наградил газетчика своей самой обаятельной улыбкой и сказал:

— Пожалуйста.

— Я думаю... нам следует попросить, чтобы сюда принесли кое-какие снимки, —

сказал Уинк и кивнул Лоуренс. — Будьте любезны.

Все сидели молча, пока издатель не принесла три толстых конверта из плотной бумаги и не протянула их Уинку. Тот открыл один, достал несколько фотографий восемь на десять, посмотрел на них и передал Даниэлю. Тот положил их на столе перед Лили, которая встала, разложила фотографии по одной и принялась изучать.

— Это он, — через некоторое время сказала она и постучала пальцем по одному из лиц. — Наш человек.

Они получили два набора снимков и остановились на углу, прежде чем Даниэль отправился назад, в здание городского совета.

— Ларри Харт придет сегодня днем. Ему нужно закрыть текущие дела, — сказал Даниэль Лукасу. — Я дам ему фотографии. Возможно, он кого-то из них узнает.

— Хорошо. А я покажу те, что у меня.

Даниэль кивнул и посмотрел на Лили.

— Вам следует научиться сдерживаться. Вы чуть все не испортили.

— Газетчики очень меня раздражают, — сказала она. — Они над вами измывались.

— Надо мной никто не измывался. Все прекрасно знали, что будет. Но ритуалы следует соблюдать, — мягко проговорил Квентин.

— Ладно, это ваша территория. Прошу меня простить, — ответила она.

— Вам следовало извиниться. А поскольку я классный парень, я ваши извинения принимаю, — заявил Даниэль и направился на другую сторону улицы.

Лили пару секунд смотрела ему вслед, а потом сказала:

— Ну и тип.

— Он вполне ничего. Иногда с ним непросто, но он не дурак, — сказал Дэвенпорт.

— И кто такой Ларри Харт? — спросила Лили.

— Работает в социальном обеспечении, сиу. Хороший парень, знает улицы, возможно, знаком с тысячей индейцев. Занимает серьезное положение в местной национальной политике. Написал несколько статей, посещает церемонии и так далее.

— Он нам необходим. Вчера я провела на улицах города шесть часов и ничего не узнала. Тот, с кем я была...

— Ширсон?

— Да. Он не отличит индейца от пожарного гидранта. Господи, мне даже стыдно было, — сказала она, качая головой.

— Вы не собираетесь сегодня с ним ездить по городу?

— Нет. — Она совершенно серьезно посмотрела на него. — Кроме того что у него патологически низкий уровень интеллекта, у нас вчера возникла небольшая проблема.

— Вот как?

— Я подумала, что могла бы поехать с вами. Вы ведь собираетесь показать фотографии людям?

— Да.

Лукас почесал в затылке. Ему не нравилось работать с напарником: иногда он заключал сделки, при которых не нужны лишние свидетели. Но Лили была из Нью-Йорка и вряд ли могла доставить ему неприятности.

— Ладно. Я оставил машину вон там.

— Все говорят, что у вас самые лучшие связи в индейском сообществе, — сказала женщина, когда они шли к машине.

Дэвенпорт не сводил с нее глаз и споткнулся на неровном асфальте. Она ухмыльнулась, но продолжала смотреть прямо перед собой.

— Я знаком примерно с восемью индейцами. Может, их десять. Но не больше, — ответил Лукас, когда пришел в себя.

— Но это же вам удалось узнать про фотографию из газеты, — заметила она.

— Просто у меня был парень, которого я сумел прижать.

Лукас сошел с тротуара и обошел капот «порше». Лили шла за ним.

— Хм, вам сюда, — сказал он, показывая на пассажирскую дверцу.

Она удивленно посмотрела на автомобиль.

— Это ваша машина?

— Моя.

— Я думала, нам на другую сторону улицы, — проговорила Лили, возвращаясь на тротуар.

Лукас сел за руль и открыл для нее дверь. Она забралась внутрь и пристегнула ремень.

— В Нью-Йорке мало кто из копов осмелится ездить на «порше». Иначе все будут думать, что они нечисты на руку.

— У меня есть собственные деньги, — сказал Дэвенпорт.

— И тем не менее не было никакой необходимости покупать «порше», — прямо сказала она. — Вы могли выбрать хорошую машину за десять или пятнадцать тысяч, а оставшиеся двадцать или тридцать отдать на благотворительность. Например, «Малым сестрам бедняков».^[8]

— Я об этом думал, — сказал Лукас, сделал запрещенный разворот и помчался на скорости сорок миль в час в деловой зоне, где было разрешено только двадцать пять. — И решил, что пусть катятся ко всем чертям.

Лили откинула назад голову и громко рассмеялась. Лукас ухмыльнулся и подумал, что у нее, конечно, имеется пара лишних фунтов, но, может, это не так уж и плохо.

Они отправились в Индейский центр и показали там фотографии. Двоих мужчин знали в лицо, но не по именам. Никто не мог сказать, где они живут. Лукас позвонил Андерсону и сообщил, что им удалось выяснить, тот обещал позаботиться, чтобы снимки были повсюду.

Они вышли из Центра и заглянули в дом, населенный по большей части индейцами, где Дэвенпорт знал двоих стариков, работавших сторожами. Но они не сказали ничего нового. А их враждебность, казалось, можно было потрогать руками.

— Они не любят полицейских, — сказала Лили, когда они вышли на улицу.

— Здесь никто не жалуется копов, — проговорил Лукас, оглянувшись на обветшалое здание. — Когда они нас видят, мы по большей части эвакуируем их машины, оставленные на зиму. Они нас не любят, но, по крайней мере, не настроены против нас. Но сейчас тут кое-что другое. Теперь они именно против.

— Возможно, у них есть на это причины, — сказала Лили.

Она смотрела в окно на группку детей, сидевших на крыльце разваливающегося дома из вагонки.

— Дети должны сейчас быть в школе. Все это самые настоящие трущобы, только чистые. Улицы убирают дважды в неделю, а люди погрязли в нищете.

Остаток утра они провели, показывая снимки индейцам, которых знал Дэвенпорт. Лили оставалась у него за спиной, почти ничего не говорила, изучала лица людей, слушала, а они с

любопытством поглядывали на нее.

— Они думают, что вы, возможно, индианка или метиска, но не уверены, пока не услышат ваш голос, — сказал Лукас между остановками. — Вы немного похожи на индианку.

— Я разговариваю совсем не как они.

— Вы разговариваете так, будто вы с Лонг-Айленда.

— На Лонг-Айленде есть индейская резервация, — сказала она.

— Правда? Я бы хотел послушать, как они говорят.

Когда утро подходило к концу, Дэвенпорт подъехал к дому Желтой Руки, по дороге рассказав о нем напарнице. Перед входом он расстегнул кобуру с Р-7.

— Могут возникнуть проблемы? — спросила Лили.

— Сомневаюсь, — ответил Лукас, — но вы же сами понимаете...

— Ясно.

Когда они вошли в дверь, она сунула руку в сумку, висевшую у нее на плече, и вынула оттуда короткий «кольт офицер» сорок пятого калибра и дослала в патронник пулю.

— Сорок пятый калибр? — удивился мужчина, когда она убрала пистолет в сумку.

— Я недостаточно сильная, чтобы драться с преступниками, — спокойно ответила она. — А если я в кого-то стреляю, я хочу, чтобы это было наверняка. Р-7 славный маленький пистолетик, но слишком легкий для серьезной работы.

— Вовсе нет, если умеешь стрелять, — сквозь зубы процедил Дэвенпорт, поднимаясь по лестнице.

— Я могу попасть летящему голубю в оба глаза, — ответила она, — не зацепив при этом ни перышка.

Дверь на верхнем этаже была открыта. Дома никого. Лукас осторожно шагнул в квартиру, огляделся по сторонам, затем прошел по разбросанным на полу газетам, апельсиновым коркам и одноразовым пакетикам из-под кетчупа, которые выдают в «Макдоналдсе».

— Он здесь был, — сказал полицейский и пнул ногой матрас Желтой Руки.

— Ощущение такое, будто тут никто не живет, — проговорила женщина и ткнула носком туфли пустую упаковку из-под соуса.

Бродяги воровали в заведениях фастфуда, а из кетчупа варили томатный суп.

— С деньгами у них совсем туго, — сказала Лили.

— Крэк.

Она кивнула, достала «кольт» из сумки, вытащила обойму, зажала ее между мизинцем и безымянным пальцем правой руки, передернула затвор, и ей на ладонь выпал патрон. Она вставила его обратно в обойму, которую вернула в рукоять. Лили проделала все это уверенно, спокойно и не думая. Лукас понял, что она хорошо знает свое оружие.

— В этом как раз проблема с автоматическими пистолетами: в самый неподходящий момент ты остаешься с пустой обоймой, — сказал Лукас.

— Это если у тебя мозгов не хватает, — ответила она, внимательно разглядывая мусор на полу. — Я научилась предвидеть подобные ситуации.

Дэвенпорт остановился и поднял предмет, который выглядывал из-под матраса Желтой Руки там, где он соприкасался со стеной.

— Что это? — спросила она, и он бросил ей свою находку. Она повертела ее в руках. — Трубка для крэка. Вы говорили, что он наркоман.

— Да, но мне интересно, почему он ее оставил? Сомневаюсь, что он куда-нибудь без нее ходит. Все остальные вещи исчезли.

— Ну, не знаю. Не вижу ничего особенного. Пока, — проговорила Лили, бросила на пол стеклянный тюбик и раздавила его ногой.

Выйдя снова на улицу, Дэвенпорт предложил заехать в контору Куэрво. Если кто-то продолжает там работать, сказал он Лили, они могут знать, куда исчез Желтая Рука.

— Я следую за вами, — кивнув, ответила она.

— Надеюсь, этот придурак не вернулся в резервацию, — сказал Лукас, когда они садились в машину. — Найти там Желтую Руку будет очень не просто, особенно если он не хочет этого.

Дэвенпорт бывал в офисе Куэрво несколько раз за прошедшие годы. На жалкого вида лестнице, ведущей к нему, ничего не изменилось. В здании отвратительно воняло застарелой мочой, мокрой шпукатуркой и кошачьим пометом. Когда Лукас добрался до верхнего этажа, дверь офиса приоткрылась на длину цепочки и в щель выглянула женщина.

— Вы кто? — спросил Лукас.

— Харриэт Куэрво, — сердито ответила хозяйка.

Он видел только ее глаза цвета выстиранных в кислоте джинсов и бледный овал лица.

— А вы кто такой, черт вас побери, чтобы задавать тут вопросы?

— Полиция, — ответил Лукас, достал из кармана значок в футляре и показал ей. Лили ждала у него за спиной, на одну ступеньку ниже. — Мы не знали, что вы теперь управляете делами Рэя.

— Уже знаете, — проворчала женщина.

Звякнула цепочка, и она распахнула дверь. После убийства ее мужа на деревянном полу осталось едва различимое пятно, Харриэт Куэрво стояла ровно посреди него. Она была в ситцевом платье, прямо от шеи до самых колен.

— Я сказала другим копам все, что знала, — резко заявила она.

— Нас интересует информация другого рода, — ответил полицейский.

В ней было пять футов и девять дюймов роста, и весила она, похоже, сто фунтов, но это были сплошные кожа и кости. Выше и ниже губ шли короткие вертикальные линии, как будто ее рот когда-то был зашит.

— У вас есть в Пойнте постоялец по имени Желтая Рука?

— Да, есть.

Она открыла большой журнал и провела пальцем по недописанной колонке.

— Заплатил до завтра.

— Вы его не видели вчера или сегодня?

— Я не слежу за людьми, черт вас побери. Я сдаю квартиры, — заявила вдова. — Если завтра он не заплатит, вылетит на улицу, как миленький. А что он делает сегодня, мне плевать.

— Значит, вы его не видели?

— Нет. — Она уставилась мимо Лукаса на Лили. — Она тоже из полиции?

— Да.

Хозяйка оглядела Лили с ног до головы.

— Слишком хорошо одевается для копа, — фыркнула она.

— Если Желтая Рука не заплатит, вы сами пойдете туда и выгоните его из квартиры? —

с любопытством спросила Лили.

— У меня есть помощник, — ответила вдова.

— Кто? — спросил Дэвенпорт.

— Лысый Патерсон.

— Правда? А я думал, что он уехал из города.

— Он вернулся. Вы его знаете?

— Да, давно.

— Слушайте... — Харриэт Куэрво прищурилась, сложила указательный и большой палец в виде пистолета и направила в сердце Лукаса. — А не тот ли вы коп, что отделал его много лет назад? И превратил в инвалида?

— У нас с ним были некоторые разногласия, — ответил лейтенант. — Передайте ему от меня привет.

Он сделал шаг к двери.

— А как насчет парня по имени Тень Любви? Вы его видели?

— Тень Любви? Никогда о таком не слышала.

— Он жил в Пойнте...

Она пожала плечами.

— У меня он ничего не снимал, — сказала она. — Наверное, его пустил к себе кто-нибудь из жильцов. Вы же знаете, как это бывает.

— Да, — сказал Лукас. — Мне жаль, что так получилось с Рэем.

— Хорошо, что кому-то жаль, потому что мне его совсем не жалко, — спокойно проговорила Куэрво, и на ее лице впервые за весь разговор появился намек на эмоции. — Я тут пыталась вспомнить про Рэя что-нибудь хорошее. Ну, хотя бы что-то. И вот что пришло мне в голову. У него была целая куча видеокассет, порно. Одна называлась «Сверхпроницаемая брюнетка». Знаете, что это значило? Это когда она была запечатана со всех сторон, если вы понимаете, что я имею в виду. Три мужика. А больше всего он любил эпизод, когда один из них кончает на грудь брюнетки. Всякий раз, когда он останавливал и перематывал пленку, на экране телевизора появлялась одна и та же передача. Знаете какая?

— Нет, даже представить не могу, — сказал Дэвенпорт и бросил мимолетный взгляд на Лили, которая замороженно смотрела на Куэрво.

— «Улица Сезам». Большая Птица спрашивает, как врачи измеряют кровяное давление. Тот парень кончает на грудь брюнетки, а у нас Большая Птица. Потом он снова кончает, и у нас опять Большая Птица. И так пятнадцать минут. Сперма, Большая Птица, сперма Большая Птица.

Она остановилась, чтобы отдышаться.

— Вот как я запомнила Рэя, — сказала она.

— Мм, ладно, нам пора, — проговорил Лукас и подтолкнул Лили к двери.

Они уже спустились на десять ступенек, когда на площадку вышла Харриэт Куэрво и крикнула:

— Я хотела детей.

Лили ухмылялась, когда они шли к машине.

— Симпатичная особа, — сказала она. — Мы в Нью-Йорке не смогли бы выступить лучше.

— Старая крыса, — проворчал Лукас.

— А вы обратили внимание на календарь на стене? «Биг бойз банз»?

Дэвенпорт прищелкнул пальцами.

— Я знал, что там что-то изменилось, — сказал он. — У Рэя висел календарь «Спортс иллюстрейтед» с девицами в купальниках. Открытый на одном и том же месте: на снимке красотки в мокрой футболке. У нее такие огромные... э-э-э...

— Буфера?

— Точно. Он его никогда не переворачивал. Нашел то, что ему нравится, и оставил.

— Значит, хозяин поменялся, а стиль нет, — сказала Лили.

— Вы все правильно поняли.

В машине Лукас посмотрел, сколько времени. Они провели в разъездах три часа.

— Пора перекусить.

— В вашем городе есть место, где продают деликатесы?

— Не можете без них? — ухмыльнувшись, спросил мужчина.

— Не в этом дело, — ответила она. — Я слишком много питаюсь в отелях, и теперь вся еда имеет вкус овсянки.

— Ладно, деликатесы, — не стал спорить Лукас. — Примерно в двух кварталах от моего дома, в Сент-Поле, есть то, что нужно. А в задней части имеется ресторан.

Они поехали на восток по Лейк, перебрались на другую сторону Миссисипи, затем на юг вдоль реки через лес кленов, дубов и вязов, мимо колледжей.

— Это все религиозные колледжи. Здесь самое плотное население девственниц в наших двух городах, — сообщил Дэвенпорт.

— И район, где вы живете. Какой ужас, сколько работы, — заявила она.

— И что это значит? — спросил Лукас.

— Когда я говорила, что собираюсь поехать сегодня с вами, все на меня так странно смотрели. Будто хотели сказать: «О, прямо в руки к донжуану».

— Чушь собачья, — фыркнул мужчина.

Гастроном размещался в желтом блочном здании с парковкой позади. Когда они выбрались из машины, они заметили, что пожилая женщина наблюдает за ними в окно ресторана и жует маринованные пикули. Лили просветлела, увидев это.

— Пикули... Похоже, что здесь окажется очень даже неплохо, — сказала она.

Войдя внутрь, она пробежала глазами меню сэндвичей, затем заказала солонину, сырное ассорти, салат из сырой капусты, моркови и лука, картошку фри, семислойный сэндвич и «Перье» со вкусом малины.

— Тысяча калорий, — проговорила она через пять минут, грустно поглядывая на поднос, который поставил перед ней бармен. Он фыркнул и отвернулся. — Что, думаете, здесь больше тысячи? — крикнула она ему вслед.

— Милая, в сэндвиче шестьсот или семьсот, а это только половина заказа.

— Не хочу ничего про это слышать, — ответила Лили и снова повернулась к еде.

Дэвенпорт заказал колбасу на ржаном хлебе, пакет картофельных чипсов, диетическую колу и повел напарницу в глубь ресторана.

— Я люблю поесть, — призналась Лили, усаживаясь в кабинке. — Когда меня похоронят, я буду весить двести фунтов.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал Лукас.

— Я выглядела бы замечательно, если бы сбросила фунтов десять, — взглянув на него, ответила женщина.

— Я придерживаюсь своего прежнего заявления.

Лили отвернулась и занялась едой.

— Итак, насколько я понимаю, у вас крошечный ребенок, но вы не женаты, — сказала она через некоторое время.

— Точно.

— А это вас не смущает, хотя бы чуть-чуть?

Она слизнула крошку салата с верхней губы.

— Нисколько. Я хотел жениться, но моя подруга не желает. Мы продолжаем встречаться, но живем отдельно.

— А когда вы в последний раз просили ее выйти за вас замуж? — спросила Лили.

— Я предлагал ей это примерно раз в неделю. А потом сделал официальное заявление.

— Вы ее любите?

— Конечно, — кивая, ответил Дэвенпорт.

— А она вас?

— Говорит, что любит.

— В таком случае почему она отказывается выйти за вас? — поинтересовалась Лили.

— Она говорит, что из меня получится прекрасный отец и отвратительный муж.

— Хм.

Лили откусила кусок сэндвича и принялась задумчиво его жевать, наблюдая за ним.

— Похоже, вы любите немного развлечься, — заявила она, проглотив пищу.

— Ничего такого, когда она забеременела, — ответил Лукас. — А до того...

— Совсем чуть-чуть?

— Да. — Он ухмыльнулся. — Время от времени.

— А вы как? — спросил Дэвенпорт. — Я вижу у вас обручальное кольцо.

— Да. — Она забросила в рот картошку фри. — Мой муж — профессор социологии в Нью-Йоркском университете. Составлял официальные бумаги для Андретти. Это одна из причин, по которой меня сюда отправили. Я знакома с семьей.

— Хороший человек?

— Наверное, для политика — да.

— Я имел в виду вашего мужа.

— Дэвида? Дэвид прекрасный человек, — уверенно заявила Лили. — Самый лучший из всех, кого я когда-либо встречала. Мы познакомились, когда я еще училась в школе. Он был аспирантом, преподавал у меня. Тогда в округе Колумбия творилось черт знает что, люди выходили на улицы, Маккарти баллотировался в президенты... Хорошее было время. Интересное.

— Значит, вы вышли замуж сразу после колледжа?

— До его окончания. Потом я получила степень, подала заявление в департамент полиции, когда начала действовать специальная программа по привлечению женщин, и вот я здесь.

— Вот как.

Дэвенпорт смотрел на нее несколько секунд, доел чипсы и выскользнул из кабинки.

— Я сейчас вернусь.

«У них проблемы, у Лили и Дэвида», — подумал он по дороге к стойке. Он заказал

большой пакет чипсов и еще одну диетическую колу. «Она к нему хорошо относится, но неземной любви нет». Оглянувшись, он заметил, что она наблюдает за прохожими на улице. Луч солнца разрезал стол пополам и остановился на ее руках. «Красивая», — решил Лукас.

Когда он вернулся, она облизывала кончики пальцев.

— Куда теперь?

— Нужно повидать одну монахиню.

— Зачем?

Статуя из алебастра семи футов высотой, изображавшая Непорочную Деву, нависала над подъездной дорогой.

— Я никогда не была в монастыре, — пробормотала Лили.

— Это не монастырь, — ответил Лукас. — Это колледж.

— Вы сказали, что здесь живут монахини.

— В дальнем конце кампуса есть жилой комплекс.

— Как ей удастся так закатывать глаза? — спросила Лили, которая продолжала разглядывать статую.

— Экстаз от безупречной молитвы? — предположил Дэвенпорт.

— А что она делает со змеей?

Под сандалиями Девы виднелся хвост змеи. Тело обвилось вокруг ноги, прикрытой одеянием, голова была поднята, словно она собиралась укусить ее за колено.

— Топчет. Это дьявол.

— Хм. Похожа на одного следователя из нашего отряда. Я имела в виду змею.

Лукас ходил в начальную школу вместе с Эллой Крюгер. Они встретились через много лет, Лукас уже работал в полиции Миннеаполиса, а Элла Крюгер стала психологом и сестрой милосердия. Ее кабинет находился на третьем этаже колледжа Альберта Великого. Лукас провел Лили по длинному холодному коридору, в котором гуляло эхо их шагов. У кабинета Эллы он один раз стукнул в дверь, открыл ее и просунул внутрь голову.

— Наконец-то, — сердито заявила Элла.

Она придерживалась традиций и была одета в черную рясу, на запястье у нее висели четки.

— Пробки, — в виде извинения сказал Лукас и вошел внутрь. Напарница не отставала. — Элла, это лейтенант Лили Ротенберг из департамента полиции Нью-Йорка. Она приехала, чтобы расследовать смерть Джона Андретти. Лили, познакомься с моим другом, сестрой Мэри Джозеф. Она здесь главный психоаналитик.

— Рада познакомиться с вами, Лили, — сказала Элла и протянула худую руку.

Женщина пожалала ее и улыбнулась.

— Лукас говорит, что вы ему помогаете разобраться в некоторых делах.

— Если могу. Но по большей части мы играем, — ответила монахиня.

Лили посмотрела на Лукаса, и тот объяснил:

— У нас тут игровая группа, которая собирается раз в неделю.

— Интересно, — проговорила Лили, поглядывая то на одного, то на другую. — Что-то вроде «Подземелий и драконов»?

— Нет, речь о ролевых играх, — объяснила Элла. — Исторические реконструкции. Попросите Лукаса рассказать вам про его Геттисберг.^[9] Мы разыгрывали его трижды за прошлый год, и все время по-разному. В прошлый раз Бобби Ли^[10] забрался в Филадельфию.

— Мне все-таки придется что-то сделать с проклятым Стюартом,^[11] — сказал Лукас монахине. — Если он отступает слишком рано, то нарушает все расчеты. Я думаю о...

— Ладно, хватит про игры, — перебила Элла. — Как насчет мороженого?

— Мороженого? — переспросила Лили и поднесла ко рту руку, чтобы скрыть небольшую отрыжку. — Хорошая мысль.

Когда они шли по коридору, Лили повернулась к монахине и спросила:

— Что вы имели в виду, когда сказали: «его Геттисберг»? Лукас придумал игру или что-то в этом роде?

Элла приподняла одну бровь.

— Вы не знали, что наш мальчик является знаменитым изобретателем игр?

— Нет, — ответила Лили и посмотрела на Дэвенпорта.

— Так вот это так, — подтвердила монахиня. — Он разбогател на своих играх.

— Вы богаты? — спросила Лили у Лукаса.

— Нет, — ответил тот и покачал головой.

— Поверьте мне на слово, он очень даже богат, — заявила Элла с напускной уверенностью. — В прошлом году он купил мне золотую цепочку, вызвавшую возмущение у всего крыла, в котором я живу.

— Похоже, приличная католичка-немка становится жертвой влияния ирландцев, — сказал Лукас.

— Ирландцев?

— Чепуха. — Лукас повернулся к Лили и театральным шепотом проговорил: — Я никогда не употребляю слова «дерьмо собачье» в присутствии монахинь.

Они сели в кабинку в кафе, где подавали мороженое; Лукас и Лили рядом, Элла напротив. Она заказала ванильное мороженое с горячим шоколадом, взбитыми сливками, орешками и мараскиновой вишенкой, Лили — банановый сплит,^[12] а Лукас пил кофе и думал о теплом бедре напарницы, которое оказалось совсем рядом.

— Значит, вы расследуете убийство Андретти, — начала за них Элла.

— Складывается впечатление, что мы имеем дело с заговором, — ответила Лили.

— Индеец, убивший двоих человек в Миннеаполисе, и тот, что расправился с Андретти?

— Да, — сказал Дэвенпорт. — Только мы думаем, что в Миннеаполисе действовали два разных убийцы. А теперь еще судья в Оклахоме...

— Я не слышала...

— Прошлой ночью. Интересно, с какой организацией мы столкнулись? Если она вообще есть, эта организация.

— С религиозной, — тут же ответила монахиня.

— С религиозной?

— Мало что в мире может стать цементом для заговора, целью которого является убийство. Самой по себе ненависти недостаточно, потому что она слишком несфокусирована, в ней нет расчета. Непременно должна быть какая-то позитивная идея. Обычно именно религия рождает такие формы. Трудно быть разумным и одновременно совершать убийства, если для этого нет какой-то сложной причины.

— А как насчет групп, которые формируются в тюрьме? — спросила Лили. — Например, несколько человек объединяются и объявляют войну...

— И собирают деньги на правое дело, обычно имеющее квазирелигиозную подоплеку.

Спасем белую расу от загрязнения кровью черных. Арабов, евреев, кого угодно. То же самое вы слышите от представителей левых радикальных организаций, а также групп или пар убийц-психопатов, которых вы время от времени арестовываете. Ими всегда движет общее чувство угнетения, а их идеи имеют под собой религиозное основание. Обычно среди них есть некий мессия, говорящий, что убивать можно. И даже необходимо.

— Один из моих людей в индейской резервации сказал, что Блуберд...

— Это тот, кого убили в Миннеаполисе? — перебила его Элла.

— Да, тот. Он сказал, что Блуберд находился в поисках религии.

— Я бы сказала, что он ее нашел, — проговорила монахиня.

Она оставила вишенку напоследок и теперь отправила ее в рот, наслаждаясь сладким вкусом.

— Знаешь, как делают мараскиновые вишенки? — спросил Лукас, прикрыв глаза рукой, когда вишенка исчезла.

— И слышать не хочу, — ответила Элла и наставила длинную ложку на нос Лукаса. — Если убийства организовала группа, в ней, возможно, не больше двенадцати человек. Но скорее всего, пять или шесть.

— Шесть? Боже праведный, — выпалила Лили. — Прошу меня простить. Но шести человек?

— А каковы шансы, что их всего трое? — спросил Дэвенпорт. — Блуберд, парень в Нью-Йорке и тот, что убил судью в Оклахоме?

Элла откинула назад голову и принялась задумчиво изучать потолок.

— Нет. Я так не думаю. С другой стороны, кто знает? Впрочем, мне кажется... Убийцам из Нью-Йорка и Оклахомы пришлось проделать немалый путь, чтобы добраться отсюда туда и совершить там задуманное. Если они были знакомы с Блубердом. Мне кажется, их туда отправили... что-то вроде миссии. Блуберд явно был готов умереть. Это более типично для тех, кто видит себя частью процесса, а не последним шансом для нанесения ответного удара.

— Значит, будут еще убийства?

— Да, будут. Но их количество имеет пределы. На самом деле не существует такого понятия, как грандиозный преступный заговор. По крайней мере, он не может быть тайным. Полагаю, что Адольф Гитлер и его палачи являлись участниками грандиозного преступного заговора, но им потребовалось сотрудничество всей нации, чтобы претворить его в жизнь.

— Значит, похоже, есть по крайней мере еще двое или трое, а может быть, шесть или восемь человек, которых объединяет какая-то религиозная идея, — сказал Дэвенпорт.

— Совершенно верно, — подтвердила Элла. — Если вы хотите их остановить, ищите проповедника.

В машине, когда они возвращались в офис, Лили принялась рассматривать Лукаса.

— Терпеть не могу, когда меня разглядывают, — заявил он.

— У вас интересные друзья, — заметила женщина.

— Я коп, — пожав плечами, ответил он.

— Вы сочиняете игры и играете в них с монахинями?

— Знаете, я очень непростой парень, — сказал Лукас, взглянул на нее поверх солнечных очков, подмигнул и снова стал смотреть на дорогу.

— О, мистер Крутой, — проговорила она. — Меня прямо всю жаром окатило.

«Меня тоже», — подумал Лукас и бросил на нее мимолетный взгляд. Лили отвернулась,

но он заметил, что она покраснела. Она знала, какие мысли его посещали и что он чувствовал, когда они сидели рядом в кабинке кафе.

Дома Ларри Харт носил ковбойские сапоги, голубые джинсы и классические рубашки с галстуками-шнурками. Их всегда украшал кусочек бирюзы в серебряном зажиме. Он мог бы одеваться так на работу, прибавив к своему наряду пиджак, но никогда этого не делал. Для работы предназначались коричневые костюмы с галстуками коричневых и золотистых тонов, а также коричневые ботинки с острыми носами. Даже в середине лета, когда температура воздуха поднималась до тридцати двух градусов, Харт потел в коричневых костюмах, посещая, по долгу службы социального работника, крошечные квартирki своих клиентов.

Однажды Дэвенпорт спросил его, почему он так поступает, Харт пожал плечами и сказал: «Потому что мне нравится». На самом деле он имел в виду: «Мне приходится».

Ларри пытался втиснуть себя в стандартный образ муниципального служащего, но у него ничего не получалось, как бы он ни старался. Коричневый костюм не мог скрыть его происхождения. Он был широкоплечим и крепким, с черными глазами и волосами с проседью. Он принадлежал к племени сиу. Харт имел больше всех подопечных в отделе социального обеспечения, потому что некоторые из его клиентов категорически отказывались разговаривать с кем-то другим.

— Лукас, дружище, что происходит? — спросил Харт.

Дэвенпорт, положив ноги на край корзины для мусора, устроился в своем офисном кресле, а Лили раскачивалась взад-вперед — несколько дюймов туда, потом несколько дюймов обратно — в кресле на колесиках. Харт вошел в крошечный кабинетик и присел на край стола Лукаса.

— Ларри Харт, Лили Ротенберг, полицейский департамент Нью-Йорка, — представил их друг другу Лукас.

— Приятно познакомиться, — сказала Лили, разглядывая индейца. — Вы делали обход?

— Да. На Франклин...

Харт обошел индейское поселение, показывая снимки. Двоих из тех, кто был на них изображен, он знал сам.

— Медведь и Бродячий Олень живут в Роузбаде, — сказал он. — Крутые парни, но не сумасшедшие. Не могу себе представить, чтобы они ввязались во что-нибудь подобное.

— А больше никого с фотографий вы не знаете? — спросила Лили.

— По именам нет, но кое-какие лица мне знакомы. Несколько я видел в Индейском центре. Вы спрашивали Андерсона про одного из них. В прошлом году я играл с ним в баскетбол.

— А можно получить списки команд?

— Как правило, люди подбираются случайным образом, — ответил Харт, — но если я немного поспрашиваю тут и там, возможно, мне удастся установить его имя. Еще несколько человек я видел на церемониальных собраниях в Верхнем Сиу и Фландро, Сиссетоне, Роузбаде, иными словами, везде.

— Они все сиу? — спросил Лукас.

— Думаю, все, кроме одного. Дай-ка снимки, я хочу еще раз взглянуть...

Он начал перебирать фотографии, пока не нашел ту, которую искал.

— Это чиппева. Имени я не знаю, вроде бы Джек, может быть, Джек Бордо. Мне

кажется, он из клана «Белая земля», но я не уверен.

— И как мы узнаем того, кто интересуется Лили? — спросил Дэвенпорт.

— В Южной Дакоте есть парочка ребят, которые, возможно, его знают. Помощники шерифа. Я дал Даниэлю их имена, он им позвонил, и они сегодня вечером приедут в Рэпид-Сити. Я лечу туда на шестичасовом самолете. Буду в Рэпид-Сити к половине восьмого. Прихватю с собой фотографии.

— Вы думаете, они знают всех этих людей? — спросила Лили.

— Большинство знают. Они стараются отслеживать тех, у кого есть оружие, — ответил Харт.

— А почему мы не можем просто отправить туда снимки?

— Ребята из технического отдела сказали, что качество получится плохим, и мы решили, что будет лучше во всех отношениях, если я туда слетаю и сам с ними поговорю.

— Звучит разумно, — сказала Лили.

— А как твое генеалогическое древо, которое ты выстраиваешь? — спросил Лукас. — Насколько я понял, у тебя там имеются сведения касательно всех семей сиу, живущих в Миннесоте. Что-нибудь удалось узнать про Блуберда и Желтую Руку?

— Я проверил Блуберда. Он практически последний представитель своей семьи. Многие Блуберды уехали на восток, женились на могавках и тому подобное. Имеется еще несколько, но немного, членов клана Желтой Руки в Кроу-Крик и Ниобрара. Они были миннесотскими индейцами, сейчас они вымирают. Я знаю Желтую Руку, с которым ты разговаривал, он почти не поддерживает отношения со своей родней. Типичный неудачник, пропащий парень.

— Больше ничего?

— Боюсь, что нет.

Харт посмотрел на часы.

— Мне пора на самолет.

— Когда вы будете знать? — спросила Лили. — Про фотографии?

— Примерно через пять минут после того, как сойду с самолета. Хотите, чтобы я позвонил вам сегодня?

— А ты сможешь? Я вернусь сюда и буду ждать твоего звонка, — сказал Лукас.

— И я тоже, — добавила женщина.

— Мы будем все знать примерно в половине восьмого, — заверил их индеец.

— И что теперь? — спросила Лили.

Они стояли на тротуаре, Харт уехал в аэропорт на полицейской машине.

Дэвенпорт взглянул на часы.

— Мне нужно съездить к дочери и что-нибудь поесть, — сказал он. — Давайте встретимся здесь в семь. Подождем звонка Ларри и решим, что будем делать завтра.

— Это зависит от того, что ему удастся узнать, — сказала Лили.

— Да, верно, — проговорил Лукас и принялся вертеть ключи на пальце. — Подвезти вас до отеля?

— Нет, спасибо, — улыбнувшись, ответила она. — Я с удовольствием прогуляюсь.

Сара ползала по ковру в гостиной, когда приехал Лукас. Он опустился на четвереньки, подметая галстуком пол, и принялся играть с ней. Сначала он отодвигался назад, и она,

радостно лопоча, ползла к нему; затем, широко раскрыв глаза, принималась пятиться, и он делал вид, что пытается ее поймать.

— Это все выглядело бы намного симпатичнее, если бы у тебя сзади не было этой большой штуки, — заметила Дженнифер из кухни.

Лукас вытащил из заднего кармана пистолет и положил на столик с лампой.

— Господи, только не здесь, — возмутилась Дженнифер. — Она может встать и схватить его.

— Она еще не умеет ходить, — возразил Дэвенпорт.

— Скоро научится. Так что это дурная привычка.

— Хорошо, — ответил Лукас, сунул пистолет в кобуру и подхватил на руки дочь, которая с восторгом ждала возможности полетать.

Он подбрасывал ее на руках, одновременно направляясь в сторону кухни, и остановился в дверях.

— Что-то не так?

Дженнифер резала салат.

— Нет. Если только у тебя нет никаких проблем, — повернув к нему голову, ответила она.

— Я только что приехал, и у меня все в полном порядке, — сказал Лукас. — Но мне кажется, что ты немного напряжена.

— Вовсе нет. Просто я не хочу, чтобы по всему дому валялись пистолеты.

— Ясно, — проговорил он. — Идем, Сара, пора спать. К тому же у твоей мамы плохое настроение.

Лукас терпеливо молчал во время обеда, наблюдая за лицом подруги. Он видел, что с ней что-то происходит.

— Удалось что-нибудь узнать про убийцу из Нью-Йорка? — спросила, наконец, она.

Слухи о встрече полиции с представителями «Стар трибьюн» ходили во всех средствах массовой информации. Даниэлю удалось отбиться от полудюжины репортеров, но утечка была неизбежна. Дженнифер, которой позвонил ее бывший коллега с «ТВ-3», целый день разговаривала по телефону со своими сослуживцами и к тому моменту, когда Дэвенпорт приехал, знала почти все.

— Возможно. Я жду звонка в половине восьмого.

— Ты собираешься вернуться на работу?

— Да, к семи.

— Если тебе позвонит Кеннеди с нашей станции, ты сообщишь ему что-нибудь для десятичасовых новостей?

— Ему придется сначала договориться с Даниэлем, — ответил Лукас.

— А он там будет сегодня вечером?

— Нет, не думаю.

— А дамочка из Нью-Йорка?

«Вот в чем дело», — подумал Дэвенпорт и сказал:

— Она придет.

— Я слышала, что она потрясающая красотка, — сказала Дженнифер, подняла глаза от тарелки и посмотрела прямо на него.

— Она достаточно симпатичная, — заметил Лукас. — Немножко полновата, возможно... А что, у нас теперь будут проблемы насчет того, с кем я работаю?

— Нет.

Дженнифер снова опустила глаза в тарелку.

— Видишь ли...

— Ладно, — сказал Лукас и положил вилку. — Выкладывай.

— Один парень с нашей станции предложил мне встретиться.

— Кто?

— Марк Ситон.

— А что ты?

— Я ответила... что я ему перезвоню.

— Значит, хочешь пойти?

Дженнифер встала, взяла свою тарелку и отнесла в раковину.

— Думаю, да, — ответила она. — Кроме того, это ничего не значит. Марк хороший человек. И он хочет с кем-нибудь сходить на симфонический концерт.

— Так сходи, — пожав плечами, сказал Дэвенпорт.

Она искоса взглянула на него.

— Ты не против?

— Я против. Но я не стану тебе запрещать.

— Господи, это хуже, чем запрет, — сказала она и уперла кулак в бедро. — Ты пытаешься взывать к моей сознательности, Дэвенпорт.

— Послушай, если хочешь пойти, иди, — ответил Лукас. — Ты же знаешь, что я не поведу тебя на симфонический концерт. По крайней мере, не стану этого делать регулярно.

— Просто у тебя есть друзья и все, что ты делаешь: игры, рыбалка, полицейская работа... я и Сара. Ты встречаешься с разными людьми почти каждый день, я же никого не вижу, кроме своих коллег. И ты знаешь, как я люблю музыку...

— Так сходи на концерт, — повторил Лукас и ухмыльнулся. — Марка Ситона я перенесу. Он меня не беспокоит, — сказал он и наставил на нее палец. — Но я больше не хочу выслушивать глупости о женщине из Нью-Йорка. Она действительно очень симпатичная, а еще она замужем за каким-то солидным профессором и счастлива с ним. Ширсон вчера попытался к ней клеиться, так вот теперь он носит свои яйца в коробке для ланча.

— Ты слишком подробно возражаешь, — заметила Дженнифер.

— Ничего подобного. А ты ищешь повод...

— Давай не будем ссориться.

— Мы еще спим вместе? — спросил Лукас.

— Возможно, тебе повезет, — ответила Дженнифер. — Но немного романтики не повредило бы.

Когда Лили вошла в кабинет Дэвенпорта, он заметил над ее верхней губой узкую белую полосу. Они были одни в крошечном кабинетике, дверь которого была распахнута в темный коридор.

— Выпили стакан молока?

Она склонила голову набок.

— Вы еще и экстрасенс? В дополнение к сочинению игр и деньгам?

Он ухмыльнулся, протянул руку и провел указательным пальцем по ее губе.

— Нет. Просто тут остался небольшой след. Как у моей дочери.

— Как ее зовут? Вашу дочь?

— Сара.

— У нас Марк и Сэм, — сказала Лили. — Марку пятнадцать. Господи, невозможно поверить. Он уже учится в средней школе и играет в футбол. Сэму тринадцать.

— Вашему сыну пятнадцать? — переспросил Лукас. — Сколько же вам лет?

— Тридцать девять.

— Я думал, не больше тридцати четырех.

— О, какая галантность, — Лили рассмеялась. — А вам сколько?

— Сорок один.

— Сорок один. Ваша дочь начнет встречаться со всякими придурками в средней школе, а вы будете слишком старым и немощным, чтобы ей помешать.

— Я с нетерпением жду времени, когда стану немощным, — парировал Лукас. — Буду сидеть в роскошном кожаном кресле и читать стихи. Отправлюсь в свой загородный дом, устроюсь на веранде и стану наблюдать за закатом...

— С незастегнутой молнией на штанах и выставленным наружу хозяйством, потому что вам не хватит мозгов правильно одеться...

— О, ваша лесь впечатляет, — ответил Дэвенпорт и невольно рассмеялся.

— Просто вы слишком размечтались о том, как будете наслаждаться жизнью на старости лет, — мрачно заявила Лили.

Харт позвонил без четверти восемь из аэропорта Рэпид-Сити.

— Они его сразу узнали, — доложил он. — Его зовут Билл Худ. Сиу из Роузбада, но пару лет назад он женился на женщине чиппева. Живет в Миннесоте. Думаю, где-то в районе Красного озера.

— Что? — спросила Лили.

В кабинете не было параллельного аппарата, и она наблюдала за лицом Дэвенпорта.

Лукас кивнул ей и сказал в трубку:

— А как насчет остальных? Еще какие-нибудь имена удалось узнать?

— Да, они знают кое-кого. Во время той потасовки с байкерами они записали несколько фамилий. Я передам их Андерсону, пусть пропустит через компьютер.

— Что? — снова спросила Лили, когда Лукас повесил трубку.

— Вашего парня зовут Билл Худ. Предположительно он живет где-то около Красного озера.

— Где находится Красное озеро? — спросила она.

— Это резервация на севере.

— Вставайте. Нам нужно заехать в мой...

— Конечно. Предстоит еще много сделать. Сегодня мы начнем с наших контактов, попытаемся узнать наверняка, где он живет. Индейцы постоянно переезжают с места на место и оказываются то здесь, то в резервации. Мы ведь не знаем, может, он тут общался с Блubberдом. А если нет, мы договоримся с ребятами на севере и только потом поедem туда. Если мы отправимся сегодня вечером, большую часть времени мы потратим на бессмысленные метания.

Лили встала, подбоченилась и наклонилась к нему.

— Почему здесь постоянно нужно ждать еще один день? Господи, в Нью-Йорке...

— Вы не в Нью-Йорке. Там, если вы хотите куда-то попасть, вы берете такси. Вам известно, на каком расстоянии отсюда находится Красное озеро?

— Нет.

— Примерно на таком же, как Вашингтон от Нью-Йорка. На такси туда не доберешься.

Сегодня я сделаю несколько телефонных звонков, а завтра...

— Мы туда поедem.

— Вы слышали? — крикнула она.

Лили шла к нему по коридору, держа в одной руке листки бумаги. До сих пор она едва заметно красила губы бледно-розовой помадой. Сегодня утром они были кроваво-красными, цвета уличного насилия и грубого секса. Прическу она тоже поменяла; черные косы венчали лоб, и она смотрела из-под них на мир, точно злая королева из «Белоснежки».

— Что? — Лукас держал в руке бумажный стаканчик с кофе, приготовленным в микроволновке, под мышкой — экземпляр «Трибьюн».

— Мы нашли Худа. Здесь, в городе. Андерсон рано утром засел за компьютер, — сообщила она. Бумаги в ее руке были распечатками с пометками на полях, сделанными синими чернилами. — Худ жил в местечке под названием Бемиджи. Это не резервация, но находится совсем рядом.

— Да. Около Красного озера, — сказал Дэвенпорт, открыл металлическую дверь в кабинет и вошел первым.

— Но у нас проблема, — проговорила его напарница, устраиваясь на втором стуле, имевшемся в комнатке.

Лейтенант поставил кофе на стол, снял спортивный пиджак, повесил на крючок и сел.

— Вот что случилось...

Лукас потер лицо и нахмурился.

— Что такое?

— Лицо болит, — ответил он.

— У вас болит лицо?

— Моя кожа чувствительна к утреннему свету. Думаю, мой дед был вампиром.

Она мгновение смотрела на него, затем покачала головой.

— Боже праведный...

— Итак, какая у вас проблема? — спросил Дэвенпорт, пряча зевок.

Она вернулась к насущным делам.

— Худ ездит не на своей машине. У него полноприводной «форд темпо» красного цвета, семьдесят восьмого года выпуска. Он стоит около его дома в Бемиджи, где живут его жена и ребенок. У местных копов есть там свой источник — невестка кого-то из них. Так вот, красная машина подозреваемого все это время находилась там. Мы не знаем, на чем он уехал из того мотеля, но автомобиль был большим и старым. Что-то вроде «бьюика» или «олдсмобилия» семьдесят девятого года. Весь в ржавчине.

— Значит, мы не сможем поймать его на автостраде.

— К сожалению. Но... — Она пролистала распечатки. — Андерсон проверил пс компьютеру и поговорил с представителями штата. У Худа права, выданные в Миннесоте, но вторая машина не зарегистрирована. Поэтому Андерсон просмотрел все, что имелось на него, и нашел. Он выступал в роли ответчика в мелком судебном разбирательстве. Купил в рассрочку телевизор и не смог внести очередной платеж.

— И его адрес имелся в заявлении.

— Нет. Андерсону пришлось позвонить в «Сирс».^[13] Они нашли адрес в базе данных своего компьютера. Это жилой дом на Линдейл-стрит.

— Линдейл-авеню, — поправил ее Лукас и наклонился вперед, чтобы не пропустить ни

одного слова.

— Неважно, как она называется. Дело в том, что квартиру снимает некто по имени Томас Пек. Слоун и двое ребят из отдела по борьбе с наркотиками отправились туда, чтобы разведать обстановку.

— Возможно, он переехал.

— Не исключено, но Пек снимает там квартиру уже два года. Так что, может быть, наш подозреваемый живет с ним вместе.

— Хм, — Дэвенпорт задумался над ее словами, а она сидела подавшись вперед и ждала его комментариев. — А вы уверены, что нашли того самого Билла Худа? Имя довольно распространенное.

— Да, уверены. В данных «Сирса» говорится о смене адреса.

— Тогда бьюсь об заклад, что он по-прежнему живет в той квартире, — сказал Лукас. — Стоит нам попасть в какую-нибудь базу данных или список, мы там остаемся навечно...

— ...и это работает, — закончила Лили.

Лили не поехала по адресу подозреваемого, потому что Даниэль хотел сократить полицейское присутствие в том районе до минимума.

— Там полно агентов ФБР. Человек двенадцать, и они прочесывают все вокруг, — сказала она.

— А он не собирается попросить их, чтобы они идентифицировали Худа?

— Он уже поговорил с одним из них. — Она посмотрела на часы. — Через полчаса назначено совещание. Мы должны на нем присутствовать. К этому времени вернется Слоун. Ларри Харт прилетит примерно в это же время, сегодня утром, — сообщила Лили, которую переполняла энергия. — Проклятье, я боялась, что мне придется просидеть здесь целый месяц. Но если мы его возьмем, я смогу вернуться домой уже завтра.

— А Даниэль сказал, как зовут парня из ФБР? — спросил Лукас.

— Ну да, сказал. Его зовут... — Она посмотрела в свои записи. — Киффер.

— Охо-хо.

— Плохо?

Лили посмотрела на него, и он нахмурился, качая головой.

— Он меня не любит, а я не переношу его. Гарри Киффер самый правильный в мире человек. Исключительно правильный.

— Ну, в таком случае вам придется нацепить свою фальшивую улыбочку, потому что мы встречаемся с ним через двадцать семь минут.

Лили снова взглянула на часы, затем на его пустой стаканчик.

— Где можно добыть еще кофе и приличную булочку?

Они прошли по тоннелю из здания городского совета в правительственный центр округа Хэннепин, поднялись на уровень Скайвей и направились по нему до здания Пиллсбери. Стоя на эскалаторе на ступеньку выше Лукаса, Лили смогла заглянуть ему в глаза.

— Нелегкая ночь?

— Да не особенно, а почему вы спрашиваете? — поинтересовался он.

— Вы ужасно выглядите.

— Как правило, я встаю поздно. И могу нормально работать не раньше двенадцати. — Он зевнул в подтверждение своим словам.

— А ваша подруга? Она тоже сова?

— Да. Половину своей жизни она проработала репортером вечерних новостей и заканчивала после одиннадцати. Так мы с ней и познакомились. То и дело натыкались друг на друга в ресторанах, работающих ночью.

Проходя по Скайвей, Лили смотрела в окна на сверкающие городские небоскребы, памятники индустрии цветного стекла.

— Я никогда здесь не бывала, — сказала она. — Когда хипповала, пару раз путешествовала по стране, еще в колледже, но мы всегда отправлялись южнее. Через Айову или Миссури, а потом в Калифорнию.

— Да, Миннесота совсем не по дороге, — согласился с ней Дэвенпорт. — Озеро Мичиган вместе с Висконсином и Дакотой отрезают нас от остальных. Сюда нужно захотеть приехать. Думаю, вы не часто покидаете Центр вселенной.

— Время от времени выбираюсь, — мягко проговорила она, отказываясь проглотить наживку. — Но обычно во время отпуска — на Багамы, Киз или на Бермуды. Однажды мы слетали на Гавайи. Просто мы не бываем в центральной части страны.

— Знаете, тут у нас последнее убежище американской цивилизации — здешние места, расположенные между горами, — сказал Лукас, выглядывая в окно. — Большая часть населения грамотна, почти все доверяют своему правительству, и оно, в общем, вполне приличное. Горожане контролируют улицы. У нас есть нищета, но не катастрофическая. С наркотиками удается справляться. Здесь хорошо.

— Вы хотите сказать, как в Детройте?

— Есть, конечно, пара мест, которые представляют собой проблему...

— Южный Чикаго, Гэри и восточный Сент-Луис...

— ...но по большей части, тут совсем неплохо. Складывается ощущение, что никто не знает, что творится в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, и на самом деле, это никого особенно не волнует. Политикам приходится врать и воровать, чтобы их избирали.

— Мне кажется, мой мозг высох бы, если бы я тут жила. Здесь так тихо и спокойно, просто не знаю, что я стала бы делать, — сказала Лили и посмотрела на машину, поливавшую улицу. — Я прилетела очень поздно, уже после полуночи, взяла в аэропорту такси и, поехав в центр, увидела женщин, которые шли совершенно одни или ждали автобусов. Повсюду. Господи. Это такое... странное зрелище.

— Хм, — протянул Дэвенпорт.

Они покинули Скайвей и на эскалаторе поднялись на основной этаж здания Пиллсбери.

— У вас на шее небольшой засос, — неожиданно сказала она. — Я подумала, что вы из-за этого выглядите таким усталым.

Они сидели в кафе при булочной, Лили ела пончик и пила молоко, Лукас, держа в руке чашку, смотрел в окно.

— Я бы хотела быть там, со Слоуном, — сказала она наконец.

— Зачем? Он прекрасно справится.

Мужчина сделал глоток обжигающего кофе.

— Просто хотела бы, и все. Я бывала в очень непростых ситуациях.

— Мы тоже. Тут, конечно, не Нью-Йорк, но и не совсем дыра, где царит каменный век, — проговорил Лукас.

— Да, конечно...

— Слоун отлично умеет разговаривать с людьми. Он добудет все, что нам нужно.

— Ладно, ладно, — неожиданно раздраженно сказала она. — Просто это дело имеет для меня огромное значение.

— Для нас тоже. Нам проходу не дают репортеры. Сегодня утром улица перед нашим офисом была похожа на парковку политического съезда.

— Нет, это не совсем то же самое, — настаивала она на своем. — Андретти был крупной фигурой...

— Мы работаем над этим делом, — резко ответил лейтенант.

— Вы не работаете. Боже мой, вы приехали сюда только в десять часов. Я прождала целых два часа.

— А я не просил меня ждать. Я говорил, что пишу по ночам.

— И вообще у меня нет ощущения, что вы все делаете как надо. Вы, ребята...

— А если в газетах пишут правду, ваши парни в Нью-Йорке провалили столько дел, что и не сосчитать, — перебил ее Лукас, перехватывая инициативу. — Если вы не пытаетесь засадить за решетку какого-нибудь черного паренька, то берете деньги у грязных торговцев наркотиками. Мы не только хорошие копы, мы еще и чистые...

— Я никогда в жизни ни у кого не взяла ни одного проклятого доллара, — заявила Лили сердито, наклонилась над столом и сжала челюсти.

— Я не сказал, что вы брали, я только...

— Слушай, да пошел ты, Дэвенпорт, я всего лишь хочу поймать сукина сына, который убил Андретти, а слышу разговоры про то, что полицейские в Нью-Йорке берут взятки...

Она швырнула на стол бумажную салфетку, схватила пончик и стаканчик с молоком и, гордо вскинув голову, ушла.

— Эй, Лили, — проговорил Лукас. — Вот проклятье!

Гарри Киффер не любил Дэвенпорта и даже не пытался это скрывать. Он сидел в кабинете Даниэля, когда пришла Лили, а за ней Лукас. Они молча кивнули друг другу.

— Где Даниэль? — спросила Лили.

— Куда-то ушел, — холодно ответил агент.

Он был в голубом деловом костюме, галстук, завязанном виндзорским узлом, и сверкающих ботинках.

— Пойду посмотрю, — проворчал Дэвенпорт и вышел из кабинета, поглядывая на Лили.

Она бросила сумочку около стула, стоящего рядом с фэбээровцем, и села.

— Вы, судя по всему, офицер из Нью-Йорка, — проговорил мужчина, окинув ее оценивающим взглядом.

— Да. Лили Ротенберг. Лейтенант.

— Гарри Киффер.

Они обменялись рукопожатием, он преувеличенно мягко. Киффер носил большие очки, а его громадный красный нос украшали старые шрамы от прыщей. Он скрестил на животе руки.

— Что вы не поделили с Дэвенпортом? — спросила Лили. — Я почувствовала холодок...

Голубые глаза Киффера, искаженные толстыми линзами, казались влажными, точно

ледяные кубики в стакане джина с тоником. Ему было около пятидесяти, на лице морщины от пережитых стрессов и плохой погоды. Он немного помолчал, а потом спросил:

— Вы с ним друзья?

— Нет, что вы. Я познакомилась с ним пару дней назад, — ответила Лили.

— Я не хочу обсуждать его за глаза, — сказал фэбээровец.

— Послушайте, мне с ним работать, — настаивала Лили.

— Он настоящий ковбой, — Киффер заговорил немного тише и огляделся по сторонам, будто проверял, нет ли тут записывающих устройств. — Это мое мнение. Он застрелил шесть человек. Убил. Не думаю, что в Миннесоте есть еще офицер, включая парней из спецназа, которые прикончили бы больше двух. В ФБР таких тоже нет. Возможно, во всей нашей стране. А знаете почему? Потому что в большинстве мест, если кто-то убивает двоих человек, его отправляют заниматься бумажной работой и больше не выпускают на улицы города. Начальство заботится о своей репутации. Но с Дэвенпортом не так. Он делает все, что пожелает. Иногда он хочет убивать людей.

— Но насколько я понимаю, в его области деятельности...

— Да-да, так все говорят. Включая газетчиков. Средства массовой информации и репортеры у него в кармане. Они твердят, будто он сражается с наркотиками и прочими пороками, собирает сведения про особо опасных преступников. У нас в Миннесоте нет смертной казни — если не считать Дэвенпорта, который приводит ее в исполнение. Он самый обычный убийца.

Лили задумалась над его словами. Убийца. Она успела увидеть в нем это. Значит, нужно соблюдать осторожность. Впрочем, подобные ему тоже могут быть полезными. Киффер, который погрузился в собственные размышления о Дэвенпорте, смотрел прямо перед собой, на фотографии на стене кабинета.

Вскоре вернулся Лукас, и следом за ним с чашкой кофе в руке шел Даниэль. В нескольких шагах позади него шагали Слоун и второй полицейский, небритый и одетый как служащий парковки. Все называли его Дел, но никто не представил Лили. Она решила, что это агент, работающий под прикрытием. Наркотики и сбор информации.

— Итак, что у нас есть? — спросил Даниэль, усаживаясь за стол.

Он заглянул в коробку для сигар и захлопнул ее.

— У нас есть карта. Давайте я объясню вам ситуацию, — сказал Слоун, подошел к столу Даниэля и развернул на нем план, который получил в офисе градостроительства.

Судя по всему, Билли Худ уехал из Бемиджи год назад, перебрался в Города-близнецы и поселился в квартире с двумя друзьями. Она была угловой, на первом этаже, справа от входа. Осторожные расспросы пожилой пары, следившей в доме за порядком, позволили выяснить, что соседи Билли продолжают здесь жить. Худа нет уже неделю, может быть, дней десять, но его одежда по-прежнему в квартире.

— Каковы шансы получить ордер на обыск? — спросил Лукас.

— Если у Лили есть веские подозрения в том, что Худ является убийцей Андретти, то проблем не будет, — ответил Даниэль.

— Дело в том, что вместе с ним живут два человека, — сказал Слоун. — У нас против них ничего нет, поэтому мы не можем выломать дверь и прижать их к стенке. А если мы будем вести себя прилично и разговаривать с ними ласково, что произойдет, если они тоже в

этом замешаны? Возможно, Билли связывается с ними каждый вечер, чтобы выяснить обстановку. Они вполне могли договориться о кодовых словах, которые его предупредят...

— И что ты предлагаешь? — спросил Даниэль.

Коп по имени Дел показал на карту.

— Видите здание на противоположной стороне улицы? Мы можем занять квартиру на первом этаже. Из дома Худа имеется только два выхода — другой находится сбоку, — но мы сможем контролировать их из окна напротив. Мы считаем, что правильнее всего установить наблюдение. Затем, в зависимости от того, каким образом он появится, схватить его до того, как он войдет в дом, или когда будет выходить.

— Ты что имел в виду, когда сказал: «каким образом он появится»? — спросил Даниэль, подняв голову от карты.

— На этой улице не так много машин. Он может подъехать прямо к входной двери, выскочить — и вот он уже внутри. Если у него не все в порядке с головой, надо постараться сразу его схватить. В общем, понимаете, двое мужчин идут по улице, о чем-то разговаривают, а когда подходят к нему ближе — хоп! Он уже на асфальте и в наручниках.

— Мы можем посадить кого-нибудь в квартире... — начал Даниэль, но Дел покачал головой.

— Нельзя забывать о соседях. Да и вообще, откуда нам знать, может, у него еще кто-то есть в доме. Если его вдруг предупредят, мы даже не узнаем про это. Мы будем сидеть тут и следить за улицей, а он тем временем — наслаждаться солнышком на пляже в Сан-Хуане.

Они спорили еще минут пять, пока Даниэль не кивнул.

— Хорошо, — принял он решение и встал. — Похоже, вы все продумали. Как вы считаете, когда он вернется?

— Не раньше вечера, даже если он гонит, как безумный, — ответил Слоун. — Чтобы добраться сюда сегодня, ему нужно проехать шестьсот или семьсот миль в день. А из Нью-Йорка сообщили, что у него старая машина.

— Так нам сказали в мотеле, — уточнила Лили.

Дэвенпорт посмотрел на шефа.

— Если бы нашелся способ убедиться, что тех двух парней не будет дома, неплохо было бы заглянуть к ним в квартиру, — сказал он. — Поискать оружие или что-нибудь, что помогло бы нам понять, где он сейчас.

— Мы говорим о незаконном вторжении в частную собственность? — неожиданно выпалил Киффер.

Это была его первая реплика с начала совещания, и все повернулись к фэбээровцу.

— Ничего подобного, Гарри, — тут же ответил Квентин. — Все будет по высшему разряду. Но вместо того чтобы расшибить дверь, насколько я понимаю, лейтенант Дэвенпорт предлагает войти в квартиру и ничего там не потревожить.

— Это очень похоже на незаконный обыск. Вам ведь известно, что об этом следует сообщать...

— Послушай, не волнуйся, мы получим разрешение судьи, — сказал Даниэль, глядя Кифферу в глаза. — А если и нет, так все-таки лучше, чем рисковать моими людьми.

Агент ФБР возмутился.

— Я не желаю иметь с этим ничего общего. И считаю, что вы собираетесь поступить неправильно. По моему мнению, мы должны схватить его в ту самую минуту, как увидим. Или, если он войдет в квартиру, выломать дверь. Мы можем вызвать отряд особого

назначения и выбить дверь. Мы окажемся внутри еще прежде, чем он сможет пошевелиться...

— А что, если он готов умереть, так же, как Блubberд? — спросил Лукас. — Ты можешь ворваться в квартиру, но если человек хочет умереть и сумеет добраться до оружия, что ты станешь делать? Ты его пристрелишь. Мне плевать на то, что ты его прикончишь, но я бы хотел сначала с ним поговорить.

Киффер покачал головой.

— Это плохой план, — заявил он. — Он от нас ускользнет. Я хочу, чтобы вы запротоколировали мои слова.

— Дай мне знать, когда протокол увидит свет, — сказал Дэвенпорт.

Лили невольно улыбнулась, но тут же спрятала улыбку, когда он на нее посмотрел, потому что все еще сердилась.

Даниэль повернулся к Делу.

— Что нам известно про соседей?

— Один из них работает в пекарне. Другой безработный. Большую часть времени проводит в спортивном клубе, качается. Предположительно выступает в роли натурщика в художественных классах, вызывая своим поведением возмущение у жильцов. Ну, вы понимаете, позирует голым и тому подобное. В общем, это все, что нам удалось узнать у зрителя.

— Вы можете их найти и приставить к ним по человеку?

— Думаю, да.

— Отлично. Лили, вы нам понадобится для получения ордера. — Даниэль посмотрел на Лукаса. — А ты подумай, как туда попасть. Обыск будешь делать ты.

Фэбээровец встал и направился к двери.

— Я про это ничего не знаю, — заявил он и вышел.

Лукас остановил Дела в коридоре.

— Как мы это провернем? — спросил он.

— Я могу взять ключ...

— Это будет быстрее, чем электрическая отмычка. От нее такой грохот, словно ты уронил поднос с серебряным сервизом.

— Я поговорю со зрителями...

— У тебя что-то на них есть? — спросил Лукас.

— Кое-что, — ответил Дел. — Они слегка приторговывают кокаином через заднюю дверь. Добавка к пенсии.

— Отлично, пока нам это помогает. Ты сейчас туда поедешь?

— Да.

— Мне нужно заехать в свой офис, взять магнитофон и «полароид». Я тебя догоню.

В коттедж, стоящий напротив дома подозреваемого, можно было войти из переулочка. Лукас оставил «порше» в квартале от него и пошел пешком. Дел уже ждал его с ключом.

— У пекаря сейчас середина смены. Он заканчивает в четыре. Другой парень в клубе. Занимается отжиманием штанги, лежа на скамье. Он говорил Дейву, что всегда ходит после тяжелых нагрузок в джакузи, так что он вернется не скоро.

Дел протянул Лукасу ключ от замка.

— Ордер будет с минуты на минуту. Даниэль велел, чтобы ты положил его в рукав какой-нибудь куртки Худа перед уходом. Лучше зимней. Иными словами, в такое место, куда он не станет смотреть сразу.

Лили пришла через пять минут вместе со Слоуном.

— Мы получили ордер, — сказала она Дэвенпорту, но даже не пошевелилась, чтобы его отдать. — Я пойду с вами.

— Ни за что.

— Пойду, — настаивала она на своем. — Он мой, и вдвоем мы сможем осмотреть квартиру быстрее.

— Неплохая идея, — сказал Дел. — Не обижайся, дружище, но за версту видно, что ты из полиции. Если кто-нибудь увидит тебя в коридоре до того, как ты войдешь в квартиру... Лили станет чем-то вроде камуфляжа.

Лукас посмотрел на него, потом на женщину и снова на Дела.

— Ладно, идем, — согласился он.

— Надеюсь, там никого не окажется. Например, какого-нибудь гостя, — сказала Лили, когда они переходили на другую сторону улицы.

Дом, в котором жил Худ, был выстроен из старого красного песчаника, деревянные рамы на окнах прогнили.

— Не волнуйтесь, я вас прикрою, — сказал Дэвенпорт.

Он хотел, чтобы его слова прозвучали как шутка, но получилось несколько снисходительно. Она посмотрела на него.

— Вам известно, что иногда вы бываете невыносимы?

— Я хотел пошутить.

— А, понятно.

Она отвернулась.

Лукас покачал головой, подумав, что все делает неправильно, и начал подниматься вслед за ней по ступеням, ведущим в дом. Первая дверь направо. Он постучался — никакого ответа. Потом снова. Тишина. Он вставил ключ в замок и открыл дверь. Лили окинула взглядом коридор, проверяя, не наблюдают ли за ними из других квартир.

— Привет? — громко, но не слишком крикнул лейтенант. Затем свистнул. — Эй, малыш, иди сюда, собачка.

— Дома никого нет, — сказала Лили через пару секунд.

— Кто знает, может, под кроватью прячется ротвейлер, которому отрезали язык, чтобы он был злее? — заметил Лукас, распахнул дверь, и они вошли внутрь.

— Отличная дверь, — сказал он.

— Что?

— Это старый дом, тут старые двери — из дуба или ореха, — объяснил Лукас и постучал по ней костяшками пальцев. — Когда дома становятся такими древними, владельцы обычно снимают двери, которые были поставлены вначале, и продают их. Скорее всего, эти двери стоят столько же, сколько сам дом.

Они оказались в гостиной и увидели два расшатанных разномастных стула, кресло с грязной тряпичной обивкой, коричневый металлический куб старого цветного телевизора. Две красные подушки, наполненные полистиролом, валялись перед телевизором на полу,

вокруг них рассыпались крошечные белые шарики. В квартире пахло каким-то жарким или супом — возможно, чечевичным. Или из белых бобов.

Лукас первым быстро осмотрел помещения: заглянул в две спальни, крошечную кухню с дырявым линолеумом и газовой плитой с крышкой, выпущенной примерно в тридцатых годах.

— Как мы узнаем, где комната Худа? — спросила Лили.

— Посмотрите на то, что в шкафу, — ответил Дэвенпорт. — Там всегда найдется что-нибудь заметное.

— Звучит так, будто вы часто занимаетесь подобными вещами, — сказала она.

— У меня большой опыт общения с грабителями, — проговорил Лукас, скрывая усмешку и направляясь в спальню.

— Что я должна делать? — спросила Лили.

— Поищите на кухне, около телефона, — сказал Лукас и достал из кармана миниатюрный магнитофон. — Нажмите красную кнопку, чтобы начать запись. Продиктуйте все номера, которые найдете. Любое обозначение времени или названия мест. Все, где мог побывать подозреваемый.

В первой спальне стояла кровать и выдавший виды комод. Постель была не убрана, белье свалено в кучу. Лукас наклонился и заглянул под нее. Он обнаружил там несколько коробок, но толстый слой пыли говорил о том, что их довольно давно не трогали. Он выпрямился и изучил комод с шестью ящиками. Записки, квитанции на газ, чеки из магазинов, шариковые ручки, скрепки и монеты были разбросаны прямо сверху. Он проверил квитанции: Томас Пек. Не то. Лукас быстро просмотрел ящики и шкаф на предмет оружия. Ничего.

Во второй спальне он обнаружил две кровати. Комод отсутствовал. Все вещи были засунуты в коробки: пластмассовые для длительного хранения и картонные, предназначенные для переездов. Личные бумаги разбросаны на подоконнике рядом с одной из кроватей. Он взял письмо и взглянул на адрес: Билли Худу. Обратный адрес — Бемиджи, почерк женский. Видимо, его жена. Лейтенант просмотрел письмо, но по большей части оно состояло из жалоб с просьбой прислать денег для нее и дочери.

Он быстро проверил коробки, стоящие рядом с кроватью. Одна была наполовину заполнена нижним бельем и носками, во второй он обнаружил несколько пар поношенных джинсов и ремни. В третьей — теплые зимние рубашки, свитера и термобелье.

В спальне имелся один-единственный шкаф с открытой дверцей, и Лукас проверил рубашки и куртки, висевшие в нем. Ничего. Он опустился на колени, заглянул на дно и обнаружил винтовку «сирс» тридцатого калибра с рычажным взводом. Он открыл затвор. Не заряжено. Рядом с дулом лежала коробка с патронами. Лукас встал, огляделся по сторонам и нашел пару рваных трусов.

— Что ты делаешь? — неожиданно появляясь в дверях, спросила Лили.

— Нашел ружье. Собираюсь его заткнуть. Что на кухне?

Он оторвал кусок от трусов.

— Вокруг телефона валялось несколько бумажек с номерами. Я их записала.

— Посмотри во всех ящиках.

— Уже смотрела. Пролистала календарь, порылась в корзине, где свалено все подряд, и в ящике, заполненном всяким хламом. Проверила телефонную книгу. На последней странице записан красной пастой номер, красная ручка лежит рядом с телефоном, так что,

возможно, запись сделана недавно... — Она взглянула на листок бумаги, который держала в руке. — Код шестьсот четырнадцать. Это ведь города-близнецы? Может быть...

— Нет, у нас шестьсот двенадцать, — сказал лейтенант. — Я не знаю, что такое шестьсот четырнадцать. Ты уверена, что не ошиблась?

— Уверена...

Она ушла, а Лукас свернул кусок ткани в тугий комочек и шариковой ручкой засунул в ствол. Комок оказался таким плотным, что через пару дюймов остановился, и Дэвенпорт не смог протолкнуть его дальше. Довольный, он положил ружье назад в шкаф и закрыл дверцу.

— Я узнала: шестьсот четырнадцать — юго-западный Огайо, — сказала с порога напарница, которая листала телефонный справочник.

— Возможно, он едет назад через Огайо, — предположил Лукас.

— Попрошу кого-нибудь проверить номер, — сказала Лили и закрыла справочник. — Что еще?

— Проверь шкафы в гостиной. Мне нужно закончить здесь.

Под кроватью стояла коробка, и Лукас ее вытащил. Альбом с фотографиями, довольно старыми, покрытыми пылью. Он пролистал его, затем сунул обратно. Через пару минут Лили крикнула:

— Дробовик.

Лукас вернулся в гостиную в тот момент, когда она заглянула в ствол старого однозарядного ружья двенадцатого калибра.

— Вот черт, — выругался Лукас. — Нет смысла затыкать тряпкой. Худ проверит дуло, когда будет его заряжать.

— Я не вижу патронов, — сказала Лили. — Заберем его?

— Лучше не стоит. Если соседи с ним заодно, нам не нужно, чтобы они заметили пропажу.

Лукас вернулся в спальню и просмотрел остальные коробки, но не нашел ничего интересного — ни писем, ни записок, которые показали бы, что соседи подозреваемого действовали с ним вместе. Он вернулся в гостиную.

— Лили?

— Я в ванной, — крикнула она. — Что-нибудь еще нашел?

— Нет, а ты? — Он засунул голову в ванную и увидел, что она перебирает склянки в аптечке.

— Ничего серьезного. — Она достала из шкафчика пузырек с таблетками, выписанными врачом, прочитала этикетку и нахмурилась. — Это Худа. Сильное средство, но я не понимаю, как их можно использовать не по назначению.

— А что это такое?

— Антигистаминный препарат. На этикетке написано, что он против укусов пчел. Мой отец его принимал. У него была аллергия на пчел и огненных муравьев. Если они его кусали, он весь распухал. И очень пугался, говорил, что задыхается. По правде говоря, так бы и было, если бы не это средство. Опухоль могла перекрыть дыхательное горло.

Дэвенпорт пожал плечами.

— Нам эти пилюльки ничего не дают.

Лили поставила пластиковую бутылочку назад в шкафчик, закрыла его и вышла вслед за Лукасом в гостиную.

— Еще что-нибудь?

— Думаю, все, — ответил он. — Мы испортили им ружье; надеюсь, у них нет патронов для дробовика.

— Я не видела. Ты будешь что-нибудь фотографировать?

— Да, пару снимков.

Лукас сделал полдюжины фотографий комнаты и шагами измерил ее, а затем продиктовал получившийся результат на магнитофон.

— Знаешь, мы могли бы еще пройтись по квартире, у нас есть время, — предложила женщина.

— Лучше не стоит. То, что находишь в самом начале, как правило, бывает единственным, что удастся отыскать, — ответил лейтенант. — Когда ты в чьем-то доме, не следует слишком усердствовать. Всякое может случиться: неожиданно заходят в гости друзья, родственники. Вошел и вышел.

— Я все больше и больше убеждаюсь в том, какой ты опытный.

Дэвенпорт пожал плечами.

— Ордер у тебя?

— Да. — Лили достала из сумки бумагу и засунула в рукав зимней куртки, висевшей в шкафу в гостиной. — Мы скажем суду, что положили его в такое место, где он обязательно его найдет. Естественно, ему сначала придется надеть куртку.

— Что он, скорее всего, не станет делать до наступления зимы.

— Которая уже довольно скоро, — заметила напарница.

— Так, хорошо, — сказал полицейский. — Мы тут что-нибудь изменили?

— Мне кажется, все выглядит так же, как когда мы пришли, — сказала Лили.

— Дай-ка я взгляну на спальню.

Лукас вошел в комнату, огляделся по сторонам и на дюйм приоткрыл дверцу шкафа.

— Теряю хватку, — пожаловался он. — Проклятая дверь была открыта, когда я вошел, а я ее закрыл.

Лили наградила его странным взглядом, и он спросил:

— Что?

— Ты и правда произвел на меня сильное впечатление, — проговорила она. — Ты здорово все это делаешь.

— Это самое лучшее, что ты про меня сказала за все время нашего знакомства.

Она ухмыльнулась и пожала плечами.

— Старалась не отставать от тебя.

— Извини, что накричал на тебя утром, — быстро проговорил Лукас. — До полудня я не являюсь адекватным человеческим существом. Терпеть не могу дневной свет. Действительно не люблю.

— Мне не следовало к тебе цепляться, — сказала она. — Просто я хочу сделать эту работу.

— Мир?

Она повернулась к двери и оказалась к нему спиной.

— Я не возражаю, — ответила она. — Давай отсюда выбираться.

Она открыла дверь и оглядела коридор.

— Все чисто, — сообщила она.

Дэвенпорт стоял позади нее.

— Если мы собираемся заключить мир, следует сделать это по всем правилам, —

заявил он.

Она повернулась и посмотрела на него.

— Что?

Он потянулся вперед и поцеловал ее в губы, и она ответила, на одно короткое, едва различимое мгновение он почувствовал тепло, а потом она отодвинулась и смущенно шагнула в коридор.

— Хватит глупостей, — сказала она.

Им нужно было пройти пять минут по кварталу, завернуть за угол, чуть-чуть по небольшому переулку — и вот они уже в квартире, из которой велось наблюдение за домом Худа. Лили шла, не глядя на Дэвенпорта, видимо, ее невероятно интересовали жилые здания по пути. Пару раз Лукас чувствовал, что она бросала на него короткие взгляды, а затем быстро отворачивалась. А он все еще ощущал ее губы.

— Как дела? — спросил Дел, когда они вошли в квартиру.

Слоун встал и подошел к ним. Третий детектив, прибывший в их отсутствие, сидел на алюминиевом складном стуле, читал книгу и следил за улицей. Мужчина в сером костюме устроился на армейской табуретке из парусины рядом с окном. Он читал книгу в твердой обложке и курил трубку.

— Нашли пару ружей, испортили одно, — доложил Лукас и шепотом спросил: — Федералы?

Дел кивнул, и они посмотрели на фэбээровца в сером костюме.

— Наблюдают, — прошептал Дел. И уже громче добавил: — Что-нибудь еще удалось найти?

— Номер телефона в Огайо, — ответила Лили. — Я позвоню Андерсону, посмотрим как быстро он сможет его проверить.

Андерсон позвонил Кифферу, а тот связался с Вашингтоном. Вашингтон сделал три звонка. Через десять минут Лили разговаривала с Андерсоном, Кифферу позвонил сотрудник ФБР из Колумбуса, Огайо, и сообщил, что номер телефона зарегистрирован на мотель в стороне от семидесятой автострады, соединявшей два штата неподалеку от Колумбуса. Через час агент ФБР показал дежурному в мотеле фотографию подозреваемого. Тот кивнул, вспомнив его лицо, и сказал, что Худ останавливался у них накануне ночью. Портье нашел запись в журнале, сообщавшую, что постояльца звали Билл Харрис. Кроме того, имелся номер машины, но проверка показала, что он никогда не был зарегистрирован в Миннесоте.

— Он осторожен, — сказал Андерсон, когда они собрались в кабинете Даниэля.

— Но он сюда едет, — заметил Киффер.

— Он уже должен быть здесь. Или где-то рядом, — сказала Лили, переводя взгляд с Дэвенпорта на Андерсона, потом на Даниэля и Киффера.

Агент ФБР кивнул.

— Сегодня к ночи или завтра утром, если он не будет задерживаться. На пути у него Чикаго. Он либо направится через него, либо обогнет... Ему придется ехать очень быстро, если он хочет добраться сюда сегодня. Скорее всего, он остановится на ночь в Мэдисоне, а завтра будет у нас.

— Как далеко отсюда Мэдисон? — спросила женщина.

— Пять часов.

— Он очень торопится, — сказала она. — Значит, возможно, он придет вечером.

— Мы будем наблюдать за его домом, — проговорил Даниэль и окинул взглядом подчиненных. — Что-нибудь еще?

— Больше ничего не приходит в голову, — ответил Лукас. — Лили?

— Будем ждать, — сказала она.

Лили вернулась на наблюдательный пост вместе с Делом, полицейским, работающим под прикрытием, а Лукас заполнял обратную сторону ордера на обыск. Когда он уже заканчивал, в комнату вошел Ларри Харт, который нес в руке небольшой чемодан.

— Удалось узнать что-нибудь? — спросил Дэвенпорт.

— Ничего, кроме слухов, — ответил Харт, бросив вещи к стене. — Примерно в то же время, когда случилась стычка с байкерами, происходило нечто необычное. В Стэндинг-Рок устроили свои танцы солнцепоклонники, но там все в порядке. А вот на Беар-Бате, возможно, была какая-то церемония. В полночь. Ходят такие разговоры.

— Имена есть?

— Нет. Но ребята пытаются выяснить.

— Нам нужны имена. В этом деле они решают все.

Ларри поговорил с Андерсоном и отправился домой, чтобы привести себя в порядок. Лукас заполнил ордер, перешел на другую сторону улицы и купил полдюжины журналов, а затем вернулся на наблюдательный пост.

Дел спал на надувном матрасе, рот у него был приоткрыт, и Дэвенпорт подумал, что он выглядит как настоящий бродяга. Два полицейских из отдела по борьбе с наркотиками сидели на одинаковых складных стульях из алюминия и наблюдали за улицей. Рядом с тем, что был слева, стоял маленький холодильник и портативный приемник, который играл «Brown sugar». Агент ФБР ушел, хотя его табурет остался на прежнем месте. На нем было написано: «Л. Л. Бин». Лили устроилась на стопке газет, прислонившись спиной к стене.

— Вы, ребята, похожи на цирковую труппу, — сказал Лукас, входя.

— Иди ты, Дэвенпорт, — одновременно ответили два копа, наблюдавших за улицей.

— Я поддерживаю, — внесла свою лепту Лили.

— В любое время, в любом месте, — сказал Лукас.

Мужчины рассмеялись, а Лили спросила:

— Ты это мне или им?

— Им, — ответил Лукас. — У Дуэйна такая славная попка.

— Мне заметно полегчало, — проговорила женщина.

— Зато мне нет, — заметил Дуэйн, толстый детектив из команды наблюдения.

— Ничего не происходит? — спросил Лукас.

— Торговля наркотиками идет полным ходом, — сказал Дуэйн. — Странно, по нашим данным, в этом районе насчет дури достаточно спокойно.

— Но мы ведь знаем совсем мало индейцев, — проговорил Дэвенпорт и оглядел комнату. — А где федерал?

— Вышел. Сказал, что вернется. Он очень трепетно относится к своему стульчику, так что не вздумай на него сесть, — сообщил худой коп.

— Серьезно?

— Стопки газет в конце коридора, — подсказала Лили.

В одном из журналов была напечатана статья, в которой велись дебаты по поводу десятимиллиметровых автоматических пистолетов. Автор утверждал, что у них идеальные патроны для защиты; эти заряды обладают в два раза большей энергией, чем обычные

девятимиллиметровые и патроны сорок пятого калибра для «кольта», а также в полтора раза большей, чем пули для «магнума-357». Его оппонент, полицейский из Лос-Анджелеса, высказывал опасение, что десятимиллиметровый патрон имеет огромную пробивную силу. Он может проделать дыру не только в мишени, но и попасть в кого-то в толпе на автобусной остановке в двух кварталах от стрелка. Лейтенант никак не мог уследить за деталями их спора. Его мысли постоянно вертелись вокруг очертаний шеи Лили, щеки, которую он видел сбоку и сзади, а также изгиба запястья. Ее губ. Он вспомнил, что Слоун сказал про ее неправильный прикус, улыбнулся и прикусил собственную губу.

— Ты что улыбаешься? — спросила Лили.

— Так, ничего. Журнал, — ответил Лукас.

Она поднялась на ноги, потянулась, зевнула и подошла к нему.

— Так-так, — сказала она. — Это про десятимиллиметровый?

Лукас закрыл журнал.

— Идиоты, — заявил он.

Андерсон связался с ними по рации в самом начале первого: убийца в Оклахоме исчез. Киффер переговорил с агентами ФБР в Южной Дакоте касательно слухов, о которых сообщил Харт, и про ночную церемонию, но никто практически ничего не знает.

— Возникли даже сомнения по поводу того, была ли она вообще, — добавил он.

— В каком смысле?

— Киффер разговаривал с местным начальником отдела расследований, так вот он считает, что слухи возникли из-за стычки с мотоциклистами. Как-то вечером индейцы окружили Беар-Бат и не пускали туда байкеров. Те, предположительно, видели костры и слышали какую-то музыку, а в результате поползли сплетни про тайную церемонию.

— Значит, это, возможно, еще один тупик, — сказала женщина.

— Так говорит Киффер.

— Я могла бы посмотреть сейчас «Молодых и дерзких»,^[14] — сказала Лили через двадцать минут.

— Прогуляемся? — предложил Дэвенпорт.

— Давай. Возьми рацию.

Они прошли по переулку два квартала до «Севен-илевен», купили две диетические колы и зашагали назад.

— Скучно, — пожаловалась Лили.

— Тебе незачем тут сидеть. Он, скорее всего, не появится раньше вечера, — сказал Лукас.

— У меня такое чувство, что я должна здесь находиться, — ответила напарница. — Это же мой преступник.

По дороге назад Лукас достал из «порше» маленькую сумочку с набором для чистки оружия. В квартире разложил на полу газеты, сел, скрестив ноги, разобрал свой Р-7 и начал его чистить. Лили вернулась к своей стопке на пару минут, потом снова подошла к нему.

— Можно? — спросила женщина, понаблюдав за ним несколько минут.

— Давай.

Она достала из сумочки пистолет сорок пятого калибра, вынула из него магазин, проверила ствол на наличие патрона и начала разбирать оружие.

— Я примерно раз в неделю ломаю ногти, когда чищу этот проклятый пистолет, —

сказала она.

Она так сосредоточилась на своем занятии, что высунула кончик языка, когда начала осторожно вывинчивать втулку затвора, чтобы достать пружину.

— Дай нитро, — попросила она.

Лукас передал ей чистящий раствор.

— Эта штука пахнет лучше бензина, — проговорила она. — Я могла бы нюхать ее, как наркотик.

— А у меня от нее болит голова, — сказал Лукас. — Пахнет хорошо, но я плохо переношу этот запах.

Он заметил, что ее пистолет выглядел идеально и до того, как она им занялась. Его собственный Р-7 тоже не нуждался в чистке, но это было какое-то занятие.

— Ты когда-нибудь стреляла из Р-7? — небрежно спросил он.

— Стреляла, но из другого. Из восьмизарядного. Такой большой, как у тебя, обладает серьезной огневой мощностью, но его рукоять не помещается у меня в руке. И вообще мне он не нравится. Слишком толстый.

— Да уж, он не похож на твой игрушечный «кольт», — заметил Лукас.

— Конечно, у моего другая форма рукояти. Она изящнее. Как раз то, что мне нужно. Очень удобный.

— Я не люблю полуавтоматы, они не годятся для реального дела, — признался Лукас. — Из них хорошо стрелять в мишень, но если нужно попасть в преступника... Я предпочитаю автоматическое оружие.

— Может, тебе попробовать один из «смитов» сорок пятого калибра?

— Говорят, это хорошие пистолеты, — не стал спорить лейтенант. — Я бы даже завел себе такой, если бы Р-7 не вышел раньше... А ты почему не пользуешься «смитом»?

— Мой «кольт» мне подходит больше. На соревнованиях я стреляла из «Кольта-1911». Но для работы мне больше нравится «сорок пятый», с ним комфортно. А тир — совсем другое дело.

— Ты участвуешь в состязаниях? — спросил Лукас.

Копы, сидящие у окна, которые краем уха слушали их разговор, неожиданно оживились, уловив новую интонацию в голосе Дэвенпорта.

— Я несколько лет была чемпионкой среди женщин по стрельбе на скорость по силуэту из разных положений, — ответила Лили. — Но мне пришлось отказаться от соревнований, потому что они отнимают очень много времени. Впрочем, я иногда тренируюсь.

— Ты, наверное, неплохо стреляешь, — предположил Лукас.

Наблюдатели у окна переглянулись. «Пари!»

— Лучше всех твоих знакомых, — равнодушно сказала она.

Дэвенпорт фыркнул, и она, прищурившись, посмотрела на него.

— Что? Думаешь, сможешь со мной сравниться?

— С тобой? — переспросил он и слегка поджал губы.

Лили выпрямилась, и в ее глазах вспыхнул интерес.

— А ты участвуешь в соревнованиях?

— Иногда, — пожав плечами, ответил он.

— И хоть раз побеждал?

— Иногда. Кстати, стрелял из «Кольта-1911».

— Какая стрельба — по силуэту или по мишени?

— Немного того и другого, — сказал он.

— И ты считаешь, что сможешь меня победить?

— Я могу победить очень многих, почти всех, — заявил Лукас.

Она взглянула на него, пару минут изучала его лицо, а потом едва заметная улыбка тронула уголки ее губ.

— Хочешь поспорить?

Лукас в свою очередь посмотрел на нее, оценивая вызов.

— Хочу, — ответил он наконец. — В любое время и в любом месте.

Лили заметила, что полицейские у окна за ними наблюдают.

— Он ведь пытается меня заманить? — спросила она. — Он что, чемпион Америки или что-то в таком же духе?

— Я не знаю, никогда не видел, как он стреляет, — сказал один из них.

Лили, прищурившись, смотрела пару минут на копа, пытаясь понять, врет ли он, затем повернулась к Дэвенпорту.

— Ладно, где будем стрелять? — спросила она.

Они стреляли в тире, расположенном в подвале полицейского участка, в двадцатипятифутовые мишени для стрельбы из пистолета. На каждой имелось семь концентрических колец. Три внешних были отмечены, но оставались бесцветными, а четыре внутренних — 7,8,9 и 10 — черными. Центральное кольцо, десятка, оказалось немного меньше монеты в десять центов.

— Хорошая дистанция, — сказала Лили, когда Лукас включил свет.

Помощник шерифа округа Хэннепин как раз уходил, когда они пришли. Узнав, что они собираются делать, он заявил, что будет судить соревнование.

Лили положила рацию на край барьера, достала из сумочки пистолет сорок пятого калибра, взяла его обеими руками и посмотрела в дальнюю часть тира сквозь прицел.

— Ставьте мишени.

— Мой Р-7 не совсем подходит для стрельбы по мишени, — сказал Дэвенпорт и, прищурившись, прицелился. — Да и свет мне здесь никогда не нравился.

— Трусишь? — спросила женщина.

— Веду светскую беседу, — ответил он. — Жаль только, что у меня нет моего «кольта гоулд кап». С ним я бы чувствовал себя лучше. Да и в бумаге он пробивает крупные отверстия. Того же размера, что и твой. Если ты действительно стреляешь так хорошо, как утверждаешь, это может иметь значение.

— Ты всегда можешь сдать, если лишние семь сотых дюйма заставляют тебя нервничать, — заявила Лили, вставила магазин в свой «кольт» и дослала патрон в ствол. — К тому же у меня тоже нет тех пистолетов, с которыми я выступаю на соревнованиях.

— Ладно, хватит. Бросим монетку, кто будет стрелять первым, — сказал Лукас и принялся искать в кармане четвертак.

— Сколько? — спросила она.

— Столько, чтобы как следует прочувствовать, — ответил лейтенант. — И чтобы было по-настоящему. Твое слово?

— Лучшие два результата из трех... Сто долларов.

— Мало, — сказал Лукас и снова прицелился. — Я подумал, может, тысяча?

— Это же смешно, — тряхнув головой, ответила женщина.

Помощник шерифа наблюдал за ними с нескрываемым интересом. История об этом состязании еще до наступления вечера станет известна всем в офисе шерифа, полиции города, а возможно, и в Сент-Поле.

— Ты пытаешься меня подавить, Дэвенпорт. Я могу позволить себе проиграть только сотню. Я же не богатый разработчик игр.

— Эй, Дик, — позвал Лукас помощника шерифа. — Лили не позволит мне установить мишени, можешь...

— Конечно.

Помощник начал устанавливать мишени на расстоянии двадцать пять футов, а Лукас подошел к Лили и прошептал:

— Вот что я тебе скажу: если ты выиграешь, ты заберешь сотню. А если я выйду победителем, я получу еще один поцелуй. Время и место по моему выбору.

Она уперлась руками в бока.

— В жизни не слышала ничего глупее. Детский сад, да и только. Ты слишком стар для таких вещей, Дэвенпорт. У тебя на лице морщины, а волосы уже седеют.

Лукас покраснел и ухмыльнулся, чтобы скрыть смущение. К ним уже направлялся Дик.

— Может, и стар, но я этого хочу, — сказал Лукас. — Если только ты не боишься проиграть.

— Ты отлично умеешь заморочить человеку голову.

Лукас зацелкал языком, изображая квохтанье цыплят.

— Пошел ты, Дэвенпорт!

— Может, просто проведем приятный вечерок, стреляя из пистолетов по мишеням. Нам совсем не нужно соревноваться. Конечно, если ты испугалась.

— Пошел ты...

— Место и время по моему выбору.

— Вот придурок, — тихо пробормотала она.

— И что бы это значило? — поинтересовался он.

— Что я согласна, — ответила Лили.

Лукас подбросил монетку и выиграл. Они сделали пять тренировочных выстрелов каждый, но не показали друг другу, что у них получилось.

— Готова? — спросил Дэвенпорт.

— Да.

Лейтенант стрелял первым, пять раз. Он использовал обе руки, поддерживая левой правую, чуть выставив вперед левое плечо. Лили понимала, что он попал в черную отметку, но не видела, насколько близко к десятке. Когда он закончил, она вышла на линию огня и заняла точно такую же позицию.

— Проклятье! — выругалась она после первого выстрела.

Затем спустила курок еще четыре раза.

— Какие-то проблемы? — спросил Дэвенпорт, когда она опустила пистолет, сделав последний выстрел.

— Думаю, первый ушел в сторону, — сказала она.

Дик вернул мишени, чтобы посмотреть на результат. Два из пяти выстрелов Лукаса попали в десятку. Третий и четвертый принесли ему по девять очков, пятый — восемь. Всего

получилось сорок шесть.

Три выстрела Лили угодили в центр мишени, четвертый в девятку, пятый ушел в сторону и принес ей только четыре очка. Получилось сорок три.

— Если бы пуля не ушла в сторону, я бы победила, — сказала Лили, которая явно разозлилась на себя.

— А если бы у поросят были крылья, они бы умели летать, — ответил Лукас.

— Это мой худший результат за целый год.

— Но условия нельзя назвать идеальными — ты ведь стреляешь из пистолета, которым не пользуешься на соревнованиях. С вами, спортсменами, такое постоянно случается.

— Я не спортсменка, — сказала она, теперь разозлившись. — Давайте следующие мишени.

— Боже праведный, интересно, какие у вас ставки? Похоже, что-то серьезное? — спросил Дик, переводя взгляд с одного на другую.

— Да. Сотня и честь Дэвенпорта. Он в любом случае в проигрыше, — ответила Лили.

— Хм...

— Ладно, не важно.

Лукас ухмыльнулся, перезаряжая пистолет.

— Стерва, стерва, стерва, — едва слышно проговорил он.

— Не выступай, приятель, — процедила она сквозь зубы.

— Извини. Я не собирался тебя запугать, — сказал он, пытаясь сделать именно это. — Теперь ты стреляешь первой.

Лили выстрелила пять раз, и, похоже, все пять удачно. Она улыбнулась и сказала:

— Я только что выбила пятьдесят очков или около того. Подавись, придурок.

— О, мы сердимся...

Лукас сделал пять выстрелов, посмотрел на нее и сказал:

— Если мой результат будет не лучше твоего, я поцелую твою задницу в витрине «Сакса».

— Еще одно пари? — спросила она, прежде чем Дик выкатил мишени. — Я получу пятьдесят баксов, если я выиграла этот раунд. И ничего мне не говори.

— Отлично, — сказал он. — Пятьдесят.

Дик взглянул на мишени и присвистнул.

— Придется внимательно считать, — сказал он.

Все десять выстрелов угодили в черные отметки. Дик разложил листы на столе и принялся изучать их. Лили и Лукас заглядывали ему через плечо.

— Минутку, — начал Дэвенпорт, когда помощник шерифа записал ему восемь очков.

— Заткнись, — сказала женщина, наставив палец на нос Лукаса.

Дик сложил цифры, повернулся к мужчине и сказал:

— Ты должен леди пятьдесят баксов. У меня получилось сорок семь против сорока шести.

— Вот черт! Дай посмотреть...

У Дэвенпорта вышло сорок восемь на сорок семь. Он достал из бумажника две двадцатки и десятку и протянул сопернице.

— Я возмущен, — сердито проворчал он.

— Надеюсь, не настолько, что у тебя будут дрожать руки, — медоточивым голосом сказала она.

— Не будут, — пообещал он.

В третьем раунде Лукас стрелял первым. По его представлениям, все пять выстрелов получились удачными, и, повернувшись к Лили, он кивнул ей.

— Если ты меня побьешь, это будет заслуженная победа. На сей раз я получу полтинник.

— Посмотрим, — ответила она.

Она сделала пять выстрелов, и они отправились к мишеням вместе с Диком, который покачал головой.

— Ну вы, ребята, даете.

Ему потребовалось пять минут, чтобы сосчитать результат, затем он взглянул на Лили.

— Думаю, он вас обошел, лейтенант. На одно очко или два...

— Дайте посмотреть.

Лили приблизилась к мишеням, и Дэвенпорт заметил, как у нее шевелятся губы — она складывала цифры.

— Поверить не могу, — проворчала она. — Два худших результата в моей карьере, а ты опередил меня всего на одно очко!

— Расплата сегодня вечером, — ухмыляясь, заявил Лукас.

Она секунду смотрела на него, а затем сказала:

— В два раза больше или ничего. Один раунд, пять выстрелов.

Мужчина задумался над ее предложением.

— А я всем доволен.

— Может, и так. Но у меня возник вот какой вопрос: достаточно ли ты жаден, чтобы повысить ставку? И хватит ли у тебя на это духу?

— Я всем доволен, — повторил Лукас.

— А ты представь себе, как ты будешь рад, если победишь.

Дэвенпорт мгновение смотрел на нее, затем проговорил:

— Один выстрел. Всего один. Выигрыш удваивается или прогорает.

— Согласна, — сказала она. — Ты стреляешь первым.

Дик выставил новую мишень. Когда он отошел в сторону, Лукас занял стойку для стрельбы одной рукой, поднял Р-7, опустил его, почесал лоб, снова поднял оружие, выдохнул и выстрелил.

— Хороший выстрел, — сказал он напарнице.

— Мне казалось, ты предпочитаешь стрельбу по силуэтам.

— По большей части, — ответил он и с невинным видом добавил: — Но классическая стрельба по мишени у меня получается лучше.

Она заняла позицию, как и раньше, сжала пистолет обеими руками и спустила курок.

— Чуть левее.

— Значит, я победил.

— Давай проверим.

Они посмотрели на мишень. Выстрел Лукаса начисто вынес десятку. Его соперница выбила девять.

— Проклятье, — сказала она.

Когда они вышли из участка, уже начало темнеть. Они завернули за угол на парковку и на мгновение остались наедине.

— Ну? — проговорила женщина.

Лукас посмотрел в ее большие темные глаза, окинул взглядом полную грудь под твидовым пиджаком и покачал головой.

— Позже, — сказал он.

— Черт тебя подери, Дэвенпорт...

Но Лукас уже открывал дверцу машины. Они вернулись на наблюдательный пост через пятнадцать минут. Лили кипела от ярости.

— Что новенького? — спросил Лукас, когда они вошли в комнату.

Табуретка парня из ФБР пропала.

— Тихо, как в могиле, — ответил один из полицейских. Дел все еще спал. — Кто победил?

— Он, — мрачно проговорила Лили. — Два очка из ста пятидесяти.

— Отлично, — сказал тот из копов, что был крупнее, протянул руку, и его напарник вложил в нее доллар.

— Целый доллар? — присвистнув, сказал Дэвенпорт. — Впечатляет.

Улица была пустынной, временами казалось, что машины проезжают по ней раз в час. Зашел Слоун, часок посидел с ними и сказал:

— Слушайте, возьмите рацию и давайте пойдём в «Кингс плейс». Я там встречаюсь с женой. Это же в двух минутах отсюда.

— А это что такое? — спросила Лили.

— Бар для ковбоев и лесорубов, находится на Хэннепин. У них запрещено драться, играет оркестр, и они делают потрясающие тако, три штуки за доллар, — ответил детектив.

— Еда, — проговорила женщина.

Лили думала, что Лукас потребует, чтобы она рассчиталась с ним в машине, в темноте, и снова не угадала.

— Господи, какой же ты временами мерзкий, — сказала она.

— А ты такая нетерпеливая, — заметил он. — Почему ты не можешь расслабиться?

— Я хочу расплатиться и уже забыть об этом.

— У нас полно времени, — ответил он. — Вся ночь впереди.

— Ну как же, вся ночь! — хмыкнула она.

Стены бара, плотно заставленного столами со скамейками, были украшены головами оленей и щуками весом в тридцать фунтов; у входа стояло чучело черного медведя, посередине — деревянный кактус. Мексиканский оркестр из трех человек играл в углу, а кружка пива «Шмидт» стоила два доллара.

Слоун запустил процесс, заказав всем по кружке пива, что только Лили посчитала чрезмерным. Музыканты заиграли песню «Little deuce couple» в стиле южной границы.

— Давайте танцевать, — предложил Лукас и заставил напарницу оторваться от пива и тако. — Ну же, они играют рок-н-ролл.

Дэвенпорт танцевал с Лили, затем с женой местного ковбоя, который в это время перехватил Лили. Потом она танцевала со Слоуном, а Лукас — с высокой одинокой женщиной, чья прическа, похожая на улей, начала рассыпаться, жена Слоуна танцевала с ковбоем. Затем они снова поменялись партнерами. Когда Лили наконец вернулась к столу, она громко хихикала. Мужчина помахал официантке и показал на кружку напарницы.

— Всем еще по одной, — крикнул он.

— Ты пытаешься меня напоить, Дэвенпорт, — сказала Лили, ее голос прозвучал четко, но глаза слишком быстро двигались. — Может, у тебя даже получится.

Слоун громко рассмеялся и принялся за вторую кружку.

В полночь они связались с наблюдательным постом. Ничего. Оба соседа Худа были дома. В квартире горел свет. Через час они проверили снова. Никаких результатов.

— Ну, что будешь делать? — спросил Лукас, когда «Кингс» закрылся.

— Не знаю. Думаю, тебе следует отвезти меня в гостиницу. Сомневаюсь, что он останется за рулем в такое позднее время.

Дэвенпорт остановил «порше» на парковке отеля и выбрался наружу.

— Время платить по счетам? — спросила Лили.

— Точно.

На парковке находилось человек шесть, и еще столько же входили или выходили.

— Это не приглашение, и я не хочу, чтобы ты что-нибудь вкладывал в мои слова.

— Правда?

— Можешь подняться наверх ровно настолько, сколько потребуется, чтобы получить долг.

Они молча поднялись на лифте и прошли по коридору к ее номеру, при этом Лукасу становилось все больше и больше не по себе. Внутри, когда она закрыла дверь, оказалось темно. Дэвенпорт принялся искать выключатель, но она поймала его руку и сказала:

— Не нужно. Забирай, что тебе причитается, и уходи.

— Я неожиданно почувствовал себя полным идиотом, — смущенно признался Лукас.

— Давай уже покончим с этим, — сказала она немного заплетающимся языком.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Он нашел ее в темноте, притянул к себе и поцеловал. Она долю секунды безвольно висела у него в руках, затем ответила на поцелуй, сильно оттолкнув к двери, ее лицо и тело прижимались к его телу, руки вцепились в грудь. Они довольно долго так стояли, потом она оторвала губы, сильнее сжала его и застонала:

— О господи!

Мужчина подержал ее мгновение, а потом прошептал на ухо:

— Удваивается или ничего.

Он снова нашел ее губы. Не разжимая объятий, они сдвинулись с места, Лукас почувствовал кровать позади и опустился на нее, увлекая Лили за собой. Он ожидал, что она будет сопротивляться, и ошибся. Она откатилась в сторону, по-прежнему не отпуская его, снова поцеловала его в губы, затем в подбородок. Лукас оказался наполовину на ней и принялся сражаться с блузкой, пытаясь вытащить ее из брюк, провел руками по ее спине, нащупал бюстгальтер и, наконец справившись с ним, поймал одной рукой грудь...

— Боже, — прошептала женщина, прижимаясь к нему. — Господи, Дэвенпорт...

Он нашел ремень, расстегнул его, засунул руку под край трусиков и прикоснулся к горячему...

— Боже мой, — выдохнула она, отодвинулась от него, оттолкнула руку и скатилась с кровати на пол.

— Что? — В комнате царил непроглядный мрак, и у мужчины немного кружилась голова от их неожиданной борьбы. — Лили...

— Господи, Лукас, мы не можем... Извини меня. Я не хотела тебя дразнить. Мне так

СТЫДНО.

— Лили...

— Лукас, я сейчас разревусь, уходи...

— Боже праведный, только не это.

Дэвенпорт встал, заправил рубашку в брюки и тут обнаружил, что потерял где-то один ботинок. Мгновение он шарил в темноте в поисках выключателя. Лили сидела на полу у дальней части кровати и стягивала края блузки.

— Извини, — повторила она, и он увидел, что ее глаза потемнели от раскаяния. — Я просто не могу.

— Все нормально, — ответил Лукас, пытаясь отдышаться. — Проклятый ботинок куда-то задевался, — со смешком сказал он.

Лили, не поднимая головы, заглянула за край постели и сказала:

— Под занавеской. У тебя за спиной.

— Нашел.

— Извини.

— Послушай, Лили, все в порядке. Я пойду домой и выпущу себе мозги, чтобы ослабить напряжение, но тебе не стоит из-за этого беспокоиться.

Она робко улыбнулась.

— Ты хороший парень. Увидимся завтра.

— Конечно. Если я доживу до завтра.

Когда он ушел, Лили сбросила одежду и встала под душ, подставив под струи воды сначала грудь, а потом спину. Через несколько минут она начала снижать температуру, пока в конце концов ей не стало казаться, что она стоит в потоке жидкого льда.

Окончательно протрезвев, она отправилась в кровать. Но прежде чем уснуть, вспомнила свой последний выстрел. У нее дрогнула рука? Или она сознательно проиграла своему сопернику?

Лили Ротенберг, верная жена, заснула с похотливыми желаниями в своем сердце.

Глава 10

В самом начале одиннадцатого кто-то постучал в дверь. Сэм Ворон стоял с чашкой кофе около раковины на кухне. Он замер, услышав стук, и поднял голову. Аарон Ворон сидел за старой пишущей машинкой «Ройал», составляя пресс-релиз по оклахомскому убийству. Тень Любви был в ванной. Аарон подошел к двери и спросил:

— Кто там?

— Билли.

Билли. Аарон открыл замок и распахнул дверь. В коридоре стоял Худ в ковбойских сапогах и потрепанной, насквозь мокрой ковбойской шляпе на голове. Его квадратное лицо было бледным и усталым. Он сделал шаг вперед, Аарон обнял его и поднял в воздух.

— Проклятье, Билли, — сказал он, чувствуя у него на шее каменный нож.

— Я ужасно себя чувствую, приятель, — сказал Билли, когда Аарон его выпустил. — Переживал всю дорогу назад. Не отделаться от мыслей об этом.

— Потому что ты человек духа.

— Я не чувствую никакого присутствия духа. Я просто зарезал его, — сказал Билли и прошел в комнату.

Ворон окинул взглядом коридор и закрыл дверь.

— Белого человека, — сказал он.

— Человека, — проговорил Тень Любви из ванны. Он стоял в дверях, слегка расставив локти, точно стрелок. Щеки у него запали, белесые глаза напоминали глаза голодного волка. — Ты говоришь так, будто это ерунда.

— Я не считаю, что это ерунда, — возразил Аарон. — Просто я имел в виду, что это другое. Билли убил врага на войне.

— Человек это человек, — настаивал на своем Тень. — Какая разница?

— А индеец это индеец, и в этом разница — принадлежность к нашему народу, — возразил Сэм. — Одна из причин, по которой Аарон не хочет использовать тебя в нашем деле, заключается в том, что ты не понимаешь, чем убийство отличается от войны.

Оба Ворона ополчились на своего сына, и Худ решил вмешаться.

— Меня все ищут, — сказал он. Билли выглядел напуганным, точно кролик, которого загнали в угол. — Меня и Лео. Господи, я слышал про Лео и судью. Лео его убил. Вы от него что-нибудь слышали?

— Нет, и мы уже начали волноваться. Он на свободе, но от него нет никаких известий.

— Если только его не взяли, но молчат об этом, чтобы выжать из него все, — заявил Тень Любви.

— Я так не думаю. Слишком серьезное дело, чтобы им удалось что-то скрыть, — сказал Сэм Ворон.

Билли снял шляпу, швырнул на стул и пригладил рукой волосы.

— Про нас говорят по радио каждый час. Статьи во всех газетах от Нью-Йорка и до наших мест. В каждом городке, куда я заезжал.

— Они не знают ваших имен, — сказал Сэм.

— Они связали нас с Тони Блubberдом. И значит, будут искать здесь.

— Это им не поможет, если они не выяснят, кто ты, Билли, — проговорил Аарон, пытаясь его успокоить. — В городах-близнецах двадцать тысяч индейцев. Как они поймут,

кто им нужен? Кроме того, мы понимали, что они свяжут тебя с Тони, и это входило в наши планы.

— Они узнают ваши имена, — сказал Тень Любви, и его голос прозвучал хрипло, холодно. Он посмотрел на Воронов. — Пора лечь на дно, покинуть этот дом, если вы хотите остаться в живых.

— Еще рано, — возразил Сэм. — Когда мы почувствуем давление, мы отправимся в надежное убежище. Но не сейчас. Если мы исчезнем слишком рано и ничего не произойдет, мы расслабимся. Начнем выходить, и кто-нибудь нас увидит.

— А кроме того, у них нет личных данных, ничего, чтобы идентифицировать Билли и Лео, — повторил Аарон.

Тень Любви шагнул в комнату и положил руку на плечо Худа, не обращая внимания на своих отцов.

— Вот что я тебе скажу: они узнают имена. Твое и Лео. Рано или поздно они доберутся до всех нас. Они получили пленку с камеры слежения, установленной в здании, где ты убил Андретти, значит, у них есть твой портрет. Копы распечатают снимки и будут повсюду и на всех давить, пока кто-нибудь им не скажет. Кроме того, есть свидетель, видевший Лео. Они прямо сейчас показывают ей фотографии.

— Ты что, у нас большой специалист? — язвительно поинтересовался Аарон. — Во всем разбираешься?

— Я знаю достаточно, — ответил Тень Любви, его глаза были белыми и тусклыми, словно куски мрамора с могильного камня. — Я с семи лет на улице, мне известно, как работают копы. Они вяжутся к людям, разговаривают с ними и не отстают, пока не получат, что им нужно. Они выяснят имена.

— Ты не можешь быть в этом уверен...

— Не веди себя как старуха, отец, — рявкнул Тень Любви. — Это опасно. — Он мгновение смотрел Воронову в глаза, а затем снова повернулся к Билли. — Кто-нибудь обязательно расскажет. Кто-нибудь на нас всех донесет рано или поздно. Я встречался с одним из полицейских, ведущих расследование. Он охотник, это сразу видно. Он за нами придет, и он не какой-нибудь кузен большой шишки из Южной Дакоты, не сопляк, называющий себя копом. Он крепкий парень. Даже если он нас не схватит, это сделает кто-то другой. Рано или поздно. Все в этой комнате живые мертвецы.

Худ заглянул в глаза Тени Любви, затем кивнул и, казалось, вдруг стал выше.

— Ты прав, — неожиданно спокойным голосом проговорил он. — Я должен ликвидировать еще одного, пока могу. До того, как они меня арестуют.

Сэм хлопнул его по плечу.

— Отлично. У нас есть цель.

— А где Джон? Уехал?

— Да. Он в Брукингсе.

— О господи, он отправился за Линстадом?

— Точно.

— Это серьезно, — сказал Билли и провел рукой по волосам. — Мне нужно домой, хочу поспать немного. Знаете, может, я съезжу на север, погляжу на Джинни и дочку? Завтра или послезавтра.

— Поедем с нами к реке, — предложил Сэм. — Мы хотим посидеть в парной. Ты почувствуешь себя на сто процентов лучше. У нас есть спальные мешки и пара палаток.

Сможешь отдохнуть на острове.

— Ладно, — кивнув, проговорил Худ. — Я так устал...

— Кроме того, нужно поговорить об одном человеке из Милуоки, — добавил Ворон. —

О том самом, кто пытается придумать, как перехитрить закон о правах на землю на севере. Он умный парень.

— Не знаю, смогу ли я снова использовать нож. Когда я прикончил Андретти, кровь хлестала из его шеи, как из шланга.

У Билли снова задрожал голос, и Сэм остановил его, махнув рукой.

— Нож хорош тем, что он имеет значение для нашего народа и для средств массовой информации, — сказал он. — Но это не главное. В Милуоки возьми пистолет. Или винтовку. Важно убить того типа.

Аарон кивнул.

— Надень кинжал на шею. Если тебя арестуют, этого будет достаточно.

— Меня не схватят, — сказал Билли, его голос дрожал и прозвучал совсем тихо, но он заставил себя говорить спокойно. — Если мне не удастся уйти, я поступлю как Блуберд.

Они поговорили еще пятнадцать минут, пока Аарон собирал сушеную кору красной ивы и шалфей для парной. Сэм не мог спать без подушки, поэтому он взял одну с кровати. Они уже направлялись к двери, когда зазвонил телефон.

Аарон взял трубку, поздоровался, послушал секунду, улыбнулся и сказал:

— Лео, будь ты проклят. Мы беспокоились.

Лео Кларк звонил из Уичито. Он сказал, что Оклахома-Сити превратился в зону боевых действий. ФБР и полиция прочесывают резервацию. Он уехал оттуда сразу после убийства, спрятался в доме друга, на следующий день подстригся, а затем отправился в Уичито.

— Что у вас? — спросил Лео.

— Ничего серьезного. Но здесь повсюду агенты ФБР, так что это вопрос времени.

— Хотелось бы услышать...

— Средства массовой информации кричат о войне, так что все по плану.

— Нужно продолжать...

— Да. Вспомни, что сказал судья перед тем, как ты его прикончил, — попросил Аарон. Внимательно выслушал Лео и наконец ответил: — Отлично. Я внесу кое-что из этого в пресс-релиз, чтобы они знали, что мы не шутим. И процитирую тебя, как мы договаривались.

Они еще немного поговорили, затем Аарон повесил трубку.

— Лео на пути сюда, — сказал Ворон. — Он подстригся. Кос больше нет.

— Жаль, — заметил Сэм. — У него были прекрасные волосы.

— Теперь у него короткая стрижка и бакенбарды, — фыркнув, сообщил Аарон Ворон. — Он говорит, что стал похож на военного моряка.

Парная находилась на острове, ниже Форт-Снеллинг, там, где соединялись Миннесота и Миссисипи, на земле, в которой лежали кости сиу, погибших в лагере смерти. Аарон Ворон их чувствовал, слышал крики и плач, и это не давало ему покоя. Сэм боялся, что другая часть его существа умрет от разрыва сердца. Билли Худ помолился и сходил в парную, снова помолился и вернулся в парную — и так до тех пор, пока страх и боль, которые он испытал, убив Андретти, не утекли в землю. Тень Любви наслаждался жаром и наблюдал за остальными. Он тоже ощущал кости в земле, но не произнес ни одного слова молитвы.

Далеко за полночь они сидели на берегу реки и наблюдали, как медленно течет мимо вода. Билли прикурил от зажигалки «зиппо» и глубоко затянулся.

— Убить человека гораздо труднее, чем я думал. Тяжело становится потом, но сделать это — не проблема. Все равно что отрубить курице голову топором. Раз — и все. А вот когда я стал об этом вспоминать, у меня внутри начало все сжиматься.

— Ты слишком много думаешь, — заявил Тень Любви. — Я убил троих. И не испытываю никаких неприятных чувств, на самом деле мне даже нравится. Ты одерживаешь победу. И отправляешь еще одного урода прямо в ад.

— Ты убил троих человек? — резко спросил Аарон. — Я знаю про двоих. Одного в Южной Дакоте и второго в Лос-Анджелесе: наркодилера и фашиста.

— Теперь к ним прибавился еще один, — сказал Тень Любви. — Я бросил его тело в реку чуть ниже моста Лейк-стрит. — Он махнул рукой в сторону реки. — Может, он сейчас, когда мы тут курим, проплывает мимо нас.

Вороны переглянулись, и по щеке Аарона скатилась слеза. Сэм потянулся к нему и стер ее пальцем.

— Почему? — спросил Аарон у сына.

— Он был предателем.

— Ты хочешь сказать, что он был из нашего народа? — Голос индейца прозвучал громче, его наполнили страх и боль.

— Он был предателем, — повторил Тень Любви. — Он вывел полицию на Блubberда.

Аарон вскочил на ноги, обхватив руками голову и сжимая ее.

— Нет, нет, нет, нет...

— Его звали Желтая Рука, из Форт-Томпсона, — сказал парень.

— Я слышу голоса, — застонал Аарон. — Предки Желтой Руки были свободными воинами. Они умирали за нас, а теперь мы убили одного из их потомков. Они кричат...

Тень Любви встал и плюнул в реку.

— Человек — это всего лишь человек, и ничего больше, — заявил он. — Кусок гнилого мяса. Я пытаюсь сохранить вам свободу, а вы даже этого мне не позволяете.

Билли Худ никогда не мог спать в чужом спальном мешке. После тяжелой ночи он проснулся задолго до восхода, чувствуя, как отчаянно болит шея. Вороны и Тень Любви спали, а он выбрался из палатки, зажег фонарь, стараясь не шуметь, отправился в лес, вырыл ямку и облегчился. Закончив, он забросал ямку землей и начал собирать хворост.

Вдоль линии воды выстроились настоящие заросли мертвых деревьев. Худ собрал с десяток поленьев, длинных и толстых, как предплечье мужчины, и принес в лагерь. При помощи веток и тоненьких палочек он развел костер в форме вигвама высотой в фут, раздул огонь, дождался, когда он разгорится, и бросил более толстые поленья, а сверху поставил стальную решетку. Вороны держали в своем грузовике голубой эмалированный кофейник, внутри которого находилась банка растворимого кофе. Он достал его, наполнил водой из кувшина, положил кофе и поставил на решетку.

— Проклятье, — Аарон Ворон зашевелился. — Ничто так не пахнет, как кофе, приготовленный на свежем воздухе.

— У меня тут пара кварт, — сказал Билли.

Аарон выбрался из палатки. Он был в футболке с горлышком в форме буквы «V» и зеленых шортах.

— Чашки в холодильнике, в кузове грузовика, — сказал он.

Билли кивнул и пошел за посудой. Аарон посмотрел на восток, но солнца еще не было видно. Он принялся. Утренний воздух пах росой, и речным илом, и горячим кофе. Когда Худ вернулся, Сэм и Тень Любви начали просыпаться в своих мешках.

— Джон уже должен быть в Брукингсе, — сказал Билли.

— Да. — Аарон снял прихваткой кофейник с огня и налил две чашки. — И что ты собираешься делать?

— Поеду домой, помоюсь, может быть, немного посплю, затем съезжу в Бемиджи, увидаю Джинни и дочку. Я тебе позвоню, — ответил Билли.

— Ты подумал насчет Милуоки? — спросил Аарон.

— Всю ночь, — Билли сделал глоток обжигающего кофе и посмотрел на Аарона поверх чашки. — Я смогу это сделать. Парная помогла.

Аарон оглянулся на парную.

— Пар всегда приносит облегчение. Он бы и рак лечил, если бы в это поверили.

Билли кивнул, а через пару мгновений сказал:

— Похоже, Тени он ничего не приносит. Не обижайся, Аарон, но мальчишка безумен.

Телефон разбудил Лукаса когда не было и шести.

— Дэвенпорт, — со стоном произнес он.

— Это Дел. Билли Худ только что вошел в дом.

Лукас сел на кровати.

— Вы уверены, что это он?

— Абсолютно. Он подъехал, выбрался из машины и вошел внутрь, прежде чем мы успели что-то сделать.

— Ты звонил Лили?

Лукас пальцем отодвинул занавеску на окне и выглянул наружу. Было еще темно.

— Она следующая в списке.

— Я сам с ней свяжусь. А ты найди Даниэля.

— Уже. Он сказал, чтобы мы действовали по плану, как договорились.

— А как насчет федералов?

— Парень, который тут сидел, связался со своим центром.

Лили ответила после третьего гудка, ее голос был похож на скрипучие ржавые ворота.

— Проснулась? — спросил Лукас.

— Чего тебе нужно, Дэвенпорт?

— Решил позвонить, чтобы проверить, голая ты спишь или нет.

— Господи, ты с ума сошел? Сколько времени?

— Подозреваемый только что вошел в свою квартиру.

— Что?

— Я встречу тебя у отеля через десять минут. Максимум — пятнадцать. Почисти зубы, прими душ и беги вниз.

— Десять минут, — сказала она.

Лукас принял душ, натянул джинсы, трикотажную рубашку, хлопковый пиджак и был на улице через пять минут после того, как поговорил с Лили. Начался час пик: он ехал по Критин-авеню, по большей части против движения, промчался на красный и дважды едва успел проскочить на зеленый свет. Он выбрался на шоссе I-94 и остановился у отеля Лили через двенадцать минут после того, как повесил трубку. Ротенберг выходила из дверей, когда он нажал на тормоз.

— Нет сомнений в том, что это он? — сердито спросила она.

— Никаких, — Лукас посмотрел на нее. — Что-то ты сегодня бледная.

— Слишком рано. И я немного нервничаю. Я хотела зайти в кафе и съесть булочку, но передумала, — ответила она деловым тоном, не глядя ему в глаза.

— Ну, накануне вечером ты в самом деле потратила немало сил.

— Даже слишком. Я очень ценю... ну, ты понимаешь...

— Знаешь, ты вчера прямо-таки вся пылала, — сказал он с улыбкой.

Она покраснела от ярости.

— Господи, Дэвенпорт, ты можешь оставить меня в покое?

— Не могу.

— Мне не следовало бы ехать с тобой, — проговорила она, выглядывая в окно.

— Ты очень хотела вчера со мной переспать, но отступила в последний момент. Я способен это пережить. Вопрос только в том...

— В чем?

— Сможешь ли ты?

Она посмотрела на него, и в ее голосе появился намек на презрение.

— О, вы только послушайте: наш Казанова заговорил.

— Чувшь это, — ответил Дэвенпорт. — Ты испытывала голод. И появился он вовсе не после того, как ты познакомилась со мной.

— Должна тебе заметить, что у меня... — начала она.

— ...очень счастливый брак, — закончили они одновременно.

— Я очень тебя хочу, — через некоторое время признался Лукас. — У меня такое ощущение, будто я охвачен огнем.

— Боже мой, я про это ничего не знаю, — сказала она и отвернулась.

Мужчина прикоснулся к ее руке.

— Если ты действительно... полностью отвергаешь такую возможность... тогда нам в самом деле не стоит работать вместе.

Она не сказала, что она отвергает подобные вещи. Вместо этого она сменила тему.

— И почему они не арестовали Худа, когда он подъехал к дому? Получилось, как они предполагали?

Полдюжины детективов и агент ФБР ждали Лукаса и Лили в квартире, где они вели наблюдение. Дел отвел их в сторону. Выглядел он бодро.

— Итак, я поговорил с Даниэлем. Мы решили дождаться, когда пекарь отправится на работу. Это будет примерно в половине восьмого или без двадцати.

Лейтенант посмотрел на часы: шесть двадцать.

— Когда уходит другой парень, тот, что качается в спортивном зале, мы не знаем, — продолжал Дел. — Смотритель говорит, что иногда около девяти, но в некоторые дни он спит до полудня. Мы не можем так долго ждать. Надо полагать, если Худ приехал около шести, то он очень устал. Возможно, провел за рулем всю ночь. В любом случае существует высокая вероятность, что он спит. Значит, будем действовать так: мы войдем и перережем телефонный кабель, на случай, если в здании еще кто-то с ними заодно. Затем четверо ребят из отряда быстрого реагирования проникнут в коридор и прикрепят к их двери микрофон. Мы некоторое время послушаем, что там происходит. Затем, когда пекарь откроет дверь, чтобы выйти, мы его схватим — и хоп! — мы уже внутри.

— Послушай, если Худ не спит и у него под рукой пистолет...

— Он не успеет его схватить, — уверенно заявил Дел. — Знаешь Джека Дионосопулоса, огромного грека из отряда быстрого реагирования? Он еще играл в футбол в Сент-Томасе?

— Помню, — кивнув, ответил Дэвенпорт.

— Так вот, он ворвется в квартиру первым, без оружия. Если у Худа будет в руках пистолет, у нас не останется выбора. Он выстрелит в Джека, а тот парень, что пойдет вторым, снимет Худа. Если у подозреваемого не окажется оружия, Джек его схватит. Если он его не увидит сразу, то проверит спальню. Найдет его и возьмет. Парень не выглядит сильным...

— Но Джек рискует.

— Он будет весь в броне. К тому же он думает, что снова вернулся в Сент-Томас.

— Ну, не знаю, — протянул Дэвенпорт. — Это твоя операция, но, похоже, Дионосопулос слишком долго играл без шлема.

— Он уже делал такое раньше. Примерно в похожей ситуации. Брали одного гангстера, а нам нужно было с ним поговорить. Когда Джек вошел, у того за поясом оказался пистолет. Он даже пошевелиться не успел. Джек набросился на него, точно кобра.

— Значит, нам придется еще тут сидеть, — сказала Лили и посмотрела сквозь жалюзи на дом напротив.

— Не здесь, — сказал полицейский. — Мы отправили план квартиры командиру ОБР — у них база в гараже станции «Амоко» в трех кварталах отсюда. Мы хотим, чтобы вы рассказали им про квартиру.

— Хорошо, — ответил лейтенант. — Если что-нибудь случится, звони.

— Дел выглядит очень бодрым для такого времени суток, — заметила Лили по пути.

— Мм... — протянул Лукас.

— Может, он что-то принимает? Вчера он спал так крепко, что было похоже на реакцию на какой-то препарат.

Дэвенпорт покачал головой.

— Никакого кокса, — пробормотал он.

— А что?

Лукас пожал плечами.

— Ходят разные слухи, — тихо проговорил он. — Возможно, он время от времени принимает амфетамины.

— Ага, примерно раз в час, — пробормотала она.

Отряд быстрого реагирования напоминал футбольную команду. Они были напряжены, готовы действовать, разговаривали с отвлеченным видом людей, думающих только о предстоящей игре. План квартиры был нарисован на пластиковой доске черным маркером. Фотографии, сделанные Лукасом, прикреплены липкой лентой сбоку. Ему потребовалось несколько минут, чтобы определить местонахождение стульев, диванов, столов и ковров.

— Что это за ковер? Он не прибит к полу? — спросил Дионосопулос. — Я совсем не хочу вбежать туда и плюхнуться на пятую точку.

— Именно это ты сделал в Сент-Томасе, — заявил один из парней.

— Иди к чертям собачьим вместе с остальными еретиками-лютеранами, — спокойно проговорил Дионосопулос. — Так что с ковром, Лукас?

— Он маленький, это все, что я могу сказать. Больше ничего не знаю. Но советую быть осторожнее, вдруг он поедет.

— Это поддельный персидский ковер, старый, протертый, — добавила Лили. — Думаю, он, скорее всего, не прикреплен.

— Хорошо.

— Лукас? — К нему подошел один из членов команды. — Только что звонил Дел. У него был странный голос, но он сказал, чтобы ты вернулся в квартиру, из которой вы вели наблюдение. Немедленно.

— В каком смысле странный голос? — уточнил Дэвенпорт.

— Он говорил шепотом. По радио...

Дел встретил их в коридоре у двери. Его глаза были похожи на круглые белые фишки из казино.

— Что? — спросил Лукас.

— Явились федералы. Их группа захвата собирается войти в квартиру.

— Что?

Лукас оттолкнул его и влетел внутрь. Агент из миннеаполисского отделения, участвующий в операции, стоял у окна, рядом с ним еще один представитель ФБР. Оба были в наушниках и смотрели на противоположную сторону улицы.

— Что, черт подери, происходит? — спросил Лукас.

— А вы кто такой? — ледяным тоном спросил второй федерал.

— Дэвенпорт, лейтенант, полиция Миннеаполиса. Мы все подготовили...

— Это больше не ваша операция, лейтенант. Если у вас есть сомнения на сей счет, позвоните своему шефу.

— Внимание, ребята на подходе, — неожиданно выпалил агент из Миннеаполиса. — Они на подходе.

— Уроды, — выдохнул Дел. — Вот уроды...

Лукас выглянул в щель жалюзи, Лили тут же оказалась рядом. Они увидели на улице шестерых человек: двоих в длинных плащах, четверых в пуленепробиваемых жилетах. Трое в жилетах и один в плаще поднимались по ступенькам к двери, второй агент в пальто остался стоять у подножия лестницы, четвертый член команды, в бронежилете, занял позицию около угла здания. У одного из тех, кто был на ступеньках, мелькнуло в руках оружие, прежде чем он исчез внутри. Тот, что был в плаще, повернулся и посмотрел на окна квартиры, где находился наблюдательный пункт. Киффер.

— О нет, только не это, — проговорила Лили. — У него «авон». Они собираются разнести им дверь.

— У них ничего не выйдет, — сказал Лукас агенту ФБР. — Дверь сделана из прочного дуба. Отзовите их, им с ней не справиться.

— Что? — Агент никак не мог понять, что он говорит, и Лили пояснила:

— «Авон» не возьмет дверь.

Лукас повернулся и, выскочив из квартиры, промчался по коридору к выходу из здания. Он слышал, как Дел повторял у него за спиной: «Уроды, вот уроды...»

Дэвенпорт вылетел в дверь, напугав федерала, стоящего на улице. Тот потянулся к бедру, Лукас развернулся и крикнул:

— Нет, нет...

Послышался удар, потом снова и в третий раз, не резкий звук, а глухой, разнесшийся эхом по улице: бум-бум-бум, словно кто-то вдалеке гремел литаврами. Лукас остановился, подождал секунду, две, три; снова услышал грохот. Затем пистолетный выстрел, более резкий, отвратительный и громкий, повторившийся раз шесть-семь, затем пауза и необычный треск взрыва.

— Полиция Миннеаполиса, — крикнул Дэвенпорт агенту ФБР у основания лестницы.

Лили его уже догнала, и они вместе промчались на другую сторону улицы. Федерал выставил в их направлении руку, но, услышав серию выстрелов, повернулся и посмотрел на здание.

— Уходи отсюда, тупица, — крикнул Лукас. — Это стреляет Худ. Если он решит

выскочить в окно, ты труп.

Дэвенпорт и Лили промчались по тротуару к дому и вскоре оказались перед крыльцом. Агент ФБР подошел к ним, держа в руке пистолет. Из коридора доносились крики.

— Они его взяли, — сказал фэбээровец, глядя на Лукаса, но уверенности в его голосе не было.

— Черта с два, — ответила Ротенберг. — Они даже внутрь не вошли. Если у вас есть радио, вызывайте парамедиков, потому что, судя по звукам, Худ встретил их с распростертыми объятиями.

В этот момент дверь дома распахнулась, и на крыльцо выбрался скорчившийся Киффер, который держал в опущенной руке пистолет.

— Что происходит, что там? — крикнул агент в бронежилете, стоявший на углу.

— Отходим, у него заложники, — крикнул ему в ответ фэбээровец.

— Ты тупой сукин сын, Киффер, — сказал Лукас.

— Уходи отсюда, Дэвенпорт, это место преступления, которое находится в ведении ФБР.

— Да пошел ты!

— Я тебя арестую, Дэвенпорт.

— Иди сюда и сможешь задержать меня за нападение на федерального агента, потому что именно это я и сделаю, болван, — ответил Лукас.

Группа захвата ФБР и полиция Миннеаполиса выставили оцепление и вывели остальных жильцов из дома, где скрывался Худ, и из соседних зданий.

Когда Лукас и Лили вернулись в квартиру, из которой они вели наблюдение, Даниэль разговаривал с агентом ФБР, а Слоун стоял, прислонившись к стене, и слушал.

— ...отправишься на телевидение и объяснишь, что произошло, — ласковым голосом говорил Даниэль. — У нас солидный опыт в подобных делах, ситуация была стабильной и определенной, у нас имелся отличный план, составленный лучшими офицерами. Но неожиданно, без согласования и без надлежащего сбора данных, — хотя у нас они были: мы знали, что дверь невозможно разбить при помощи «авона», и поэтому не пытались это делать — так вот, неожиданно отряд ФБР отбирает у нас дело и организывает атаку, подходящую под определение «необдуманная». Ваши действия не только подвергают опасности жизнь моих людей, но также невинных жителей соседних квартир и снижают шансы взять подозреваемого живым и раскрыть заговор, жертвой которого стали несколько человек.

— Это должно было сработать, — с горечью проговорил федерал.

Даниэль отбросил в сторону ласковый голос наставника и заговорил жестче.

— Черта с два. Ты прекрасно знаешь: я даже подумать не мог, что ты такое устроишь. Я считал тебя умнее. Если бы ты появился вместе со своей группой, потратил время на то, чтобы все с нами обсудить, мы могли бы провести совместную операцию, а слава досталась бы тебе. Но то, что вы тут натворили... я не собираюсь за это отвечать.

— Могу я попросить, чтобы все вышли? На одну минуту? — громко сказал агент ФБР. — Все?

— Лукас, останься, — произнес глава департамента.

Когда все вышли, фэбээровец бросил мимолетный взгляд на Дэвенпорта, а затем повернулся к Даниэлю.

— Решил оставить свидетеля?

— Это никогда не мешало, — ответил тот.

— Итак, чего вы хотите?

— Я не знаю. Наверное, мы могли бы договориться о сотрудничестве и активном лоббировании полудюжины заявок на федеральные гранты поддержки правоохранительных органов...

— Никаких проблем.

— ...а также возможность заглядывать в ваши файлы. Когда я захочу что-то у тебя спросить, ты мне ответишь честно, что у вас есть, без отговорок.

— Боже праведный, Даниэль...

— Дай письменное согласие.

— Только не на бумаге...

— Если нет, то сделки не будет.

Федерал начал потеть. Лукас подумал, что у него может случиться удар. Он оказался в катастрофическом положении.

— Ладно, — сказал он наконец. — Мне придется тебе доверять.

— Да брось ты, мы всегда были друзьями, — проговорил Даниэль и хлопнул его по спине.

— Пошел ты, — сказал тот, сделав шаг назад. — Проклятый Клей звонит мне каждые пятнадцать минут, орет и требует, чтобы мы действовали. Он едет сюда. И у этого болвана в кобуре под мышкой пистолет.

— Я тебе сочувствую, — сказал полицейский.

— Мне плевать на это, — ответил агент. — Лучше придумай что-нибудь, чтобы прикрыть меня.

— Думаю, мы можем это сделать, — сказал Даниэль и посмотрел на Дэвенпорта. — Мы скажем, что Миннеаполис связался с ФБР, потому что мы решили предоставить возможность их специалистам войти в здание первыми и захватить преступника. Когда у них не получилось, мы прибегли к плану Б, по которому представители городской полиции приступили к переговорам о сдаче.

— Проклятое телевидение никогда в такое не поверит, — несчастным голосом пролепетал фэбээровец.

— Если мы оба будем говорить одно и то же, деваться им будет некуда.

Дел, Лили и Слоун стояли в коридоре, когда Лукас и Даниэль вышли из квартиры.

— Итак? — спросил детектив.

— Договор, — ответил шеф.

— Надеюсь, выгодный, — проговорил Дел.

— Получилось очень неплохо, особенно если нам удастся вытащить оттуда Худа, — сказал Даниэль.

— Может быть, сейчас не самое подходящее время для торга? — вмешался Слоун. — Возможно, стоило рассказать все как есть?

Глава департамента покачал головой.

— Сделки нужно заключать всегда, — возразил он.

— Точно, — поддержал его Дэвенпорт.

Лили и Дел кивнули, а Слоун пожал плечами.

Худ сделал семь выстрелов из своего огромного пистолета в дубовую дверь, когда «авон» не смог ее разбить. Когда агенты поняли, что дверь не поддается, они отступили от нее, и никто не пострадал. Стрельба прекратилась, внутри послышался необычный взрыв, а потом все стихло.

Через двадцать минут после провалившейся попытки войти в квартиру, пока Даниэль разговаривал с агентом ФБР, подозреваемому позвонил переговорщик из полиции. Худ ответил, что он не собирается выходить, но что его друзья, живущие вместе с ним в квартире, не имеют к его делам никакого отношения.

— Вы знаете мое имя? — спросил он.

— Да, тебя вычислили, Билли, — ответил переговорщик. — Но сломать дверь пытались не мы, другая контора.

— ФБР.

— Мы всего лишь хотим, чтобы все вышли из квартиры, включая тебя. Никто не пострадает.

— Ребята, которые здесь со мной, ни при чем.

— Ты можешь их выпустить?

— Могу, но я не хочу, чтобы ваши белые парни их прикончили. Понимаешь? Проклятые федералы отстреливают нас, как собак.

— Освободи соседей, и я тебе обещаю, что с ними все будет в полном порядке.

— Я узнаю у них, — сказал Худ. — Они напуганы. Они спокойно спят, и вдруг кто-то пытается взорвать дверь в квартиру. Представь себе...

— Я гарантирую...

— Я у них спрошу. Позвони через две минуты.

И он повесил трубку.

— Что происходит? — спросил Лукас.

Они с Лили обошли дом и остановились у машины переговорщика.

— Мне кажется, он собирается отпустить тех двух парней, своих соседей.

— Неужели?

— Да. Он не считает их заложниками.

— Они и не заложники, это его друзья.

— Что там у Даниэля? — спросил переговорщик.

— Федералы убралась, — ответил Дэвенпорт.

— Отлично.

Переговорщик позвонил чуть больше чем через две минуты.

— Они выходят, но им придется вылезти в окно. Проклятую дверь заклинило, и мы не можем ее открыть, — сказал Худ.

— Хорошо. Отлично. Разбейте окно, делайте что нужно.

— Скажи тем белым парням, чтобы они не пристрелили ребят.

— Мы немедленно сообщим им. Дай нам минуту, затем пусть выходят. И тебе тоже стоит об этом подумать, Билли. Мы действительно не хотим причинить тебе вред.

— Хватит болтать, свяжись с федералами, скажи им, чтобы не стреляли, — заявил Худ и повесил трубку.

— Два человека выходят из квартиры, — сказал переговорщик полицейскому с рацией,

сидевшему рядом с ним. — Передай это всем.

Лукас и Лили стояли рядом с машиной и наблюдали, как в окно вылетел стул, затем палкой от швабры изнутри отбили осколки стекла и на подоконник бросили одеяло. Первый мужчина встал на него, спрыгнул на землю, до которой было пять футов, и помчался к заграждению из полицейских машин. Патрульный вышел ему навстречу, когда тот оказался на одном с ними уровне.

Лили посмотрела на мужчину и покачала головой.

— Я его не знаю. На фотографиях его не было.

Второй сосед Худа последовал за первым через полминуты. Он сел на подоконник, свесив наружу ноги и повернувшись назад. Судя по всему, он разговаривал с индейцем. Через пару секунд он пожал плечами, спрыгнул вниз и зашагал к заграждению из полицейских машин.

— Билли? Билли? Поговори со мной, приятель. Поговори со мной... Давай, Билли, ты же знаешь, так нельзя. Это все ФБР, но мы убрали этих придурков... Я знаю, знаю... Все честно, я этим не занимаюсь, и парни, которые со мной, тоже. Скажи-ка мне... Билли? Билли? — Он покачал головой и уронил трубку на колени. — Проклятье, он отключился.

— Что он сказал? — спросила Лили.

— Он говорит, что мы, белые парни, его застрелим, — ответил переговорщик. Он был крупным чернокожим мужчиной. Улыбнувшись, он взял телефон и снова начал набирать номер. — Скорее всего, он прав, говоря о подлых белых с пистолетами.

Номер был занят.

— Где данные, собранные Андерсоном? — спросил переговорщик у патрульного с рацией, и тот передал ему записную книжку. — Свяжись с телефонной компанией, расскажи, что происходит, и попроси пробить номер, на который он звонит.

— Проверьте его семью, — предложил Лукас. — В базе данных должен быть телефонный номер.

Полицейский нашел номер в Бемиджи в записках Андерсона, набрал его и обнаружил, что он занят.

— В точку, — сказал он. — Нам нужно, чтобы кто-то поехал в местный офис шерифа и они навестили его жену. Возможно, нам стоит с ней поговорить. Мы можем попросить ее позвонить сюда, а затем подключиться к разговору, чтобы понять, о чем у них пойдет речь.

К ним поспешно подошел один из детективов в штатском.

— Один из соседей Худа говорит, что он попытался выстрелить из ружья, но оно взорвалось. Он ранен: на лице ссадина, которая кровоточит. Но вряд ли это серьезно.

Лукас посмотрел на Лили, та ухмыльнулась и кивнула.

Через пять минут переговорщику удалось дозвониться до Худа.

— Ты не сможешь выбраться отсюда, Билли. В результате кто-то обязательно пострадает. Мы дадим тебе адвоката, бесплатного, мы тебе... Черт побери!

— Попытайся поговорить с его женой, — предложил Лукас.

— А как насчет тех двух парней, что вышли из квартиры? — вмешалась Лили. — Может быть, они смогут нам помочь.

К ним на машине подъехал Киффер.

— Мне казалось, ты отсюда убрался, — сказал Дэвенпорт, встав перед ним.

— Мы наблюдаем за происходящим, — мрачно ответил агент ФБР.

— Наблюдай за моей задницей.

Лукас стоял прямо перед Киффером, почти касаясь грудью его груди.

— Только попробуй ко мне прикоснуться, Дэвенпорт, — заявил Киффер. — Живо очутишься на нарах...

— А как насчет меня? — спросила Лили, втиснувшись между ними, и Лукас неохотно отступил на шаг назад. — Отправишь меня в тюрьму за нападение на тебя? Я не такая вежливая, как эти ребята из Миннеаполиса, Киффер, и мне нет никакой необходимости выполнять договор, заключенный Даниэлем. Я могу по собственной инициативе обратиться на телевидение и рассказать, что здесь произошло.

— Да пошли вы, — выругался фэбээровец и сделал шаг назад. — Я наблюдаю.

Переговорщик снова набрал номер, и на сей раз разговаривал с Худом дольше.

— Ты можешь нам доверять... Подожди минуту, дай мне посоветоваться с одним человеком...

Наконец он повернулся к Лукасу, прикрыл трубку рукой и спросил:

— Ты знаком с кем-нибудь из индейцев?

— Нескольких знаю.

— Хочешь попробовать с ним поговорить? Он напуган. Назови ему имена людей, которых ты знаешь.

Лейтенант взял телефонную трубку.

— Билли, это Лукас Дэвенпорт из полиции Миннеаполиса. Послушай, ты знаешь Дика Желтую Руку, приятеля Блуберда? Или Дули, парикмахера? Ты знаком с Эрлом и Бетти Мэй? Они мои друзья, приятель. Они наверняка о тебе волнуются. Я тоже за тебя беспокоюсь. Там, в квартире, ты ничего не можешь сделать. Ты только пострадаешь, и все. Если ты выйдешь, клянусь, с тобой все будет хорошо.

На мгновение воцарилась тишина, затем Худ спросил:

— Ты знаешь Эрла и Бетти?

— Да, дружище. Ты можешь им позвонить. Они скажут тебе, что я в порядке.

— Ты белый?

— Да, но я не хочу никому причинить вред. Давай, Билли, клянусь Богом, никто не станет в тебя стрелять. Выходи, и мы все сможем отправиться по домам.

— Дай мне подумать.

— Конечно, Билли.

Худ повесил трубку.

— Что дальше? — спросил Дэвенпорт у переговорщика, который слушал их разговор через наушники.

— Возможно, он звонит тем людям. Эрлу и Бетти, так, кажется, их зовут?

— Да. Их знают почти все.

— Дадим ему две минуты и попробуем еще раз.

Через пару минут они услышали короткие гудки. Через три сумели дозвониться до Худа. Переговорщик сказал несколько слов, затем протянул трубку Лукасу.

— Это ты знаешь Эрла и Бетти? — спросил Худ.

— Да, я, — ответил полицейский.

— Я выхожу, но надо, чтобы ты вошел сюда и забрал меня. Если я буду один, кто-нибудь

из белых парней меня пристрелит.

— Нет, они не станут этого делать, Билли... Послушай...

Дэвенпорт наклонился над телефоном.

— Черт возьми, не пытайся меня обмануть. Они считают меня врагом много лет, давно... С тех пор, как я появился на свет. Просто ждут подходящего момента. Я ничего не имею против тебя, и тебе ничто не будет угрожать. Хочешь, чтобы я вышел, — иди сюда.

Лукас посмотрел на чернокожего.

— Что думаешь?

— Он убил человека в Нью-Йорке, — ответил переговорщик. — И стрелял в ребят из ФБР.

— У него имелись на это причины. Может быть, ему действительно нужна защита.

— Он напуган, — согласился с ним полицейский.

— Что ты намерен делать? — спросил Билли.

— Подожди минутку, мы тут советуемся, — ответил Дэвенпорт и посмотрел на Лили. — Возможно, другого способа взять его живым нет.

— С твоей стороны настоящее безумие идти туда, — возразила она. — Мы его обложили. Рано или поздно он будет вынужден выйти. И никому не придется рисковать. Никто здесь...

— Нам нужно с ним поговорить.

— Незачем, — заявила Лили. — Неважно, возьмем мы его живым или мертвым.

— Тебя не волнует, сможем ли мы задержать всю группу? — спросил Дэвенпорт.

— Теоретически нет, мне нужен Худ. После того как мы с ним разберемся, в дело можете вступать вы и ФБР.

Киффер стоял позади машины и через улицу смотрел на квартиру.

— Чтобы войти туда, нужно иметь характер, — заявил он с таким видом, словно сомневался, что Лукас на такое способен.

— Эй, мы тут собрались не затем, чтобы обсуждать характеры, — сердито сказал переговорщик.

— Эй, Киффер, что ты сказал? — спросила Лили, уперев руки в бока.

— Успокойтесь, — сказал Лукас, махнув рукой.

Он смотрел не на фэбээровца, а мимо переговорщика на окно квартиры, в которой прятался Худ. С выбитым стеклом оно представляло собой черный квадрат на красном камне.

— Я попытаюсь.

— Проклятье, Дэвенпорт, ты спятил, — сказала женщина, но через мгновение добавила: — Поговори с ним через окно. Не заходи внутрь, останься на улице.

Лукас вернулся к телефону.

— Билли? Я готов, дружище.

— Тогда иди сюда.

— Ты не вздумал подставить меня?

— Нет. Я просто не хочу, чтобы какой-нибудь белый меня пристрелил.

— Они видят его с противоположной стороны улицы. Худ под прицелом. Он стоит в центре комнаты, — тихо доложил полицейский у рации, выслушав сообщение в наушниках. — Дел говорит, когда ты туда войдешь, в случае опасности падай под окно. Мы его снимем.

— Хорошо, — Лукас посмотрел на Лили, кивнул и сказал в трубку: — Я выхожу, Билли. Я на улице. Посмотри в окно: я справа от тебя.

— Поторопись, мне уже надоело.

Дэвенпорт вышел из-за машины, широко расставив руки на уровне плеч.

— Отлично, приятель, — крикнул он, обращаясь к окну.

Он медленно прошел по улице, по-прежнему держа руки в стороны, зная, что за ним наблюдает две дюжины пар глаз. День выдался прохладным, но он чувствовал, как по спине у него течет пот. Стая бело-серых голубей следила за ним с красной черепичной кровли дома, расположенного чуть дальше. На другой крыше, рядом с трубой, за пределами видимости Худа, расположился снайпер из отряда быстрого реагирования с М-16 в руках. Полицейская рация посылала в утренний воздух какие-то нечленораздельные звуки. Лукас прошел уже тридцать футов.

— Давай сюда, все в порядке, — крикнул индеец из окна.

Лукас подошел ближе, не опуская рук. В пяти футах от окна Билли снова крикнул: — Сразу забирайся внутрь. Я буду слева. Я не хочу увидеть наставленный на себя пистолет. Знаешь, я очень нервничаю.

Лейтенант протянул руку, прикоснулся к стене здания и придвинулся к окну. Глядя внутрь под острым углом, он видел лишь упавший на пол стул. Он еще немного продвинулся вперед, но все равно в его поле зрения никого не было. На полу валялась раздавленная погремущка с бобами внутри и вмятиной сбоку, как будто кто-то на нее свалился.

— Я сдаюсь, — сказал Худ.

Его голос прозвучал справа, но Лукас по-прежнему его не видел. Он сделал еще шаг.

— Я хочу, чтобы ты залез внутрь, — сказал индеец.

— Я не могу этого сделать, Билли, — ответил Дэвенпорт.

— Ты пытаешься меня подставить, мужик, — возмутился Худ. — Хочешь, чтобы я превратился в мишень. Если я подойду к окну, я труп.

— Клянусь Богом, Билли...

— Не клянись. Просто забирайся на окно. Я тут. Я хочу, чтобы ты шел прямо передо мной, тогда белые парни не смогут меня пристрелить.

Лукас оглянулся по сторонам, тихо выругался, положил руки на подоконник и забрался наверх. В этот момент неожиданно с дробовиком в руке появился Худ, который стоял, прижимаясь спиной к стене и глядя на Дэвенпорта.

— Давай сюда, — велел он, и дуло ружья последовало за Лукасом, точно стальной глаз.

— Успокойся, дружище, — сказал лейтенант.

В шкафу вместе с дробовиком он не обнаружил пуль. А поскольку Худ держал оружие в руках, значит, он либо их нашел, либо блефовал. Но зачем ему блефовать? Он стрелял из какого-то пистолета, значит, он был заряжен...

— Из этого ничего хорошего не получится.

— Заткнись, — сказал индеец, который был напряжен, точно натянутая пружина. — Забирайся внутрь.

Дэвенпорт спрыгнул с подоконника.

— Какой-то умник испортил мою винтовку. Это был ты?

— Я ничего не знаю про это, — сказал Лукас.

Над глазом мужчины кровоточила длинная царапина. На полу рядом с его сапогом валялся пистолет сорок пятого калибра с отведенным затвором. Лукас понял, что у Худа

закончились патроны.

— Нажал на курок проклятого ружья, и оно чуть не снесло мне лицо. Кто-то засунул внутрь тряпку, — сказал индеец.

— Мне про это ничего не известно, — повторил Лукас, ощущая за ремнем свой Р-7.

— Врешь ты все, — рявкнул Худ. — Но у меня есть кое-что. Смотри.

Продолжая держать полицейского под прицелом, он раскрыл руку, державшую дробовик за переднюю часть. На ладони лежало два патрона.

— Картечь, для оленей, — пояснил мужчина. — Я спрятал их среди тридцатых. А кто-то не заметил.

— Билл... — начал Дэвенпорт, ругая себя за то, что не забрал коробку с патронами или хотя бы не проверил ее. — Так ты отсюда никогда не выберешься.

— Картечь не поможет мне против уродов, у которых М-16, но зато с ней я смогу отсюда выбраться, потому что у меня есть ты, белый мальчик, — заявил он и махнул дулом. — Ложись на пол.

— Билли, я тебе поверил. Это ни к чему хорошему не приведет.

Лукас почувствовал, что у него на висках начали появляться капельки пота, подмышки горели огнем.

— А я соврал тебе, придурок, — сказал Худ. — На пол, мать твою!

Он чуть опустил ствол, указывая вниз.

Лукас встал на колени, подумал, не попытаться ли выхватить Р-7, но дуло дробовика не дрогнуло ни на мгновение.

— Держи руки в стороны.

Снаружи послышался голос командира ОБРа, который крикнул в громкоговоритель:

— Вы выходите? У вас все в порядке?

— Все отлично, — ответил Билли. — Мы разговариваем. Не мешайте нам.

— Тебе ничего не поможет... — начал лейтенант.

— Ложись на брюхо! — рявкнул индеец.

Дэвенпорт лег на пол. От него пахло городской пылью, грязь царапала подбородок.

— Я скажу тебе, что мы сделаем, чтобы ты меня не подставил, — проговорил Худ. По его лицу стекал пот, и Лукас чувствовал запах его страха. — Я выведу тебя отсюда под дулом. Мы возьмем машину и поедем вдоль Миссисипи к резервации. Где-нибудь по дороге я выйду и скроюсь в лесу. Как только я там окажусь, то буду на свободе.

— Они станут искать тебя с собаками...

— Пусть ищут. Там повсюду индейцы, ваши ищейки сдохнут, но не найдут меня. — Дэвенпорт почувствовал, что Худ приближается к нему; затем ствол дробовика уперся в затылок. — Это чтобы ты знал, что я здесь. Ляг лицом вниз, и я скажу тебе, что делать дальше.

Лукас подчинился, продолжая думать о пистолете у себя на ремне. Индеец что-то делал у него за спиной, но он не видел что. Послышался звук рвущейся материи, и лейтенант приподнял голову, но Худ рявкнул:

— Но-но!

Дэвенпорт снова опустил лицо.

— Мне же нужно дышать, — сказал он.

— Не морочь мне голову, тебе есть чем дышать... Сейчас я приставлю дуло к твоей голове. Думаю, у тебя есть пистолет, а может, ты инструктор по карате, но если ты хотя бы

пошевелишься, я выпущу тебе мозги... Мой палец лежит на курке, предохранитель снят, ты меня понял?

— Да, — ответил Лукас.

Он ощутил холодное прикосновение ствола к коже за ухом.

— А теперь подними голову так, чтобы не видеть пол. Смотри на кухню, но не двигай ничем, кроме головы, — приказал мужчина. Лукас поднял голову, и через секунду Худ быстро обмотал ее липкой лентой, несколько раз. Дэвенпорт сжал зубы.

— Дуло примотано к твоей голове, — сообщил ему индеец, закончив, и его голос прозвучал чуть менее напряженно. — Если один из твоих белых дружков меня пристрелит, тебе конец. И вообще, если что — ты труп. Одно движение — и с тобой покончено. Ты понимаешь, что я говорю? Свет погаснет.

Первый и третий слои пленки легли на первые два. Последний частично прикрыл левый глаз Лукаса. Он почувствовал, что пуговицы рубашки вдавились ему в грудь, и вдруг понял, что задыхается.

— Боже праведный, будь осторожнее, приятель, — сказал он, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не прозвучало жалобных интонаций.

— Не волнуйся... А теперь вставай.

Лейтенант встал на четвереньки и с трудом поднялся на ноги. Ствол дробовика остался за его правым ухом.

— У вас все в порядке? — снова крикнул командир отряда.

— Все просто отлично, придурок, — прокричал Худ. — Мы выйдем через минуту. — Он снова повернулся к Лукасу. — Моя тачка почти сдохла. Мне нужен патрульный автомобиль и время. Мы подойдем туда и возьмем машину.

— Скажи им, что ты делаешь, — проговорил Дэвенпорт.

Тяжесть дробовика оттягивала его голову набок. Липкая лента на левом глазу приклеилась к веку, и он неожиданно почувствовал приступ клаустрофобии.

— Если они увидят меня с поднятыми руками и тебя у меня за спиной, вполне может так случиться, что кто-нибудь выстрелит, не разобравшись, что происходит.

— Ты им сам скажи, — велел индеец. — Они тебе поверят. Иди к окну.

Дэвенпорт подчинился. Худ держал его одной рукой за воротник рубашки. Ружье было у него в правой руке, он подталкивал им Лукаса.

— Никому не шевелиться, — крикнул полицейский, подойдя к разбитому окну. Он поднял руки над головой и расставил пальцы. — Оставайтесь на своих местах. Он прикрепил дробовик липкой лентой к моей голове. Не двигаться.

В квартире напротив мелькнула едва различимая вспышка. Худ подтащил его к себе, и дуло с силой воткнулось в кожу за ухом заложника.

— Билли... — слышалось из громкоговорителя.

— Мне нужна машина, — крикнул в ответ индеец и начал подталкивать заложника вперед, пока тот не сел на подоконник. Затем очень осторожно, медленно он опустился рядом с ним. — Прыгай первым, — приказал он.

— Господи, — пробормотал Лукас. — Ты там осторожнее.

— Вниз.

Дэвенпорт прыгнул на пять футов, согнув колени и закрыв глаза. Когда он открыл их, мир все еще существовал. Индеец приземлился рядом с ним, и Лукас сделал глубокий вдох.

— Дайте мне полицейскую машину, и пусть все уберутся с дороги, — прокричал Худ.

— Билли, тебе это не поможет. Ведь все же было хорошо, — крикнул в ответ командир отряда быстрого реагирования.

Громкоговоритель эхом отзывался в голове Лукаса. Он взглянул на улицу, заблокированную автомобилями, людей, которые прятались за ними, и вдруг подумал, что вот сейчас прекратит свое существование и Лукас Дэвенпорт превратится в труп на холодной земле, а все остальные будут на него смотреть.

— Подгоните машину сюда!

Индеец снова напрягся, и в его голосе появились панические нотки.

— Черт возьми, дайте ему, что он хочет! — крикнул Лукас.

Он вдруг почувствовал аромат сосен, но здесь их не было, вообще ничего не росло, но запах присутствовал, как будто он неожиданно оказался в своем домике в Висконсине. В мозгу зазвучали повторяющиеся слова: «Только не сейчас, пожалуйста, не сейчас», а холодный ствол прижимался к его голове за ухом...

— Ладно, ладно, хорошо, мы вызываем транспорт. Успокойся, Билли, мы не хотим, чтобы еще кто-нибудь пострадал.

— Где машина? — завопил Худ. — Где машина?

Он дернул дробовик, и голова заложника откинулась назад.

— Успокойся, приятель, тише, — сказал Дэвенпорт, чувствуя, как отчаянно колотится в груди сердце. У него болели шея и голова, а Худ прижимался к нему, точно нежеланный партнер во время бега парами. — Если ты нечаянно выстрелишь, тебе конец так же, как и мне.

— Заткнись, — прорычал индеец.

— Ты получишь машину, только не волнуйся, — крикнул командир отряда, который стоял на противоположной стороне улицы. — Возьми ту, что стоит справа от тебя. Видишь, из нее вылезает полицейский? Ключи в замке зажигания.

Худ повернулся, чтобы посмотреть, и Лукасу тоже пришлось повернуть голову. Автомобиль стоял сразу же за машиной переговорщика. Лукас успел разглядеть позади Лили.

— Хорошо, мы идем туда, — крикнул индеец.

Они начали передвигаться боком, точно крабы, медленно, дробовик давил на висок Лукаса. Двадцать футов до машины.

— Билли? Билли? Я разговаривал с тобой по телефону. У нас тут есть врач, — сказал переговорщик, который отошел на шаг от своей машины. Лукас заметил, что он снял кобуру с пистолетом. — Доктор, специалист по психологии. Мы хотим, чтобы ты с ней поговорил.

Лили вышла из-за автомобиля и встала рядом с полицейским, сжимая обеими руками свою сумочку. Она была похожа на страшно напуганную медсестру из городской больницы.

— Мы привезли ее, чтобы она посмотрела, как ты. Она говорит, что поедет с вами, на случай если возникнут какие-то проблемы, она хочет поговорить...

— Я не буду ни с кем разговаривать, я хочу уехать.

Худ подтолкнул Дэвенпорта, и он шагнул вперед, повернув голову из-за того, что на нее давило ружье.

— Я могу тебе помочь, — воскликнула Лили, которая стояла в пятнадцати футах от них.

— Мне никто не нужен, — ответил индеец. — Убирайся с дороги!

Он был весь в поту, и запах страха заполнил все пространство вокруг него.

— Подожди, ты должен меня выслушать, Билли. Пожалуйста. Я много работала с

индейцами, они так себя не ведут.

Она сделала шаг к ним, затем еще один и, поскольку они двигались к автомобилю, оказалась меньше чем в десяти футах от них.

— Отвали от меня, — в отчаянии вскричал мужчина. — Мне не нужен чертов психиатр!

— Билли, прошу тебя... — жалобным голосом проговорила Лили.

Шесть футов. Она выпустила сумку, и та повисла на ремне у нее на плече, одной рукой она размахивала в воздухе, другой теребила пуговицы на пиджаке.

— Позволь мне... — Ее голос вдруг изменился, она больше не умоляла, она настаивала. — Билли, у тебя проблема. Ты меня понимаешь? Давай я про нее расскажу. Ты этого не видишь. Поверь мне. У тебя в волосах запуталась оса. Над правым ухом. Если она тебя укусит, не нажимай на курок, это всего лишь оса. Нам не нужны жертвы.

— Оса? Где?

Индеец остановился, и его голос неожиданно наполнило напряжение.

Дэвенпорт вспомнил про коробку с антигистаминными препаратами, которую видел в аптечке Худа.

— В волосах, над правым ухом, она ползет...

Худ держал заложника левой рукой за шею, и тот почувствовал, как дробовик поднялся, когда Билли попытался сбросить несуществующую осу правой рукой. Поскольку он держал палец на спусковом крючке, он не мог дотянуться до уха; на одну короткую долю секунды, не думая о том, что делает, он убрал с него палец и потянулся к голове. В этот момент Лили прижала правую руку, ту, которой теребила пуговицы на пиджаке, к животу и выхватила пистолет сорок пятого калибра. Она с такой скоростью наставила его на голову индейца, словно бросала дротик; он успел его увидеть и отшатнуться. Дэвенпорт закрыл глаза и начал отворачиваться; женщина выстрелила, и полицейский почувствовал жар на лице, как будто в него бросили пригоршню горячего песка. Худ повалился назад, на землю, а Лукас упал на колени и закричал:

— Снимите эту дрянь, снимайте скорее, снимайте!

Переговорщик опустился рядом с ним на колени и сказал:

— Все в порядке, все хорошо.

Чья-то рука схватила дуло дробовика и сжала его, а Лукас, который задыхался, простонал:

— Снимите это, снимите скорее...

Затем он услышал режущий звук, и ствол перестал давить на ухо.

И снова все ощущения стали невероятно острыми: асфальт у него под коленями, запах смолы и городского мусора, шум раций, топот ног офицера из отряда быстрого реагирования, Лили, которая все повторяла:

— Господи! Господи!

А еще колено командира отряда около его лица и спортивная туфля Билли в грязи. В следующее мгновение завтрак в желудке Лукаса устремился наружу, и его вырвало перед самой квартирой Билли Худа. Его тошнило безостановочно, пока внутри больше ничего не осталось и тело не начало сотрясаться от жестоких спазмов. Бойцы группы захвата собрались вокруг трупа Билли, где-то вдалеке кричала женщина, и ее вопли перекрывали грохот и возгласы полицейских. Командир отряда положил руку Дэвенпорту на шею, и она показалась ему невероятно теплой на холодной коже. Кто-то открыл дробовик, и на землю выпал патрон в зеленой оболочке.

Когда желудочные спазмы прекратились и он сумел их сдержать, Лукас повернул голову и увидел лицо Билли Худа. Оно было наполовину снесено, как будто кто-то ударил по нему молотком-гвоздодером.

— Одним выстрелом в десятку, — сказала Лили. Она стояла над ним, бледная как полотно, и смотрела на тело. — Прямо в переносицу.

И хотя она пыталась казаться храброй, в ее голосе была невыразимая жалость. Дэвенпорт встал на четвереньки, а потом с трудом поднялся на ноги.

Командир отряда помог ему снять липкую ленту с головы и повернулся к Лили.

— Вы в порядке? — спросил он.

— Да, все нормально, — ответила она.

— А ты? — спросил переговорщик Лукаса.

— Проклятье, нет, конечно. — Он сделал неверный шаг в сторону напарницы, и она обняла его за талию. — Через пару минут я был бы мертв.

— Может быть, он бы тебя отпустил, — сказала Лили, посмотрев на труп.

— Возможно, но я так не думаю. Билли Худ был очень зол, — заметил лейтенант. — Он решил умереть и не собирался делать это в одиночку.

Он остановился, повернулся и тоже взглянул на тело. Лицо индейца не обрело мирного выражения в смерти. Оно было просто мертвым и пустым, точно пивная банка, раздавленная и валяющаяся у обочины дороги. Неожиданно на Лукаса накатила волна жгучей ярости.

— Черт подери, он был нам нужен живым. Этот мерзавец должен был нам рассказать, что происходит. Какой идиотизм. Зачем он это устроил? — завопил он, и командир отряда быстрого реагирования обернулся к нему.

Лили сильнее сжала руку у него на талии и мягко подтолкнула к дому на противоположной стороне улицы.

— Я тебя поблагодарил? — спросил Дэвенпорт, взглянув на нее.

— Пока нет.

— Ты чуть не вышибла мне мозги, Ротенберг. К тому же мое лицо перепачкалось в ужасной дряни.

— Я слишком хорошо стреляю и не могла в тебя попасть. Что касается лица — это лучше, чем картечь за ухом, — проговорила она.

— Ну, тогда спасибо тебе. Ты спасла мою шкуру.

— Я принимаю твою жалкую благодарность, а поскольку ее недостаточно...

— Я готов отблагодарить тебя в полной мере. Ты это знаешь, — сказал он, чувствуя, как ее волосы коснулись его щеки.

— Какие все-таки мужчины отвратительные существа, — пробормотала она.

Дэвенпорт сидел на стопке газет.

— Ты в порядке? — спросил Даниэль, опускаясь на корточки рядом с ним.

Лили сообразила, что он пытается проявить участие, но не знает как.

— Более или менее, — ответил Лукас.

Вошел Ларри Харт, увидел их и замер на месте.

— Вокруг полно журналистов, — сказал он. — Восьмой канал поставил оператора на крышу. Они ведут репортаж в прямом эфире. Теперь все будут искать тебя и Лили.

— Плевать, — проворчал Дэвенпорт, упираясь локтями в колени и опустив голову. — Кто-нибудь говорил с Дженнифер?

— Я позвонил ей сразу после того, как Лили разобралась с Худом, — ответил Даниэль. — Она смотрела телевизор, но говорила совершенно спокойно. Более того, она даже пыталась получить от меня подробности для выпуска новостей.

— Очень похоже на нее, — пробормотал Лукас, подумал о дробовике, приставленном к уху, и сжал колени. — Если ты найдешь кого-нибудь, кто доставит «порше» к моему дому, я бы мог незаметно добраться до полиции...

— Его возьмет Слоун, — предложил Даниэль. Дэвенпорт кивнул и вытащил из кармана ключи. — У нас возникли и другие проблемы. Мне не хотелось тебя тревожить...

— Господи, что еще?

— Сегодня утром речная полиция Сент-Пола обнаружила тело в шлюзе Форда. Оно зацепилось за береговую опору моста. Индеец. При нем имелось удостоверение личности. Ричард Желтая Рука.

— Вот черт! — сказал Лукас.

— Мы бы хотели, чтобы ты на него взглянул. Мы не совсем уверены... в общем, на самом деле сомнений нет, но он был твоим осведомителем...

— Ладно, ладно, ладно...

— Если хочешь, я могу пойти с тобой, — предложила Ротенберг.

— Лучше не стоит, — возразил Даниэль, бросив на нее быстрый взгляд. — Нам нужно написать отчеты. Тебе придется поговорить с нашими адвокатами, ведь ты не служишь в полиции Миннесоты...

— Что?

— Нет, нет, проблем не будет, — торопливо проговорил начальник департамента. — Просто небольшие бюрократические формальности. Господи, как бы я хотел выкурить сигару.

— Значит, мне нужно посмотреть на тело... — сказал Лукас.

— Это не все, — с неохотой добавил Даниэль. — Они совершили еще одно убийство.

— Еще одно? — спросила Лили. — Где?

— В Брукингсе, Южная Дакота. Нам только что сообщили. Генеральный прокурор штата, будь оно проклято. На празднике урожая, когда танцевали польку. Этот тип, генеральный прокурор, всегда посещал танцы, потому что их показывают по местному телевидению. Там его и поджидал убийца.

— Наш друг с косичками? — спросил Харт.

— Нет. Они взяли убийцу. Точнее, подстрелили — он в больнице. Какой-то ковбой

увидел, что происходит, вытащил из пикапа ружье и ранил стрелка.

— Хорошо. Точнее, плохо. Сначала я должен взглянуть на Желтую Руку. Если это он. О том, что случилось в Южной Дакоте, я подумаю потом. — Лукас встал и по дуге подошел к двери. Ротенберг, Даниэль и Харт с тревогой наблюдали за ним, и он попытался улыбнуться. — Вы похожи на Дороти, Льва и Железного Дровосека. Больше оптимизма!

— А ты тогда волшебник из страны Оз? — спросила Лили, продолжая с беспокойством смотреть на Дэвенпорта.

— Я чувствую себя как Злая ведьма Запада, когда на нее упал домик, — проворчал Лукас и махнул рукой. — Не грустите.

Тело Желтой Руки находилось в офисе окружного медицинского эксперта. Труп лежал лицом вверх на поддоне из нержавеющей стали. Лукас ненавидел утопленников. Они переставали быть похожими на людей и выглядели... размытыми.

— Желтая Рука? — спросил помощник эксперта.

Лукас посмотрел на растворившееся существо. Глаза индейца, широко раскрытые, выпученные, без зрачков, больше всего напоминали пластиковый пакет от молока. Черты лица были искажены: одни увеличились, другие уменьшились. Впрочем, Лукас без труда опознал парня и отвернулся.

— Да, это он. У него родственники в Форт-Томпсоне, это в Южной Дакоте. Кажется, мать.

— Мы позвоним...

— Вы уже установили причину смерти? — спросил Лукас.

— Мы произвели только предварительный осмотр. У него дыра в основании черепа. Как в китайских казнях, один выстрел. Пока это неофициальная версия: возможно, он погиб не от пули, утонул или еще что-нибудь...

— Но в него стреляли?

— Похоже на то...

Слоун приехал на «порше» как раз в тот момент, когда Дэвенпорт выходил из патрульного автомобиля, остановившегося возле его дома.

— Вот это машина, — с восторгом заявил Слоун. — Сто пятьдесят пять на автостраде, я просто не верил своим глазам... — Он посмотрел на выражение лица Лукаса. — Я пошутил. О господи, с тобой все в порядке? Ты ужасно выглядишь.

— Тяжелый денек выдался. А еще даже полдень не наступил, — ответил Дэвенпорт, пытаясь говорить с иронией.

У него не получилось.

— Так это?..

— Да, Желтая Рука.

Слоун отдал ему ключи и рассказал, что Лили по горло занята бумажной работой. Репортеры уже спрашивают, почему она носила пистолет в Миннеаполисе. С ними разговаривает шеф.

— А мне пора возвращаться в участок, — сказал детектив.

— Конечно. Спасибо, что пригнал машину.

— Не принимай близко к сердцу...

Казалось, Слоун не хотел его оставлять, но Лукас повернулся к нему спиной и зашагал к

дому.

Как только он отпер дверь, стало слышно, как звонит телефон. Он не успел к нему подойти, и включился автоответчик.

— Десять двадцать восемь, — послышался голос Дженнифер Кери. — Мы вышли в эфир с рассказом о Худе. Позвони мне...

Дэвенпорт взял трубку.

— Подожди. Ты все еще здесь?

— Лукас? Когда ты вернулся?

— Только что. Минутку, мне нужно закрыть входную дверь.

Когда он снова подошел к телефону, Дженнифер набросилась на него.

— Будь ты проклят, Дэвенпорт, я с ума схожу. Я говорила с Даниэлем, и он сказал, что не знает, где ты, но что с тобой все в порядке.

— Да. То есть не совсем. Я чувствую себя отвратительно. А ты где?

— На студии. Как только я узнала, что происходит, — кстати, спасибо, что не позвонил, — Восьмой канал нас обошел, а поскольку всем известно о наших отношениях, коллеги смотрят на меня, словно я мерзкая жаба...

— Да, понятно. А где Сара? — спросил Лукас.

— Я позвонила Эллен, студентке колледжа. Она согласилась посидеть с девочкой сколько потребуется. Если нужно, останется на ночь.

— Ты можешь зайти ко мне позднее?

— Как ты? — спросила Дженнифер.

— Нормально. Но мне бы совсем не помешала поддержка.

— Здесь все словно с цепи сорвались. Ты слышал про Элмера Линстада из Южной Дакоты?

— Да, прокурор штата.

— Линстад мертв. И парень, которого они подстрелили, Лисс...

— Подожди, ты знаешь больше меня. Кто он такой?

— Индеец по имени Джон Лисс. Он отсюда. Сейчас Лисс в операционной, но говорят что он выживет. Меня собираются отправить туда на самолете после полудня. Там у меня будет команда...

— Ладно.

Дэвенпорт постарался скрыть разочарование.

— ...но я могу сбежать во время ланча.

— Я бы хотел тебя увидеть, — признался Лукас. — У меня какое-то странное состояние.

— Если мы придем к тебе ребят, ты поговоришь с ними?

— Нет, исключено, Джен. Скажи, что меня здесь нет. Я собираюсь отключить телефон. Мне нужно прилечь.

— Хорошо... Люблю тебя.

Лукас забрался в постель, но сон не приходил. Он снова и снова ощущал прикосновение дула к затылку, а потом перед глазами вставало раздувшееся лицо Желтой Руки...

Он лежал на спине и потел. Повернув голову, Дэвенпорт посмотрел на часы. Он провел в кровати более часа, должно быть, заснул: ему показалось, что прошло не больше пяти минут...

Лукас сел и поморщился — на него обрушилась головная боль. Тогда он направился на кухню, вытащил из холодильника минеральную воду со вкусом лайма и, пошатываясь, пошел в кабинет. Там мигал автоответчик: восемь звонков. Он нажал кнопку воспроизведения. Шесть сообщений с телевидения и из двух газет. Одно от шефа и последнее от Лили. Ей он перезвонил.

— Я все еще занята бумагами, — сказала она.

— Я в курсе.

— А завтра утром мне придется давать показания...

— Может быть, сходим куда-нибудь поесть?

— Я тебе позвоню.

— Я буду не дома, но у меня есть телефон в машине...

Даниэль звонил, чтобы узнать, как он себя чувствует.

— Мы прижали федералов, — сказал он. — Одна наша команда работает в квартире Худа с его соседями; Слоун и Андерсон собирают информацию на парня из Южной Дакоты. Ты знаешь, что он отсюда?

— Да. Мне сказала Джен.

— Хорошо. Послушай, мне нужно уходить. Не волнуйся. Мы во всем разберемся.

Закончив разговор с шефом, Лукас налил минеральной воды в стакан и добавил туда на три пальца джина «Танкурей». Получился не самый лучший вариант джина с тоником. Он сел на кухне и стал понемногу прикладываться к выпивке. Проклятый идиот Желтая Рука. Худ и дробовик. Он поднял руку и потер то место, к которому был прижат ствол, а потом побрел в ванну и встал под душ. Алкоголь начал действовать, горячая вода била в тело тугими струями, но лица индейцев продолжали стоять у него перед глазами.

Он уже вытирался, когда послышался звонок в дверь. Дэвенпорт завязал полотенце вокруг бедер, прошел через кухню и выглянул в окно.

Дженнифер.

— Привет, — сказала она и вошла, внимательно вглядываясь в его лицо. — Как ты?

— Немного выпил, — ответил он.

Она нахмурилась, наклонилась к нему и поцеловала.

— Джин. Никогда бы не поверила, — сказала Дженнифер.

— Я в полной прострации, — сказал он и попытался улыбнуться.

— Следуй за мной, — отозвалась она и потянула за край полотенца. — Мы попытаемся тебя оттуда вытащить.

Полуденное солнце перевалило через скат крыши и осветило занавески в спальне Лукаса. Дженнифер оттолкнула его в сторону, спустила ноги с постели, посмотрела на него и сказала:

— Это было... замечательно.

— Я не уверен, что все еще жив, — произнес Дэвенпорт. — Господи, мне необходима сигарета.

— Ты испугался?

— Меня почти парализовало. Я бы стал его умолять, но... просто... даже не знаю, это бы не помогло... Мне хотелось только одного — чтобы он убрал ствол.

— Та женщина из Нью-Йорка...

— Лили...

— Да. Они устроили короткую пресс-конференцию, в ней участвовали Даниэль, она и Ларри Харт. Она произвела впечатление, — продолжала Дженнифер, глядя на Лукаса. — Лилиан вполне в твоём вкусе.

— Я бы мог обратить на неё внимание, — вздохнул Дэвенпорт. — Но сейчас главным оказалось её участие в соревнованиях по стрельбе. Она вытащила свой сорок пятый за десятую долю секунды и направила его прямо в лицо Билли Худа. Бум! Прощай, мерзавец.

— Она показалась мне симпатичной, — заметила журналистка.

— Так оно и есть. Она отлично выглядит. Немного полновата, но хорошенькая.

— Да, пожалуй, — согласилась Дженнифер, которая каждое утро проводила в спортивном зале.

— Она ест все подряд, — добавил Лукас. — Господи, как жаль, что я бросил курить.

— Значит, ты в порядке...

— Прежде ничего подобного не случалось, — недоуменно сказал он. — Проклятье, я и раньше подходил к самому краю, а в истории с Бешеным меня едва не прикончили. Но это меня доконало... я даже не знаю.

Она погладила его волосы, все ещё влажные, и он спросил:

— Ты ходила на своё свидание? Слушала симфонию?

— Да.

— И как?

— Нормально, — ответила Дженнифер. — И схожу ещё куда-нибудь, если он пригласит, но спать с ним не стану.

— Ага. Как чудесно, что ты мне об этом говоришь.

— Он слишком милый, — сказала Дженнифер. — Никакой остроты, соглашается со всем, что я говорю.

— Могу спорить, что у него член как у жеребца из Теннесси.

Дженнифер наморщила лоб.

— Господи, из-за какой чепухи тревожатся мужчины.

— Мне все равно.

— Конечно. И потому ты заговорил об этом, — сказала Дженнифер. — В любом случае, если бы я собиралась с ним переспать, то не сейчас. Я смотрю на малышку и все время думаю о том, что хочу сделать это ещё раз. С тем же папочкой.

Лукас повернулся к ней и поцеловал в лоб.

— Я готов помочь в любое время. Скоро?

— Думаю, да. Через два или три месяца. И на этот раз я тебе скажу, что перестала принимать таблетки.

Он снова её поцеловал, его рука подобралась к груди Дженнифер, и он провел ладонью по её соску.

— Я бы хотела мальчика, — призналась она.

— Как скажешь, — ответил Дэвенпорт. — Меня бы вполне устроила вторая дочь.

— Возможно, мы могли бы сделать это раньше. Скажем, в следующем месяце.

— Готов служить и защищать.

Она рассмеялась, покачала головой и посмотрела на часы.

— Ты ещё на что-нибудь сгодишься? У меня осталось немного времени.

— Даже не знаю, я старею...

Они снова занялись любовью, теперь уже гораздо спокойнее, а позднее, когда

Дженнифер одевалась, Лукас хрипло сказал:

— Я не хотел, чтобы мир исчез. Я бы не успел ничего понять, но все время думал... даже не знаю, думал ли, но я чувствовал... я хотел еще. Еще жизни. Господи, я боялся, что она сейчас исчезнет, как мыльный пузырь...

Когда Дженнифер уехала в аэропорт, Лукас опять попытался заснуть. После новой неудачи он включил телевизор, по кабельному телевидению передавали новости из Сиу-Фолса. Джону Лиссу сделали операцию, он будет жить, но ходить не сможет никогда. Пуля ковбоя повредила спинной мозг над самой поясницей. Они показали запись выстрела, а потом повторили его еще раз в рапиде, после чего на экране появилась фотография Лоуренса Дабервилля Клея. Это был известный снимок, сделанный в чикагском порту, где директор ФБР в рубашке с закатанными рукавами руководил операцией по задержанию торговцев кокаином. В роскошной подмышечной кобуре он носил огромный «дезерт игл».

— Директор ФБР Лоуренс Дабервилль Клей заявил, что он лично отправится в Брукингс, чтобы возглавить расследование, а до тех пор, пока заговорщики не будут схвачены, в Миннеаполисе разместится временный штаб ФБР, — продолжала ведущая. — Клей говорит, что переезд осуществят в ближайшие два или три дня. Это уже третий случай, когда директор ФБР лично участвует в расследовании. Очевидно, его действия должны подчеркнуть значение, которое придает администрация президента борьбе с преступностью...

Лукас нажал на кнопку дистанционного управления, и лицо Клея исчезло. Три часа. Он встал, немного подумал, а потом отправился на кухню, чтобы прикончить остаток «Танкурея».

Тень Любви видел смерть Билли Худа по телевизору в гриль-баре на углу Лейк-стрит. Камера находилась в квартале от места действия, но на значительной высоте, так что изображение было таким же чистым, как во время передачи «Футбол в понедельник вечером».^[15]

Билли и охотник-полицейский. Женщина с сумочкой. Худ начинает двигаться. Почему он это сделал? Почему снял палец со спускового крючка? Появляется рука женщины с пистолетом. Выстрел, Билли падает, как тряпичная кукла, Дэвенпорт опускается на колени, его тошнит...

Тень Любви снова и снова смотрел повторы.

— Данная передача содержит сцены насилия и смерти, которые не следует показывать детям. Если рядом с вами находится ребенок...

Затем пошел репортаж о пресс-конференции. Ларри Харт:

— ...У нас появились доказательства, что эти люди не просто убивают белых, среди жертв есть один индеец дакота из Форт-Томпсона, Желтая Рука...

Ларри Харт на экране телевизора. Потеет. Просит. Ломает руки, как Иуда Искариот.

Перед глазами у Тени Любви возникло черное пятно, оно росло, и все вокруг начало расплываться. Он попытался сморгнуть его, но гнев не проходил.

Иуда. Потеет. Просит...

Лицо Ларри исчезло, и его место заняла женщина-репортер.

— Нам только что сообщили о новом нападении в Брукингсе, штат Южная Дакота. Возможно, оно связано с убийствами специального уполномоченного по благотворительности в Нью-Йорке и федерального судьи в Оклахоме, которые совершены группой индейцев-экстремистов. В Южной Дакоте покушались на Элмера Линстада, генерального прокурора штата...

Женщина немного помолчала и посмотрела на стол, а потом продолжала:

— Си-би-эс сообщает, что Элмер Линстад был убит в Брукингсе, штат Южная Дакота. Нападавший ранен одним из свидетелей и отправлен в больницу...

— Билли мертв, а Джона подстрелили.

Тень Любви вошел в квартиру с длинной картонной коробкой в руках.

Он захлопнул дверь ногой и бросил упаковку на диван. На ней было написано: «Карниз для штор».

— Что?

Вороны удивленно посмотрели на него.

— Вы оглохли? — спросил Тень Любви. — Я сказал, что Билли мертв. А в Джона: стреляли. В новостях сообщили.

В квартире Воронов был телевизор, но днем они его включали редко. Теперь им пришлось это сделать. Показывали запись покушения.

Ведущий сказал, что Уильяма Две Лошади Худа опознали как убийцу Джона Андретти, специального уполномоченного по благотворительности из Нью-Йорка. Худ был застрелен полицейским офицером из Нью-Йорка после того, как он взял в заложники сотрудника полиции Миннеаполиса. Мужчина не пострадал. Джон Лисс, индеец сиу из Миннеаполиса

перевезен под охраной в больницу Брукингса...

— Это коп-охотник, — сказал Тень Любви, когда по телевизору показывали Лукаса. — Он нашел Худа.

— Мерзавец, — прошептал Сэм, не отрывая глаз от экрана.

Аарон заплакал, и Сэм потрепал его по плечу. Они еще раз посмотрели запись убийства Линстада и пресс-конференцию с Ларри Хартом.

Сэм взглянул на двоюродного брата.

— Помнишь его? Он один из Уэйптонов Хартов, сын Карла и Мэри?

— Да, они хорошие люди, — сказал Аарон и повернулся к Тени Любви. — Он работает с этим копом?

— Да. И всем нравится Ларри Харт. Я ходил вместе с ним в школу. Все в нем души не чаяли. И сейчас любят. Охотник, Харт и эта тварь из Нью-Йорка нас вычислят. Вороное знают многие, вас видели на улицах. Кто-нибудь обязательно заговорит.

— Ну, этого ты знать не можешь, — заметил Аарон.

— Ошибаешься — я не сомневался, что они отыщут Билли. И если нас не найдут случайно, обязательно появится предатель. Один из вас, Лео или Джон. Или одна из их жен.

— Никто не станет так поступать... — возразил Аарон.

— Так и будет, если охотник нажмет на нужные кнопки, — заявил его сын.

— И только один ты не сломаешься?

— Точно, — кивнул Тень Любви. — Знаешь, что управляет людьми? Любовь. Вот в чем дело. И полицейские это используют. Они говорят: «Помоги своему другу, предай его». Они поймают Сэма и захотят получить Аарона. И передадут в новостях, что Сэм умирает и хочет, чтобы его двоюродный брат находился рядом... ты сможешь остаться в стороне?

Аарон не ответил.

— А я нас не предаю, потому что нет человека, которого я бы так сильно любил, — с затаенной печалью сказал Тень Любви. — Иногда... я об этом жалею. Вы знаете, я никогда не смеялся. И у меня никогда не было девушки. Прежде они могли бы использовать против меня маму. Но теперь, когда она умерла, они ничего не смогут со мной сделать.

Аарон немного подумал и сказал:

— Проклятье, это худшее, что я слышал в жизни.

Сэм у него за спиной кивнул. Тень Любви отвернулся.

— Все так и есть, — сказал он.

По лицу Аарона потекли слезы, и он проговорил:

— Они все ушли. Остался только Лео.

— И мы, — добавил Сэм.

Аарон кивнул.

— Если Клей не приедет после Южной Дакоты, одному из нас придется отправиться в Милуоки.

Сэм бросил быстрый взгляд на Тень Любви, но Аарон это заметил.

— Нет, — сказал он.

— Почему? — спросил сын, и его слова были острыми, как лезвие топора. — Я часть группы. И у меня есть каменный нож.

— Это не для тебя. Если хочешь помочь, отправляйся к Розовому Бутону и поговори со стариком. Постарайся что-нибудь узнать.

— Вы не хотите, чтобы я оставался здесь, — сказал Тень Любви.

— Вот именно, — ответил Аарон.

— Вы идиоты! — закричал Тень Любви. — Старые болваны!

— Подожди, подожди, подожди... — сказал Сэм, показывая на телевизор.

Клей и его пистолет.

— ...в Брукинге, чтобы возглавить расследование, а до тех пор, пока заговорщики не будут схвачены, в Миннеаполисе будет размещен временный штаб ФБР. Это уже третий случай...

Настроение тут же изменилось.

— Сукин сын приедет! — завопил Сэм. — Этот негодяй уже на пути сюда.

Они устроили тихий ланч, сидя втроем вокруг шаткого стола. Их трапеза состояла из холодных сэндвичей с горчицей и куриного супа с лапшой.

— И что теперь? — спросил Тень. — Здесь повсюду будет полно полицейских и агентов ФБР. Через несколько дней мы не сможем даже выйти на улицу.

Аарон посмотрел на Сэма.

— Я позвоню Барбаре. Скажу, что, возможно, мы приедем. Я не хочу это делать заранее, чтобы ничего не испортить, — ведь кто-нибудь может нас увидеть.

— Если ты не собираешься на Беар-Бат, то должен отправиться к Барбаре, — сказал Сэм. — Она ведет себя так, словно ты ее ребенок.

Парень кивнул.

— Да. Я ее видел перед тем, как уехал в Лос-Анджелес. Но дело в том, что мы будем представлять для нее опасность.

— Она это понимает, — сказал Аарон. — Мы не первый раз скрываемся от властей. Она сказала, что будет рада нас принять в любом случае.

— Она не знает, что именно вы собираетесь сделать...

— Барбара примет нас, — сказал Сэм.

— И у нее корма что надо, — с улыбкой добавил Аарон.

Сэм фыркнул и даже покраснел. Они с Барбарой когда-то были любовниками. Они ничего такого не обсуждали, когда он месяц назад говорил с ней по телефону, но Сэм понимал, что их роман возобновится. И ждал этого с нетерпением.

— Зависть плохая вещь, — сказал он, глядя в свою тарелку с супом.

Тень Любви подошел к дивану и открыл картонную упаковку. Внутри лежала плоская черная штурмовая винтовка. Он вытащил ее из коробки.

— М-15, — сказал Тень Любви и направил винтовку в окно на уличный фонарь.

— Где ты ее раздобыл? И зачем она? — спросил Сэм.

— Взял на улице. Может быть, прикончу копа. Или Харта.

Аарон подошел к плите и потянулся к чайнику, но его рука замерла в воздухе, и он резко обернулся к сыну.

— Нет. Только не Харт. Ты не станешь убивать людей нашего народа, — с яростью заявил он.

Тень Любви посмотрел на него с холодным блеском в глазах.

— Я сделаю то, что посчитаю нужным. Вы с Сэмом постоянно спорите, но все же способны действовать.

— Сначала мы всегда приходим к согласию, — сказал Аарон.

— Больше у нас нет такой роскоши. Вы можете спорить. Или сидеть и думать. Вы

способны все испортить. А я пытаюсь дать вам больше времени.

— Но мы этого не хотим, — с гневом возразил Аарон.

Тень Любви покачал головой, прицелился и спустил курок. В наступившей тишине щелчок прозвучал особенно отчетливо.

Харту достался район, где в основном жили индейцы, а Слоун изучал связи и окружение Джона Лисса. Лукас, отчаянно сопротивляясь похмелью, прочесывал парикмахерские, бары, кафе и меблированные комнаты.

Вскоре после полудня Дэвенпорт позвонил диспетчеру, чтобы выяснить, чем занимается Лили, и ему сказали, что она еще у окружного прокурора. Он заглянул в «Арбис»,^[16] заказал сэндвич с ростбифом и вышел с ним наружу. Он стоял, прислонившись к «порше», когда заработала рация и дуло дробовика вновь оказалось у его головы. Он едва не уронил сэндвич. Парализованный, Лукас застыл на месте. Холодный металл прижимался к его коже, а перед глазами вставала квартира Худа, круг патрульных машин, писк полицейских раций... Через несколько секунд все потускнело, и Лукас, спотыкаясь, отошел от своего автомобиля и уселся на стоявшую поблизости бетонную скамью в форме гриба. Так он просидел несколько минут, по спине у него медленно стекал пот. Наконец он с трудом поднялся на ноги, сел в «порше» и отъехал от закуской.

Через полчаса диспетчер сообщил ему номер телефона в отеле, где остановилась Лили. Глядя на рекламу ремней ручной работы, Дэвенпорт позвонил из уличной будки напротив магазинчика, торговавшего кожей.

— Ланч? — спросил Лукас, как только Лили поздоровалась с ним.

— Я не смогу, — сказала она, а потом, после небольшой паузы, добавила: — Я возвращаюсь домой.

Мужчина задумался, глядя на сияние рекламы. А затем перевел взгляд на телефонную трубку, зажатую в руке.

— Я думал, ты немного задержишься, чтобы узнать, что будет дальше.

— Я так и собиралась, но потом... У окружного прокурора больше нет ко мне вопросов, и я позвонила в аэропорт, чтобы выяснить расписание рейсов на Нью-Йорк. Сначала я хотела улететь вечером, но мне сказали, что на час тридцать есть билеты. Я уже заказала такси...

— Я бы мог зайти...

— Не надо, — быстро сказала она. — Я бы предпочла, чтобы ты этого не делал.

— Господи, Лили...

— Извини... — Она немного помолчала. — Надеюсь, с тобой все в порядке. И что мы еще встретимся. Может быть. Ну, ты знаешь, когда-нибудь.

— Хорошо.

— Ладно, пока.

— Пока.

Она повесила трубку, и Лукас остался стоять, прижавшись спиной к стене.

— Проклятье! — громко выругался он.

Мимо проходили две школьницы с учебниками в руках. Услышав его, они испуганно посмотрели в его сторону и ускорили шаг. Дэвенпорт медленно двинулся к своей машине, сам не зная, что чувствует — разочарование или облегчение. Он еще около часа бродил по барам Лейк-стрит, меблированным комнатам и магазинам, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Ничего. И хотя ему сообщили имена каких-то людей, которых можно было проверить, сердце у него не лежало к работе. Он посмотрел на часы. Десять минут третьего.

Она уже летит в Нью-Йорк.

Лили.

Даниэль был в своем офисе. Он выключил лампу дневного света на потолке и сидел, купаясь в желтом луче, который лился от старомодной настольной лампы в форме буквы «S». Ларри Харт устроился на стуле перед его письменным столом. Слоун, Лестер и Андерсон заняли места с другой стороны. Лукас сел на последний свободный стул.

— Ничего? — спросил Даниэль.

— Ни намека, — ответил Харт.

Дэвенпорт покачал головой.

— Мы получили кое-какие материалы о Лиссе. Он работал на заводе по производству металлоизделий в Голден-Вэлли. Его коллеги говорят, что к нему не было никаких претензий, но Лисс интересовался всякими странными вещами, связанными с индейцами.

— Это нам поможет, — проворчал Андерсон.

Слоун пожал плечами.

— Я узнал имена его друзей, возможно, их стоит внести в компьютер, вдруг на них что-то есть.

— Семья? — спросил Лукас.

— Жена и ребенок. Жена работает в нескольких местах. Кассиром в «Таргете», а по ночам на полставки в «Холидей». У них есть сын: Гарольд Ричард, или Гарри Дик, семнадцать лет. У него проблемы с наркотиками. Несколько раз попадал в полицию: мелкие кражи, у него находили марихуану и крэк. Так, по мелочи.

— И это все? — спросил шеф.

— Извини, — вздохнул Слоун. — Мы стараемся изо всех сил.

— А что мы знаем о самом Лиссе? Что удалось найти?

Андерсон покачал головой.

— Ничего. Примерно через пятнадцать минут после того, как Лисса взяли, из Чикаго на частном самолете прилетел Лен Медоус. Он первым делом запретил своему клиенту разговаривать с полицейскими.

— Через пятнадцать минут? Медоус знал заранее? — спросил Дэвенпорт.

— Ну, на самом деле не через пятнадцать минут... — начал Слоун.

Харт его перебил.

— Офис резервации Файер-Крик находится в Брукингсе. Когда они услышали о стрельбе, то испугались возможных последствий. И сразу позвонили Медоусу. Он уже работал на них бесплатно. Медоус собрал через своих людей информацию — в основном через телевидение. Они узнали имя жены Лисса. Юрист позвонил ей — кстати, ее зовут Луиза — и предложил свои услуги. Она согласилась, и он вылетел в Брукингс. Когда Лисс пришел в себя после операции, Медоус получил возможность с ним поговорить. На этом все и закончилось. Полицейских больше к Лиссу не подпускали.

— Проклятье, — сказал Лукас, прикусив губу. — Медоус хорошо знает свое дело.

— Да, этот недоносок пользуется популярностью, — заметил Лестер.

— Фрэнк, ты настоящий недоносок, но никто не скажет, что ты не знаешь своего дела, — сказал Даниэль.

— Однажды я это сказал, — вмешался Слоун. — Когда он заставил меня заниматься кражами в супермаркете.

Лестер усмехнулся.

— И это не в последний раз.

— Проблема с Медоусом в том, что он никогда не идет на сделки, — сказал Лукас. —

Он скорее проиграет дело, чем решится на согласованное признание вины.^[17]

Они немного помолчали.

— Наши индейские друзья выпустили обращение к средствам массовой информации. Ко всем — газеты, телевидение, Дабл-ю-си-си-оу.^[18] У нас имеется копия. Вероятно, пресс-релиз написан убийцами, — сказал глава департамента.

— Когда это произошло? — оживился Дэвенпорт.

— Они появились с утренней почтой. — Даниэль передал им копии пресс-релиза. — Восьмой канал огласил его в полдень и обратился к индейцам с просьбой прочитать пресс-релиз и сообщить, согласны они с ним или нет.

Лукас рассеянно кивнул и принялся за чтение. Авторы брали на себя ответственность за все четыре покушения, два в Миннеаполисе и Сент-Поле, а также в Нью-Йорке и Оклахома-Сити. Об убийстве в Брукингсе не упоминалось, значит, текст был написан до этого. Казни должны ознаменовать начало нового восстания против белой тирании. Здесь же приводились не слишком убедительные слова убийцы из Оклахомы, но Дэвенпорт нашел и подробности, о которых ничего не знал.

— Это все сведения об убийстве в Оклахоме? — спросил он, глядя на шефа.

Тот кивнул.

— Тут все изложено совершенно правильно.

— Вот как.

Он дочитал обращение и посмотрел на вторую страницу, протянутую Даниэлем, а также конверт, в котором пришел документ.

— Необычный конверт, — заметил Слоун.

— Да.

— Вы о чем? — спросил Харт.

Он прочитал пресс-релиз и тоже смотрел на конверт.

— Взгляни, где погашена марка, — сказал Дэвенпорт. — Миннеаполис.

Андерсон поднял голову.

— Мы считали, что они работают не отсюда.

— А теперь это станет известно всем, — сказал Даниэль. — Напряженность усилится.

— Похоже, это ответ на наше сообщение о том, что группа ответственна за смерть Желтой Руки, — сказал Ларри. — Они знали, что он принимал наркотики, и решили, что его прикончил дилер или другой наркоман, а его смерть связана с воровством. Сейчас они думают, что это дезинформация, которую снова распространяют белые полицейские.

— Вот черт, — проворчал Даниэль. Он подергал себя за губу, а потом посмотрел на Лукаса. — Есть идеи? Нам необходимо как-то ответить.

Дэвенпорт пожал плечами.

— Нужно попробовать деньги. Здесь полно бедняков. Наличные помогут развязать людям языки.

— Не слишком благородно, — возразил Харт.

— Средства массовой информации нас линчуют, — рассердился Даниэль и посмотрел на Лукаса. — Сколько?

— Не знаю. Мы будем действовать вслепую. Ума не приложу, что еще можно

предпринять. У меня нет осведомителей среди индейцев. Если бы проблема возникла среди черных, я бы мог обратиться к двум сотням человек. Но с индейцами...

— Мы не найдем понимания, если будем раздавать деньги направо и налево, — не сдавался Харт. — Это слишком... как у белых. Индейцы скажут: «Белые люди всегда так поступают. Когда у них возникают проблемы, они покупают нас».

— Возможно, это не лучший путь. Вопрос в другом — даст ли он результат? — сказал Даниэль. — А о том, как восстановить отношения с общиной, мы подумаем позже. В особенности если учесть, что у нас их не было с самого начала.

Ларри пожал плечами.

— Всегда найдутся люди, которые готовы говорить за деньги. Индейцы ничем не отличаются от других народов.

Даниэль кивнул.

— А у нас есть источник средств, — сказал он. — Нам даже не придется влезать в фонд для осведомителей.

— Ты о чем? — спросил Лукас.

— Семья Андретти. Когда стало известно, что мы разобрались с Билли Худом, мне позвонил Андретти-старший и благодарил за помощь...

Даниэль нахмурился, вспоминая разговор, и посмотрел на Дэвенпорта.

— А где Лили? Я ее не видел.

— Улетела в Нью-Йорк, — ответил Лукас. — Она закончила здесь все дела.

— Проклятье, почему она не связалась со мной? — раздраженно спросил глава департамента. — Что ж, ей придется вернуться.

— Что?

— Андретти остались довольны тем, как закончилась история с Худом, но теперь их не устраивает, как говорит старик, «мелкая рыбешка». Он убедил полицейский департамент Нью-Йорка, что Лили должна оставаться здесь до тех пор, пока не будут пойманы все эти безумцы.

— Значит, она вернется? — спросил Лукас, почувствовав, что его дыхание стало прерывистым.

— Полагаю, она будет у нас завтра, разъяренная, как Андретти, — сказал Даниэль. — Но все будет происходить не там и не здесь. Андерсон сопоставил некоторые интервью...

Даниэль продолжал говорить, но Лукас перестал его слушать. Огонь предвкушения разливался в его груди и животе. Лилиан Ротенберг, полицейский департамент Нью-Йорка. Лукас прикусил губу, глядя в темный угол кабинета Даниэля, а шеф продолжал рассказывать.

Лили.

Через мгновение Лукас понял, что Даниэль замолчал и смотрит на него.

— Что? — спросил шеф.

— У меня возникла идея, — сказал Лукас. — Но пока я не хочу о ней говорить.

Через час после наступления сумерек Лукас нашел Элвуда Стоуна под фонарем на Линдейл-авеню. На сей раз Стоун не пытался убежать.

— Какого дьявола тебе нужно, Дэвенпорт? — Стоун был в темных очках и коричневой кожаной куртке. Он словно сошел с рекламы, предлагающей нанять гангстера. — У меня ничего нет.

Лукас протянул ему пачку фотографий.

— Ты знаешь этого парня?

Стоун просмотрел снимки.

— Может быть, я его видел, — сказал он.

— Его зовут Гарри Дик?

— Да. Может быть, я его видел, — повторил Стоун. — Что тебе нужно?

— Ничего сложного, Элвуд, — ответил Лукас. — Одолжи парню пару хороших порций кокаина.

— Какого черта... — Стоун скорчил гримасу, показывая, что не верит своим ушам. — Знаешь, я никому не даю в кредит. К тому же такому придурку. Ты спятил?

— Ну так послушай меня, Элвуд. Либо ты дашь Гарри кокаин — и это будет завтра, — либо я поговорю с парнями из отдела наркотиков, и они займутся тобой всерьез. У тебя будут проблемы каждый день.

— Проклятье...

— Или я могу сказать им, что ты временно стал моим осведомителем. Ты получишь этот статус... скажем, на пару месяцев? Как тебе такой вариант?

— Почему я?

— Потому что я тебя знаю.

Стоун задумался. Если он окажется в списке осведомителей, то будет защищен от полиции. Такой возможностью нельзя пренебрегать — пока никто об этом не догадывается.

— Ладно, — сказал дилер после недолгих раздумий. — Но только пусть наш договор останется между нами. Парни из отдела наркотиков ничего не будут знать, но если меня заберут, ты меня вытацишь.

Дэвенпорт кивнул.

— Договорились.

— И где мне найти этого сопляка Гарри Дика? Я понятия не имею, где он живет.

— Мы его для тебя отыщем. Дай номер твоего пейджера, и я тебе сообщу. Завтра. Скорее всего, с утра.

Стоун долго смотрел на Лукаса, а потом кивнул.

С десяти до полудня Дэвенпорт раздал на улице примерно тысячу долларов, а потом на машине отправился в аэропорт. Пока он ехал, ему позвонил Слоун.

— Парень здесь, — сообщил детектив. — Я поговорил с его соседкой. Она утверждает, что он уходит между часом и двумя. Его мать уехала в Южную Дакоту, решила навестить отца.

— Хорошо. Присматривай за ним, — сказал Лукас. — У тебя есть номер нашего друга?

— Да.

— Самолет Лили прилетает по расписанию, поэтому я свяжусь с тобой до часу. Если мальчишка выйдет погулять раньше, возьми его. Не церемонься с ним.

— Я понял. А как с нашим маленьким индейским помощником...

— Я его заберу. Не беспокойся о Ларри.

— Он ведет себя так, что с ним могут возникнуть проблемы, — предупредил Слоун.

— Об этом я позабочусь, — обещал Лукас.

Харт всячески возражал против попыток подкупа и угрожал, что выйдет из игры. Тогда Даниэль навестил директора Центра социального обеспечения, а тот позвонил Ларри.

Во время их утреннего разговора Харт выглядел скорее печальным, чем рассерженным, но гнев также присутствовал.

— Это может навсегда испортить мою репутацию среди индейцев, — сказал он.

— Экстремисты убивают людей, Ларри, — напомнил Лукас. — Мы должны их остановить.

— Но так нельзя, — заявил индеец.

А когда Дэвенпорт рассказал о том, что они собираются взять Гарольда Ричарда Лисса, Харт недоверчиво рассмеялся.

— Только не надо мне пудрить мозги, Лукас, — сказал он. — Вы решили подставить парня. Наверняка подбросите ему наркотики.

— Нет, мы получили сообщение от осведомителей, — солгал лейтенант.

— Чушь, — проворчал Харт.

На этом они и расстались. Ларри, с трудом преодолевая растущий гнев, отправился в индейский квартал с карманами, набитыми наличными. «Мы сможем им управлять, — подумал Лукас. — Он слишком любит свою работу, чтобы ею рисковать. Его нужно успокоить...»

Самолет Лили прилетел немного раньше. Он нашел ее в зале выдачи багажа, где она со скрытым смущением наблюдала за вращением карусели, точно человек, который подозревает, что над ним потешаются.

— Господи, я тебя пропустил, — сказал Лукас, торопливо подходя к ней.

Лили была в бежевой блузке с твидовой юбкой и пиджаком и в темных туфлях на высоких каблуках. Она показалась ему такой красивой, что он с трудом подбирал слова.

— Проклятье, Дэвенпорт, — сказала она.

— Что?

— Ничего. Это относилось ко всему сразу. Проклятье!

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Я не хотела возвращаться.

— Мм.

— Мой багаж, — сказала она, указывая на сумку, и Лукас быстро ее снял. — А вон и вторая.

К ним подъехала вторая сумка Лили, Дэвенпорт подхватил ее другой рукой, и они направились к стоянке. По дороге он бросил взгляд на Лили и спросил:

— Как ты?

— Со вчерашнего дня ничего не изменилось, — с легкой иронией ответила она, шурясь на солнце. — Я все здесь закончила. Работа выполнена. Но как только я вошла в свою квартиру, зазвонил телефон. Дэвид принимал душ, поэтому трубку взяла я. Это был заместитель начальника. «Какого черта ты здесь делаешь?» — спросил он.

— Милый человек, — заметил Лукас.

— Если бы кретинам присваивали ученые степени, он был бы доктором многих наук, — отозвалась Лили.

— А как Дэвид? — спросил Дэвенпорт, словно был знаком с ее мужем.

— Первый раз не очень — он был слишком взволнован. Но потом показал себя с самой лучшей стороны, — ответила она, взглянув на мужчину, и неожиданно покраснела.

— Обычно у женщин такие разговоры не получаются, — заметил Лукас. — Но ты справилась неплохо.

Они остановились перед серым «фордом», и напарница удивленно приподняла бровь.

— Мы кое-что придумали, — сказал Дэвенпорт. — На самом деле мы немного спешим. Я расскажу тебе по дороге.

Харт находился в ужасном состоянии. Он попытался говорить о деньгах с некоторыми своими знакомыми — и все, как он сказал, тут же изменилось. Ларри стал изгоем. Индеец, который подкупает свой народ. Кроме того, он беспокоился из-за Гарольда Ричарда Лисса.

— Послушай, мне это совсем не нравится, совсем!

Он сидел на заднем сиденье и заламывал руки. По его лицу бежали слезы, и он вытирал их рукавом твидового пиджака.

— Он всего-навсего преступник, Ларри, — раздраженно сказал Дэвенпорт. — Господи, перестань ныть.

— Я не ною, просто...

— Он продает детям хлороформ и клей, — перебил полицейский.

Они ехали в «форде». В сотне ярдов впереди по Лейк-стрит, заглядывая в витрины магазинов, плелся Гарольд Ричард Лисс.

— И все равно мы поступаем неправильно, он еще совсем мальчишка.

Харт содрогнулся.

— Речь только о паре дней, — сказал лейтенант.

— Нет, так нельзя.

— Ларри... — нетерпеливо начал Лукас, но Лили коснулась его плеча, чтобы остановить.

— Между работой в социальных организациях и полицией есть большая разница, — сказала она индейцу, стараясь говорить спокойно и сочувственно. — Во многих отношениях мы находимся по разные стороны баррикады. Мне кажется, вам будет спокойнее, если вы

сейчас выйдете.

— Нам может потребоваться его помощь, — запротестовал Лукас, искоса посмотрев на Лили.

— От меня не будет пользы, — сказал Харт. В его голосе появилась новая интонация: так говорит человек, который увидел шанс выбраться из западни. — Я помог вам его найти. И я ничего не знаю о скрытом наблюдении. Вы ведь не будете его допрашивать.

Лукас немного подумал, вздохнул и взял рацию.

— Привет, Слоун, это Дэвенпорт. Ты его видишь?

— Да, все в порядке, — ответил детектив. — А что происходит?

— Я хочу отпустить Ларри. Не беспокойся, если увидишь, что мы остановились.

— Конечно. Я веду Гарри.

Машина остановилась у тротуара, и Харт тут же распахнул дверцу.

— Спасибо, — сказал он, наклонившись к Лукасу. — Извини, если что...

— Все нормально, Ларри. Еще встретимся, — ответил полицейский.

— Конечно. Благодарю вас, Лили.

Они поехали дальше, и Дэвенпорт повернулся к женщине.

— Надеюсь, он нам не понадобится, когда придется говорить с этим парнем.

— Как сказал Харт, ты же не планируешь его допрашивать.

— Хм.

Лукас наблюдал за Хартom в зеркало заднего вида. Индеец смотрел им вслед, а они продолжали ехать за Гарри. Наконец Харт свернул за угол и скрылся из виду. Между тем, парень остановился на перекрестке, чтобы поговорить с полным белым мужчиной в черной куртке на меху. Такую парку следовало носить в январе, когда температура опускается до минус тридцати. Гарри и белый обменялись несколькими словами, толстяк покачал головой, и юноша начал его уговаривать. Мужчина снова покачал головой и отвернулся. Гарри сказал что-то еще, а потом безнадежно махнул рукой и зашагал дальше.

— Дилер, — сказала Лили.

— Верно. Донни Эллис. Он носит парку до июня, а потом снова надевает в сентябре. Он просто живет в ней и никогда не моется. Тебе не захочется оказаться рядом с ним.

— Все это выглядит довольно глупо, Лукас. Никто не станет продавать столько крэка в кредит. В особенности...

— Послушай, нам никого не нужно убеждать. Просто... Ладно, а вот и Стоун. — Лейтенант взял рацию и сказал: — Только что появился Стоун.

— Я его вижу, — ответил детектив.

Дэвенпорт посмотрел на Лили.

— Знаешь, что я тебе скажу? Нам следовало избавиться от Ларри еще раньше. Он из тех кто может обратиться в Комиссию по правам человека.

— Не исключено, но я не думаю. Именно по этой причине он так переживал, — сказала Лили. Она продолжала наблюдать за Элвудом Стоуном. Он шел навстречу Гарри Дику, который продолжал плестись по тротуару. — Мы ведь ничего не собираемся делать с младшим Лиссом. Подержим его за решеткой пару дней, а потом выпустим. Мне кажется, Ларри Харт очень трепетно относится к своей деятельности. Он добился успеха. Заработал кое-какие деньги. Люди хорошо к нему относятся. Они от него зависят. Если он подаст жалобу, то сразу попадет в черный список у городских властей. Конец карьеры. Придется вернуться в резервацию. Не думаю, что Ларри станет так рисковать. Во всяком случае, если

мы отпустим мальчишку через пару дней.

— Хорошо.

— Но он будет чувствовать себя настоящим предателем, — добавила Лили. — Мы заставили его выбирать между работой и своим народом, и он достаточно умен, чтобы это понять. Больше он никогда не будет тебе верить.

— Я знаю, — с тревогой ответил Лукас. — Проклятье, я ненавижу обманывать людей.

— Профессионально или лично?

— Что? — с недоумением спросил Дэвенпорт.

— Тебе не нравится обманывать человека из-за того, что ты можешь потерять полезный контакт или лишиться друга?

Он думал над ее вопросом с минуту.

— Не знаю, — ответил наконец Лукас.

Гарри заметил Элвуда Стоуна и ускорил шаг. Стоун был одним из самых жестких дилеров, но почему бы не попробовать? Ему нужно было совсем немного. Совсем немного, чтобы жить дальше.

— Они разговаривают, — раздался в рации голос полицейского. — Проклятый Стоун ведет себя так, словно он на Бродвее.

— Я говорил ему, чтобы он не перестарался, — пробормотал Лукас, обращаясь к Лили.

Лейтенант остановился на парковке, но со своего места ему было плохо видно, что происходит. Он наклонился к женщине, а она прижалась лицом к дверному стеклу, позволив его руке лечь на ее бедро.

— Не отвлекайся.

— О чем ты?

— О твоей руке, Дэвенпорт.

— Проклятье, Лили...

— Идет передача, — сказала она.

— Идет передача, — повторил Слоун. — Готово.

— Берем его, — решил Лукас.

Слоун зашел с запада, а Дэвенпорт с востока. Детектив остановил машину перед Гарри, а Лукас развернулся и встал возле пожарного гидранта у него за спиной. Парень все еще продолжал улыбаться, держа руку в кармане, когда Слоун выскочил из машины. Его отделяло от юноши пятнадцать футов, когда у того возникли какие-то подозрения. Гарри повернулся и побежал — и почти наткнулся на Дэвенпорта, который приближался к нему сзади. Лили осталась со стороны улицы, блокируя последний путь к спасению. Лукас схватил наркомана за шиворот и сказал:

— Не спеши.

А еще через мгновение Слоун держал парня за руку.

— Послушайте, парни, — начал было Гарри, но уже понял, что его взяли.

— Отойдем, — приказал Лукас. — Давай!

Они подтолкнули его к стене. Гаррисон быстро обыскал его и нашел наркотики в кармане.

— Ничего себе, — заявил Слоун. — Мы поймали дилера!

Он показал Лукасу два пакета кокаина по одной восьмой унции в каждом.

— Я вовсе не дилер...

— Четверть унции чистого кокаина, — сказал Лукас, посмотрев Гарри в глаза. —

Столько бывает только у торговца, приятель. Тебе грозит срок.

— Я несовершеннолетний, вот мои документы.

Гарри был уже достаточно взрослым, чтобы испытывать тревогу.

— Дилерам на это рассчитывать не стоит, — возразил Лукас. — Если только тебе не десять лет. А ты выглядишь старше.

— Послушайте, парни, — залепетал Гарри, — я только что получил это от одного типа...

— Да, конечно, — скептически произнес Слоун. — Он заставил тебя взять кокаин — насильно в карман сунул.

Он заломил ему за спину одну руку, а Дэвенпорт — другую. Через мгновение Слоун уже застегивал наручники.

— Ты имеешь право хранить молчание...

Даниэль хотел форсировать события. Если они промедлят, Лен Медоус успеет организовать защиту семьи Лисса.

— Ты можешь долететь до Сиу-Фолса, а там взять машину напрокат... — начал шеф.

— К дьяволу самолет, — проворчал Лукас. — Я поеду на машине. У нас уйдет четыре часа, чтобы туда добраться. А если мы будем ждать подходящий рейс, а потом еще ехать от Сиу-Фолса, то лишь потеряем время.

— Ты с ним?

Глава департамента вопросительно приподнял брови и посмотрел на Лили.

— Да. Нам придется иметь дело с Луизой Лисс. Возможно, у женщины это выйдет лучше.

— Хорошо. Но будьте осторожны с ней. Вся эта история весьма сомнительна. Ларри Харт места себе не находит. Он напуган, — добавил Даниэль. — Точнее, он в панике.

— Ты можешь с ним поговорить?

— Я уже с ним разговаривал. Как только нам удастся что-нибудь вытянуть из Лисса, мы сможем отправить Ларри обратно в миссию...

Они взяли с собой в Брукингс совсем немного вещей. Если им не удастся получить информацию в первый день, то оставаться еще на сутки не будет никакого смысла.

— Твоя подруга... Дженнифер. Она в Брукингсе?

— Да. Они послали туда группу. Дженнифер там главная.

Лукас и Лили пересекали реку Миннесота по мосту Шакопи. На берегу разгуливала стая канадских гусей.

— Смотри, гуси, — сказал Лукас.

— Мм. Ты поселишься с ней?

— Что?

— С Дженнифер. Останешься у нее?

Лукас перешел на другую передачу, когда они въехали в город и остановились у светофора. Он бросил на Лили быстрый взгляд, а потом свернул направо по красному.

— Нет. Я бы предпочел, чтобы она не знала, что я в Брукингсе. Она умеет читать мои мысли. Если Дженнифер меня увидит, то поймет, что у меня на уме.

— А тебе известно, где она остановилась?

— Конечно. Возле автострады, ведущей в Сиу-Фолс. Полицейские из Брукингса

сказали, что Луиза Лисс поселилась в центре города. Думаю, мы направимся туда же.

Они ехали через городок Слипи-Ай по Четырнадцатому шоссе и обогнали велосипедиста в спортивной форме: футболка в полоску, черные велосипедные шорты, белый шлем. Было довольно холодно, но его обнаженные ноги работали, как поршни. Лукас решил, что он превышает разрешенную скорость.

— Похож на Дэвида, — сказала Лили. — Моего мужа.

— Дэвид увлекается этим?

— Да. Когда-то он серьезно занимался спортом. — Она повернула голову, чтобы проследить за велосипедистом. — Каждую субботу он вместе с приятелями проезжает столетие. Иногда два. Столетие — это сто миль.

— О боже! Должно быть, он в отличной форме.

— Да, — Лили смотрела на фронтоны домов маленького городка, мимо которых они проносились. — Честно говоря, велосипеды надоели мне до смерти. Они все время ломаются. Их нужно чинить. Но даже когда они в порядке, их необходимо регулировать, чтобы они находились в оптимальном состоянии. Шины постоянно спускают.

— Вот почему я купил «порше», — сказал Дэвенпорт.

— Думаю, «порше» обходится дешевле, — вздохнула женщина. — Проклятые гоночные велосипеды стоят целое состояние. Причем одного мало.

Через несколько минут, когда они выехали из города, на обочине появилось стадо черно-белых молочных коров.

— Симпатичные коровы, — заметила Лили. — Какой они породы?

— Понятия не имею, — признался Лукас.

— Неужели? — удивленно сказала Лили. — Ты же из Миннесоты. Ты должен разбираться в породах.

— Это деревенщины из Висконсина все знают о коровах. А я городской парень, — сказал Лукас. — Впрочем, могу предположить, что это голштинская порода.

— А почему?

— Других я не знаю. Подожди минутку. Есть еще гернзейская и джерсийская. Но я не думаю, что у них пятна на шкуре.

— Швейцарская коричневая, — сказала Лили.

— Что?

— Порода коров.

— Я думал, что это сорт сыра, — признался Дэвенпорт.

— Не думаю... А вот еще одно стадо.

Она стала смотреть, как животные бредут с пастбища поодиночке и парами, словно туристы, возвращающиеся к автобусу. За коровами тянулись тени.

— Дэвид знает названия всего на свете. Ты едешь с ним в горы и спрашиваешь: «Это какое дерево?» — а он отвечает: «Белый дуб» или «Пихта Дугласа». Одно время я думала, что он меня обманывает, и тогда начала проверять. И он всякий раз оказывался прав.

— Не думаю, что я сумел бы такое пережить, — сказал Лукас.

— Он очень умный, — продолжала Лили. — Возможно, самый умный человек из всех, кого я хорошо знаю.

— Прямо Махатма Ганди какой-то.

— Что?

— Однажды ты сказала мне, что он самый благородный мужчина из всех, кого ты

знаешь. А теперь говоришь, что он еще и самый умный.

— Да, он действительно яркий человек.

— К тому же я сомневаюсь, что Ганди ездил на гоночном велосипеде, поэтому он лучше...

— Не думаю, что я хочу продолжать разговор на эту тему.

— Хорошо.

Однако через несколько минут Лили сказала:

— Иногда я даже не знаю...

— О чем ты?

— Он всегда сосредоточен, Дэвид. И спокоен. Иногда...

— И это тебя ужасно раздражает, — предположил Дэвенпорт.

— Нет, нет... Просто я ощущаю такую заботу, что она на меня давит. Он такой хороший человек. А я открываю холодильник и слишком много ем, я ношу пистолет и убиваю людей. Он был в полном шоке, когда я вернулась домой. Дэвид хотел, чтобы я все рассказала. Он даже пригласил свою подругу, психолога Ширли Анштайн, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. И возмущался, когда узнал, что я возвращаюсь. Дэвид сказал, что я себя разрушаю.

— Ты думаешь, он спит с этой Анштайн?

— С Ширли? — Лили рассмеялась. — Едва ли. Ей около шестидесяти восьми. Она как приемная мать.

— Значит, он хранит тебе верность.

— О да. Его верность давит на меня. И мне никак не удастся избавиться от этого пресса.

— Ореховая Роща, — сказала Лили, глядя на указатель, стоящий на обочине шоссе, когда они проезжали вдоль окраины еще одного маленького городка.

Солнце уже клонилось к горизонту. Стемнеет еще до того, как они доберутся до Брукинга.

— Когда я была маленькой, мне нравилось читать книги Лоры Ингаллс Уайлдер.^[19] Я их очень любила. А потом начали показывать телевизионный сериал «Маленький домик в прерии». Я уже выросла, да и фильм был неудачным, но я все равно его смотрела из-за Лоры... Действие сериала происходило в местечке, которое называлось Ореховая Роща.

— Это оно и есть, — сказал Лукас.

— Что? — Женщина оглянулась на знак. — То самое место?

— Конечно.

— Господи... — Лили смотрела в окно, пока они ехали по маленькому, очень тихому городку, в котором Геккельбери Финн прекрасно бы себя чувствовал. Когда машина выехала на шоссе, женщина оглянулась и сказала: — Ореховая Роща... Надо же! Если учесть, сколько прошло времени, то выглядит подходяще.

Они отыскали Луизу Лисс при помощи полицейских Брукинга и сразу поехали в отель, где она остановилась. Женщина одиноко сидела в кафе и смотрела в высокий стакан с кока-колой. Усталые покрасневшие глаза, избыточный вес. «Она плакала», — подумал Лукас.

— Нам предстоит тяжелый вечер, — пробормотала Лили.

— Давай отведем Луизу в ее номер, — предложил Дэвенпорт.

— Разговаривать буду я, — сказала его напарница.

Они подошли к столику, и Лили вытащила из сумочки полицейский жетон.

— Миссис Лисс?

Луиза Лисс подняла глаза, в которых появилось удивление.

— Кто вы такие?

— Мы из полиции, — ответила Лили. — Меня зовут Лили Ротенберг, а это Лукас Дэвенпорт из Миннеаполиса...

— Мне не следует беседовать с полицейскими, — сразу сказала Луиза. — Мистер Медоус предупредил, что...

— Миссис Лисс, мы не собираемся говорить о вашем муже. Речь пойдет о вашем сыне, Гарольде.

Лили говорила так, словно она сама была матерью, подумал Лукас, а потом вспомнил, что так оно и есть.

— Гарольд? — Луиза протянула руку и схватила стакан с кока-колой, костяшки ее пальцев заметно побелели. — Что с ним? Все было в порядке, когда я уезжала...

— Я полагаю, нам лучше поговорить в вашем номере...

Лили отошла на несколько шагов от столика, Луиза встала и последовала за ней.

— Ваша сумочка, — напомнил Дэвенпорт.

Женщина потянулась за сумочкой и спросила:

— Что случилось? Что случилось?

А потом заплакала.

Кассир за стойкой внимательно за ними наблюдал. Лукас положил перед ним три доллара, показал значок и сказал:

— Полиция.

Когда они вышли из кафе и направились в номер, Луиза схватила Лили за рукав.

— Пожалуйста...

— Он арестован за хранение кокаина, миссис Лисс.

— Кокаин... — Неожиданно женщина взяла себя в руки и посмотрела на Лукаса, ее голос стал пронзительным. — Вы все это подстроили? Подставили моего мальчика, чтобы добраться до Джона.

— Нет, нет, — сказал Дэвенпорт, отесняя Луизу в сторону ее номера. — Он вам сам все расскажет. Полицейские из отдела по борьбе с наркотиками засекли его контакт с дилером. Гарольда задержали и обнаружили в его карманах четверть унции кокаина...

— О чем вы говорите?

— Два пакета. Это очень много, миссис Лисс. — Они подошли к ее номеру, и она открыла дверь ключом. Лили последовала за ней, а потом вошел Лукас и закрыл дверь. — Такое количество называется презюмируемым. Человек, имеющий при себе столько кокаина, считается виновным в его распространении, а это уголовное преступление.

— Ему всего семнадцать лет, — сказала Луиза.

Она едва говорила.

Полицейский сделал печальное лицо.

— С таким количеством кокаина окружной прокурор отдаст его под суд как взрослого. И если его признают виновным, минимальный тюремный срок составит три года.

Кровь отлила от лица женщины.

— Чего вы хотите? — прошептала она.

— Мы не занимаемся наркотиками, — вмешалась Лили, присела на кровать рядом с Луизой и коснулась ее плеча. — Мы расследуем убийства, совершенные индейцами. Один из

задержанных — ваш муж. Так вот, сегодня полицейский из отдела по борьбе с наркотиками, его зовут Слоун, пришел к нам и сказал: «Знаете что? Вы слышали про того парня, которого взяли в Южной Дакоте? Того, что убил прокурора штата? Мы только что арестовали сына того типа». А потом добавил: «Похоже, у них вся семья такая».

— Вовсе нет, — запротестовала Луиза. — Я много работаю...

— В общем, у нас есть пространство для маневра с вашим сыном, — негромко сказала Лили. — Суд может рассматривать его как несовершеннолетнего. Но нам нужно привести вескую причину в разговоре с отделом по борьбе с наркотиками. Мы им скажем: «Его отец отказывается отвечать на наши вопросы, а это гораздо важнее, чем обвинение в распространении». Затем мы добавим: «Если нам удастся убедить его кое-что нам рассказать, вы обещаете судить Гарольда как несовершеннолетнего?» Офицеры из отдела по борьбе с наркотиками все обдумают, свяжутся со своим шефом и ответят: «Да». Вот почему мы здесь на самом деле. Мы намерены с вами договориться.

— Иными словами, вы хотите, чтобы Джон продал своих друзей, — с горечью сказала Луиза. — Чтобы он предал свой народ.

— Нам нужно остановить эти убийства, — ответил Дэвенпорт. — И ничего больше. У нас одна задача — не допустить, чтобы гибли люди.

Женщина сидела, прижав ладони к щекам, слушая доводы полицейских; затем она опустила руки на колени. Это был жест отчаяния или капитуляции. Лили наклонилась к ней ближе.

— Разве ваша семья заплатила недостаточно? Ваш муж получит срок. Он больше никогда не будет ходить. А те, кто за этим стоит, не в тюрьме. Они продолжают оставаться на свободе. На свободе, Луиза!

— Я сама ничего не знаю... — осторожно сказала женщина.

— Вы можете поговорить с Джоном? — мягко спросила Лили.

— Было бы замечательно, если бы он назвал нам несколько имен. Нам не нужны подробности, только имена. И никто об этом не узнает, — добавил Дэвенпорт.

Некоторое время они молчали, затем Луиза переспросила:

— Никто не узнает?

— Никто, — решительно заявила Лили. — А ваша семья сумеет избежать серьезных неприятностей. Мне бы не хотелось об этом говорить, но я заметила, что Гарольд очень симпатичный юноша. Если его посадят в тюрьму в Сент-Клауде с мужчинами, которые лишены возможности заниматься сексом... Хм, вы сами понимаете.

— О нет, только не Гарольд.

— По большому счету там не остается выбора, — продолжал Дэвенпорт. — Некоторые из тех парней похожи на игроков в американский футбол...

Когда они закончили разговор с Луизой, Лили спросила:

— И насколько мерзко ты себя чувствуешь?

Лукас склонил голову набок и закатил глаза, словно раздумывая над ее вопросом, а потом ответил:

— На самом деле не так уж плохо.

— Про себя могу сказать то же самое. А нам бы следовало. И мне из-за этого становится грустно, — призналась женщина. — Мы кое-что упускаем, Дэвенпорт.

Лукас пожал плечами.

— Все сглаживается. И...

— Что?

— Ты же знаешь, это игра, — сказал он, поддразнивая напарницу. — Ты не можешь отступить и выиграть. Ты либо идешь до конца, либо кто-то тебя побеждает, и ты перестаешь быть полезным.

Час спустя Луиза Лисс вернулась из больницы.

— Мне не сразу удалось туда попасть, — извинилась она.

— Вы говорили с Джоном?

— Да... вы поможете Гарольду?

— Если вы пойдете нам навстречу, миссис Лисс, я сделаю все, что в моих силах, чтобы Гарольда освободили, — обещал Дэвенпорт.

— Этих людей называют Вороны, — тихо сказала Луиза. — Возможно, они братья или кузены. Они известные шаманы дакота.

— Дакота? — спросила Лили.

— Индейцы сиу из Миннесоты, — сказал Лукас. — Где они живут?

— Я записала адрес, — ответила Луиза, вытаскивая лист бумаги из сумочки. — Он думает, что не ошибся...

— Они планируют новые акции?

Ротенберг усилила нажим.

— Он дал мне имена и адрес, — ответила женщина. — Боюсь, что это может его убить.

— Хорошо, спасибо вам, — сказала Лили. — Сегодня мы займемся Гарольдом. Мы вам позвоним.

— Пожалуйста, — взмолилась Луиза Лисс, хватая Лили за рукав куртки, — помогите ему, пожалуйста.

— Вороны? Он сказал Вороны?

Ларри Харт был удивлен.

— Ты их знаешь? — спросил Даниэль.

Лукас звонил из телефонной будки. Даниэль, Андерсон, Слоун и Харт сидели в кабинете шефа и слушали разговор по громкой связи.

— Да, я о них слышал.

Наступила долгая пауза, Харт обдумывал новую информацию.

— Вот черт! Возможно, я их даже видел один раз. Они знамениты. Два старика, разъезжающих по всей стране, — они и в Канаде бывают, — стараются организовать индейцев. Они путешествуют всю жизнь. Аарон могущественный шаман. А Сэм обладает выдающимися способностями... Господи, все сходится. Они вполне могут за этим стоять.

— Так тебе известны их имена? Аарон? — спросил Андерсон.

— Аарон и Сэм. Считается, что они часто бывают у нас. У них тут нечто вроде базы. Здесь живет их сын. Много лет назад я ходил вместе с ним в школу. Стариков тоже можно тут встретить, но я их не узнаю...

— А сына? — спросил Слоун.

— Он очень странный тип. У него бывают видения. Он не знает, кто из Воронов его отец: в ту зиму оба спали с его матерью. Так он получил свое имя Тень Любви, любовь-в-темноте. Вроде индейской шутки, основанной на фамилии его матери. Считается, что он

способен влиять на Аарона...

— Подожди минутку, — вмешался Дэвенпорт. — Тень Любви?

— Да. Худой парень...

— С татуировками. Боже мой! — Лукас хлопнул себя по лбу, отвернулся от трубки и обратился к напарнице. — Мы их нашли. Это те самые сволочи. — Он вновь поднес микрофон к губам. — Я видел Тень Любви вместе с Желтой Рукой, перед тем как его убили. Сукин сын, Тень Любви. А двух других зовут Вороны?

— Да.

Голос Харта стал каким-то далеким, отрешенным.

— Ладно, слушайте, — сказал Дэвенпорт. Он задумался, стараясь вспомнить, как прошла его короткая встреча с индейцем. — Так вот: Тень Любви — его настоящее имя, он имеет водительские права штата Южная Дакота. Я держал их в руках и запомнил имя, уж слишком оно необычное. И еще он что-то сказал — я не запомнил, — но у меня сложилось впечатление, что он сидел в тюрьме. Хармон, ты можешь это проверить? В базах данных ФБР или еще как-нибудь?

— Я все сделаю, — обещал Андерсон.

— Мы отправим наших людей и проверим адрес, — сказал Даниэль. — Через час у нас будет информация.

— Позвоните нам, — попросил Лукас и назвал номер своей комнаты в отеле. — Мы сходим поесть, а потом будем на месте.

— Я сообщу, как только мы что-нибудь узнаем, — обещал Даниэль. — Вы отлично поработали. Это то, что нам нужно. Теперь мы возьмем мерзавцев.

Андерсон узнал, где находится квартира Воронов, а кроме того — их номер телефона в информационном центре чрезвычайных ситуаций.

— Я соберу людей, — сказал Андерсон. — Могу попросить Дела, чтобы он взял нескольких детективов из отдела по борьбе с наркотиками. Они там будут через десять минут и успеют все проверить, пока мы подготовим группу захвата. Мы разместим мобильный штаб в тридцать шестом участке.

— Проследи, чтобы никто не знал о наших планах, кроме Дела. До самого последнего момента, когда все будет окружено, — сказал Даниэль. — Я не хочу, чтобы вмешались федералы.

— Все местные федералы сейчас в Брукингсе, — с иронией сказал Слоун. — Этот болван Клей появляется точно президент Вселенной. Восемьсот парней бегают кругами с микрофонами в ушах...

— Все равно постарайтесь не афишировать наши действия, — попросил шеф.

Андерсон ушел в свой кабинет.

— Оставайтесь тут, — сказал Даниэль Харту и Слоуну. — Если дело выгорит, вы захотите участвовать в задержании.

Детектив кивнул и посмотрел на Ларри.

— Не хочешь перекусить? Потом такого шанса может и не быть...

— Я тебя догоню, — сказал индеец. — Мне нужно отлить.

Вороны отправили свой пресс-релиз по убийству Линстада утром, и теперь Сэм его перечитывал, стараясь устроиться на потертом диване.

— Надеюсь, Джон не отступит и не откажется от идеи объединения индейского народа, — сказал он. — Лисс должен выдержать давление.

— Его прикрывает Медоус, — сказал Аарон. — А Медоус очень хорош.

— Проклятый любитель славы, — проворчал Сэм.

— У Джона есть свои причины держаться. Он тебе рассказывал историю о булочке с горячей сосиской?

Аарон сидел за кухонным столом, и Сэму пришлось повернуть голову, чтобы посмотреть на него.

— Булочка с сосиской?

Джону Лиссу двенадцать лет — тогда он был хилым мальчишкой в армейской рубашке и джинсах. Отец исчез больше месяца назад. Мать уже две недели жила с незнакомым мужчиной. Ее машина стояла возле дома, в баке оставалась пара галлонов бензина. Ни Джон, ни его девятилетняя сестра не ели больше суток — тогда им досталась банка консервированного грибного супа.

— Есть хочу, — плакала Донна. — Я проголодалась.

Джон принял решение.

— Садись в машину, — сказал он.

— Ты не умеешь водить.

— Конечно умею! Залезай. Мы найдем еду.

— Но где? У нас нет денег, — с сомнением сказала девочка.

Впрочем, она уже натягивала куртку. На ногах у нее были сандалии.

— В городе.

Вечер пятницы. Прожектора, освещающие футбольное поле, были самым ярким пятном на окраине города на протяжении многих миль.

— Наверное, игра уже заканчивается, — сказал Джон Лисс.

Он едва видел улицу поверх руля старого «форда ферлайн». Они съехали с дороги на стоянку с утрамбованной землей. Было довольно холодно. Пока работал двигатель, обогреватель не выключался, но Джон боялся, что бензин может кончиться. А если он будет его беречь, они смогут доехать до дома.

— Ищи стойку с хот-догами, — сказал Джон сестре.

Год назад он ходил на матч, а потом наблюдал, как женщина вытащила из автомата полдюжины сосисок и выбросила их в урну. За ними последовали булочки. Стойка оказалась на том же месте, урна тоже. Даже продавщица была прежней.

Игра закончилась через двадцать минут. Местные болельщики с радостными криками праздновали победу. Высокий светловолосый парень подошел к стойке, купил хот-дог и кока-колу и направился к друзьям. Но через несколько шагов он заметил знакомую девушку в толпе и закричал:

— Привет, Кэрол!

— Чего тебе нужно, Джимми? — насмешливо крикнула в ответ Кэрол.

Оба были в шерстяных красных куртках с белыми рукавами и желтыми надписями. Джон с сестрой наблюдали, как они идут навстречу друг другу, потом Кэрол и Джимми окружили друзья.

— Тебе это ничего не напоминает? — спросил Джимми, вытаскивая сосиску из булочки.

Подруги девушки сделали вид, что шокированы, а друзья Джимми принялись шлепать себя по лбу, но Кэрол была готова.

— Пожалуй, эта штука похожа на твой член, — заявила Кэрол, — только сосиска значительно больше.

— Правильный ответ, — крикнул он и кинул в нее сосиску.

Она со смехом увернулась и набросилась на него — завязалась шутливая потасовка. Через пару минут они ушли.

— Иди подбери сосиску, — прошептала Донна.

— А ты видела, куда она упала?

— Прямо под стойку...

Джон выбрался из машины и нашел лежащую на земле сосиску. Он вытер ее о рубашку, вернулся в машину и протянул сестре.

— Она еще горячая, — сказала Донна. — Господи, это просто классно.

Ее глаза сияли. Джон посмотрел на нее, и на него накатила гнев, который едва не испепелил его на месте. Это была его сестра — его маленькая сестренка. Он хотел кого-нибудь убить, но не знал, кого и как это сделать. Во всяком случае, тогда. Позднее, когда встретил Воронов, он понял, кого и как.

— У всех есть история, — мрачно сказал Сэм. — Будь я проклят, если это не так. Если не о нас самих, то о ком-то из нашей семьи.

Зазвонил телефон.

— Тень Любви? — спросил Сэм.

Аарон пожал плечами и взял трубку.

— Да?

— Полиция нашла вас, — сказал мужской голос. — Они будут через десять минут.

— Что?

— Копы едут к вам! Уходите!

Сэм Ворон вскочил.

— Что такое?

Аарон стоял с трубкой в руке и недоуменно смотрел на кузена.

— Кто-то позвонил, я его не знаю. Он сказал, что скоро сюда нагрянут копы. Через десять минут.

— Пойдем...

— Мне нужно взять...

— Забудь, уходим! — закричал Сэм.

Он схватил куртку двоюродного брата, бросил ему и взял свою.

— Пишущая машинка...

Аарон выглядел ошеломленным.

— Плевать!

Сэм уже распахнул дверь.

— Я должен взять письма. Я не знаю, что в них может оказаться. Возможно, что-то о Барбаре или...

— Вот черт... — Сэм схватил коричневый пластиковый пакет из супермаркета и кинул Аарону. — Постарайся засунуть туда как можно больше. — Открыв дверь шкафа, он вытащил зеленый армейский вещевой мешок и начал запихивать в него одежду. — И не просматривай ничего, все бросай в сумку, — крикнул он кузену, который принялся читать личные бумаги.

У них ушло четыре минуты, чтобы набить рюкзак и собрать записи Аарона. Остальные вещи пришлось оставить.

— Возможно, тот человек, который нам звонил, ошибся, — слегка задыхаясь, сказал Аарон, когда они начали спускаться по лестнице.

— Такого не может быть. Ты думаешь, кто-то стал бы звонить просто так?

— Нет, звонил индеец. У него был акцент...

Сэм остановился на лестничной площадке первого этажа и выглянул наружу.

— Через задний выход, — сказал он через секунду. — По улице идет какой-то парень.

— А как насчет машины? — спросил Аарон, следуя за двоюродным братом.

— Если они про нас знают, у них есть наши данные и они быстро выяснят и про грузовичок. Наши отпечатки остались по всей квартире.

Они спустились в подвал, прошли мимо котельной и кладовой и по кирпичной лесенке выбрались в переулок за домом. Темноту нарушал лишь свет в окнах соседних квартир.

— Пройдем через двор, — прошептал Сэм.

— Люди подумают, что мы подглядываем, — сказал Аарон.

— Ш-ш-ш.

Стараясь держаться ближе к гаражу, они, пригнувшись, пересекли двор, а потом поспешили к изгороди.

— Осторожно, антенна, — с небольшим опозданием пробормотал Сэм.

Проволока ударила Аарона по переносице.

— Больно, — прошипел он, сжимая нос.

— Тише...

Они остановились за кустами возле угла дома. По улице ехала машина; она притормозила и остановилась на ближайшем перекрестке. Через несколько секунд из нее вышли двое мужчин. Один из них оперся о бампер и закурил сигарету. Другой по тротуару направился к заднему входу в квартиру Воронов. Оба вели себя уверенно.

— Копы, — прошептал Сэм.

— Нам нужно пересечь улицу, пока они все не оцепили, — сказал Аарон.

— Идем.

Сэм снова зашагал первым, волоча за собой вещевой мешок.

Они прошли почти весь квартал, пересекая дворы за домами. В большинстве окон горел свет. Из-за стекол до них долетали приглушенные звуки музыки и диалоги телевизионных персонажей.

Внезапно Аарон довольно рассмеялся, что заставило Сэма замереть на месте.

— В чем дело?

— Ты помнишь, как мы грабили дома в Рэпид-Сити? Проклятье, мы были тогда совсем мальчишками... Мне все это нравится.

— Придурок, — проворчал Сэм, но через мгновение засмеялся сам. — Я помню толстуху с желтым полотенцем...

— О да...

Они подошли к изгороди возле последнего дома и выглянули на улицу.

— Никого, — сказал Сэм. — Если только они не сидят в машинах.

— Переходим на ту сторону и сразу сворачиваем в следующий переулок, — решил Аарон. — Идем.

Они постарались как можно быстрее перебежать улицу — вещевой мешок колотил Сэма по ногам, — потом поспешно зашагали по переулку.

— Я больше не могу тащить эту дрянь, — задыхаясь, пробормотал Сэм.

— Нам нужно пройти еще один квартал, там возле магазина «Супер-Америка»^[20] есть телефон, — сказал Аарон.

Они двинулись дальше по следующему переулку. Теперь Аарон помогал Сэму нести вещевой мешок. На углу они остановились, и Аарон сел на землю между кустом и забором. Магазинчик находился на противоположной стороне улицы, возле него на стене висел телефон.

— Я позвоню Барбаре, — сказал Сэм, вытаскивая из кармана мелочь, — а ты жди здесь. Постарайся никому не попадаться на глаза. Я попрошу, чтобы она заехала за нами.

— А как быть с Тенью Любви? Если это правда и нас ищет полиция, он придет прямо к ним в руки.

— Тут мы ничего поделать не можем, — уныло ответил Сэм. — Нам остается надеяться, что он их заметит первым или позвонит Барб.

— Может быть, мы зря сорвались с места, — сказал Аарон.

— Чепуха, — возразил Сэм. — Это были копы. Они нас вычислили, брат. Теперь мы в розыске.

Два пикапа и автомобиль с логотипом телевидения Сиу-Фолса были припаркованы возле кафе, работающего круглосуточно. Одинокий мужчина в ковбойской шляпе сидел у окна в кабинке, пил кофе и ел сэндвич с запеченным сыром. Лукас задержался у окна и после некоторых колебаний вошел. Лили последовала за ним.

— Проверял, нет ли тут Дженнифер? — с улыбкой спросила она.

Дэвенпорт покраснел.

— Не хотел бы сейчас ее встретить...

— Конечно.

Он шагал за ней вдоль ряда кабинок, не спуская глаз с ее бедер. Лили переделалась в платье и была в туфлях на низких каблучках. На плече у нее висела сумочка с пистолетом.

Официантка, усталая молодая женщина с торчащими во все стороны черными волосами, приняла у них заказ на кофе и чизбургеры и отошла от столика.

— Что ты думаешь об этих Ворохах? — спросила напарница Лукаса, пока они дожидались официантку.

— Даже не знаю. Ларри вел себя как-то странно. Ты представляешь, я говорил с парнем, которого зовут Тень Любви. И понял, что с ним что-то не так. Он... вибрировал.

— Психопат?

— Внешне все было нормально. Трудно сказать.

Официантка принесла обжигающе горячий кофе.

— В Нью-Йорке нет ничего похожего на индейскую общину в Миннеаполисе, — сказала Лили. — Конечно, в городе есть индейцы, но они не привлекают к себе внимания. Ты видишь их на улицах, но они не несут в себе угрозы или недоброжелательности. Просто наблюдают...

Дэвенпорт кивнул.

— Иногда они похожи на обычную белую деревенскую бедноту. Они разъезжают в старых пикапах, валят лес или занимаются фермерством. Впрочем, временами можно наткнуться на группу индейцев, которые проводят какую-то церемонию. Вроде бы для туристов, но на самом деле все по-настоящему...

Они проговорили целый час. В какой-то момент Лукасу показалось, что он несет чепуху. А по дороге в мотель они почти все время молчали. Дэвенпорт припарковался на стоянке и запер машину.

— Как ты думаешь, им удалось что-нибудь узнать? — спросила Лили, когда они шли по коридору к своим комнатам.

— Возможно. Мы можем позвонить.

— Заходи. Позвоним от меня.

Она распахнула дверь и вошла, Лукас последовал за ней.

Лили указала на телефон, Дэвенпорт сел на кровать, снял трубку и набрал номер. Даниэль ответил после первого гудка.

— Шеф, это Лукас. Что произошло?

— Мы вошли в квартиру, но опоздали, — сказал Даниэль. — Но это те, кого мы ищем. Мы обнаружили несколько копий смятых пресс-релизов в мусорной корзине, да и пишущая

машинка соответствует...

— Они бросили ее?

— Да. Там Слоун и Дел, и они говорят, что это странно. Вороны оставили много вещей, но личные бумаги исчезли. Слоун считает, что они очень торопились, — возможно, им удалось узнать, что Лисс жив. И они решили, что он мог заговорить.

— А с соседями беседовали?

— Конечно. Их видели довольно редко. Впрочем, речь идет о двух старых индейцах. Они оставили отпечатки по всей квартире, ими занимается ФБР. Кто-то сказал, что они ездили на грузовичке, но он все еще припаркован возле дома...

— Господи, может, следует устроить засаду и ждать их возвращения...

— Мы так и сделали, но Дел полагает, что ничего не выйдет. Через час на улице будет известно о нашем рейде.

— Наверное, он прав, — согласился Дэвенпорт. — Проклятье!

— Давай поговорим завтра — к этому времени многое прояснится. Встретимся в час, если ты успеешь вернуться.

— Мы будем на месте, — обещал Лукас и повесил трубку. Он покачал головой и сказал напарнице: — Они их упустили.

— Но это те самые люди, которых мы ищем?

— Да, они кое-что оставили в квартире. И полиции удалось установить их личности.

— Будь оно все проклято, — раздраженно сказала Лили.

Она опустила голову и потерла ладонью шею. Женщина находилась не более чем в футах, и Дэвенпорт уловил слабый аромат духов, которыми она пользовалась в день их первой встречи.

— Как долго мы еще будем ходить вокруг да около? — тихо спросил он.

— Я закончила, — сказала она.

— О чем ты? Что это значит?

Она встала и пересекла комнату. Лукас двинулся за ней, но она протянула руку и выключила свет, а затем шагнула обратно в темноту, скрестив руки на груди.

— Мне по-настоящему страшно, — призналась Лили.

— Боже мой.

Он крепко обнял ее левой рукой, а правой повернул к себе лицо. Поцелуй получился долгим, он словно сковал их вместе; затем она с трудом оторвалась от него, они шагнули к постели и упали на нее.

— Лукас, дай мне минуту, чтобы принять душ...

— К дьяволу душ, — хрипло пробормотал он.

Он снова поцеловал Лили и прижал ее к кровати, одной рукой расстегивая пуговицы платья.

— Господи, позволь мне...

— Получилось.

В следующее мгновение его ладонь коснулась теплой кожи живота, затем поднялась вверх, чтобы расстегнуть бюстгальтер. Лили застонала, пытаясь добраться до его губ. Они перекатились по постели, она начала возиться с ремнем его брюк, а он стаскивал с нее трусики.

— Мой бог, пояс с резинками, из чего он сделан, из стальной сетки? Я не могу.

— Не спеши, не спеши...

— Нет.

Он сумел снять пояс с одной стороны, но он застрял на лодыжке, в следующий момент Лукас стянул с Лили трусики. Он вошел в нее, и она почти закричала, таким сильным было ощущение... а некоторое время спустя женщина уже не сумела сдержать крика.

— Господи, как жаль, что я бросил курить, — сказал Дэвенпорт.

Он включил стоящий у кровати светильник и сел. Мужчина все еще оставался в одежде. Лили прерывисто дышала. «Как карп», — подумала она. Ей не доводилось видеть карпов, но она читала, как задыхается выброшенная на берег рыба. Лукас посмотрел на нее.

— Ты в порядке?

— Да. Боже мой...

— Могу я... позволь мне снять все это...

После первого яростного совокупления он с неожиданной нежностью приподнял ее и начал снимать оставшуюся одежду. Она чувствовала себя почти ребенком, пока он не поцеловал ее в бедро, и тогда огонь вновь пробежал по ее телу, и Лили застонала. Мужчина вновь очутился на ней, и идущий от лампы свет потускнел. А через некоторое время ей показалось, что она кричит.

— Я кричала? — выпалила она.

Она стояла лицом к льющей из душа воде, которая стекала между ее грудей. Лукас оказался сзади, и она ощущала, как он прижимается к ее ягодицам, а его рука, вся в мыле, скользит по ее животу.

— Не знаю. Мне показалось, что это был я, — ответил он.

Она захихикала.

— Что ты делаешь?

— Мы моемся.

— Мне кажется, здесь ты уже мыл.

— Чистота не помешает.

Она закрыла глаза и прижалась к нему сильнее, его мыльная рука продолжала двигаться, и все началось снова...

Коттедж Барбары Гоу был обшит белыми досками, — они уже давно стали серыми, — а крыша покрыта красным кровельным шифером. Во дворе стояла одинокая бузина, в глубине виднелся слегка покосившийся гараж. Дом и дворик окружал невысокий металлический заборчик.

— Выглядит уныло, — печально сказала она.

Они находились в десяти минутах езды от скоростной автомагистрали, и их со всех сторон окружали такие же грустные дворики. Послевоенные каркасные дома не выдержали испытания временем и бедностью: на крышах зияли проплешины, деревянные карнизы во многих местах подгнили. В тусклом свете уличных фонарей поблескивали старые детские велосипеды, брошенные посреди заросших сорняками дворов. Многие припаркованные на обочине машины превратились в развалины. Следы бензина на подъездных дорожках, словно пятна Роршаха,^[21] свидетельствовали о поражении.

— Когда я купила дом, я звала его коттеджем, — сказала она, въезжая во дворик. — Проклятье, теперь он вызывает у меня печаль. Подумать только, прожить в одном месте тридцать лет, а в конце не испытывать к нему ни малейшей привязанности.

Сэм Ворон закрыл один глаз и посмотрел на Барбару, оценивая степень ее подавленности. Кончилось тем, что он фыркнул, вылез из машины и поднял дверь гаража.

— Надеюсь, Тень Любви в порядке, — с тревогой сказала она, заезжая внутрь.

Барбара подобрала их через десять минут после того, как Сэм ей позвонил. Когда они ехали к ней, пришлось пересечь улицу, на которой стоял дом Воронов. Там было много машин. Полицейских. Они вовремя успели оттуда убраться.

— Он собирался вернуться, — сказал Сэм, когда все вышли из машины. — На улице столько копов...

— Его там не было, когда они приехали...

— Если он на свободе, то скоро нам позвонит, — подвел итог Аарон.

В доме Барбары пахло плесенью. Она никогда не была хорошей хозяйкой, к тому же Барбара курила, и теперь светлые когда-то стены покрылись желтоватой патиной табачной смолы. Сэм Ворон потащил вещевой мешок вверх по лестнице. Аарон направился в гостиную, где стоял складной диван.

— У вас есть деньги? — спросила Барбара, когда Сэм спустился вниз.

— Пара сотен, — пожал плечами Ворон.

— Если вы останетесь надолго, мне потребуются деньги на еду.

— Мы не задержимся больше чем на неделю.

Через двадцать минут позвонил Тень Любви.

— Да, они здесь, — сказала Барбара. — С ними все в порядке.

Она протянула трубку Сэму.

— Я едва на них не наткнулся, — сказал сын. Он звонил из бара, находящегося в шести кварталах от квартиры Воронов. — Я задумался о чем-то своем и уже подходил к дому, когда заметил: что-то не так. Слишком много машин. Я немного понаблюдал за входом: боялся, что они вас выведут.

— Ты придеешь сюда? — спросил Сэм.

— Да. Я не знаю, где они взяли информацию, но если они меня отслеживают... В

общем, буду у вас через полчаса.

Когда он появился, Барбара привстала на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку, а потом увела на кухню, чтобы угостить сэндвичем.

— Нас кто-то предал, — сказал Тень Любви. — Этот проклятый Харт был на улице возле квартиры. Он раздает деньги. И коп-ищейка тоже там.

— Все идет не так хорошо, как я рассчитывал, — признался Сэм. — Билли должен был убраться хотя бы еще одного, а Джон мог бы выбраться из Брукингса...

— Лео все еще на свободе, да и я готов действовать, — заметил Тень Любви. — Газетчики неплохо поработали. Весь проклятый Средний Запад в панике. Я видел телевизионную передачу из Аризоны, в резервациях говорят только об этом...

— Значит, у нас получается, — сказал Аарон, глядя на брата.

— По крайней мере, на данный момент, — кивнул Сэм.

Поздним вечером, наблюдая, как Барбара ходит по комнате, Сэм подумал: «Она постарела».

Шестьдесят лет, что тут сделаешь. На два года моложе, чем он. Сэм вспомнил, какой она была в начале пятидесятых: оджибве, богемная студентка, изучавшая французских экзистенциалистов. Темные волосы собраны в хвост, на свежем лице в форме сердечка никакой косметики, в перекинутой через плечо зеленой матерчатой сумке учебники. И берет. Она носила алый берет, надвинутый на один глаз, курила «Голуаз» и «Житан», и они говорили о Камю.

Барбара Гоу выросла в Айрон-Рэндже,^[22] ее отец был оджибве, а мать — сербка. Отец днем трудился на руднике, а вечерами — в профсоюзе. Библия ее матери стояла на полке рядом с «Капиталом» отца.

Еще подростком Барбара стала выполнять секретарскую работу для профсоюза. После смерти матери, оставившей ей небольшую страховку, Барбара перебралась в Миннеаполис и поступила в университет. Ей нравилось учиться, вести бесконечные разговоры, обсуждать разные теории. Но французский экзистенциализм произвел на нее самое сильное впечатление.

Сэм и сейчас мог видеть ту Барбару, прятавшуюся за морщинистым лицом и поникшими плечами. Она задрожала от ночного холода и накинула на голое тело халат. Потом повернулась к нему и улыбнулась — и эта улыбка согрела ему сердце.

— Я удивлена, что эта штука все еще работает, ведь ты ее так обижаешь, — сказала она.

Пенис Сэма чувствовал себя превосходно. «Наверное, он счастлив», — подумал Ворон.

— Для тебя он работает всегда, — сказал Сэм, лежа на красивом стеганом одеяле.

Он не обращал внимания на холод.

Барбара рассмеялась и вышла из комнаты, через мгновение он услышал шум воды в ванной. Сэм лежал на кровати и думал о том, что хотел бы остаться здесь на год, два или даже на пять лет, на этом одеяле. Ему вдруг стало страшно. «Вот как оно бывает», — подумал он. Он выбросил эти мысли из головы, встал с постели и направился в ванну. Барбара сидела на унитазе. Он подошел к раковине и включил воду, чтобы помыться.

— Тень Любви продолжает смотреть этот фильм, — сказала Барбара.

Снизу, из телевизора, доносился шум стрельбы.

— «Зулусы»,^[23] — сказал Ворон. — Большое сражение в Африке, сто лет назад. Он говорит, что это было даже лучше, чем с Кастером.

Барбара встала и спустила воду, пока Сэм вытирался полотенцем.

— Это конец? — тихо спросила она, когда они возвращались в спальню.

Мужчина понял, что она имеет в виду, но сделал вид, что даже не догадывается.

— Конец?

— Только не нужно лгать. Ты умрешь?

Он пожал плечами.

— Тень Любви в этом уверен.

— Значит, так и будет, — сказала Барбара. — Если только ты не уедешь. Прямо сейчас.

Сэм покачал головой.

— Я не могу.

— Но почему?

— Дело в том, что другие люди погибли. Если придет моя очередь, а я не стану сражаться, получится, что я повернулся к ним спиной.

— У тебя есть пистолет?

— Да.

— И все это совершенно необходимо?

— Да. И почти необходимо, чтобы мы... умерли. Народу нужны такие истории. Ты знаешь, когда мы были детьми, я знал людей, которые сражались вместе с Безумной Лошадью. Кто жив сейчас, чтобы поговорить с детьми? Они знают одни легенды: о дилерах, продающих наркотики...

— Значит, ты решился?

— Нет, конечно. Нет, — признал Сэм. — Когда я размышляю о смерти... Я не могу об этом думать. Я еще не готов.

— К этому нельзя подготовиться, — сказала Барбара. — Я посмотрела на себя в зеркало на дверях... — Она затворила дверь в спальню, и высокое зеркало отразило двоих немолодых людей, глядящих в него. — И увидела старую женщину, сморщенную, как прошлогодняя картофелина. Синий чулок: сутулая, вся седая. Но я чувствую себя так, словно мне восемнадцать. Я хочу выйти из дома и пробежаться по парку, чтобы ветер развевал мои волосы, хочу кататься по траве с тобой и Аароном, хочу слушать, как он говорит глупости, пытаюсь забраться мне под юбку... но я не могу, потому что я стара. И я умру. Я не хочу быть старой и не хочу умирать, но все будет именно так... Я не готова, но когда придет время, я намерена сделать это достойно.

— Я рад, что мы поговорили, — сухо сказал Сэм. — Ты меня подбодрила.

Она вздохнула.

— Да. Теперь я вижу, что ты воспользуешься пистолетом, когда придет время.

Тень Любви расхаживал по комнате.

Сэм спал, положив голову на правую руку Барбары, его дыхание было глубоким и спокойным, но она слышала, как Тень Любви, не останавливаясь, мечется взад и вперед. Он включил телевизор, потом выключил — и снова включил. И продолжал ходить. Он всегда так себя вел.

Почти сорок лет назад Барбара жила рядом с Розы Любовью, тогда она и познакомилась с Воронами. Они были радикалами, курили сигареты и пили по ночам, вели беседы об УДИ^[24] и ФБР и о том, что происходит в резервациях.

Когда родился Тень, Барбара была его крестной матерью. Перед ее мысленным взором возник мальчишка в дешевых шортах и слишком тесной полосатой рубашке, который шагает

по городским тротуарам и оценивающе смотрит на окружающий мир своими бледными глазами. Даже в детстве в нем чувствовался огонь. Он никогда не был самым крупным парнем в квартале, но никто из подростков не решался с ним связываться. Тень Любви всегда был наэлектризован, более того, безумен. Барбара любила его, как собственного ребенка, и сейчас, лежа в своей постели, слушала, как он ходит по комнате вниз. Она посмотрела на часы: без двадцати пяти четыре, а потом снова заснула.

Утром Барбара обнаружила, что он спит в большом кресле в гостиной — когда-то она называла его ловушкой для мужчин. Она на цыпочках прошла на кухню, но Тень Любви бросил ей вслед:

— Только не надо красться.

— Я думала, ты спишь, — сказала Барбара, останавливаясь в дверях.

Он уже успел подняться, и падающий из окна свет окружил его темную фигуру ореолом.

— Да, я немного поспал. — Он зевнул и потянулся. — У тебя есть кабельное телевидение?

— Некоторое время я его смотрела. Но потом потеряла интерес и отказалась от подписки.

— А если я дам тебе денег, ты сможешь снова его подключить? Эйч-би-оу, «Синемакс» или «Шоутайм». Или даже все сразу. Когда нас начнут разыскивать всерьез, мы окажемся запертыми здесь, как в клетке.

— Я им сегодня позвоню.

После завтрака Барбара взяла стул, полотенце, ножницы и подстригла Сэма и Тень Любви. Аарон сидел и с интересом наблюдал, как темные пряди падают им на плечи и на пол. Он сказал, что старики теряют силу, когда им отрезают волосы.

— Мой член в полном порядке, — проворчал Сэм. — Спроси у Барб.

Он попытался похлопать ее по мягкому месту.

Она увернулась, и Тень Любви вздрогнул.

— Осторожнее! Не отвлекайся, ты воткнешь ножницы мне в ухо, — мрачно сказал он.

Когда Барбара закончила, Тень Любви надел ковбойскую рубашку с длинными рукавами, темные очки и бейсболку.

— Я по-прежнему похож на индейца?

— Избавься от темных очков, — посоветовала Барбара. — Твои глаза почти голубые. Ты похож на загорелого белого человека.

— Мне бы не помешали документы, — сказал парень, бросив очки на кухонный стол.

— Подожди минутку, — сказала Барбара, поднялась наверх и вскоре вернулась с потрепанным мужским бумажником. — Это моего брата, он умер два года назад.

Водительские права никуда не годились. Брат был на четыре года старше Барбары, лысым и довольно толстым — ничего общего с Тенью Любви. Даже отвратительная фотография на правах не помогла.

— Остальное подойдет, — сказал он, просматривая другие документы.

У Харольда Гоу имелись кредитки «Амоко», «Виза» и местного отделения банка, пропуск служащего «Ханиуэлл»,^[25] карточка социального страхования, права на вождение яхты, билет кредитного союза, полис «Пруденшл»,^[26] две старые лицензии на рыбную ловлю и еще какие-то потерянные бумаги.

— Если они начнут меня трясти, я скажу, что у меня отняли водительские права за

вождение в нетрезвом виде, — продолжал Тень Любви. — Когда индеец такое говорит, ему верят.

— А как быть с вами? — спросила Барбара у Воронов.

Сэм пожал плечами.

— У нас есть водительские права и карточки социального страхования, выданные на наши настоящие имена. Рано или поздно полицейские их узнают.

— Значит, вам не следует выходить из дома, — сказала Барбара. — Во всяком случае, днем.

— Мне нужно поговорить с людьми, чтобы выяснить, что происходит, — заявил Тень Любви.

— Будь осторожен, — попросила Барбара.

Тень Любви сидел в баре на Лейк-стрит, когда вошел какой-то индеец и заказал пиво. Он искоса посмотрел на Тень Любви, но не пытался с ним заговорить.

— Этот тип из социального обеспечения в Белл снова всем предлагает деньги, — сказал посетитель бармену.

— Господи, да половина города пьет на его деньги, — ответил бармен. — Интересно, где он их берет?

— Могу спорить, что платит ЦРУ.

— Если так, то у кого-то большие неприятности, — с мудрым видом заметил бармен. — Я встречался с этими парнями во Вьетнаме — лучше с ними не связываться.

— Гиблое дело, — не стал спорить индеец.

Мужчина из дальней части бара крикнул:

— Сыграем в «Девятку»? ^[27]

— Да, иду, — ответил индеец, забрал кружку с пивом и ушел.

Бармен вытер влажное пятно на стойке и покачал головой.

— ЦРУ. Паршивое дело, вот что я вам скажу.

— Чушь все это, — пожав плечами, ответил Тень Любви.

Он допил пиво, соскользнул с высокого табурета у стойки и вышел наружу. Лучи солнца ударили ему в глаза, и он остановился, щурясь в ярком свете. Немного подумав, он свернул на запад и неторопливо зашагал по Лейк-стрит.

Многоквартирные дома Белла были уродливыми остатками программы жилищного строительства шестидесятых годов. Архитектор попытался скрыть бедность лагеря для военнопленных, сделав двери квартир разноцветными. Теперь, по прошествии многих лет, здание напоминало челюсть старика с выпавшими зубами.

За домом находилась игровая площадка, успевшая зарости сорняками. Турник и ржавая карусель со сломанной много лет назад осью напоминали неудачную минималистскую скульптуру. Асфальт на баскетбольной площадке потрескался, сетки на кольцах исчезли. На качелях осталось лишь два сиденья.

Тень Любви сел на одно из них, наблюдая, как Ларри Харт идет по второму этажу. Он смотрел на листок бумаги, зажатый в руке, стучал в дверь, перебрасываясь несколькими фразами с теми, кто открывал, и шел дальше. Иногда его разговор получался долгим и занимал минут пять. Несколько раз он смеялся, а однажды вошел внутрь. Через пару минут Харт вышел — он жевал ломтик поджаренного хлеба.

«Проблема состоит в том, — размышлял Тень Любви, — что слишком многим известна

тайна Воронов». Лео, Джон и Барбара, а также несколько женщин, которые могли знать или догадываться.

Вороны вербовали сторонников в течение многих лет. И несмотря на то что они всегда старались держаться в тени, их имена, как и крайние взгляды, были хорошо известны. Как только они попадут в полицейский компьютер в качестве подозреваемых, то сразу же окажутся в первых строках списка охотников. При обычных обстоятельствах это не стало бы проблемой. У полицейских мало информаторов среди индейцев.

Но Харт — совсем другое дело. Тень Любви помнил его еще в те времена, когда оба учились в средней школе, но знаком с ним не был — тогда мальчики обычно не общались с теми, кто был старше. Харт пользовался популярностью как среди белых, так и среди местных. С тех пор ничего не изменилось. Он оставался своим среди индейцев, у него были друзья и деньги.

Тень Любви смотрел, как Ларри продвигается все дальше, слышал его смех и еще до того, как тот закончил обход, решил, что необходимо что-то делать.

Харт заметил на качелях Тень Любви, когда спускался по лестнице на первый этаж, но не узнал его. Ларри видел, как он качается, а потом отвернулся и человек на качелях пропал из виду. А через пять секунд, когда качели снова стали видны, он исчез.

Ларри вздрогнул. Вероятно, человек спрыгнул с качелей, обошел куст по краю игровой площадки и направился на улицу. Но у Харта появилось неприятное чувство. Всего несколько секунд, а незнакомец исчез. Качели продолжали раскачиваться.

Словно он растворился в воздухе или превратился в ворона или ястреба, как это якобы делают мексиканские колдуны.

Индейские демоны.

Харт вновь содрогнулся.

В этот момент Тень Любви уже говорил по телефону.

— Барб? Ты можешь подъехать за мной?

Лукас проснулся в темноте, и ему пришлось прислушаться, чтобы понять, что его разбудило. Он протянул руку и коснулся плеча Лили.

— Ты плачешь?

— Ничего не могу с собой поделаться, — всхлипывая, ответила она.

— Чувствуешь себя виноватой?

Женщина заплакала еще сильнее, не в силах произнести ни слова. Наконец она сдавленно пробормотала:

— Может быть. — Она повернулась на бок, чтобы видеть Лукаса, подтянула колени к груди и осталась лежать в позе зародыша. — Я никогда не делала этого прежде.

— Ты мне уже говорила.

Он сел, нащупал выключатель стоящей на тумбочке лампы и нажал на кнопку. Она опустила голову, спрятав лицо.

— Проблема состоит в том, что я знала. Знала, что буду неверной. В ту ночь, в моем номере, я остановила тебя только чудом. Мне не следовало тебя отпускать. Но сейчас все произошло... так быстро. И я не сумела справиться, — продолжала Лили. — А потом, когда я застрелила Худа, мы оба находились в жутком состоянии... и я улетела из города. И в самолете я плакала. Думала, что больше никогда тебя не увижу, не буду с тобой спать. Но знаешь, я испытала облегчение. А когда мне сказали, что нужно возвращаться, я снова заплакала. Дэвид подумал, что я не хочу ехать. Но дело было в том, что я знала: это случится. Я была такой... голодной.

— Послушай, со мной все это уже было, — сказал Дэвенпорт. — Иногда потом я чувствую себя виноватым, но я не могу жить без женщин. Психиатр, наверное, нашел бы у меня какие-то отклонения. Но я просто... хочу женщин. Как ты сказала, я начинаю испытывать голод. И я не в силах остановиться. Это наркотик, от которого невозможно отказаться.

— Только секс?

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Нет. Женщина. Процесс. Ухаживание. Секс. Все вместе.

— Ты наркоман любовных связей. Тебе постоянно нужно нечто новое.

— Нет, ты не совсем права. В Миннеаполисе есть женщина, с которой я оказываюсь в постели один или два раза в год с тех пор, как был совсем мальчишкой. Шестнадцать, восемнадцать лет. И всякий раз, когда я ее вижу, у меня возникает желание. Я звоню ей, или она звонит мне, я ее хочу. И тут дело не в новизне, а в чем-то другом.

— Она замужем?

— Да. Уже лет пятнадцать. У нее двое детей.

— Как странно, — Лили немного помолчала, а потом добавила: — Часть моей вины состоит в том, что мне не становится хуже. Ты понимаешь, о чем я говорю? Мне понравилось. У меня не было такого хорошего секса... я даже не знаю сколько. Возможно, никогда. Словно какой-то провал. С мужем все происходит спокойно и нежно, и я почти всегда испытываю оргазм, но нет... одержимости. Все под контролем. У Дэвида худощавая фигура и почти нет волос. А ты плотный и волосатый. И получается... по-другому.

— Ты слишком увлеклась анализом, — ответил после коротких раздумий Дэвенпорт.

Она протянула руку и коснулась его лица. — Я просто хочу секса, — сказал он, стараясь спародировать похоть.

— Смешно, — сказала Лили, слегка переместилась и прижалась к нему. — Как ты думаешь, чувство вины исчезнет?

— Обязательно, — ответил Лукас.

— Я с тобой согласна, — сказала она.

Было раннее утро, и Лукаса раздражал яркий свет, но он часто прикасался к Лили — трогал локоть, щеку, шею, убирал волосы с лица.

— Давай сразу поедem. А потом остановимся где-нибудь и позавтракаем. Я не могу есть в такое время, — проворчал он.

— Твои биологические часы не в порядке, — сказала Лили, садясь в «порше». — Тебе нужно перевести стрелки.

— По утрам ничего не происходит, зачем вставать? — спросил Дэвенпорт. — Все плохие люди действуют по ночам. Да и большинство хороших, если уж на то пошло.

— Давай постараемся благополучно добраться до Миннеаполиса, — предложила она, когда «порше» с ревом выехал с парковки мотеля. — Если хочешь, я могу сесть за руль...

— Нет, не надо.

Они ехали прямо навстречу утреннему солнцу. Лили хотелось поболтать, и она с интересом разглядывала необычную природу прерии.

— Я возвращаюсь другой дорогой, взял немного южнее, — сказал Лукас. — Всегда стараюсь разнообразить путь, но мне не слишком часто удается выезжать из города.

— Вот и хорошо, увидим что-то новое, — кивнула напарница.

— И это не займет много времени, — заметил Дэвенпорт.

Утро выдалось холодным, но воздух быстро прогрелся. Вскоре после того, как они пересекли границу Миннесоты, Лукас остановился у придорожного кафе. Они оказались единственными клиентами. Толстая женщина работала на кухне за высокой стойкой из нержавеющей стали. Они видели только ее голову. Бармен оказался худощавым большеглазым мужчиной в грязном фартуке. Его щеки украшала двухдневная щетина, в зубах он сжимал потухший окурок «Лаки страйк». Лукас заказал глазунью из двух яиц и бекон.

— Очень рекомендую, — сказал он напарнице.

— Мне то же самое, — кивнула Лили.

Официант передал заказ на кухню, сел за столик и принялся изучать местный еженедельник.

— Ты здесь бывал? — негромко спросила Лили, когда убедилась, что мужчина сидит к ним спиной.

— Нет.

— Почему же ты посоветовал мне яичницу с беконом?

Дэвенпорт оглядел кафе. На потолке облупилась краска, обои заплесневели на швах.

— Потому что они будут ее жарить и все простерилизуют, — прошептал он в ответ.

Женщина огляделась и неожиданно захихикала. Лукас подумал, что она влюблена.

После завтрака, когда они вернулись в машину, Лили опустила кресло, откинулась назад и закрыла глаза.

— Решила вздремнуть? — спросил Лукас.

— Расслабляюсь, — ответила она.

Дыхание Лили стало ровным. Дэвенпорт молча вел машину; его напарница отдыхала, но не спала: она открывала глаза и наклонялась вперед на поворотах и остановках. Через некоторое время она обнаружила, что ровное гудение двигателя и легкое покачивание действуют на нее возбуждающе. Она слегка приоткрыла глаза. Лукас надел солнечные очки и вел автомобиль с расслабленной уверенностью. Изредка он поворачивал голову, чтобы взглянуть на что-то заинтересовавшее его. Лили, опустившей спинку, не было видно на что. Она протянула руку и положила ладонь на его бедро.

— Ой, — сказал Лукас, посмотрел на Лили и улыбнулся. — Зверь жив.

— Просто я подумала... — сказала она, поглаживая его ногу.

Потом она закрыла глаза, чтобы лучше ощутить шершавую поверхность его джинсов.

— Проклятье, — сказал Лукас через несколько минут. — Мой член рвется на свободу.

Он поерзал на сиденье, сунул руку в карман и попытался навести там порядок. Лили рассмеялась, а когда Дэвенпорт убрал руку, ее ладонь тут же вернулась на прежнее место.

Она сразу ощутила, что его пенис стал твердым — теперь он был направлен вверх.

— Как жаль, что мы в машине, — сказала она.

Он посмотрел на нее, усмехнулся и сказал:

— Ты уже играла в эту игру прежде?

— В какую? — спросила она, продолжая гладить его бедро.

Он отвел ее руку в сторону.

— Хватит, — сказал он. — Теперь моя очередь, снимай колготки.

— Лукас... — пробормотала она.

Она выглядела шокированной, но выпрямилась на своем сиденье и быстро огляделась по сторонам. Они были одни на сельском шоссе.

— Ну, давай, трусишка, снимай.

Она посмотрела на спидометр. Стрелка уверенно держалась на шестидесяти милях в час.

— Ты нас убьешь.

— Нет. Я уже играл в такие игры.

— Мистер Опыт...

— Ну, давай, давай, не увиливай. Снимай колготки. Или смиришься с последствиями.

— С какими еще последствиями?

— В глубине души мы оба будем знать, что ты испугалась.

— Ладно, Дэвенпорт.

Она отодвинула сиденье и с некоторым трудом стянула колготки.

— И трусики.

Она молча выгнулась и сняла их.

— А теперь дай их мне, — заявил Лукас.

Она автоматически протянула трусики, он быстро опустил окно и выбросил их наружу.

— Дэвенпорт, ради бога...

Она смотрела назад, но трусики уже исчезли в придорожной канаве.

— Я куплю тебе новые.

— Черт побери, так и будет, — проворчала Лили.

— А теперь откинься назад и закрой глаза. — Она посмотрела на него и почувствовала, как краска заливает лицо. — Ну, давай.

Лили так и сделала, и его рука коснулась ее бедер, пальцы заскользили от бедра к колену и обратно. В машине было тепло, и она почувствовала, как кровь пульсирует у нее в паху. Она приоткрыла рот, ощущая, как из глубин ее существа поднимается жар.

— О боже, — прошептала она. — О боже...

— А теперь ты должна застонать, — сказал он.

— Что?

— Нужно застонать. Один хороший стон для меня, и Дэвенпорт остановит машину.

Она протянула руку и коснулась его джинсов. Там все стало огромным и твердым. Лили хихикнула.

— Я должна перестать хихикать, — лениво сказала она.

Она вновь протянула руку, и Лукас ударил по тормозам, так что женщину бросило вперед.

— Что такое? — Она испуганно выглянула в окно.

— Петроглифы Джефферса, ^[28] — сказал он. — Я о них слышал, но никогда не видел.

— Что?

Женщина задыхалась, как выброшенная из воды рыба.

Машина уже медленно катила по траве парковки. Лили поспешно опустила юбку.

— Индейские наскальные изображения, — сказал Дэвенпорт.

На парковке стояли два автомобиля, хотя на плакате было написано, что в это время года монумент закрыт. Они вышли из машины. На некотором расстоянии от них, через ограду, они видели с полдюжины туристов, которые изучали рыжеватую скалу.

— Нужно перелезть через ограду, — заметил Лукас. — Пошли.

Он легко перескочил через ворота, а потом помог перелезть Лили.

— Проклятье, больше не буду надевать платье, если куда-нибудь поеду. И я чувствую себя совершенно голой... ты и твои дурацкие игры, — сказала она. — Теперь буду носить только брюки и кроссовки.

— Ты отлично выглядишь в платье, — ответил он, когда они шли по засыпанной гравием дорожке. — И просто великолепно без нижнего белья.

Петроглифы были высечены на плоской поверхности бурого камня. Они разглядели очертания ладоней, изображения зверей и птиц, какие-то незнакомые символы.

— Смотри, какие у них были маленькие руки, — сказала Лили.

Она приложила ладонь к одному из символов. Ее рука полностью его закрыла.

— Может быть, это был ребенок или женщина, — предположил Дэвенпорт.

— Не исключено. — Она оглядела расстилающуюся вокруг прерию и кукурузное поле неподалеку. — Интересно, что они здесь делали. Вокруг ничего нет.

— Не знаю, — Лукас осмотрелся. Небо казалось огромным, и он почувствовал себя так, словно стоял на полюсе планеты. — С этого возвышения видно очень далеко. Но я думаю, дело в скале. Дальше на запад находится индейская каменоломня. Очень старая. Индейцы добывали там мягкий красный камень, он называется катлинит. Они делали из него трубки и другие предметы.

Изображения находились на пологом склоне, и они, не торопясь, прошли мимо других туристов. Многие опустились на колени, чтобы потрогать петроглифы. Одна из женщин при помощи угля и коричневой бумаги старалась скопировать один из них. Двое туристов поздоровались с Лукасом и Лили, и они кивнули в ответ.

— Нам пора ехать, если мы хотим успеть на встречу, — наконец сказал Дэвенпорт,

посмотрев на часы.

— Хорошо.

Они медленно пошли обратно к машине, ветер разметал волосы женщины. Когда они приблизились к ограде, Лили поставила на нижнюю проволоку одну ногу, а Лукас обхватил ее сзади и обнял.

— Один маленький поцелуй, — сказал он.

Она повернулась и наклонила к нему лицо. Впрочем, поцелуй получился долгим, они медленно закружились в высокой траве. Наконец Лили, тяжело дыша, оттолкнула его и посмотрела вниз.

— Эти туфли... высокие каблуки, я подверну лодыжку.

— Ладно, пойдем.

Он помог ей перебраться через ограду, и они направились к «порше». Мужчина обнял ее за талию.

— После игр в автомобиле мое возбуждение еще не прошло, — сказал он.

— Послушай, до Миннеаполиса всего три часа, — игриво сказала Лили.

— А после этого нам предстоит две встречи.

— Значит, не повезло, Дэвенпорт...

Они подошли к машине со стороны пассажирского сиденья, Лукас распахнул дверцу, схватил женщину за руку, сел и потянул ее на себя.

— Иди сюда.

— Что ты хочешь?

Она начала сопротивляться, но без особой уверенности и через мгновение оказалась внутри.

— С дороги нас не видно, а туристы изучают скалы, — сказал он. — Посмотри на меня.

— Лукас...

Тем не менее она повернулась к нему лицом.

— Давай.

— Я не знаю, как...

— Согни колени и присядь. Вот так, хорошо.

— Тут мало места, Лукас...

— Все отлично, у нас получится. Лили, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя самая роскошная попка в истории западной цивилизации?

— Но мы не можем...

— Ах...

Она села на него верхом, лицом к нему, раздвинув колени, так что у них осталось несколько дюймов для перемещений, он начал раскачиваться, и Лили почувствовала, как утренние игры вновь овладевают ее сознанием. Она закрыла глаза, они стали двигаться вместе, напряжение все усиливалось, наконец наступил оргазм. Она пришла в себя только после того, как мужчина сказал:

— Боже мой, боже мой...

— Лукас, — прошептала она и захихикала.

Прежде такого не бывало, а теперь с ней такое случалось каждые пятнадцать минут.

— Мне это было необходимо, — сказал он.

По его лицу катился пот, глаза были устремлены куда-то далеко, но в них появилось удовлетворение. Дверь осталась приоткрытой, Лили выглянула в окно, распахнула дверцу

ногой, выскользнула наружу и опустила юбку. Лукас неловко выбрался вслед за ней, застегнул брюки, наклонился и поцеловал ее. Она обняла его и прижалась к груди. Несколько мгновений они стояли так, а потом Дэвенпорт, слегка ошеломленный, выпустил ее и, пошатываясь, обошел «порше».

— Нам пора ехать, — сказал он.

— Да... конечно.

Она села рядом, Лукас включил зажигание и начал осторожно выезжать на автостраду, поглядывая, нет ли встречных машин.

Автомобилей на шоссе не было, но Дэвенпорт не отрывал от него взгляда, и его напарница первой обратила внимание на туристов.

— Что они делают? — спросила она.

— О чем ты?

Лукас взглянул в ту сторону, куда был устремлен взгляд Лили.

Изучавшие петроглифы туристы выстроились вдоль ограды, они не сводили с них глаз и хлопали в ладоши.

Несколько мгновений Дэвенпорт смотрел на них, потом сообразил, что происходит, и расхохотался, запрокинув голову.

— Что это значит? — недоуменно спросила женщина, глядя на стоящих у ограды людей. — Что они делают?

— Они аплодируют, — со смехом ответил Лукас, нажимая на газ.

— О нет, — прошептала Лили, густо покраснела и оглянулась назад. — Мы устроили для них бесплатное представление...

Когда он сел в машину, Барбара посмотрела на него.

— Почему я это делаю? Зачем я тебя вожу?

— Я ищу одного парня, — сказал Тень Любви. — Нужно, чтобы ты позвонила ему по телефону.

— Но ты ничего не собираешься с ним делать?

— Нет. Только поговорю, — ответил парень.

Он отвернулся и стал смотреть на проплывающие мимо дома. Они кружили по городу почти час, сделали полдюжины остановок, и Барбара уже начала тревожиться, когда Тень Любви наконец заметил Ларри Харта, входящего в отель «Наб».

— Давай найдем телефон, — сказал индеец. — Ты знаешь, что нужно сказать.

— Что ты задумал? — спросила Барбара.

— Хочу с ним поговорить. Выяснить, что ему известно. Если у меня появится подозрение, что нас могут увидеть, я откажусь от встречи. А ты подождешь где-нибудь в стороне. Если что-то пойдет не так и меня схватят, я не вернусь и ты спокойно уедешь.

— Хорошо. Будь осторожен, Тень.

Он посмотрел на Барбару. Она так сильно сжимала руль, что костяшки пальцев побелели.

«Она понимает, что сейчас произойдет», — подумал индеец.

Пистолет, из которого он застрелил Желтую Руку, врезался ему в бок. Пальцы коснулись холодного каменного ножа в кармане.

Харт проглотил наживку. Барбара позвонила ему в отель «Наб», объяснила, что видела, как он входил, и сказала, что у нее есть интересная информация. «Но я боюсь, — сказала она. — Боюсь убийц, боюсь копов». Она добавила, что знакома с ним и узнала издалека. Барбара предложила Харту встретиться у зеленого мусоросборника, который находится возле склада с каменными стенами на берегу реки.

— Ларри, пожалуйста, приходи один. Я боюсь полиции, они могут меня избить. Тебе я верю, Ларри, но только не копам.

— Хорошо. Встретимся через десять минут, — сказал Харт. — И не волнуйся. Тебе нечего бояться.

Она посмотрела сквозь стекло телефонной будки в сторону своей машины. Тень Любви развалился на сиденье, и она видела только его макушку.

— Ладно, — сказала Барбара и повесила трубку.

У Харта ушло пятнадцать минут на то, чтобы выйти из отеля, сесть в машину и доехать до нужного места.

— А вот и он, — сказал Тень Любви, когда Ларри остановил свой автомобиль рядом со складом.

Они издали наблюдали, как он вышел из машины, запер дверцу, огляделся по сторонам и осторожно пошел в сторону мусорного бака, стоявшего за углом.

— Обьедешь вокруг квартала, как я тебе объяснял. Я посмотрю, нет ли поблизости копов, — сказал Тень Любви.

На улице было пусто. Никто не сидел в припаркованных машинах. Тень Любви

вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь обогнем склад с другой стороны. Там я выйду. А ты отправишься в то место, которое я тебе показал. Жди меня там.

Когда они объехали склад, Тень Любви вышел из автомобиля.

— Будь осторожен, — сказала Барбара. — И поспеши.

Когда она уехала, Тень Любви пересек пустую парковку, засыпанную мусором, и остановился возле стены склада. Он осторожно выглянул за угол, сделал еще несколько шагов и оказался за мусорным бачком. Сквозь узкое пространство между серой стеной и зеленым баком он на мгновение увидел темный рукав. Харт был в черной куртке. Тень Любви прикоснулся к спрятанному под рубашкой пистолету и обошел бак.

— Ларри, — позвал он.

Харт вздрогнул и резко обернулся.

— Господи, — ошеломленно сказал он. — Тень.

— Давненько мы не встречались, — сказал Тень Любви. — Я пару раз видел тебя на Лейк-стрит после того, как ты закончил школу.

— Да, прошло много времени, — Харт попытался улыбнуться. — Ты все еще здесь живешь?

Тень Любви не стал отвечать на этот вопрос.

— В барах говорят, что ты меня ищешь, — сказал он, подходя ближе.

Противник был крупнее, но Тень Любви знал, что в схватке у Харта не было шансов. И Ларри это прекрасно понимал.

— Да. Полицейские тобой интересуются. Они хотят поговорить о твоих отцах.

— Моих отцах? Воронах?

— Да. Видишь ли, кое-кто думает, что они могут...

Харт с некоторым смущением качнул головой.

— ...могут иметь отношение к убийствам?

— Да.

— Я об этом ничего не знаю, — сказал Тень Любви. Он стоял, держа обе руки в карманах джинсов. — Ты стал полицейским, Ларри?

— Нет-нет, я все еще работаю в отделе социального обеспечения.

— А говоришь как коп, идущий по следу, — не унимался Тень Любви.

— Ну, если честно, мне и самому все это не нравится, — признался Харт. — Я работаю со своими клиентами, но полицейские не оставляют меня в покое. У них больше никого нет, кто хорошо знает наш народ.

— Мм, — Тень Любви посмотрел на носки своих ковбойских сапог, а потом взглянул на небо. Почти весь день оно оставалось серым, но сейчас над рекой, между тучами, появился голубой лоскут. — Ладно, Ларри. Я хочу с тобой поговорить. Давай спустимся к реке. Сегодня отличный денек.

— Слишком холодно, — возразил Харт.

Он вздрогнул, но пошел вперед. Тень Любви оставался чуть сзади, он все еще не вынимал рук из карманов.

— Там огромная дыра, — сказал Тень Любви, глядя на небо.

— Пилоты называют ее дырой для дураков, — заметил Ларри, поднимая глаза вверх. — Я немного учился летать. Дыры для дураков, так они говорят.

— А ты сам как думаешь? — спросил Тень Любви. — Вороны стоят за этим?

Харт повернулся, чтобы ответить, но поскользнулся, Тень Любви поддержал его под локоть и помог сохранить равновесие.

— Спасибо, — пробормотал Ларри.

— Вороны? — повторил Тень Любви.

Они продолжали спускаться к реке.

— Старший Андретти прислал сюда приличную сумму денег — именно их полицейские сейчас раздают, — так всплыли имена Воронов.

— А что говорят про меня?

— Копам известно, что ты их сын. Возможно, ты знаешь...

— ...где они? В общем, да, я знаю, — сказал Тень Любви.

— В самом деле?

— Да.

Они сошли с асфальтового полотна и двинулись по заросшему травой склону, спускаясь к Миссисипи. Тень Любви остановился и посмотрел на реку. Перед его глазами возникло черное пятно, воронка тьмы в ярком свете дня. Проклятый Харт пытается найти его отцов.

— Люблю реку, — сказал Тень Любви.

— Она прекрасна, — согласился Харт.

Одинокий буксир тащил пустую баржу вниз по течению в сторону шлюза Форда и дамбы. Свет из дыры для дураков изливался вниз, и отсюда, с высоты холма, катер и баржа казались детскими игрушками с удивительно четкими контурами.

— Посмотри туда, — сказал Тень Любви. — Орел летит.

Харт поднял взгляд и увидел птицу. «Нет, это ястреб», — подумал он. Но ничего не сказал вслух, чувствуя, что Тень Любви стоит сбоку и чуть сзади от него. Пальцы Тени Любви нащупали в кармане рукоять ножа. Он никогда прежде им не пользовался, не считал настоящим оружием.

— Вдохни холодный воздух, Ларри. Господи, как приятно чувствовать его на коже. Дыши полной грудью. Видишь, как кружит орел? Смотри на склон холма, Ларри. Там множество деревьев, но ты можешь разглядеть каждое... Дыши, Ларри, дыши...

Харт стоял спиной к Тени Любви, он прикрыл глаза и делал большие глотки прохладного воздуха, чувствовал, как он щекочет кожу на затылке. Он повернул голову и сказал:

— Знаешь, я говорил...

Он хотел рассказать, что звонил Воронам из полицейского участка и предупредил их о предстоящем рейде полиции, но не сумел произнести эти слова вслух. Получилось бы, что он пытается снискать расположение, в чем-то оправдаться. Слезы потекли по его щекам. «Все дело в холоде, — подумал он. — В холоде, и ни в чем другом».

Он смотрел, дышал, ощущал парение птицы, когда Тень Любви вытащил руку из кармана. Харт снова повернул голову, но его собеседник сделал шаг и оказался у него за спиной.

— Что... — начал Ларри, но в следующее мгновение почувствовал обжигающий огонь в горле и с глупым видом посмотрел на кровь, которая лилась ему на руки, пачкая куртку.

Харт рухнул на колени, а потом упал лицом вниз, несколько раз перекатился и застыл на месте.

Орел исчез навсегда.

Тень Любви мгновение смотрел на тело, потом быстро убрал нож под куртку и

огляделся. Никого.

«Уже два», — подумал он.

Тень Любви поднимался вверх по склону, а перед его мысленным взором прокручивалась запись убийства Билли Худа. Женщина-полицейский стреляет Билли в лицо. Лилиан Ротенберг, так сказали по телевизору.

Он взобрался на холм, вышел на улицу, свернул за угол и очень скоро уже сидел в машине Барбары.

— Ты в порядке? — испуганно спросила Барбара. Она быстро огляделась. — Кто-нибудь тебя видел? Где Харт?

— Он ушел, — сказал Тень Любви, опускаясь на сиденье и прикрывая глаза. — Остался только орел. Огромный лысый орел, парящий над рекой.

Он отвернулся и стал смотреть в окно, чтобы не видеть ее страха. В отражении стекла появилось лицо Лили, и Тень Любви кивнул ему.

Даниэль пребывал в мрачном настроении. Он прошелся по своему кабинету, всматриваясь в фотографии политиков, которыми были увешаны стены.

— Мне кажется, мы действуем неплохо, — прервал затянувшееся молчание Слоун.

— Согласен, — сказал Лестер.

Сняв мягкие кожаные туфли, он перебросил ноги через ручку кресла. Он был в белых спортивных носках и синем костюме.

— Я не жалею, — проворчал глава департамента.

Он стоял нос к носу с фотографией Юджина Маккарти, сделанной еще во времена «Крестового похода детей» в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году.^[29] Маккарти выглядел довольным собой. Даниэль хмуро посмотрел на него и принялся считать удачные ходы.

— Первое: мы нейтрализовали Блуберда и разобрались с единственным убийством, которое произошло на нашей территории. Второе: при помощи Лили убрали Худа. Третье: сумели добыть имена у Лисса и едва не захватили Воронов у них на квартире. Все это хорошо.

— Но? — спросила Лили.

— Что-то должно случиться, — сказал шеф, поворачиваясь к группе, сидевшей вокруг стола. — И это произойдет здесь. Я чувствую.

— Может быть, Вороны решат немного притормозить, — предположил Дэвенпорт. — Придут к выводу, что нужно залечь, дать возможность всем успокоиться.

Глава департамента покачал головой.

— Нет. Тут другой ритм, — возразил он. — Они планировали, что напряжение будет нарастать. Сначала были убиты два человека, чтобы подвести идеологическое обоснование, затем они ликвидировали Андретти и оказались на первых полосах газет, потом пришел черед судьи и прокурора штата — крупных федеральных чиновников. Следующий шаг должен иметь общенациональное значение. Они не станут размениваться по мелочам.

Даниэль еще не закончил говорить, когда вошел Андерсон. Он сел и кивнул Лукасу и Лили.

— Есть что-то новое? — спросил Даниэль.

Андерсон откашлялся.

— Ничего хорошего, — сказал он.

Власти Южной Дакоты проверили водительские права Тени Любви. В них значится, что он проживает в Стэндинг-Рок. Но местные полицейские сообщили, что он уже много лет там не бывал. Они понятия не имеют, где может находиться Тень Любви. Новости из Национального информационного криминалистического центра были и хорошими, и плохими: сведения о Тени Любви оказались многочисленными и пугающими. Большая их часть пришла из Калифорнии, где он отбывал двухгодичное заключение за причинение тяжких телесных повреждений.

— Два года? Должно быть, нападение было серьезным, — заметила Лили.

— Да. Возле бара началась драка на расовой почве. Тень Любви свалил одного парня на землю и едва не забил его ногами до смерти.

— А здесь, в Миннесоте? — поинтересовался Даниэль. — Он ведь вырос у нас?

— Да. Он ходил в Центральную среднюю школу Миннеаполиса. Дик Дэнфри отправился туда, чтобы изучить архивы. Он скоро должен вернуться. Мы ищем адреса друзей, адвокатов — любые связи.

— Тень Любви психопат? — спросил Дэвенпорт.

— В Калифорнии провели тщательное психиатрическое обследование, — сказал Андерсон, перебирая бумаги. — Они пришлют нам результаты. Есть симптомы шизофрении. Они утверждают, что он говорит с невидимыми друзьями, а иногда с невидимыми животными. Тюремный психиатр отметил, что его боялись другие заключенные, даже охранники. А речь идет о калифорнийской тюрьме строгого режима.

— Ничего себе, — удивился Лукас.

— Позднее мы получим файл, — сказал Андерсон. — Фотографии, отпечатки, все. Там есть и свежая информация. За последние пять лет.

Досье на Воронов отсутствовало.

— Совсем ничего?

— Ларри слышал о них и кое-что знает. В основном — слухи или легенды. Но ничего конкретного, что могло бы помочь их отыскать.

— А где Харт? — спросил Даниэль, оглядывая кабинет.

Слоун пожал плечами.

— После истории с мальчишкой Лиссом он отмалчивается. Ему не нравится, что мы начали предлагать деньги за информацию.

— Какого дьявола, он думает, что мы играем в крестики-нолики? — сердито спросил шеф.

Детектив снова пожал плечами, а Дэвенпорт спросил у Андерсона:

— А что говорят федералы? Дактилоскопия? Грузовичок Воронов?

— ФБР продолжает работать с отпечатками, но если они старые, то это может занять некоторое время. На грузовичке разные номера спереди и сзади. Мы проверили — знаки выданы в Южной Дакоте. Владельцы не заявляли о краже, поскольку посчитали, что номера просто потерялись. Мы сняли много отпечатков, но личности установить не удалось.

— Иными словами, вы хотите сказать, что фотографии Воронов наверняка есть в системе, но мы не можем их идентифицировать? — уточнил Даниэль.

— Да, именно так, — кивнул Андерсон. — Федералы уделяют этой проблеме самое серьезное внимание...

— Может быть, обратиться в бюро учета населения штата. Поискать свидетельство о рождении Тени Любви, выяснить, кто его отец и зарегистрирован ли он, — предложил Лукас.

— Я этим займусь, — сказал Андерсон, делая запись в своем блокноте.

— Что еще? — спросил Даниэль. Все молчали. — Ладно. Я уверен: что-то должно произойти. У меня дурные предчувствия. Мы просто обязаны отыскать этих мерзавцев. Сегодня. Или завтра, будь они прокляты. А если кто-нибудь из вас встретит Ларри, передайте ему, что я хочу видеть его на наших совещаниях.

Труп Харта нашли двое мальчишек. Они играли на холме после полудня и случайно заметили его в кустах. Сначала старший подумал, что это спящий бродяга, но его поза была столь неестественной, что даже младший понял, что так лежать может только мертвец.

Они посмотрели на тело, а потом старший сказал приятелю:

— Нужно попросить твою маму позвонить в полицию.

Младший мальчишка засунул большой палец в рот. Он перестал делать это два года назад. Сообразив, что происходит, он быстро вытащил палец и спрятал руки в карманах. Старший схватил его за шиворот и потащил вверх по склону.

Первым на месте преступления оказался одинокий полицейский, проезжавший мимо. Он подошел к телу, увидел кровь, наклонился, чтобы пощупать пульс, и тут же отступил назад. Коп не хотел уничтожить улики, которые мог оставить преступник.

Еще через пятнадцать минут прибыли двое детективов из отдела по расследованию убийств, но они не опознали Харта.

— Перерезано горло, — сказал один из них. — Возможно, очередная атака Воронов. Паршивое дело. Взгляни на одежду — он прилично выглядит. Очевидно, неплохо зарабатывал.

Второй полицейский, в очках, — это он поймал убийцу Бентона — наклонился и вытащил из кармана брюк бумажник Харта. Он выпрямился, открыл его и прочитал фамилию на водительском удостоверении.

— Боже мой, — пробормотал он, сильно побледнев.

Его партнер, который стоял на коленях и осматривал голову трупа, уловил что-то в голосе напарника, поднял глаза и спросил:

— Что такое?

— Ларри Харт, из группы, которая занимается индейскими убийствами.

Первый полицейский тут же встал и сказал:

— Дай мне документы.

Его голос прозвучал глухо.

Взяв права, он осторожно потянул за прядь волос, чтобы слегка повернуть голову мертвеца и сравнить с фотографией на правах.

— Проклятье, — пробормотал детектив. — Это действительно он.

Лили подняла трубку. Звонил Даниэль.

— Лили, Лукас с тобой?

— Дэвенпорт? — спросила она.

— Лили, кончай тянуть время! Все очень серьезно.

— Одну минутку.

Дэвенпорт был в душе. Ей пришлось вытащить его оттуда совершенно мокрого, на пол стекала вода.

— Даниэль, — прошептала Лили, протягивая ему трубку.

— Да? — сказал лейтенант.

— На Ларри Харта совершено нападение, — дрогнувшим голосом сказал Даниэль. — Он мертв. Ему перерезали горло.

— Не может быть, — простонал Лукас.

— Что? — спросила Лили, которая была только в бюстгальтере и трусиках.

Она тут же потянулась к платью.

— Когда это произошло? — спросил Дэвенпорт. Повернув голову к напарнице, он быстро сказал: — Харт убит.

— Мы ничего не знаем, — ответил Даниэль. — Двое мальчишек нашли его на холме возле реки, у моста на Франклин-авеню, примерно час назад. Он мертв уже некоторое время.

Последний раз его видели в полдень на Лейк-стрит. Слоун туда вернулся, пытаясь найти какие-то следы.

— Ясно, — сказал Дэвенпорт. — Я тоже туда поеду.

— Лукас, я ждал совсем другого. И ощущение надвигающейся беды не исчезло. Смерть Харта нас задевает лично, и я чувствую себя ужасно, но должно произойти что-то еще. — Сначала шеф говорил спокойно, но в последних словах отчетливо прозвучал гнев.

— Я тебя понял, — ответил Лукас.

— Найди их, проклятье, найди. И останови! — рявкнул Даниэль.

Когда они сидели в машине, Лили спросила:

— Они позвонили в мой номер, разыскивая тебя?

Дэвенпорт нажал на педаль газа, они проскочили на красный свет, потом он повернулся и посмотрел на нее в темноте.

— Даниэль знает. Вероятно, он все понял через пять минут после того, как мы оказались в постели. Я же говорил тебе, что он умен; впрочем, он не станет болтать.

Слоун стоял на вершине холма, засунув руки в карманы куртки. На противоположной стороне улицы заняли позицию три пикапа с логотипами телевизионных компаний, их двигатели работали, спутниковые тарелки смотрели в небо. Репортер и фотограф из «Стар трибьюн» сидели на капоте своей машины и беседовали с телеоператором.

— Стервятники уже здесь, — проворчал Слоун, когда напарники подошли к нему.

— Ясное дело, — Дэвенпорт кивнул в сторону репортеров. — Ты уже сделал для них официальное заявление?

— Пока нет, — ответил детектив. — Шеф устраивает пресс-конференцию. Кстати, он решил обнародовать имена — Воронов и Тени Любви. Он намерен попросить о помощи и особенно подчеркнуть тот факт, что они убивают других индейцев.

— Многие любили Харта, — сказал Лукас.

— Да, так говорят, — согласился Слоун.

Между тем в свете фонариков помощники медэксперта укладывали тело на носилки.

— Есть свидетели? — спросил лейтенант.

— Да. Женщина на холме, — ответил Слоун. — Ее повезли в участок, чтобы показать фотографии Тени Любви. Она видела, как двое мужчин спустились вниз по склону, а потом один из них вернулся и сел в автомобиль. Он был моложе Харта, сухощавый, одет в рабочую куртку.

— Тень Любви? — предположил Дэвенпорт.

— Вполне возможно. За рулем сидела женщина. Она была очень маленькой — голова лишь немного выше руля. Темные волосы стянуты в хвост.

— А что за машина?

— Старая. Модель установить не удалось. Свидетельница не смотрела на номер. Впрочем, она заметила, что одно из угловых окон сзади — они маленькие, треугольной формы — выбито и заменено куском картона. Вот, пожалуй, и все. Да, машина была зеленой. Светло-зеленой.

— Ты сегодня видел Ларри?

— Да, незадолго до полудня. Он сказал, что намерен пройтись по Лейк-стрит. Зайти в бары, которые находятся в верхней части улицы. Мне удалось проследить его путь до отеля «Наб». Бармен, который работал в первой половине дня, уже сменился, но я разговаривал с

ним по телефону, и он сказал, что Харту звонили. Тот выглядел удивленным, словно не ожидал, что кому-то известно о его появлении в отеле. Так или иначе, но он поговорил, а потом поспешно ушел.

— Ловушка.

— Так я и подумал, — кивнул детектив. — Мы привезем бармена, но я не думаю, что он сумеет еще что-нибудь добавить.

— Ну и дела! — пробормотал Лукас и провел ладонью по волосам.

— Моя жена придет в ужас, когда узнает, что погиб один из наших людей, — сказал Слоун.

— Никогда не слышал о подобных вещах в Миннеаполисе, — признался Дэвенпорт, качая головой, и посмотрел на Лили. — А у вас такое случается?

— Иногда бывает. Пару лет назад наркодилеры убили полицейского, в качестве акции устрашения.

— И что было дальше?

— Те парни, которые это сделали... их больше нет с нами.

— Понятно, — кивнул Лукас.

По склону поднимался полицейский в очках, который торопливо отряхивал грязные колени. Он слегка запыхался, когда оказался на вершине холма.

— Что удалось найти, Джим? — спросил лейтенант.

— Ничего хорошего. Проклятье, там пусто.

— И гильзы нет?

— Нет, пока не нашли. Мы поработали на совесть. Я думаю, он убил его ножом. А это совсем непросто сделать.

— Следы?

— Ничего не обнаружили, — вздохнул коп. — Там слишком много травы. Все равно как идти по губкам. Должно быть, они пришли со стороны улицы, а потом... Похоже, Харт стоял спиной к убийце. Никаких следов борьбы. Ничего. Возможно, он верил этому человеку.

— Скорее всего, он держал его под дулом пистолета, как Худ во время убийства Андретти, — сказала Лили.

— Пожалуй, — согласился полицейский и посмотрел на крутой склон. — Но в таком случае он мог бы попытаться побежать или прыгнуть вниз. Один большой прыжок, и он бы оказался в десяти или даже пятнадцати футах от стрелка... но мы не нашли следов прыжка. Нет ни вмятин от обуви, ни следов от травы на его брюках. Ничего.

— Он сдался, — сказала Лили, глядя на напарника.

За спинами репортеров собрались любопытные. Мелькнуло несколько индейцев, и Лили решила подойти к ним в надежде что-нибудь услышать. Пока она пробиралась сквозь толпу, Лукас свернул за угол, нашел телефон-автомат и позвонил на Третий канал. Секретарша соединила его с Дженнифер.

— У меня кое-что есть, — сказал полицейский.

— А какова цена?

— Об этом поговорим позже.

— Тогда выкладывай.

— Ваши ребята работают возле реки, где произошло убийство?

— Да. Дженсен и...

— Это Ларри Харт. Эксперт из отдела социального обеспечения, индеец, который помогал нам в расследовании.

— Ничего себе, — пробормотала она. — А кто еще знает?

— Пока никто. Даниэль проведет пресс-конференцию примерно через полчаса...

— Мы уже в курсе и отправили туда группу.

— Если ты выйдешь в эфир раньше, то должна меня прикрыть. И ничего не рассказывай своему проклятому Кеннеди. Все знают, что вы обмениваетесь информацией.

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо ответила она. — А подробности? Его зарезали?

— Да. Как и остальных. Горло рассечено, он умер от потери крови.

— Когда?

— Мы не знаем. Сегодня днем. Возможно, ближе к утру. Его нашли двое детей, которые играли на холме.

— Хорошо. Что еще? Он шел по следу, был близок к поимке убийцы?

— Утром он еще ничего не знал, но не исключено, что потом что-то обнаружил. Пока неизвестно. А теперь поговорим о цене.

— Да?

— Мы думаем, что Ларри убил индеец по имени Тень Любви. Ему около тридцати, сиу, сухощавый, на руках татуировки. Даниэль назовет его имя. Не используй его до выступления моего босса, но затем действуй на полную катушку. Я хочу, чтобы его имя звучало каждые десять секунд. Особый упор делайте на то, что он убивает других индейцев. Постарайся получить у шефа фотографии — у него есть качественные снимки из Калифорнии — и не дай ему обвести тебя вокруг пальца. Требуй фотографии! Удели этой истории как можно больше эфирного времени. Скажи своему боссу: если он будет сотрудничать, я поделюсь с тобой эксклюзивной информацией.

— Ударить по Тени Любви, — уточнила Дженнифер.

— Из всех сил, — ответил Дэвенпорт.

Лили ничего не удалось выяснить в толпе. Закончив, она попросила Лукаса подбросить ее в отель:

— Мне нужно поспать и подумать. В одиночестве.

Мужчина кивнул.

— Мне это тоже не помешает.

У двери своего номера Лили повернулась к нему.

— Черт возьми, что мы будем делать, Дэвенпорт? — мрачно спросила она.

— Я не знаю, — ответил Лукас, протянул руку и убрал с ее щеки темную прядь волос. — Я просто не могу остановиться.

— У меня возникли такие же проблемы, — призналась Лили. — Но нас с Дэвидом слишком многое связывает. Я не хочу его терять...

— А я не хочу разрыва с Джен, — ответил он. — Но сейчас я не в силах остановиться...

Он втолкнул ее в номер, она обняла его за шею, и они несколько минут стояли, прижавшись друг к другу, пока она не отодвинулась от Лукаса.

— Ладно, иди, — сказала она. — Мне необходим отдых.

— Хорошо. Встретимся завтра?

— Да. Только не слишком рано.

Расставшись с Лили, Лукас поехал обратно. Четыре фургона со спутниковыми тарелками стояли возле двери муниципалитета, черные кабели змеились по тротуару и исчезали в здании. Повинуясь импульсу, он оставил машину на служебной парковке и вошел внутрь.

Пресс-конференция уже заканчивалась. Дэвенпорт стоял сзади и наблюдал, как шеф произносит положенные в таких случаях слова. Телевизионные репортеры посматривали на часы: им не терпелось заняться делом, но они прислушивались к последним вопросам, которые задавали газетчики.

Когда Лукас повернулся, чтобы уйти, в зал вошла Дженнифер и толкнула его локтем.

— Еще раз спасибо. Мы выходили в эфир час назад, — негромко сказала она. — Посмотри на Шелли...

Шелли Бридлав, репортер Восьмого канала, злобно поглядывала в их сторону. Она поняла, что ТВ-3 получило возможность дать эксклюзивный репортаж об убийстве Ларри Харта.

Дженнифер вежливо улыбнулась в ответ и тихонько пробормотала:

— Пропади ты пропадом, тварь. — Потом повернулась к Лукасу. — Ты сейчас домой?

— Да.

— С Сарой няня...

Дэвенпорт спал беспокойно: его ноги подергивались, кулаки сжимались и разжимались. Дженнифер прижималась к его голой спине, упираясь лбом ему в затылок, по ее щекам бежали слезы. Она ощущала чужой запах. Он не принадлежал ей и не мог появиться из-за того, что Лукас сидел рядом с другой женщиной. У него был контакт. Долгий контакт. Она лежала без сна с мокрыми щеками, а Лукасу снился холодный ободок ствола дробовика около уха и Ларри Харт, падающий вниз по крутому берегу Миссисипи. По реке медленно скользили баржи, их капитаны не замечали света, льющегося на холм над ними...

Сэм Ворон бушевал, а Аарон молча сидел в кресле, купаясь в мерцающем свете экрана телевизора. Фотографии Тени Любви показывали по всем каналам, в фас и профиль, не забыли и о его татуировках.

— Проклятый мальчишка нас погубит! — выкрикнул Сэм и наклонился над Барбарой, которая была так напугана, что могла лишь мять в руках влажное полотенце, делая вид, что вытирает тарелки. Ее сотрясали рыдания.

— Черт тебя подери, как ты могла ему помогать?

— Я не хотела, — всхлипнула она. — Я не знала...

— Ты знала, — прорычал Сэм. — Неужели ты рассчитывала, что он поздравит его с Рождеством?

— Я не догадывалась...

— Где ты его высадила?

— Он вышел возле Лоринг-Парка...

— И куда направился?

— Я не знаю... Он сказал, что вы не захотите, чтобы он был с вами. Он заявил, что должен работать один...

— Будь я проклят, — сказал Сэм. — Будь я проклят...

На пороге появился Аарон.

— Иди сюда и посмотри.

Сэм последовал за ним в гостиную. В последние полчаса репортажи из Миннеаполиса следовали один за другим: со склона холма, на котором нашли тело Харта, из кабинета шефа полиции, из мест, где проживали индейцы. У прохожих брали интервью на улице. Ротенберг мелькала в толпе с полицейским жетоном на куртке. Люди беседовали с ней, камера показывала их лица крупным планом.

Теперь на экране появилось новое изображение. Комната со светло-голубыми стенами. Государственный флаг. Подиум с американским орлом, множество микрофонов, мужчина в сером двубортном костюме с платочком в кармане пиджака.

— Клей, — сказал Аарон.

— ...Террористическая группа начала наносить удары по собственному народу. Это не делает их менее опасными, но я надеюсь, что теперь индейцы поймут, что убийцы думают о них ничуть не больше, чем о белых...

И немного позже:

— ...работал с индейцами в течение всей своей карьеры, и я прошу своих старых друзей из всех индейских племен звонить к нам в ФБР, если у вас появится любая информация об экстремистах...

И еще:

— ...меня будет сопровождать отряд из сорока специалистов, мужчин и женщин, собранных со всей страны, которые покончат с группой террористов. Мы будем оставаться в Миннесоте до тех пор, пока успешно не завершим дело. Наш отряд поддерживает постоянную связь с вашингтонским центром...

— Лоуренс Дабервилль Клей, — почти с благоговением сказал Сэм, не спуская глаз с экрана телевизора. — Поторопись, негодяй...

— Там кто-то есть, — крикнула Барбара из кухни, в ее голосе слышался страх. — Кто-то стоит на крыльце.

Зазвенел звонок. Аарон поспешил в спальню и вернулся со старым «кольтом» сорок пятого калибра. Звонок повторился, затем входная дверь распахнулась. Темная фигура с короткими волосами и черными глазами; Ворон, прижавшийся к стене коридора, сначала подумал, что это Тень Любви, но мужчина был слишком крупным...

— Лео! — радостно воскликнул Аарон. Улыбка озарила лицо старика, и он опустил пистолет. — Сэм, это Лео. Лео вернулся домой.

— Ты спишь с этой женщиной из Нью-Йорка, Лили.

Они завтракали, и Дженнифер не сводила с него глаз. Лукас держал стакан с апельсиновым соком и смотрел в него так, словно рассчитывал найти там ответ. В другой руке у него была газета. На первой странице выделялся заголовок: «Вороны убили полицейского».

«Он не был копом», — подумал Дэвенпорт.

Потом он оторвал взгляд от стакана, посмотрел на газету и кивнул.

— Да.

— И ты намерен это продолжать?

Лицо Дженнифер было бледным, усталым, а голос тихим и хриплым.

— Я ничего не могу с собой поделать, — ответил он, не глядя на нее.

Он покрутил в руке стакан с соком.

— И это... надолго? — спросила она.

— Я не знаю.

— Посмотри на меня, — сказала журналистка.

— Нет.

Он не поднимал глаз.

— Ты можешь заезжать, чтобы общаться с ребенком, но сначала ты должен позвонить. Теперь это будет раз в неделю. Я прекращаю наши сексуальные отношения и не хочу тебя видеть. Сару будешь навещать по субботам, когда приходит няня. После того как Лили вернется в Нью-Йорк, мы поговорим. Тогда и решим, на каких условиях ты будешь встречаться со своей дочерью.

Теперь он посмотрел на Дженнифер.

— Я люблю тебя.

У нее на глазах появились слезы.

— Все это уже между нами было. Знаешь, как я себя чувствую? Я кажусь себе жалкой. А мне это не нравится. И я не стану с этим мириться.

— Ты совсем не жалкая. Когда я на тебя смотрю...

— Мне на это наплевать. Как и на то, что видят другие. Я становлюсь жалкой в собственных глазах. Так что проваливай, Дэвенпорт.

Когда Дженнифер ушла, Лукас некоторое время слонялся по дому, затем вернулся в спальню. Разделся и встал под обжигающий душ. Даниэль хотел, чтобы все его люди вышли на улицы, но, после того как Дэвенпорт вытерся, он постоял перед открытым шкафом, глядя на ряды брюк и рубашек, а потом забрался в постель и тут же заснул. Вороны, Лили, Дженнифер, ребенок, монстры из «Нарорга» смешались у него в голове. Периодически возникала улица перед квартирой Худа: он видел кирпичи, полицейского, ведущего переговоры, кусочек лица Лили, поднимающийся пистолет. И всякий раз картина исчезала, появлялось что-то другое.

В час позвонила Ротенберг. Он не стал брать трубку, а слушал ее голос, который зазвучал, когда включился автоответчик.

— Это Лили, — сказала она. — Я надеялась, что мы вместе позавтракаем, но ты не

объявился, и я не знаю, где ты, а мне ужасно хочется есть, и я иду в кафе. Если ты вернешься домой, позвони мне, мы можем вместе пообедать. Пока.

Он хотел подойти, но передумал и вернулся в постель. Через полчаса телефон зазвонил снова.

— Это Элла, как ты? Ты можешь мне перезвонить на работу?

Лукас снял трубку.

— Элла? Я здесь, — прохрипел он.

— Привет. Как дела?

— Отвратительно, — ответил Дэвенпорт.

— Снова сон про дробовик?

— Да, он возвращается. А иногда возникает посреди дня. Я ощущаю прикосновение стали.

— Классическая ретроспекция. Такое случается с пострадавшими во время пожаров, с теми, в кого стреляли, и у людей, перенесших тяжелую психологическую травму. Это пройдет, поверь мне. Держись.

— Я стараюсь, но мне страшно. Прежде ничего похожего со мной не случалось.

— Ты будешь играть в четверг вечером? — спросила монахиня.

— Не знаю.

— Приходи на полчаса раньше. Мы поговорим.

— Хорошо.

Постель была похожа на наркотик. Лукас не хотел в ней оставаться, но стоило ему опуститься на простыни, как он снова мгновенно заснул. В два часа, охваченный страхом, он резко сел, на спине выступил пот. Дэвенпорт посмотрел на часы.

Что? Ничего. Затем холодное кольцо ствола легонько ударило его под ухом. Лукас хлопнул по этому месту ладонью, и его голова упала на грудь.

— Прекрати, — сказал он себе, чувствуя, как со лба капает пот. — Прекрати это!

Лили снова позвонила в пять часов, но он не подошел. В семь часов телефон снова ожил.

— Андерсон, — раздался голос в автоответчике. — У меня кое-что есть...

Дэвенпорт взял трубку.

— Я слушаю, — сказал он. — О чем речь?

— Хорошо. Ой, подожди, Лукас...

Он услышал, как шуршит бумага в принтере.

Собеседник был возбужден. Дэвенпорт представил, как он просматривает свои записи. Иногда Андерсон говорил и вел себя как стареющий безграмотный крестьянин. Несколько месяцев назад он акционировал свой частный компьютерный бизнес, и Лукас подозревал, что очень скоро Андерсон разбогатеет на программном обеспечении полиции.

— Я вошел в досье Ларри — ты помнишь, он создал историю семей сиу Миннесоты, теперь она находится в городской базе данных?

— Да, помню.

— Так вот, я изучал всех Воронов. Они довольно старые — их не так уж много в Миннесоте. Я попросил секретаршу внести имена из досье Ларри в мой компьютер, чтобы произвести сортировку...

— О чем ты?

— Слушай. Она напечатала список. А потом я запросил в городском архиве всех женщин с именем Любовь, у которых родились дети между тысяча девятьсот сорок пятым и шестьдесят пятым годами. Ты сказал, что Тень Любви выглядит лет на тридцать с небольшим...

— Да.

— Я скопировал всех. Их оказалось очень много, больше четырех сотен. Я исключил всех девочек. Осталось сто девяносто семь. Тогда я ввел в компьютер имена отцов...

— Сравнил с генеалогическим деревом...

— Верно. Я проработал примерно половину списка, когда нашел Розы Э. Любовь. Мать Бэби Бой Любви. У ребенка не было имени, но такие вещи случались. Вот послушай. Я не знаю, как она это сделала, но она сумела внести имена двух отцов.

— Любопытно...

— Аарон Сандерс и Сэмюэл Клоуз.

— Дерьмо, Аарон и Сэм — это, наверное...

— А в графе «национальность» написано: «другое». Дело происходило в пятидесятые годы, а потому можно предположить, что это индеец. И все они есть в генеалогии Ларри. Внуки Ричарда Ворона. У Ричарда Ворона было две дочери, а когда они вышли замуж, Вороны прекратили свое существование. Мы получили Сэма Сандерса и Аарона Клоуза — готов поставить левую руку, что это настоящие имена Воронов.

— Черт побери, Хармон, это просто потрясающе! А ты пробовал...

— У каждого из них имеются права штата Миннесота, но они их получили еще до того, как на правах появились фотографии. Последние выписаны на имя Сандерса в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. Я позвонил в Южную Дакоту, но у них уже закончился рабочий день. Я сказал, что у меня срочное дело, но дежурный меня послал. Тогда я обратился к федералам, и они вышли на того парня из Южной Дакоты. И теперь он сам идет далеко... В общем, он сделал запрос. Они проверяют архивы. Думаю, там найдется что-нибудь полезное...

— А как насчет Национального информационного реестра преступлений?

— Мы уже туда обратились.

— Нужно проверить судебные дела в Миннесоте и все, что есть на дакота в федеральных архивах. Свяжись с ФБР. У них имеются сведения на всех неблагонадежных в резервациях...

— Да, я это уже сделал. Если Вороны находились под следствием десять или пятнадцать лет назад, то Национальный реестр выдаст эту информацию. ФБР обещало войти в контакт с Федеральным управлением тюрьмами, чтобы проверить более ранний период.

— А как обстоит дело с автомобилями? Кроме их грузовичка? — спросил Лукас.

— Ищем. Сомневаюсь, что они оставили машину на улице, но кто знает?

— А есть ли надежда, что Розы Любовь все еще жива?

— Нет. Я проверил свидетельства о смерти. Она погибла в семьдесят восьмом году во время пожара. Считается, что это был несчастный случай. Дом находился в Аптауне.

— Вот черт!

Дэвенпорт потянул себя за нижнюю губу и попытался придумать еще какой-нибудь способ получения данных.

— По старым городским справочникам я проследил за ее перемещениями в пятидесятых годах, — продолжал Андерсон. — И нашел адрес в книге за тысяча девятьсот

пятьдесят первый год. Затем два года о ней нет сведений, а в пятьдесят четвертом Роза появляется снова. В следующем году она переезжает в Аптаун. И живет там до самой смерти.

— Хорошо, все это просто замечательно, — сказал Лукас. — Ты говорил с шефом?

— Телефон у него дома не отвечает. Поэтому я позвонил тебе. Я должен был рассказать кому-нибудь. Я был в шоке, когда все эти сведения высыпались из компьютера — бум-бум-бум, — как в телевизионном шоу.

— Достань для нас хоть какие-нибудь снимки, Хармон. Мы передадим их в газеты — пусть все увидят эти лица.

Открытия Андерсона вызвали у Дэвенпорта прилив энергии. Он принялся расхаживать по дому, все еще не одеваясь. Если они сумеют обнародовать фотографии Воронов, то их очень скоро найдут. Они не смогут прятаться вечно. Имена ничего не значат. А снимки...

Полчаса спустя Лукас снова оказался в постели и провалился в сон. В последний момент он успел подумать: «Значит, вот как это — быть психопатом».

— Лукас?

Звонила Лили.

— Да.

Он посмотрел на кровать. На простыне остались влажные следы от его тела. Сны продолжали сниться ему до самого утра — он проснулся немногим позже семи. Он подошел к окну, поднял штору, и в комнате сразу стало светло. Через мгновение позвонил телефон.

— Господи, где ты вчера был? — спросила напарница.

— Уходил и возвращался, — солгал Дэвенпорт. — В общем, я попытался получить сведения от своих осведомителей. Среди них нет индейцев, но они много времени проводят на улице...

— Удалось узнать что-нибудь полезное?

— Нет.

— Даниэль в ярости. Ты пропустил дневное совещание.

— Я с ним поговорю, — зевнув, обещал Лукас. — Ты уже завтракала?

— Я только что встала.

— Тогда подожди меня. Я приведу себя в порядок и заеду за тобой.

— Сначала включи телевизор. Восьмой канал. Но поторопись.

— А что передают?

— Иди и посмотри сам, — сказала Лили и повесила трубку.

Дэвенпорт нажал кнопку. Показывали пресс-конференцию Лоуренса Дабервилля Клея в аэропорту.

— ...будем сотрудничать с местными властями и полицейскими... рассчитываем получить результаты в самое ближайшее время...

— Чушь собачья. Местные власти, — пробормотал Лукас, глядя в телевизор.

Камера взяла общий план, и он заметил телохранителей. Их было не меньше полудюжины: профессионалы в светлых легких костюмах, с одинаковыми булавками на лацканах, они стояли спиной к Клею и не сводили глаз с толпы.

— Думает, что он президент...

Сердце Лукаса подпрыгнуло, когда он увидел, как Лили выходит из лифта. Ее лицо.

Походка. То, как она поправила челку и улыбнулась, когда его увидела...

Андерсон приготовил стопку документов для утреннего совещания. Из Южной Дакоты прислали досье на Сандерса и Клоуза. На правах имелись фотографии, недавние, но плохого качества. А когда их настоящие имена пропустили через компьютеры Национального реестра преступлений, удалось получить немало ссылок, в том числе с отпечатками пальцев. После этого эксперты довольно быстро установили, что Сандерс и Клоуз были теми самыми людьми, которых полиция едва не арестовала в Миннеаполисе. Кроме того, утром прибыли фотографии Воронов, которые разослали во все полицейские участки, ФБР и средства массовой информации.

— Пресс-конференция в одиннадцать часов, — сказал Даниэль. — Я покажу портреты Воронов.

— Скоро мы получим новые документы из ФБР, — заявил Андерсон. — Пятнадцать лет назад Сандерс сидел в федеральной тюрьме. Он стрелял в человека в Роузбаде, тот получил ранение. Ворон провел за решеткой год.

— Андретти-старший готов выплатить награду за информацию о местонахождении экстремистов. И в его планы не входит их арест. Он платит за адрес, — сказал Даниэль и посмотрел на Лукаса. — Желательно, чтобы средства массовой информации узнали об этом... неофициально. Я готов все подтвердить, но мне бы не хотелось говорить, что за их головы назначена награда. Я намерен держать дистанцию. Иначе получится, что я спустил всех собак на индейцев. Нам ведь жить с ними дальше.

Дэвенпорт кивнул.

— Хорошо. Я могу это устроить. Парень с ТВ-три задаст вопрос на пресс-конференции.

Даниэль стал листать копии досье.

— Они не совершали серьезных преступлений. Все по мелочи. А теперь такое.

— Но взгляните на общую тенденцию, — сказала Лили. — Все правонарушения необычны. Вороны не ломали автоматы с кока-колой, не занимались мелкими кражами. Как сказал Ларри, они были организаторами.

В досье перечислялись мелкие нарушения закона, за исключением стрельбы, из-за которой Сандерс отсидел срок. По большей части речь шла о причинении вреда на ранчо, незаконном применении огнестрельного оружия, угрозах.

Последнее обвинение было предъявлено Сандерсу шесть лет назад, когда его арестовали за вторжение в чужие владения. На него была подана жалоба за проникновение в частные владения и порчу бульдозера. Он не признал, что повредил бульдозер, но заявил, что фермер проложил дорогу через кладбище дакота.

Папка Клоуза была не такой толстой, как у Сандерса. По большей части ему предъявлялись обвинения в дурном поведении, тунеядстве и бродяжничестве еще в те времена, когда это считалось нарушением закона. Кроме того, в досье говорилось о том, что Ворона подозревали в серии ограблений в домах правительственных чиновников, но улик оказалось недостаточно.

На отдельном листке прилагался отчет ФБР о предполагаемом участии Сандерса и Клоуза в осаде Вундед-Ни.^[30] Впрочем, когда все закончилось, Воронов там не оказалось.

— Складывается впечатление, что они создали глубоко законспирированную организацию еще в шестидесятых годах или даже в сороковых, — сказала Лили, заглядывая в досье из-за плеча Лукаса.

Прядь ее волос щекотала его ухо. Он слегка приблизился к ней, чтобы ощутить ее запах. Он еще не успел рассказать Лили о Дженнифер. Мысль об этом его смущала.

— «Стар трибьюн» сегодня написала, что это первый случай, когда мы столкнулись с непримиримыми местными террористами, — сказал Лукас.

— Они взяли это из «Таймс», — уточнила Лили, — «Таймс» напечатал редакционную статью в пятницу.

Даниэль мрачно кивнул.

— Когда они доведут до конца то, что задумали с самого начала, будет еще хуже. Думаю, нас ждет нечто очень серьезное.

— Неужели... что-то вроде аэропорта? — спросил Андерсон.

— Что? — удивился Слоун.

— Ну, вы знаете, как палестинцы. Если вы хотите привлечь внимание, то лучше всего устроить стрельбу в аэропорту или взорвать самолет...

— О господи, — сказал Даниэль, пожевал нижнюю губу, а потом встал и обошел свой письменный стол. — Если мы обратимся к авиакомпаниям и предложим ввести дополнительные меры безопасности, они будут возмущены. И прежде всего набросятся на меня.

— Когда мы их не предупредим и что-то произойдет...

— А что, если просто поговорить с их службами безопасности, намекнуть ФБР направить туда несколько агентов под прикрытием? — предложил Слоун.

— Неплохая мысль, — ответил шеф, вновь усаживаясь на свое место. Он посмотрел на Андерсона. — Ты действительно думаешь, что...

— Нет, — ответил тот.

— Согласен с тобой. До сих пор они убивали тех, кто что-то символизировал. Терракт в аэропорту, где много невинных людей, ничего не докажет.

— А как насчет Управления по делам индейцев? — спросил Дэвенпорт. — Многие индейцы, которые придерживаются прежних традиций, ненавидят УДИ.

— А это мысль, — прищурившись, заметил Даниэль. — Организация, а не отдельная личность... Естественный следующий шаг, когда ты выступаешь против тех, кого считаешь своими угнетателями. Пожалуй, я поговорю с ФБР. Пусть они направят своих агентов в офис УДИ.

— Подождите минутку, — сказал Лукас. Он встал, обошел вокруг своего стула, взглянул на шефа и сказал: — Боже мой, а вдруг это директор ФБР?

Все задумались, а потом Даниэль покачал головой.

— Все, что они до сих пор делали, было тщательно спланировано. А о том, что Клей сюда приедет, стало известно только пару дней назад.

— Нет-нет, подумайте как следует, — не сдавался Дэвенпорт, наставив палец на шефа. — Посмотрите, как все развивается... Можно предположить, что они постарались заманить сюда Клея. Угроза терроризма, реклама... Именно то, что должно было привлечь его.

— Но это уж слишком, — возразил Даниэль. — Они не могли быть уверены, что он приедет. Можно убить с полдюжины людей и потерять всех своих боевиков, а директор ФБР останется сидеть в Вашингтоне.

— И почему им нужен Клей? — спросил Слоун.

— Потому что его смерть будет иметь большой резонанс, а индейцы плохо к нему

относятся, — сказала Лили. — Вы помните ссору в Аризоне между двумя фракциями в резервации? Я забыла подробности...

— Он отправил туда агентов, чтобы самым жестким образом навести порядок, — напомнил Андерсон.

— Если я не ошибаюсь, в «Таймс» была статья, где говорилось, что у Клея в прошлом нередко возникали стычки с индейцами. Он их не любит... — заметил Дэвенпорт.

— Воронам до него не добраться, — сказал Слоун. — У него много телохранителей — сегодня утром их показали по телевизору. Если террористы попытаются проложить себе дорогу мимо них... эти парни вооружены «узи».

— Нужно лишь посадить на крышу стрелка с карабином для охоты на оленей, — возразил Лукас.

— Черт возьми, — проворчал Даниэль и стукнул по столу ладонью. — Мы не можем так рисковать. Стоит поговорить с людьми из охраны Клея и направить наших агентов в его отель, на крыши, в гараж. Полицейских в штатском. Этот парень для нас будет настоящей проблемой.

— Нам следует осмотреть гостиницу, — сказал Дэвенпорт, который продолжал расхаживать по кабинету, размышляя вслух.

Все сходилось, но как Вороны смогут добраться до директора ФБР?

— Нужно поискать слабые места в системе безопасности.

— Я все-таки не считаю, что это Клей. Они не могли спланировать его появление, — не согласился шеф. — Думайте. Я хочу услышать другие идеи.

Они закончили совещание, но за десять минут до начала пресс-конференции глава департамента собрал их снова.

— У меня мало времени, и я не стану слушать ваши возражения. Я поговорил с людьми Клея и мэром. Директор ФБР прибудет сюда и сделает заявление о Воронах. И передаст прессе их фотографии.

— Будь он проклят, — прорычал побледневший Андерсон. — Это наша работа...

— Не переживай, Хармон. Здесь очень многое происходит...

— Они купили у нас эту информацию? — резко спросил Андерсон. — А что выигрываем мы?

— Ты не поверишь, — Даниэль удовлетворенно улыбнулся, развел руки и посмотрел в потолок, словно с небес уже начала падать манна. — Мы получим новый Центр переработки информации на Среднем Западе. Все в режиме онлайн.

— Вот это да, — прошептал Хармон. — А я думал, что центр будет в Канзас-Сити.

— Он будет здесь. Мы заключим сделку прямо сейчас.

— Наш собственный Крэй-П, ^[31] — сказал Андерсон. — Самая лучшая машина...

— Какая ерунда, — сказала Лили.

— Давайте оставим наше мнение при себе, — предложил Даниэль. — После пресс-конференции Клей хочет поговорить с командой. Полагаю, он намерен произнести зажигательную речь.

— Какая ерунда, — повторила женщина.

— Вы сообщили ему, что он может оказаться мишенью? — спросил Лукас.

— Да, — кивнув, ответил Даниэль. — Он согласился, что это маловероятно, но не стал возражать, когда я предложил поставить полицейских на зданиях вокруг отеля. И его люди

ищут слабые места в системе безопасности.

Четверо агентов прибыли раньше Клея. Один ждал возле входа в муниципалитет, куда должна была подъехать машина директора ФБР. Остальные трое, в сопровождении полицейского, прошли по коридорам до помещения, отведенного для пресс-конференции. Лукас и Лили, стоя у входа в зал, наблюдали за ними. Двое фэбээровцев остановились в шаге от них.

— Полицейские офицеры? — спросил один из них.

— Да, — ответил Дэвенпорт.

— Есть документы?

Лукас пожал плечами.

— Конечно.

— Я бы хотел на них взглянуть, — вежливо сказал один из агентов, но его глаза оставались холодными.

Лукас посмотрел на Лили, она кивнула и вытащила жетон. Дэвенпорт протянул удостоверение.

— Хорошо, — все так же вежливо сказал фэбээровец. — Не могли бы вы показать нам других сотрудников в штатском?

Они действовали быстро и профессионально. Когда машина директора приехала, он вышел из нее один, но двое агентов стояли по разные стороны от двери. Мэр приветствовал Клея у машины, и они направились в здание муниципалитета, беседуя как добрые друзья. Если репортеры и заметили, что мэра и Клея со всех сторон окружили телохранители, они оставили свои наблюдения при себе.

Клей и Даниэль провели пресс-конференцию вместе, а сзади стоял сияющий мэр. Андерсон и агенты ФБР раздали фотографии подозреваемых.

— Через час Вороны не смогут выйти на улицу, — сказал Дэвенпорт, когда пресс-конференция закончилась.

— Мы показали снимки Тени Любви, но это ни к чему не привело... — возразила Лили, когда он сел в машину рядом с ней.

— Кольцо сжимается. Со временем наши действия обязательно дадут результаты.

— Может быть. Остается надеяться, что они не успеют устроить еще чего-нибудь. Нам нужно не опоздать в кабинет Даниэля на встречу с Клеем.

Слоуну, Дэвенпорту, Лили, Андерсону, Делу и полудюжине других полицейских пришлось подождать десять минут, прежде чем появились шеф, мэр, Клей с двумя телохранителями и шесть агентов ФБР.

— Это ваше шоу, Ларри, — сказал глава департамента.

Клей кивнул, встал за письменным столом Даниэля и оглядел собравшихся. «Он выглядит как спортсмен, переставший поддерживать форму, — подумал Лукас. — Его нельзя назвать толстым; пожалуй, больше подошло бы слово „грузный“».

— Я всегда любил общаться с полицейскими на местах, в особенности в серьезных ситуациях, когда все зависит от того, насколько успешным будет наше сотрудничество. Я провел несколько лет на улицах в качестве патрульного — дослужился до сержанта... — начал директор ФБР, кивнув сержанту, который стоял в углу.

Клей был умелым оратором, он переводил глаза с одного полицейского на другого,

стараясь заручиться поддержкой каждого. Лили бросила быстрый взгляд на Лукаса, когда Клей смотрел в другую сторону, и улыбнулась.

— Хорошая техника, — прошептала она.

Дэвенпорт пожал плечами.

— ...огромный опыт общения с индейцами, и вот что я вам скажу: их законы отличаются от наших, они лишены логики и рациональности, характерных для прогрессивного общества. Это заявление — а я бы не хотел, чтобы оно вышло за пределы данного кабинета, — не свидетельствует о моей предубежденности, хотя его можно трактовать и таким образом. Речь идет о неопровержимых фактах, большинство индейцев с этим соглашается. Но в Америке не может быть разных законов. Наши законы распространяются на всех...

— Хайль Гитлер, — пробормотал Лукас.

Когда все закончилось, Клей быстро вышел из здания в окружении телохранителей.

— Давай посмотрим на его отель, — предложил Дэвенпорт.

— Хорошо, — согласилась Лили. — Впрочем, у меня стали возникать сомнения — у него работают отличные ребята.

Начальником службы безопасности Клея был неприметный человек со светлыми глазами, который очень напоминал обычного клерка, пока не начинал двигаться. Тогда он больше всего походил на готовую к нападению змею.

— Мы все держим под контролем, — сказал он, когда полицейские представились. — Но если вы полагаете, что сумеете найти слабые места, я с радостью вас проведу по отелю.

— Почему? — спросил Лукас.

— Простите?

— Почему вы будете счастливы это сделать, если все держите под контролем?

— Я никогда не считал себя самым умным парнем на свете, — заявил начальник службы безопасности. — Я всегда могу научиться чему-нибудь новому.

Дэвенпорт с минуту смотрел на него, а потом повернулся к напарнице.

— Ты права, они знают свое дело.

Тем не менее они поднялись на четырнадцатый этаж, где остановился директор ФБР. В городе существовали и более высокие здания, но они находились не ближе чем в полумиле.

— Через окно они его не снимут, — сказал мужчина.

— А если они что-то придумали заранее? Ведь Клей уже бывал в этом отеле?

— Например?

Лукас пожал плечами.

— Бомба в лифте?

— Мы все осмотрели, обычная рутина, — ответил начальник охраны.

— А если они готовы на самоубийство? Вороны безумны...

— Мы проверили персонал: ни одного индейца. Да и в прошлом ни у кого нет ничего предосудительного. Большинство работает здесь уже давно. Есть несколько новичков среди администраторов и на кухне, но мы проследим за ними, когда босс будет приходить и уходить... Кроме того, перед тем как он должен появиться в вестибюле, мы тщательно проверяем все вокруг. Он движется быстро, нигде не задерживаясь, и без всякого графика. Так что мы выберем момент, когда на улице никого не будет.

— Хм, — протянул Дэвенпорт.

Когда они спускались в лифте, Лукас спросил:

— А можно ли забраться на кабину лифта в подвале или с крыши, а потом проехать на нем до нужного этажа?

Начальник службы безопасности позволил себе слегка улыбнуться.

— Я не буду говорить на эту тему, — сказал он, бросив взгляд на Дэвенпорта. — Но если ответить одним словом, то нет.

— Вы поставили на лифтах охранную сигнализацию, — предположила Лили.

Фэбээровец пожал плечами. Лифт остановился на третьем этаже. Вошла пожилая женщина в меховой накидке, близоруко посмотрела на подсвеченную панель управления и после некоторых колебаний нажала на кнопку второго этажа. Когда двери начали закрываться, официант прокатил мимо тележку — обслуживание в номерах.

— Как насчет изменения внешности? — спросил Лукас, когда пожилая леди вышла. — Если кто-то переоденется в немолодую женщину...

— Металлодетекторы определяют пистолет.

— Оружие можно спрятать на третьем этаже. Подняться туда на лифте, взять его и поехать на четырнадцатый этаж...

Начальник службы безопасности вновь пожал плечами.

— Это чистые фантазии. После того как они окажутся на четырнадцатом этаже, им придется иметь дело с тремя хорошо подготовленными агентами. Да и сам босс вооружен и умеет пользоваться пистолетом.

Дэвенпорт кивнул.

— Хорошо. Но у меня остается плохое предчувствие.

Полицейские расстались с начальником охраны в вестибюле и направились к двери. Они собрались выходить, когда Лукас сказал:

— Подожди минутку.

Он вернулся обратно и спросил у фэбээровца:

— Как официант с тележкой попал на третий этаж?

Тот посмотрел на полицейских, а потом на лифт.

— Давайте выясним, — предложил начальник службы безопасности.

— Кухонный лифт, — сказал им повар.

Он указал на альков, где находился вход.

Фэбээровец оглядел лифт, а потом повара и Лукаса.

— А может ли на этом лифте подняться человек? — спросил он.

— В общем... иногда парни так делают, — сказал повар, нервно отводя взгляд.

— Что значит «иногда»?

— Видите ли, если у нас много заказов, боссу не нравится, когда официанты часто ездят в лифтах вместе с клиентами. Персонал должен подниматься по лестнице. Но если нужно попасть на десятый этаж...

— Как часто они пользуются кухонным лифтом? — спросил начальник службы безопасности.

— Послушайте, я не хочу, чтобы у кого-то были неприятности...

— Мы никому не скажем ни слова, — обещала Лили.

Повар вытер руки о фартук и сказал, понизив голос:

— Каждый день.

— Вот черт! — пробормотал начальник охраны.

— Что ж, — резюмировал фэбээровец. — Самоубийственная акция. Они попадают в отель через служебный вход. Звонят в звонок. Кто-то из служащих открывает дверь. Вороны суют пистолет ему в живот. Один из них остается на кухне, а остальные, по одному, поднимаются на четырнадцатый этаж в кухонном лифте. У них автоматические пистолеты или дробовики. Террористы проверяют коридор — возможно, просто выглядывают или используют маленькое зеркальце... выходят и разбираются с двумя агентами. Остаются один телохранитель и босс. Они выбивают дверь номера при помощи дробовика — два или три автомата против двух пистолетов...

— Весьма вероятный сценарий, — заметила Лили.

На сей раз Лукас покачал головой.

— Мне это кажется сомнительным...

— Вороны слишком непредсказуемы, — проворчал начальник охраны. — Вот что мы сделаем: поставим на кухне монитор. И если они придут, мы их схватим.

— Ловушка, — сказала Лили.

— Правильно. А сейчас, извините, мне нужно поговорить с боссом. И большое вам спасибо.

Дэвенпорт потряс головой, стоя на тротуаре возле отеля.

— Мы нашли слабое место, но Вороны не станут так действовать.

— И чего же от них ждать?

— Я не знаю.

В машине Лили посмотрела на часы.

— Давай обсудим разные возможности во время ланча.

— Конечно. Хочешь заехать ко мне? — спросил Лукас.

Напарница с любопытством посмотрела на него.

— Это что-то новенькое, — сказала она. — Что случилось?

— Дженнифер...

— ...догадалась, — закончила она, откидываясь на спинку сиденья. — Ясно. Она вышвырнула тебя вон?

— Вроде того, — кивнул Дэвенпорт.

Он завел двигатель и выехал с парковки.

— Ты не думаешь, что она может позвонить Дэвиду? — с беспокойством спросила Лили.

— Нет. Нет, она не станет так поступать. Она и сама ложилась в постель с женатыми мужчинами — я знаю некоторых из них, — но никогда не пыталась поговорить с их женами. Она не станет разбивать чужой брак.

— Мне как-то не по себе, — сказала Лили. — И теперь я понимаю, почему у тебя такой несчастный вид. Я смотрела на тебя в кабинете Даниэля — и у меня возникло ощущение, что ты похоронил любимого пса.

— Да. Все дело в Джен и в этом проклятом расследовании. Ларри убит, его попросту казнили. И я оказался совершенно бесполезным. У меня возникло отвратительное чувство, ты понимаешь? Когда происходит нечто важное — наркотики и азартные игры, подделки кредитных карт, ограбления, — у меня есть соответствующие контакты. Даниэль приходит

ко мне и просит: «Проверь свою сеть. На прошлой неделе на юго-востоке города произошло тридцать шесть ограблений, все по мелочи, стереосистемы и телевизоры». Я иду и беседую со своими осведомителями. В большинстве случаев мне удается выяснить, что происходит. Я прижимаю игрока, тот направляет меня к скупщику краденого, а от него тянется ниточка к наркоману, и мне удается расколоть всю организацию. Но здесь... я ничего не сумел узнать. Если бы они были обычными преступниками, я бы их нашел. Наркоманы нуждаются в наркотиках, а потому их легко отыскать на улицах. Грабителям и мошенникам необходимы скупщики краденого. А кто нужен этим парням? Старый друг. Возможно, бывший университетский профессор. Или радикал из шестидесятых. Или какой-нибудь ненормальный с правыми взглядами. Индеец или белый. Проклятье, кто это может знать? Я прожил всю жизнь в этом городе и большую часть времени провел рядом с индейцами, но никогда их по-настоящему не замечал. Я знаком с некоторыми, но только из-за того, что они занимаются наркотиками, или принимали участие в ограблениях, либо я что-то покупаю в их магазинах. Но в моей сети нет индейцев. У меня есть осведомители среди черных. И белых. Имеются даже ирландцы. Но про индейцев я ничего не знаю.

— Перестань себя винить, — сказала Лили. — Ты получил наводку о волнениях на Беар-Бате и нашел фотографию, по которой я сумела опознать Худа.

— А потом он скрутил меня, как барана, и едва не вышиб мозги...

— Ты сообразил, как нажать на жену Лисса, и мы получили имена Воронов. Ты хорошо справляешься со своей работой, Дэвенпорт.

— Мне просто повезло, но настоящего результата добиться не удалось, — проворчал он, глядя на напарницу. — Так что перестань меня подбадривать.

— А я и не собираюсь, — весело заявила она. — Нам действительно нечему радоваться. На самом деле, если нам не улыбнется удача, мы сядем в лужу.

— Не совсем, — возразил Лукас, переключая передачу и проскакивая светофор почти на красный свет. Он прикоснулся к ее бедру. — Но кто знает, что будет с нами через час?

Лили расхаживала по дому, как потенциальный покупатель, проверяя каждую комнату. Один раз Дэвенпорту даже показалось, что она принимает. Он усмехнулся, ничего не стал говорить и вытащил из холодильника две бутылки пива.

— Совсем неплохо, — сказала она, поднимаясь по лестнице из цокольного этажа. — Где ты раздобыл такой старый сейф?

— Я храню в нем оружие, — ответил Лукас, протягивая ей пиво. — Мне удалось купить его по дешевке, когда в Сент-Поле сносили железнодорожную кассу. Шестеро грузчиков с трудом занесли его по лестнице. Я даже боялся, что ступеньки не выдержат такого веса.

Она сделала глоток пива и спросила:

— Когда ты пригласил меня на ланч...

— Да?

— ...ты предполагал, что готовить буду я?

— Конечно нет, — сказал Лукас. — У тебя даже есть выбор. Салат из пасты с сыром или салат с куриным белым мясом, с кусочками авокадо, майонезом, зеленым луком и перцем.

— Серьезно?

— Фэбээровцы устроили настоящий цирк на углу Франклин-авеню и Лейк-стрит, —

сказала Лили, с аппетитом поглощая салат. — Теперь, когда Клей в городе, они заполонили все вокруг.

— Кретины, — проворчал Дэвенпорт. — У них нет никаких связей, люди их ненавидят, двадцать четыре часа в сутки они путаются в собственных штанах...

— Да, и они ходят стаями, — согласилась Лили, оторвалась от куриного салата и сказала: — Потрясающе вкусно. Да и паста выглядит неплохо...

— Хочешь попробовать?

— Если только совсем немного.

После ланча они перешли в кабинет, Лили вытащила один из блокнотов Андерсона и принялась его изучать. Они выпили еще по бутылке пива, Лукас положил ноги на подушечку и задремал.

— Здесь тепло, — через некоторое время сказала Лили.

— Да. Я посмотрел на термометр снаружи — всего два градуса — и включил отопление.

— Да, на улице холодно, — согласилась женщина, — но вокруг так красиво, что на это не обращаешь внимания. Солнце светит...

— Верно.

Он зевнул и снова задремал, а когда приоткрыл глаза, то увидел, что Лили стаскивает свитер.

«У нее удивительно нежный профиль», — подумал Дэвенпорт. Он смотрел, как Лили читает, покусывая нижнюю губу.

— В его записях ничего нет, — сказал он. — Я их уже просматривал.

— Но где-то должно быть.

— Мм.

— Почему Вороны убили Ларри? Они должны были понимать, что в политическом смысле это неудачный шаг. И в его убийстве не было необходимости — он не так уж сильно нам помогал.

— Этого они знать не могли. Он выступил по телевидению после рейда на квартиру Воронов... Возможно, они решили...

— Об этом я как-то не подумала, — призналась Лили. Потом она нахмурилась. — Вчера вечером меня также показали по телевизору. После того как убили Ларри.

— Может быть, сейчас лучше особо не высовываться, — заметил Дэвенпорт. — Эти парни ненормальные.

— Я все равно не понимаю, зачем было убивать Ларри, — сказала Лили. — Или другого индейца — Желтую Руку? Месть? Но в такой ситуации это лишено смысла, ведь они уничтожают представителей своего народа. И все только запутывают. Кстати, они не упоминали об этих двух убийствах в своих пресс-релизах...

— У меня нет никаких идей, — заявил Лукас. Но потом добавил: — Впрочем, это не совсем так. Одна идея у меня появилась...

— Какая?

— Мне кажется, нам пора отправиться в спальню.

Она вздохнула, печально улыбнулась и сказала:

— Лукас...

Когда они обсуждали это позднее, Лукас и Лили согласились, что в тот день все прошло спокойно. Они занимались любовью медленно и нежно, оба много смеялись, обсуждали свои карьеры и заработанные деньги, обменивались полицейскими историями. Получилось замечательно, им никогда не было так хорошо.

— Я решила, как буду вести себя с Дэвидом, — сказала она позднее, сев на краю постели и опустив ноги на пол.

— И что же? — спросил Дэвенпорт.

В этот момент он надевал трусы.

— Я ему совру, — сказала Лили.

— Соврешь?

— Да. Между нами происходит много хорошего. Он прекрасный человек. Привлекательный, с превосходным чувством юмора, он заботится обо мне и детях. Просто...

— Продолжай.

— С ним не возникает такой остроты, как с тобой. Но иногда я смотрю на него, и у меня встает комок в горле, и я не могу говорить. Я ощущаю такую... нежность. Я его люблю. Но такого острого чувства нет. Ты знаешь, о чем я говорю?

— Да.

— Прошлой ночью я об этом думала. Дэвенпорт — он большой и резкий и сначала беспокоится о себе. И он не спрашивает, все ли у меня хорошо, кончила ли я. Так в чем же дело, Лили? Неужели речь идет о красивых фантазиях с удачным изнасилованием?

— И к какому выводу ты пришла?

— Даже не знаю. На самом деле я ничего не решила. Но Дэвиду я буду лгать.

Лукас вытащил из шкафа свежее белье и сказал:

— Пойдем. Устроим тебе душ.

Она последовала за ним в ванную.

— Дэвид не стал бы так поступать, — сказала она уже в душе. — Ты... меня трогаешь. Твои руки... повсюду, и я... мне это нравится.

Лукас пожал плечами.

— Ты причиняешь себе боль. Ради бога, перестань говорить о муже.

Она кивнула.

— Да, ты прав.

Когда они вышли из душа, он вытер ее грубым полотенцем, начав с головы и спускаясь к ногам со стороны спины. Когда Лукас закончил, он сидел на краю ванны; обхватив Лили за талию, он притянул ее к себе, и она взъерошила его волосы.

— Господи, как ты замечательно пахнешь, — сказал он.

Она захихикала.

— Нам пора остановиться, Дэвенпорт. Я так долго не выдержу.

Они одевались очень медленно. Лукас закончил первым и улегся в постель, не спуская глаз с женщины.

— Труднее всего тебе придется в первые десять или пятнадцать минут, — неожиданно сказал он. — Если у тебя это получится, дальше все будет в порядке.

Она подняла глаза, и на ее лице появилось виноватое выражение.

— Я об этом не думала. Первая... встреча.

— Когда ты арестовываешь подростка, но у тебя еще нет уверенности, что это сделал он, — с тобой такое бывало? У него меняется лицо, когда он понимает, что ты из полиции.

И тогда ты уже не сомневаешься, что он виновен! Если ты не будешь осторожна, с тобой произойдет нечто похожее.

— О господи, — пробормотала Лили.

— Но если ты продержишься первые десять минут, будешь болтать всякую чепуху, чувство вины постепенно исчезнет.

— Голос опыта, — с едва заметной горечью сказала Лили.

— Боюсь, что так, — уныло признался он. — Даже не знаю. Я люблю женщин. Впрочем, я смотрю на Слоуна. Ты знаешь, даже жена называет его «Слоун». Но они все время смеются и разговаривают. Иногда я им завидую.

Лили села на кровать.

— Давай не будем об этом говорить, — попросила она. — В противном случае я слишком рано окажусь в могиле. Как Ларри.

— Бедный старина Ларри, — сказал Дэвенпорт. — Мне так жаль его.

Следующий день выдался солнечным. Лукас надел свой лучший синий костюм и выходное черное пальто из шерсти. Его напарница выбрала темный костюм с синей блузкой и твидовое пальто. Перед тем как они вышли из номера Лили в отеле, ТВ-3 начал вести прямой репортаж с похорон Ларри Харта. Прежде всего показали приезд Лоуренса Дабервилля Клея, который произнес в микрофон несколько дежурных фраз и вошел внутрь.

— Клей думает, что он президент, — сказал Дэвенпорт.

— Вполне может случиться, что через шесть лет так оно и будет, — ответила Лили.

Епископальная церковь была переполнена работниками отдела социального обеспечения, знакомыми индейцами и родственниками. Сначала несколько слов произнес Даниэль, затем выступил лучший друг Ларри, который называл его братом. Гроб оставался закрытым.

Движение по центральной части Миннеаполиса было остановлено на пять минут, чтобы пропустить похоронную процессию. Машины ехали бампер к бамперу по центру города в сопровождении полицейского эскорта на мотоциклах.

— Здесь лучше, — сказала Лили, когда они оказались на кладбище. — В церкви я всегда начинаю нервничать.

— Именно тут я тебя впервые увидел, — ответил Лукас. — Во время похорон Блуберда.

— Да. Теперь это кажется не случайным.

Надгробия были разбросаны на территории в двенадцать акров, все вокруг довольно сильно заросло кустарником, повсюду высились крупноплодные дубы. «Наверное, здесь жутковато лунными ночами, — подумал Лукас. — Дубы стоят, словно тени всадника без головы». К ним подошел Андерсон, чувствовавший себя неловко в черном костюме, в котором он походил на работника похоронного бюро.

— Здесь похоронена Роза Э. Любовь, — после короткой паузы сказал он.

— Вот как? Где ты узнал? — спросил Дэвенпорт.

— Нашел в старых досье коронера. Когда она умерла, ее родственников отыскать не удалось, поэтому они сделали запись на свидетельстве о смерти, где указали кладбище, на случай, если кто-нибудь будет ее искать.

— Ясно.

— И Блуберд тут же, — заметила Лили.

— Да.

Вскоре Андерсон отошел и смешался с другими посетителями кладбища. На некотором расстоянии держались съемочные группы всех местных телестанций и несколько представителей иностранной и национальной прессы. Полицейские полностью контролировали похороны, которые получились почти военными. Когда они передали американский флаг матери Харта, раздался торжественный салют.

После окончания службы Андерсон снова подошел к ним.

— Она здесь неподалеку.

— Кто?

— Розы Э. Любовь. В похоронном бюро мне дали распечатку.

Заинтересовавшись, полицейские последовали за Андерсоном. Примерно через сотню ярдов они оказались под ветвями старого дуба, в дюжине футов от кованой железной ограды кладбища.

— Хорошее место, — заметил Андерсон, глядя на мощные ветви дерева с листьями размером с ладонь, до сих пор не уступившими порывам ветра.

— Да.

Памятник содержался в идеальном порядке. На прямоугольной плите было высечено крупными буквами: РОЗИ. Э. ЛЮБОВЬ, а ниже, не так крупно, — МАТЬ. Дэвенпорт огляделся.

— Могила выглядит гораздо лучше, чем те, что ее окружают. Вам не кажется, что Тень Любви регулярно за ней ухаживает?

Андерсон покачал головой.

— Нет. Кладбища это не разрешают. Здесь царят отвратительные порядки. Я и моя старушка купили себе места два года назад. У них множество всяких планов, на которые можно подписаться. Заплати две тысячи долларов сейчас, и они будут всегда ухаживать за твоей могилой. Это называется «вечный план». Можешь включить его в свое завещание.

— Не слишком ли дорого? — спросила Лили. — Две тысячи долларов?

— Ну, они же обещают вечность, — усмехнулся Андерсон. — Когда наступит следующий ледниковый период, они поставят здесь парня с обогревателем...

— И все равно очень дорого.

— Если ты не в состоянии заплатить сразу, можешь делать это в течение года. По семьдесят пять или сто долларов.

— Как-то жутковато об этом думать, — сказал Лукас.

— Он не планирует умирать, — сообщила Лили Андерсону.

— Мне не хочется об этом напоминать, — сказал детектив, когда они уже отходили от могилы Розы, — но в жизни каждого человека наступает время...

Лукас обдумывал вопрос, который он собрался задать коллеге. Он уже открыл рот и вдруг ощутил за ухом прикосновение холодной стали дула дробовика. Дэвенпорт резко остановился, закрыл глаза, хлопнул себя по шее и глубоко вздохнул.

— Лукас? — спросила Лили. Она также остановилась и пристально вглядывалась в его лицо. — Что-то не так?

— Ничего, — после паузы ответил он. — Просто я немного замечтался.

— Господи, я думала, у тебя сердечный приступ или что-то в таком же роде.

Андерсон с любопытством на него смотрел, но Дэвенпорт покачал головой и взял Лили за руку.

Хармон свернул в сторону и быстро зашагал по склону к дорожке между могилами.

Лили и Лукас покинули кладбище через боковой выход, вдали от толпы.

Дэвенпорт так и не задал свой вопрос.

— Что ты собираешься делать? — спросила Лили у напарника.

— Пожалуй, мне нужно снова пообщаться с моими осведомителями, — сказал он.

Дэвенпорт вспомнил, что он солгал вчера, и решил, что может узнать у своих людей что-нибудь полезное.

— Хорошо. Ты подбросишь меня в отель? — попросила Лили. — Я собираюсь остаться в номере и изучить данные Андерсона. Возможно, немного пройду перед обедом.

— Я же тебе говорил, в этих записях ничего нет, — сказал Лукас. — Мы не найдем Воронов, перекладывая бумаги. Если они решили залечь, нам нужно разговаривать с людьми.

— Пожалуй, ты прав. Но где-то наверняка что-то есть. Имя. Место. Может быть, какие-то связи, оставшиеся еще со времени тюремного заключения...

День выдался холодным, но Лили с удовольствием подставляла лицо ярким лучам солнца. Она шла, слегка приподняв голову к небу, и сердце Лукаса билось быстрее, когда он шагал рядом, с восхищением поглядывая на нее.

Тень Любви наблюдал за Лукасом и Лили, припарковавшись в квартале от них.

Тень Любви украл фургон «вольво» с нижнего этажа большой парковки. Он поехал на кладбище и ждал на соседней улице, пока хоронили Харта.

Впрочем, его ожидания оказались недолгими: церемония прошла четко по расписанию. Кортёж въехал через главный вход, но Дэвенпорт и женщина из Нью-Йорка вошли на кладбище в боковые ворота. Все собрались на склоне холма и начали молиться. Индеец наблюдал за ними, наслаждаясь воспоминаниями о моменте, когда он перерезал горло Харту, ощущая могущество ножа... Сейчас кинжал лежал в кармане, и он поглаживал его рукоять — ладонь приятно покалывало. Никогда прежде у него не было подобных ощущений от пистолета, да и от ножа, до убийства Ларри.

«Кровь сделала камень священным...»

Когда похороны закончились, Дэвенпорт с женщиной отошли от толпы с каким-то мужчиной и направились к могиле его матери. Когда они остановились, Тень Любви нахмурил лоб. Они заинтересовались могилой. Почему? Чего они хотят?

Потом они разделились. Незнакомый мужчина ушел, а парочка двинулась к выходу с кладбища. Женщина откинула голову назад и улыбнулась, солнечные лучи освещали ее лицо. Дэвенпорт взял ее под руку, а когда они подходили к машине, коснулся бедром. «Любовники».

«Будет нелегко удержаться за „порше“, если он поедет по улицам города», — подумал Тень Любви. Фургон не должен приближаться к машине Дэвенпорта. Но «порше» сразу выбрался на автостраду и направился на север. Индеец следовал за ним, пропустив вперед несколько автомобилей. Как только Дэвенпорт оказался в центре, он свернул к отелю, и женщина вышла из машины.

Тень Любви ждал, остановившись у тротуара, а коп неожиданно развернулся, пересек две линии и поехал навстречу фургону. Индеец наклонился вправо и стал смотреть в окно, пока «порше» не промчался мимо. Следовать за ним сейчас он не мог. Он опасался, что Дэвенпорт обратит внимание на ярко-красный «вольво». А вот женщина...

Лили.

Тень Любви коснулся рукояти ножа, ему захотелось выпить...

Тень Любви время от времени работал водителем такси, а потому хорошо знал гостиницы Миннеаполиса. Это был не самый удобный вариант: по большей части номера люксы, предназначенные для богатых клиентов. Система безопасности наверняка на хорошем уровне.

Он оставил машину у тротуара, подошел ко входу в отель, а затем остановился в вестибюле и осмотрелся. Лили нигде не было видно. Значит, она уже поднялась в свой номер. Трое коридорных стояли у стойки портье и беседовали с сидевшей за ней женщиной. Если он пройдет дальше, она обязательно его заметит...

Его внимание привлек цветочный магазин: у него имелся отдельный вход, но через него можно было попасть и в вестибюль отеля. Тень Любви немного подумал, затем заглянул в бумажник. Сорок восемь долларов и мелочь. Он вышел из вестибюля и направился внутрь.

— Одна красная роза? Как романтично, — сказала женщина, скептически приподняв брови.

Отель был дорогим. Тень Любви не походил на человека, у которого здесь могла быть любовница.

— Это не мой роман, — проворчал Тень, стараясь соответствовать тону продавщицы. — Я просто привез дамочку на такси. Ее дружок дал мне десять долларов на розу.

— Ах, вот оно как.

На лице женщины появилась улыбка. Значит, все в порядке в этом мире.

— За десять долларов можно купить две розы...

— Он просил купить одну, а сдачу я могу взять себе, — сердито сказал Тень Любви. У него осталось сорок восемь баксов на все расходы, а здесь розы продавали по пять долларов за штуку. — Ее зовут Ротенберг. Я не знаю, как пишется. Ее дружок сказал, что вы можете доставить цветы в номер.

— Конечно. — Женщина завернула розу в зеленую оберточную бумагу и спросила: — Надписать?

— Да. «С любовью, Лукас».

— Как мило. — Женщина взяла телефон, нажала четыре кнопки и сказала: — Это Хелен. У вас остановилась Ротенберг? Не знаю, как пишется. Да... Четыре-ноль-восемь. Благодарю.

— Мы ее сейчас отправим, — сказала продавщица и протянула покупателю сдачу.

Комната четыреста восемь.

— Благодарю, — сказал он и вышел из магазинчика.

Было около четырех часов, стало прохладнее. Он огляделся и пошел в сторону от фургона к Лоринг-Парк, затем, не торопясь, обогнул пруд. Тень Любви размышлял. Женщина хорошо владеет пистолетом. Надо все продумать. Если он немного подождет, а потом войдет в вестибюль и сразу направится к лифтам, словно живет здесь, у него может получиться. Конечно, существует вероятность, что его остановят, — но едва ли он сильно рискует, в худшем случае его просто вышвырнут. Он вытащил из кармана сосиску «слим джим», купленную чуть раньше, и принялся ее жевать.

Что он будет делать после того, как поднимется наверх? Если он постучит в дверь и она ее откроет — бум, и все дела. А если на дверях цепочка? Он не слишком рассчитывал на стрельбу сквозь дверь. У него был пистолет тридцать восьмого калибра, вполне подходящий для выстрела с близкого расстояния, но пуля может не пробить достаточно прочную дверь. А женщина, возможно, его узнает. К тому же она убивает без колебаний. Если он промахнется, она будет стрелять. Да и выбраться из отеля будет совсем непросто...

Нужно подумать.

Возвращаясь к своей машине, он все еще перебирал разные возможности. Грузовичок «Федерал экспресс» остановился на противоположной стороне улицы, и из него вышел водитель. Тень Любви автоматически следил за ним, когда тот прошел в вестибюль отеля и начал вынимать пакеты из специального ящика. Когда он со своей ношей возвращался к грузовичку, Тень Любви выбрался из автомобиля и зашагал к отелю.

В ячейках «Федерал экспресс» стояли конверты, рядом на цепочке болтались шариковые ручки.

«Лили Ротенберг, офицеру полиции, — написал он. — Номер четыреста восемь».

Он все еще не знал, как добраться до ее двери. Иногда приходится рассчитывать на удачу. Когда Тень Любви вернулся на тротуар, начало темнеть...

Роза оказалась для Лили полнейшей неожиданностью. Однако она почувствовала возбуждение. Дэвид присылал ей цветы, Дэвенпорт — нет. И то, что он...

Лили поставила розу в стакан с водой и водрузила его на телевизор. Затем села и принялась изучать компьютерные распечатки. Однако через пару минут она поняла, что толку от этого не будет.

«Дэвенпорт, черт тебя побери, в чем дело? — Она прошлась по комнате и бросила на себя взгляд в зеркало. — Такая глупая улыбка не появлялась у меня на лице с тех пор, как я была подростком».

Она не могла работать. Лили посмотрела на журнал «Пипл», но отложила его в сторону и снова принялась расхаживать по комнате, изредка подходя к розе, чтобы ее понюхать.

Лили овладело чувственное возбуждение. Пожалуй, горячая ванна не помешает...

Тень Любви уверенно прошел через вестибюль, держа перед собой пакет «Федерал экспресс», чтобы коридорные издали заметили его цвета. Он остановился у лифтов и нажал кнопку, не глядя в сторону портье. Зуммер тихо звякнул, двери распахнулись, и он вошел. Внутри было пусто.

Индеец сжимал кинжал, ощущая его священную тяжесть, а потом коснулся брюк, где был спрятан пистолет. Но именно нож давал силу.

На четвертом этаже двери открылись, и он вышел, держа перед собой пакет. Комната четыреста восемь. Он свернул направо и услышал за спиной шум пылесоса. Удача!

Он остановился, направился в обратном направлении, свернул за угол и увидел горничную с пылесосом. Больше в коридоре никого не было.

— У меня пакет, — буркнул он. — Где комната четыреста восемь?

— Дальше по коридору, — ответила девушка и показала пальцем в нужную сторону.

Она была невысокой, довольно молодой и усталой.

— Хорошо, — сказал Тень Любви.

Он засунул руку под куртку, оглянулся, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, вытащил пистолет и навел его на горничную.

— О нет... — прошептала она, отступая назад и протягивая к нему руки.

— Иди к комнате. Достань ключи...

Девушка продолжала отступать.

Тень Любви слегка ускорил шаг — теперь ствол почти касался ее лица.

— Ключи, — сказал он.

Она порылась в кармане передника и вытащила связку с дюжиной ключей.

— Открой номер четыреста восемь... но сначала я постучу. — Он сунул ей в руки пакет, и его голос зазвучал громче, в нем появились безумные интонации. — Если она ответит, ты скажешь, что у тебя для нее письмо. Пусть она его увидит. Но если ты попытаешься ее предупредить, если ты ее спугнешь, тварь, я вышибу твои жалкие мозги...

От мысли, что горничная может его предать, все в животе у Тени Любви сжалось, черное пятно повисло перед глазами, закрывая ее лицо. Он заставил его уменьшиться: «Нет, рано, еще не время».

Девушка была охвачена ужасом и отчаянно прижимала пакет к груди.

— Вот здесь, — пискнула она.

Черное пятно уменьшилось, но не исчезло, оно плавало, как мошка в зенице Господней,^[32] но он сумел прочитать номер: четыреста восемь. Тень протянул руку и

негромко постучал. Ответа не последовало. Им овладела жажда убийства, наслаждение, сравнимое с кокаином, только лучше... Он снова постучал. Ответа не было.

— Открывай, — сказал он и прижал дуло пистолета ко лбу горничной. — Если ты издашь хоть звук, я тебя прикончу, тварь. Вышибу твои мозги прямо на стену.

Девушка вставила ключ в замок. Раздался негромкий металлический щелчок, и она вздрогнула, а индеец ткнул ее стволом.

— Давай, — прошептал он. — Открывай.

Она повернула ключ. Замок снова щелкнул, и дверь распахнулась.

Лили вышла из ванной, от ее тела поднимался пар, она ощущала приятную истому от ароматического масла. Но как только она услышала стук, женщина тут же перестала вытираться. Нет, горничная так бы стучать не стала: слишком тихо. Она нахмурилась, сделала шаг к двери ванной и выглянула в гостиную: там было темно. Свет горел только в спальне и в ванной комнате. Вновь послышался стук, пауза, затем щелчок. Кто-то собирался войти.

Лили поискала глазами сумочку с пистолетом в специальной кобуре. Вот черт! Она потянулась назад, быстро выключила свет в ванной и поспешила в спальню, чтобы погасить там лампу.

Тень Любви подтолкнул горничную, дверь распахнулась, и девушка сделала несколько шагов вперед. В номере было темно, свет вроде бы шел лишь из ванной... Нет, здесь имелась еще одна комната. Богатая стерва — поселилась в люксе... Неожиданно электричество погасло, и силуэты горничной и индейца возникли на фоне освещенного коридора.

Когда дверь в номер открылась, Лили выключила лампу. Увидев хрупкую фигурку девушки и знакомые цвета пакета, Лили облегченно вздохнула. Она уже потянулась к выключателю на стене, когда заметила мужчину за спиной у горничной — и еще ей показалось, что в руке у него пистолет.

— Замри, урод, — закричала Лили, автоматически принимая стойку Уивера,^[33] хотя в руках у нее не было оружия.

Впрочем, в темноте ее движения могли выглядеть убедительно...

Крик напугал его. Тень Любви почувствовал, что Лили приготовилась к стрельбе, сделал подсечку горничной, а когда та упала на пол, повалился сверху. Он ощущал, как женщина перемещается в темноте в сторону, развернулся и ногой захлопнул дверь в номер. Темнота стала полной.

— У меня девушка, горничная, — сказал индеец и навел пистолет туда, где, по его представлениям, находилась дверь, понимая, что мог потерять ориентацию. Но если бы она в него выстрелила, он бы заметил вспышку. — Выходи, и мы сможем кое-что обсудить. Я хочу поговорить об индейцах и Воронах — ничего больше. Я работал с копами.

«Чепуха. Тень Любви. Почти наверняка», — подумала Лили.

— Чепуха. Если ты пошевелишься, недоносок, я размажу тебя по полу, как соус для спагетти.

Обнаженная Лили ползла в темноте, шаря руками в поисках оружия. Ничего. Ничего

Ничего! Она бесшумно двинулась в ванную, ожидая вспышки убийственного света... Вот она уже снова возле ванны ощупывает стену. Держатель для полотенец. Лили потянула его. Не поддается. Она навалилась сильнее, всем весом, и неожиданно вешалка с громким скрежетом оторвалась. Лили вновь упала на пол, дожидаясь выстрела, но ничего не произошло. Не теряя времени, она поползла по полу к двери, сжимая в руке перекладину от вешалки для полотенец.

Послышался оглушительный шум. Тень Любви вздрогнул, прижал лицо к шее горничной и прошептал:

— Шевельнись, тварь, и я перережу тебе горло. — Он чувствовал, как девушка дрожит под тонким форменным платьем. — И у меня есть пистолет, если побежишь к двери, я тебя пристрелю.

Он оставил ее лежать на полу, а сам пополз к тому месту, где, как ему казалось, находилась дверь, ведущая в соседнюю комнату. Тень Любви осторожно перемещался вперед, ощупывая ковер.

«Что это за шум? Что она делает? Почему не рискнула зажечь свет? Ее положение не ухудшилось бы...»

Проблема состояла в том, что тот из них, кто первым включит электричество, будет более уязвимым...

— Я никому не хочу причинить вреда, — сказал он.

Звук его голоса поразил Лили: он находился совсем рядом. Их разделяло два или три фута. Теперь она ощущала запах из его рта. Он ел что-то пряное, возможно сосиски, и его теплое дыхание долетало до нее. А вдруг он почувствует аромат масла? Похоже, он находился в ярде от двери ванны и постепенно приближался. Она откатилась на бок, медленно, осторожно, держа возле груди перекладину от вешалки.

«Где она? Почему не отвечает?» Она могла стоять над ним, направив пистолет ему в голову. И в любой момент спустить курок. Мысль о несправедливости собственной смерти парализовала Тень Любви, и несколько мгновений он ждал, когда сокрушительный удар его убьет. Но ничего не произошло. Он протянул руку, ощупывая стену перед собой; наконец его пальцы скользнули вправо и нашли дверной проем.

«Ванная... вот откуда доносился шум, именно такой звук должен идти из помещения со стенами, покрытыми плиткой... Что она там делала?»

Он очень медленно приближался к двери.

«Ни звука. Ничего. Может быть, она не вооружена...»

— У тебя нет пистолета, тварь. Вот в чем дело. Ладно, я убираю пистолет, ты меня слышишь? И знаешь почему? Потому что я достал нож. Именно им я зарезал Ларри Харта вот так. А знаешь, что я сделал после того, как рассек ему горло? Знаешь?

«Где она? Где эта стерва?»

Он напряженно вслушивался в темноту. Нужно ее напугать, заставить двигаться.

— Я пил его кровь, вот что я сделал, — не унимался индеец. — Она была такой горячей. Вкуснее, чем кровь оленя. Слаще... И могу спорить, твоя окажется еще лучше...

«Проклятье, где же она?»

Темнота перед Лили изменилась, она уловила движение. Тень Любви, от которого ее отделяла лишь дверь и не более двух футов, полз к ванной. Она не могла его видеть, но ощущала в темноте. Перемещаясь так же медленно, как он, Лили бесшумно поднялась, касаясь ладонью косяка. Теперь она его не чувствовала — после того как Лили встала, расстояние между ними увеличилось, — но она понимала, что он должен находиться сразу за дверью.

— У тебя нет пистолета, дрянь? — закричал Тень Любви.

Крик был таким пронзительным, что Лили невольно ахнула. Он услышал ее и застыл на месте. Она рядом. Тень Любви чувствовал это. Совсем рядом. Но где? Он переместил свободную руку вправо, а пистолет влево. В тот момент, когда Лили выскользнула из ванной, Тень Любви коснулся рукой с пистолетом ее икры. Женщина метнулась вперед, и тогда он повернулся и выстрелил сквозь дверь...

«Нет, — подумала Лили. — Наверное, он услышал...»

Она высоко подняла ногу и перешагнула через него, но задела другой ногой. Проклятье! Лили бросилась в сторону; вспышка ее ослепила, и тут же раздался оглушительный грохот, но она уже ползла в сторону телевизора...

— Не-е-ет... — пронзительный вопль ударил в барабанные перепонки Лили, когда она натолкнулась на тело в темноте.

«Что-то мягкое... человек...»

Она едва успела это понять, как рыдающая девушка ударила ее, и Лили упала на четвереньки и поползла к телевизору, обшаривая ковер в поисках сумочки...

Вспышка выстрела на мгновение ослепила Тень Любви, но теперь он знал наверняка: у нее нет пистолета, и она движется в сторону двери. Женский вопль заставил Тень Любви замереть, а затем он поднялся на ноги и протянул руку, чтобы отыскать стену. Он тянулся к выключателю, продолжая смотреть на дверной проем, на случай если жертва попытается выбежать из номера.

И тут, за мгновение до того, как Тень Любви зажег свет, он услышал щелчок затвора.

Его ни с чем не спутаешь — пистолет сорок пятого калибра готов начать стрельбу.

А затем он услышал Лили, и ее голос был холодным, как у могильщика.

— Я здесь, недоносок. Давай включи свет.

Тень Любви, стоявший у двери, почувствовал, что звук доносится слева. У него оставался один шанс — и он рискнул. Сжимая пистолет в руке, он метнулся сквозь темноту к выходу, где рыдала горничная. Два шага, три — а потом он ее ударил. Она стояла и кричала, а он мгновение держал ее, пока не нашарил ручку, после чего толкнул девушку туда, откуда доносился голос Лили. Он почувствовал, как горничная падает, и распахнул входную дверь. Выскакивая в коридор, он сделал один выстрел в сторону двух женщин, а затем побежал к лестнице, дожидаясь укуса пули...

Свет из коридора залил комнату, Лили увидела, как кто-то движется в ее сторону, и успела понять, что это не может быть Тень Любви: фигура была слишком маленькой, женской.

Она сделала шаг в сторону, чтобы иметь возможность стрелять, и увидела в дверном проеме индейца, направившего на нее оружие. Лили все еще продолжала движение, а он уже исчез, вытянув назад руку с пистолетом, как беттер, [\[34\]](#) пытающийся нанести удар на бегу.

Она направила на убегающего врага пистолет, когда Тень Любви нажал на спусковой крючок.

Пуля ударила ее в грудь.

Лилиан Ротенберг рухнула, как сбитая метким броском кегля.

Лукас беседовал с профессиональным игроком возле бара на набережной, когда загудела рация. Он подошел к тротуару, опустил стекло «порше» и нажал кнопку приема.

— Дэвенпорт.

Солнце уже село, и холодный ветер дул со стороны реки. Он засунул свободную руку в карман брюк и приподнял плечи, чтобы хоть как-то сохранить тепло.

— Лукас, Слоун говорит, что ты должен встретиться с ним в Хэннепинском медицинском центре. Как можно быстрее, — сказал дежурный. — Все очень серьезно. У главного входа.

— Хорошо. А он сказал, что случилось?

После коротких колебаний диспетчер ответил:

— Нет. Но он просил включить маячок и сирену и поспешить.

— Пять минут, — сказал Дэвенпорт.

Он оставил игрока на тротуаре, сел в «порше», пересек мост и через район складов помчался к медицинскому центру. Что произошло? Кому-то удалось добраться до Воронов? У главного входа стояли три полицейские машины и фургон телевизионщиков. Лукас оставил автомобиль под знаком, запрещающим парковку, положил на приборный щиток полицейский значок и взбежал по ступенькам. Детектив ждал его за стеклянными дверьми, Дэвенпорт также заметил капитана из патрульной службы и женщину-сержанта. Все смотрели на него. Слоун распахнул стеклянную дверь и, как только Лукас вошел, взял его под руку.

— Приготовься, — сказал детектив.

Его лицо было бледным и сосредоточенным.

— Проклятье, что случилось? — спросил лейтенант, пытаясь высвободиться, но Слоун его не отпускал.

— В Лили стреляли, — сказал Слоун.

На секунду мир застыл, словно стоп-кадр в кино. Какого-то мальчишку везли на кресле с колесиками — он замер. Женщина в справочном сидела с открытым ртом, глядя, словно выброшенный на берег карп, на полицейских. Все остановилось. Потом мир дернулся и снова ожил. Лукас услышал собственный голос:

— Боже мой! — А потом уже тише: — Насколько это серьезно?

— Она на операционном столе, — ответил Слоун. — Они еще ничего не знают. Лили дышит.

— Что произошло? — спросил Лукас.

— Ты в порядке? — вопросом на вопрос ответил детектив.

— Послушай...

— Один тип — Тень Любви — заставил горничную открыть дверь ее номера в отеле. Лили принимала ванну, но она сумела добраться до пистолета, произошла схватка, и он выстрелил в нее. Потом он сбежал.

— Сволочь, — с горечью прошептал лейтенант. — Мы проверили систему безопасности в отеле Клея, но не подумали о Лили.

— Горничная в шоковом состоянии, но ей показали фотографию, и она думает, что это Тень Любви...

— На это мне наплевать. Как Лили? Что говорят врачи? Она серьезно ранена? Ну же, говори!

Слоун отвернулся, потом посмотрел на Лукаса и беспомощно развел руками.

— Ты же знаешь докторов, они будут помалкивать, страхуясь на случай судебного преследования. Если они скажут, что она выкарабкается, а потом дело закончится летальным исходом, у них могут возникнуть проблемы. Но один из служащих отеля воевал во Вьетнаме. Он сказал, что она получила тяжелое ранение. Если бы это случилось во Вьетнаме, то все зависело бы от того, как быстро она оказалась в госпитале... Он думает, что пуля задела легкое, и он положил ее на бок, чтобы избежать серьезного кровотечения. Врачи приехали через две или три минуты, поэтому... Не знаю, Лукас. Я думаю, она выживет, но...

Слоун повел его к операционной. Там уже был Даниэль и полицейский из отдела убийств.

— Ты в порядке? — спросил шеф.

— Как Лили?

— Мы пока не знаем, — покачав головой, ответил Даниэль. — Я только что приехал из офиса.

— Это Тень Любви. Он пытается обезопасить Воронов.

— Но почему? — Квентин нахмурился. — У нас почти ничего нет. И в убийстве Лили для них нет ни малейшей пользы с политической точки зрения. Я политик — и они политики. До определенного момента я представлял, каковы их цели. В некотором смысле террористы были последовательны. Первые шаги имели четкое объяснение: Андретти, судья из Оклахомы, парень в Южной Дакоте. Но это не укладывается в схему. Как и Ларри. И твой осведомитель.

— Мы не до конца понимаем, что происходит, — сказал Дэвенпорт, в голосе которого появилось отчаяние. — Если бы мне удалось что-то узнать... получить хотя бы какую-то зацепку... мелочь... что угодно.

Они некоторое время молчали, а потом Даниэль понизил голос и сказал:

— Я позвонил ее мужу.

Два часа спустя, когда все темы для разговоров были исчерпаны и все уныло смотрели на противоположную стену коридора, дверь операционной распахнулась. К ним вышла рыжеволосая женщина-хирург в голубом халате, запачканном кровью. Она сорвала маску с лица и бросила в специальную корзину, после чего принялась стаскивать с себя халат. Даниэль и Лукас подошли к ней.

— Я знаю свое дело! — сказала врач, положила халат в корзину и пошевелила пальцами перед собой. — У меня настоящий талант.

— Как она? — спросил Дэвенпорт.

— Вы родственники? — осведомилась женщина, переводя взгляд с одного на другого.

— Ее семьи здесь нет, — ответил Лукас. — Муж скоро прилетит из Нью-Йорка. Я ее напарник, а это наш шеф.

— Я видела вас по телевизору, — сказала хирург, а потом перевела взгляд на Дэвенпорта. — Она поправится, если не произойдет чего-то неожиданного. Мы вытащили пулю — похоже, это тридцать восьмой калибр, если вам интересно. Пуля вошла в тело через грудь, задела легкое и застряла в мышцах, рядом с ребрами. Одно ребро треснуло. Она будет испытывать сильную боль.

— Но она выживет? — спросил Даниэль.

— Если не случится чего-то непредвиденного, — кивнув, повторила врач. — Мы оставим ее в палате интенсивной терапии. Если не возникнет осложнений, то через два дня она сможет сидеть и даже немного ходить. Впрочем, до полного восстановления пройдет много времени. Она сейчас в тяжелом состоянии.

— Слава богу, — сказал Лукас, поворачиваясь к шефу. — Как замечательно, что она будет жить.

— Останутся шрамы? — спросил Даниэль.

— Да, кое-что останется. С такими ранениями шутить не приходится. Мы должны были хорошенько рассмотреть, что там произошло. Шрам в том месте, где пуля вошла в тело, а также хирургические следы от операции. Через два или три года входное отверстие превратится в белое пятнышко размером с орех кешью, в нижней части груди. Через пять лет хирургические шрамы превратятся в белые линии длиной в восьмую часть дюйма. У нее оливковый цвет кожи, поэтому они будут более заметны, чем у блондинки, но с этим жить можно. Ее тело не обезображено.

— Когда мы сможем ее увидеть?

Хирург покачала головой.

— Не сегодня. Она будет долго спать. Возможно, завтра, если это необходимо.

— Но не раньше?

— В нее стреляли, — резко сказала доктор. — Сейчас ей нельзя разговаривать. Она должна отдыхать.

Дэвид Ротенберг прилетел в два часа ночи на грузовом самолете из аэропорта Ньюарка, на другие рейсы он попасть не сумел. Дэвенпорт встретил его в аэропорту. Даниэль хотел послать Слоуна или поехать сам, но Лукас настоял. Ротенберг был одет в мятый синий костюм из сирсакера^[35] и белую рубашку с галстуком-бабочкой винного цвета. У него были растрепаны волосы, он носил узкие очки для чтения. Лейтенант объяснил ситуацию работникам авиалинии, и Дэвид первым вышел из туннеля. В левой руке он нёс черную нейлоновую сумку.

— Дэвид Ротенберг? — спросил Лукас, подходя к нему.

— Да. А вы...

Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Лукас Дэвенпорт, полиция Миннеаполиса.

— Как она?

— Ранение серьезное, но она поправится, если не возникнет никаких осложнений.

— Боже мой, я думал, она умирает, — с облегчением сказал Дэвид. — По телефону с с мной так странно говорили...

— Некоторое время никто ничего не знал. Ей делали операцию. Врачи не могли определить, насколько тяжелое ранение она получила.

— Но с ней все будет хорошо?

— Так говорят врачи. У меня здесь машина...

Ротенберг был на два дюйма выше Лукаса, но отличался удивительной стройностью. Он казался сильным, как бегун-марафонец, крепкие мышцы без лишней массы. Они быстрым шагом направились через терминал к стоянке, где Дэвенпорт оставил «порше».

— Вы тот самый человек, которого Лили спасла. Вы были заложником, когда она

застрелила преступника, — сказал Ротенберг.

— Верно. Мы работали вместе.

— А где вы были прошлым вечером? — спросил Дэвид, и в его голосе появилось напряжение.

Лейтенант посмотрел на него.

— Мы разделились. Она вернулась в отель, чтобы почитать документы, а я отправился на встречу со своими осведомителями. Преступник, Тень Любви, которого мы ищем, выследил ее там.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Да, мы так думаем.

— Боже мой, в Нью-Йорке он давно бы оказался за решеткой.

Лукас пристально посмотрел на Ротенберга и после короткой паузы ответил:

— Чепуха.

— Что?

Супруг Лили с трудом сдерживал гнев.

— Я сказал «чепуха». Он сделал один выстрел и сбежал. У него есть место, где он скрывается, и он продумал свои действия. Полицейские в Нью-Йорке ничего бы не сумели сделать. Результат был бы тем же. Более того, мы лучше, чем они.

— Не понимаю, какие у вас основания так говорить, ведь здесь стреляют в людей.

— В Миннеаполисе происходит в среднем одно убийство в неделю, и мы раскрываем практически все. А у вас каждый день убивают от пяти до одиннадцати человек, и ваши полицейские не в состоянии их поймать. Так что не надо мне рассказывать всякую чушь про Нью-Йорк. Я слишком устал и разозлен, чтобы это выслушивать.

— Но стреляли в мою жену... — рявкнул Дэвид.

— А она работала со мной, мне она очень нравилась, и я чувствую себя виноватым, так что не надо на меня давить, — прорычал Дэвенпорт.

Они некоторое время молчали. Затем Ротенберг вздохнул и сел в машину.

— Извините, — устало сказал он. — Просто мне страшно.

— Никаких проблем, — сказал Лукас. — И вот что я вам скажу, если от этого вам станет легче. Со вчерашнего дня негодяя по имени Тень Любви можно считать мертвецом.

Дэвенпорт оставил Ротенберга в больнице, а сам вернулся на улицу. Он нашел открытый бар в торговом центре, выпил пару порций виски и вышел на свежий воздух. Стало холодно. Интересно, где сейчас Тень Любви. Лукас понимал, что ему не найти преступника, если он не получит помощи.

Лео вернулся в три часа утра.

— Никаких следов Клея, но его люди на месте, — сказал он.

— Дрейк? Ты его видел?

— Да. Он с девочкой.

— Блондинка? — спросил Сэм.

— Да. Очень маленькая.

— Странно... маленькая, говоришь?

— Ей лет восемь, возможно, десять. Она взяла Дрейка за руку, когда они поднимались по лестнице.

— Клей появится, — уверенно заявил Аарон. — С его наклонностями иначе быть не может.

Он решительно махнул рукой.

Его двоюродный брат кивнул.

— Вечером, — сказал он. — Завтра вечером.

— Ты слышал про копа? — спросил Аарон.

Лео снял курку и бросил ее на диван.

— Про женщину? Да. Это Тень.

— Проклятье, глупец все испортит, — с горечью сказал кузен.

— Еще одна ночь, — сказал Лео. — Еще одна или две.

— Убийство полицейских — плохое лекарство, — сказал Аарон и посмотрел на двоюродного брата. — Если мы хотим добраться до Клея, то должны сделать это как можно скорее. Пора начинать обдумывать варианты с отелом или атаки на улице.

Сэм покачал головой.

— У нас хороший план. Не ставь его под сомнение. У Клея целый взвод телохранителей с автоматами. На улице они прикончат нас, а Клей станет героем. Он поедет к Дрейку один. И совсем не будет похож на героя.

— Сегодня ночью, — сказал Лео. — Я уверен.

Тень Любви прятался в заброшенном доме в шести кварталах от Петли. Здание — когда-то в нем располагался небольшой отель — сначала превратилось в ночлежку, а потом и вовсе осталось без хозяев из-за полного отсутствия ухода и огромных крыс. «Норвежские крысы! Проклятые скандинавы полностью захватили власть в этом штате», — подумал индеец.

Тут жили еще несколько человек, но Тень Любви никогда их не видел. Шаркающие фигуры переходили из одной комнаты в другую или бочком поднимались по лестнице. Чтобы занять комнату, следовало закрыть за собой дверь, а потом заблокировать ее длинной доской, которую можно было взять на первом этаже. Один конец доски упирался в дверь, а другой — в противоположную стену. Конечно, полных гарантий это не давало, но позволяло защититься от большинства непрошенных гостей.

В здании был внутренний дворик с застекленной крышей. Когда обитателям дома требовалось опорожнить кишечник — а это случалось редко, в основном здесь жили алкоголики, — они попросту свешивались над перилами портика. Поэтому верхние комнаты

были относительно чистыми. На нижних этажах никто не задерживался надолго.

Когда Тень Любви перебрался сюда, он принес с собой тяжелое пальто, надувной матрас, дешевый приемник с наушниками и пистолет. Еды он взял немного: коробку с крекерами, печенье, банку с плавленым сыром и упаковку пепси.

Выстрелив, Тень Любви сбежал вниз по лестнице, быстрым шагом пересек вестибюль отеля, а потом поспешил к «вольво». Он ехал, пока не убедился, что его никто не преследует, и бросил украденную машину. Тень Любви зашел в магазин, купил еды и направился в свое убежище.

В течение первых двух часов по радио ничего не передавали. Затем в выпуске новостей сообщили, что в детектива Лилиан Ротенберг стреляли. Она ранена. Что ж, на большее он и не рассчитывал. Быть может, он ее достал...

Через полчаса сообщили, что она на операционном столе. И еще через два часа передали: врачи сказали, что она будет жить.

Тень Любви выругался и закутался в пальто. Ночи становились холодными, и он задрожал, несмотря на толстую ткань.

Стерва все еще жива.

Весь следующий день Дэвенпорт работал со своими осведомителями, а в больницу звонил по телефону. Утром Лили пришла в себя и поговорила с Дэвидом, который сидел у ее постели, а позднее ее навестил Слоун. Она почти ничего не сумела добавить к тому, что они уже и так знали.

«Тень Любви», — сказала Лили.

Она не видела лица, но все сходилось. Среднего роста, худощавый, смуглый. Ел сосиски. Потом она почти сразу же заснула.

В девять Лукас позвонил своей знакомой, работавшей в отделении интенсивной терапии. Он разговаривал с ней каждый час.

— Муж только что ушел, сказал, что ему нужно поспать, — сказала она.

— А Лили пришла в себя?

— Она засыпает и просыпается...

— Я сейчас заеду, — сказал Дэвенпорт.

Лили лежала, завернутая в простыни и одеяла, изголовье ее кровати было приподнято. Лицо стало бледным, как лист бумаги. Из носа торчала трубка кислородного шланга. В руке, возле локтя, виднелась иголка капельницы.

Медсестра, с которой дружил Лукас, сказала:

— Она недавно проснулась, и я сказала ей, что ты придешь, поэтому она тебя ждет. Не задерживайся надолго и постарайся ее не волновать.

Дэвенпорт кивнул и на цыпочках подошел к кровати.

— Лили?

Через несколько мгновений она повернула голову, словно не сразу услышала его голос. Ее широко раскрывшиеся глаза были ясными и спокойными.

— Воды, — хрипло попросила она.

На тумбочке стояла бутылка с водой и пластиковой соломинкой. Он поднес ее к губам женщины, и она сделала несколько глотков.

— От дыхательных трубок у меня пересыхает горло.

— Ты себя плохо чувствуешь?

— Боли почти нет... Но у меня такое ощущение, что я... серьезно заболела. Тяжелый грипп.

— Ты выглядишь неплохо, — солгал Лукас.

Если не считать глаз, она выглядела ужасно.

— Не надо мне врать, Дэвенпорт, — с трудом улыбнулась Лили. — Я знаю, как я выгляжу. Впрочем, диета мне не мешает.

— Господи, это все... я в шоке.

Он не знал, что еще сказать.

— Спасибо за розу.

— Что?

— Роза... — Она осторожно повернула голову, словно пыталась ослабить напряжение в шее. — Очень... романтично.

Лейтенант не понял, о чем она говорит, но Лили продолжала:

— Я пережила первые пятнадцать минут... с Дэвидом. Мне было так больно, что я не

думала о тебе или о чем-то еще. Просто была счастлива, что я еще здесь. И мы с ним разговаривали, а когда я подумала о тебе, пятнадцать минут прошли... и все было в порядке.

— Боже, Лили, я чувствую себя ужасно.

— Ты ничего не мог сделать, но сейчас постарайся быть осторожным, — хрипло сказала она. Ее веки стали опускаться. — Какие новости?

Дэвенпорт покачал головой.

— Мы окружили Клея нашими людьми — я все-таки считаю, что они хотят добраться именно до него. Но мне никак не удается понять, как они могут это сделать. Мы наблюдаем за грузовым лифтом, но я не думаю, что они попытаются им воспользоваться.

— Я не знаю, — прошептала она, закрыла глаза и сделала два глубоких вдоха. — Мне все время хочется спать... И я не могу думать...

Она заснула, и ее лицо сразу потеряло осмысленное выражение. Лукас посидел рядом еще пять минут, наблюдая, как поднимается и опускается ее грудь. Ему повезло, что не пришлось идти рядом с ее гробом по другому кладбищу, как это произошло недавно с Хартом...

Ларри.

И все мгновенно вернулось, такое же реальное, как ствол дробовика за ухом. Они шли по кладбищу с Лили и Андерсоном после того, как взглянули на ухоженную могилу матери Тени Любви. Андерсон говорил о стоимости вечного ухода за памятниками и о том, что они с женой купили себе участок.

Так кто же платит за уход за могилой Розы Любви? Ни у Воронов, ни у Тени Любви нет денег на вечный тариф, значит, они платят ежегодно или раз в полгода. Но если они постоянно переезжают с места на место, то куда им присылают чек? Дэвенпорт встал, посмотрел на спящую Лили, прошел мимо еще одного пациента — тот выглядел ужасно, — а потом вернулся к ее постели.

Вороны или Тень Любви могли отправлять чек по почте один или два раза в год. Но что-то здесь было не так — Лукасу казалось, что должен существовать счет. Возможно, Вороны арендовали почтовый ящик, но вряд ли для важных сообщений — ведь они уезжали из города на несколько месяцев. Лукас не знал, как решали эту проблему Вороны, но не сомневался, как бы поступил сам при таких обстоятельствах. Он бы оставил адрес старого надежного друга, куда могли бы направлять счета и важные письма. А тот пересылал бы почту ему. Он почти бегом бросился на пост медсестры.

— Мне нужен телефон, — попросил Лукас свою знакомую.

Она указала на аппарат, стоявший на столике.

Дэвенпорт поднял трубку и позвонил в полицию. Андерсон собирался уходить.

— Хармон? Я срочно отправляюсь на кладбище в Ривервуде. А ты выясни, где находятся их архивы, и позвони мне. В моей машине есть телефон. Если их офис сейчас закрыт, найди человека, который меня туда впустит, — мне нужен тот, кто занимается счетами. Я буду там через десять минут.

— Что у тебя? — спросил Андерсон.

— Скорее всего, ничего, — ответил Лукас. — Но есть одна идея...

Клей и начальник службы безопасности спорили в гараже отеля.

— Это совершенно идиотская идея, — решительно сказал охранник.

— Вовсе нет. Когда ты будешь занимать более высокую должность, то все поймешь, —

ответил Лоуренс Дабервилль Клей.

По его тону становилось ясно, что это собеседнику в ближайшие годы не грозит.

— Всего одна машина. Вы ее даже не увидите.

— Исключено. Если ты пошлешь за мной наблюдение, то лучше сразу предупреди своих людей, что им не поздоровится. А заодно и тебе. Нет. Я могу это сделать только в одиночку. И так я буду в большей безопасности, чем здесь. Никому и в голову не придет, что я могу оказаться на улице.

— Господи, босс...

— Послушай, мы уже не первый раз это обсуждаем, — заявил Клей. — Когда я окружен телохранителями, то ничего не чувствую. Чтобы действовать эффективно, мне необходимо остаться одному.

Они приготовили ему самый обычный автомобиль, взятый напрокат, — это сделал один из агентов в аэропорту. Директор ФБР сел за руль, захлопнул дверцу и посмотрел на расстроенного начальника службы безопасности.

— Не беспокойся, Дэн. Я вернусь через два или три часа, и со мной все будет в порядке.

Лукасу пришлось подождать десять минут возле офиса кладбища, наблюдая за призраком луны на небе между мертвыми листьями дубов. Он дрожал от холода, нетерпеливо расхаживая по дорожке. Наконец к офису подъехал «бьюик», и из него вышла женщина.

— Вы Дэвенпорт? — недовольно спросила она, позвякивая связкой ключей.

— Да.

— Мне пришлось уйти с обеда, — сказала она.

Это была сердитая женщина лет тридцати с пышной прической — такие носили в конце пятидесятых годов.

— Извините.

— У вас должны быть какие-то бумаги, — ледяным голосом сказала она, отпирая дверь.

— Дело срочное, — сказал Лукас.

— Так нельзя. Я должна позвонить своему начальнику.

— Послушайте, я стараюсь быть вежливым, — заговорил лейтенант, и его голос постепенно наполнялся гневом. — Я изо всех сил пытаюсь вести себя прилично, потому что вы показались мне симпатичной. Но если вы начнете мне мешать, я позвоню в город и попрошу ордер на обыск. Его привезут через пять минут, и мы заберем всю вашу бухгалтерию. Если вам повезет, мы вернем ее к началу следующего года. А вам придется объяснять все это руководству.

Женщина отступила на шаг, и в ее глазах появился страх.

— Пожалуйста, подождите, — сказала она и поспешно перешла в соседнюю комнату.

Вскоре Дэвенпорт услышал, как она что-то печатает на компьютере.

«Все это ерунда, — сказал себе Лукас, — у меня нет даже одного шанса на миллион».

Через мгновение заработал принтер, а потом женщина вернулась.

— Все счета направлялись в одно и то же место, каждые шесть месяцев, сорок пять долларов и шестьдесят пять центов. Бывало, что платежи задерживались, но они всегда полностью рассчитывались.

— Кто? — спросил Лукас. — И куда вы отправляли счета?

Женщина протянула полицейскому лист бумаги с одной короткой строкой.

— Здесь совсем недалеко, — ответила она. — Мисс Барбара Гоу. Адрес рядом с именем. Это вам поможет?

Корки Дрейк родился в богатой семье, но все закончилось, когда он еще был подростком. Его отец в течение нескольких лет забывал сообщать о некоторых своих доходах в налоговую службу. Когда эти мерзавцы узнали о провалах в памяти Дрейка-старшего... капиталов едва хватило, чтобы рассчитаться со штрафами.

Отец покинул сцену при помощи садового шланга, который надел на выхлопную трубу «мерседеса» и завел внутрь машины. Автомобиль принадлежал другу — тот так и не простил отца Дрейка из-за того, что стало с обивкой лимузина.

Корки — а ему в ту пору исполнилось семнадцать — уже стал человеком с утонченными вкусами. Он не мог себе представить, что такое жизнь в нищете и борьба за существование. Ему оставался один путь — и он стал сутенером.

Некоторые друзья его отца имели весьма специфические пристрастия по части женщин. За известную цену Корки помогал их удовлетворять. Женщины должны были быть не только очень красивыми, но и очень молодыми. На самом деле речь шла о девочках. Самой юной в его конюшне исполнилось шесть. Старшей едва перевалило за одиннадцать, но он уверял своих клиентов, что у нее тело восьмилетней...

Корки Дрейк познакомился с Лоуренсом Дабервиллем Клеем в вашингтонском клубе. Их нельзя было назвать друзьями, но между ними возникли приятельские отношения. Чиновник высоко ценил услуги, которые ему предлагал Дрейк.

— Мой маленький порок, — говорил Клей с очаровательной улыбкой.

— Нет, вовсе не порок, а вполне естественные потребности, — отвечал сутенер, слегка покачивая в руке хрустальный бокал с «Курвуазье». — Вы настоящий знаток. На земле немало стран...

Дрейк мог обслуживать своих клиентов в Вашингтоне и Нью-Йорке, но его база находилась в Миннеаполисе. Именно здесь располагались его лучшие ресурсы. Однажды Клей прилетел сюда по делам и зашел в дом Корки. С тех пор такие посещения стали частью его жизни.

Дрейк говорил с нынешней королевой своей конюшни, когда слышал шум подъезжающей машины.

— А вот и он, — сказал Корки девочке. — И помни, этот вечер может стать самым важным в твоей жизни. Я хочу, чтобы ты хорошо себя вела.

Лео Кларк сидел в кустах в тридцати ярдах от аккуратного одноквартирного дома Дрейка в Кенвуде. Он тревожился из-за полицейских. Машина Барбары Гоу была припаркована на улице. Если ее отбуксируют на штрафную стоянку, он окажется в тяжелом положении.

Он сидел в кустах и ждал, каждые несколько минут поглядывая на часы и изучая человечка на луне. В Миннеаполисе выдалась ясная ночь, и могло показаться, что он смотрит на тебя, но все равно это не имело ничего общего с ночью в прерии, когда дикий человек находится так близко, что кажется, будто ты можешь коснуться его лица...

В десять минут десятого к дому Корки подъехал серый «додж». Лео вытащил потертый дешевый бинокль и, когда Дрейк распахнул дверь, пожалел, что из дома падает совсем мало

света. Впрочем, этого оказалось достаточно: не узнать великолепные седые волосы Лоуренса Дабервилля Клея было невозможно. Лео подождал, когда директор ФБР зайдет в дом, а потом через рощу направился к машине Барбары, быстро завел двигатель и поспешил назад, к ее дому. Он остановился только один раз возле телефона-автомата.

— Клей в доме, — только и сказал он.

Андерсон уже его ждал, когда Дэвенпорт стремительно вошел в офис.

— Что у тебя? — спросил Хармон.

— Имя, — ответил Лукас. — Давай пропустим его через компьютер.

Полицейский набрал имя Барбары Гоу на клавиатуре и очень скоро получил три ссылки.

— Индианка радикальных взглядов — во всяком случае, прежде придерживалась их, — сказал Андерсон, не отводя взгляда от монитора. — Ты только посмотри. Организация профсоюза, арестована во время марша протеста. Господи, еще в пятидесятых, она опередила свое время. Борьба за гражданские права и антивоенные выступления в шестидесятых.

— Она должна знать Воронов, — заметил Лукас. — В пятидесятых в Миннеаполисе среди индейцев было совсем немного активистов.

Андерсон достал свои заметки и углубился в чтение. Найдя нужную страницу, он поднес ее к экрану.

— Посмотри сюда, — сказал он и указал на адрес в блокноте, а потом на мониторе. — Она жила всего в паре кварталов от Розы Любви и в тот же период времени.

— Хорошо, я отправляюсь туда, — сказал Дэвенпорт. — Свяжись с Делом и его парнями из отдела наркотиков, скажи, что мне могут понадобиться люди для слежки. А я сам хочу взглянуть на ее дом. Едва ли мы можем рассчитывать, что Вороны сейчас там.

— А ты не хочешь, чтобы я послал вслед за тобой людей — на всякий случай?

— Да, пожалуй, пусть подъедет пара машин, но они должны держаться в квартале от дома, пока я не обращусь за помощью.

Когда Лео свернул на подъездную дорожку коттеджа Барбары Гоу, Аарон поднял дверь гаража. Лео заехал внутрь, но не стал глушить двигатель. Из дома вышел Сэм с обрезом в руках. Лео сам отпилил дуло. Обычный «винчестер супер-х», полуавтоматическая винтовка с обоймой на четыре патрона, превратился в смертоносное орудие убийства, уродливой формой походившее на дубинку. Сэм распахнул дверь машины и засунул оружие под пассажирское сиденье, а затем помог Аарону погрузить в багажник шестифутовый обрезок железнодорожной шпалы. Один конец они заострили топором, а сверху привинтили ручки. Аарон захлопнул крышку багажника, и они с Сэмом сели в машину.

— Оставить дверь гаража открытой? — спросил Лео.

— Да. Если мы будем торопиться, когда вернемся, то выиграем минуту.

Лукас проехал мимо дома Гоу, максимально снизив скорость и стараясь не привлекать к себе внимания. Свет горел в двух окнах, в гостиной и в спальне или на кухне. На верхнем этаже было темно. Он свернул за угол, чтобы обогнуть коттедж, и увидел, что дверь гаража поднята, внутри пусто. В этот момент в окне с опущенными шторами мелькнула тень. Кто-то находится в доме. А если машины в гараже нет, значит, там живет несколько человек.

Он снял трубку и позвонил из машины Андерсону.

— Отыщи описание женщины, которую видели вместе с Тенью Любви, — попросил Дэвенпорт.

— Подожди секунду, — ответил Андерсон, — возьму блокнот. Я не сумел найти Дела, он где-то в городе, один из парней поехал за ним. На Чикаго стоит пара патрульных машин.

— Хорошо.

Андерсон молчал, Лукас свернул еще раз и объехал вокруг квартала.

— Мало данных. Очень маленького роста, ее едва видно из-за руля. Индианка. Может быть, немолодая. У нее зеленая, совсем не новая машина, фургон, с белыми боками шин.

— Спасибо, я еще с тобой свяжусь.

Он сделал полный круг и снова оказался возле дома Гоу. В этот момент из двери напротив появился мужчина с собакой на поводке. Он вышел на тротуар, огляделся, пес натянул поводок, и человек двинулся вдоль своего дома. Лукас немного подумал, дождался, когда человек с собакой дойдет до следующего перекрестка, и снова позвонил Андерсону.

— Мне нужен Дел и несколько полицейских из отдела наркотиков в машинах без опознавательных знаков.

— Через пару минут Дела найдут.

— Постарайся быстрее; я хочу, чтобы они остановились в квартале от коттеджа Гоу и наблюдали за входом.

— Я передам.

— А патрульные машины пусть остаются на Чикаго.

Собака мочилась на телеграфный столб, когда полицейский подъехал к любителю поздних прогулок. Он вышел из машины, держа в руке значок.

— Извините, я Лукас Дэвенпорт, лейтенант полиции Миннеаполиса. Мне нужна ваша помощь.

— Что вы хотите? — с любопытством спросил мужчина.

— Ваша соседка на противоположной стороне улицы, миссис Гоу, живет одна?

— А что случилось?

— Возможно, ничего...

Мужчина пожал плечами.

— Обычно да, но в последние несколько дней у нее появились какие-то люди. Впрочем, я их ни разу не видел. Но кто-то приходит и уходит.

— А на какой машине она ездит?

— Старый «додж», фургон. Ему лет пятнадцать.

— А какого он цвета?

— Яблочно-зеленого. Уродливый цвет. Только «доджи» красят в такие отвратительные тона.

— Хм, — протянул Лукас, чувствуя, как сердце забилося сильнее. — Белые боковины шин?

— Точно. Теперь таких не найдешь. Могу спорить, что она не проезжает и пары тысяч миль в год. Не удивлюсь, если она ни разу не меняла покрышки. А что она сделала?

— Возможно, ничего, — повторил Дэвенпорт. — Спасибо за помощь. И я буду вам очень благодарен, если о нашем разговоре никто не узнает.

Когда Лукас уже шел к машине, мужчина сказал:

— Те люди, что у нее живут... пять минут назад кто-то заехал внутрь на ее автомобиле — дверь гаража открыли изнутри, а еще через минуту «додж» снова укатил.

Дэвенпорт позвонил Андерсону.

— У меня кое-что есть, — сказал он. — Я еще не уверен, но не исключено, что Вороны сейчас куда-то едут.

— Проклятье. Ты думаешь, они намерены совершить покушение?

— Не знаю. Пусть патрульные машины остаются наготове. Неважно, что происходит в других местах. И найди скорее Дела.

— Уже нашел. Дел в миле от тебя. Через пару минут он придет.

— Хорошо. Скажи ему, что я буду на углу Двадцать четвертой и Блумингтон, рядом с больницей Диаконис.

Когда Лукас приехал, Дел уже его ждал. Улица была пуста, и лейтенант остановился так, что их автомобили почти касались друг друга дверями. Оба опустили стекла.

— У тебя что-то есть?

— Возможно, нам предстоит серьезная работа, — ответил Дэвенпорт. — Подозреваю, что мне удалось найти убежище экстремистов, но сейчас они где-то в городе.

— Что требуется от меня?

— Я хотел попросить помощи для слежки, но раз Вороны уехали... Нужно войти в дом. Мне потребуется поддержка.

Дел кивнул.

— Тогда не будем терять времени.

— Разрешите представить вам Люси, — сказал Дрейк, обернулся и позвал: — Люси, дорогая...

Они стояли возле камина, держа в руках бокалы. Через мгновение в комнату вошла Люси, маленькая, светловолосая и стеснительная, в розовом кимоно.

— Иди сюда, милая, познакомься с моим другом, — сказал Дрейк.

— Коп, — сказал Лео.

— Вот черт! Он приближается! — воскликнул Сэм.

Дом Дрейка стоял на дороге, которая образовывала длинную петлю слева. Полицейский свернул туда, но затем, судя по всему, покати́л направо. В противном случае он бы проехал мимо дома Дрейка на обратном пути.

— Нужно подождать, — сказал Сэм и показал на парковку перед супермаркетом. — Давай туда. Пусть он отъедет подальше.

— А если Клей уйдет?

Аарон посмотрел на часы.

— Он в доме всего полчаса. Обычно он проводит у Дрейка два или три. Такие вещи не делаются быстро. В этом весь смысл.

Полицейские оставили машины за углом, и Дэвенпорт зашагал к крыльцу. Дел вытащил из кобуры на бедре короткий черный автоматический пистолет и встал сбоку от двери, как только коллега постучал.

После небольшой паузы послышался женский голос:

— Кто там?

Прежде чем Дэвенпорт успел заговорить, Дел произнес высоким детским голоском:

— «Стар трибьюн».

После короткой паузы дверь начала открываться, но Лукас сразу увидел, что цепочку женщина не сняла. В щели появился женский глаз.

— Полиция, — сказал лейтенант.

— Нет! — закричала хозяйка и попыталась захлопнуть дверь.

Она была маленькой, смуглой и немолодой, и Лукас уже не сомневался, что он на верном пути. Когда она попыталась закрыть дверь, он отступил на шаг и ударил ногой; цепочка сорвалась, и они влетели внутрь, а женщина неловко побежала в заднюю часть дома. Дэвенпорт легко ее догнал и ударил по спине, она упала лицом вниз. Дел встал у входа в гостиную, держа пистолет наготове, и быстро осмотрелся.

— Не вздумай пошевелиться, — прорычал Лукас. — Ты меня поняла?

За тридцать секунд полицейские осмотрели первый этаж с двумя спальнями и стали осторожно подниматься по лестнице. В коридоре они остановились.

Дэвенпорт услышал, что Барбара встала, и крикнул напарнику:

— Оставайся здесь.

Он побежал вниз.

Гоу уже подходила к входной двери, когда Лукас ударил ее снова. Она закричала и упала, а он подтащил ее к стене и приковал наручниками к батарее. Дел ждал на втором этаже, лейтенант поднялся наверх, и они тщательно все осмотрели. Пусто.

Спустившись вниз, они еще раз заглянули в спальни в поисках следов Воронов и очень быстро нашли нужные улики: стопка неотосланных пресс-релизов, одежда для двух мужчин.

— Я поговорю с ней, — сказал Лукас напарнику. — А ты позвони Андерсону и расскажи, что нам удалось узнать. Пусть пришлет ордер на обыск, с этим мы разберемся позже. И еще надо вызвать группу захвата — террористы должны сюда вернуться.

Пока Дел звонил, Дэвенпорт подошел к Барбаре Гоу, которая лежала на боку, подтянув колени к лицу. По ее щекам катились слезы. Полицейский снял наручники и подтолкнул ее ногой.

— Сядь.

— Не делайте мне больно, — простонала она.

— Сядь, тварь! — прорычал лейтенант. — Ты арестована по обвинению в убийстве первой степени. Ты имеешь право хранить молчание...

— Я ничего не сделала.

— Ты соучастница! — сказал Лукас, присаживаясь на корточки рядом с ней.

Он почти кричал, сознательно брызгая слюной ей в лицо.

— Где Вороны?

— Я не знаю никаких Воронов...

— Ерунда. Здесь их вещи.

Он схватил ее за блузку и встряхнул.

— Я не знаю, — сказала она. — Мне неизвестно, куда они уехали. Они взяли мою машину.

— Она лжет, — вмешался Дел. Лукас поднял голову и обнаружил, что напарник стоит над ними. Его зрачки расширились, он не брился несколько дней. — Побудь с ней немного. Я схожу в ванную.

Дэвенпорт ждал, наблюдая за лицом Барбары. Через несколько секунд они услышали, как в ванну набирается вода.

— Что ты собираешься делать? — спросил Лукас, когда Дел вернулся.

Он старался, чтобы в его голосе появилось любопытство, но не тревога.

— У нее превосходная горячая вода, — заявил Дел. — Пожалуй, мы устроим этой стерве ванну.

— Черт, как жаль, что я сам не догадался, — радостно воскликнул Дэвенпорт.

Гоу попыталась откатиться в сторону, но Дел схватил ее за волосы.

— Тебе известно, как часто старые женщины тонут в ванной? Не могут выбраться из кипятка?

— Это настоящая трагедия, — добавил Лукас.

— Отпустите меня! — закричала Барбара, начиная сопротивляться.

Но Дел уже тащил ее по полу к ванне. Она пыталась его ударить, но он не обращал на нее внимания.

— На кухне есть кофе, — сказал полицейский. — Вскипяти воды, выпьем по чашечке. Это не займет много времени, она не выглядит сильной.

— Они уехали, чтобы убить Клея, — выпалила Гоу.

— Боже мой.

Дел ее отпустил, и мужчины склонились над лежащей Барбарой.

— Они не смогут до него добраться, — возразил Лукас. — Он находится под постоянной охраной.

— Клей ускользнул от своих телохранителей, — сказала Гоу. — Он любит заниматься сексом с маленькими девочками, и он сейчас без охраны.

Дэвенпорт посмотрел на коллегу.

— Черт возьми! Они не пытались найти брешь в системе безопасности, а просто выманили его. Позвони Андерсону, пусть свяжется с федералами. Выясни, где Клей. И найди шефа.

Дел побежал в коридор к телефону, а Лукас схватил женщину за волосы.

— Рассказывай остальное. Я дам показания в суде в твою пользу. Скажу, что ты помогала; возможно, тебя не посадят. Куда они поехали?

Слезы бежали по ее лицу, она рыдала и не могла говорить.

— Отвечай! — закричал полицейский и сильно дернул женщину за волосы.

— Кристофер Дрейк. Корки Дрейк. Он живет где-то в Кенвуде, — сквозь рыдания прошептала Барбара Гоу. — Клей ходит к нему в дом, и тот обеспечивает его девочками.

Дэвенпорт отпустил ее и помчался в кухню, где Дел разговаривал по телефону.

— Мне нужно уходить, — закричал он. — Оставайся с ней. Скажи Андерсону, что я позвоню через десять секунд. Вызывай подкрепление.

Лукас добежал до «порше», сел за руль и связался с полицией.

— Кристофер Дрейк, — сказал он дежурному. — В Кенвуде. Мне срочно нужен адрес.

Через двадцать секунд, когда он сворачивал на Франклин-авеню, сведения у Дэвенпорта уже были.

— Все, кто у нас есть, — срочно туда. Без сирен, но как можно быстрее, — передал он диспетчеру.

На связь тут же вышел Андерсон.

— Я говорю с Делом, мы подключаем ФБР. Как скоро ты доберешься до дома Дрейка? Лейтенант проехал на красный свет и сделал быстрый подсчет.

— Если ни в кого не врежусь, то примерно через две минуты.

Он пересек сплошную осевую и по встречной полосе обошел две машины. Стрелка спидометра уперлась в отметку шестьдесят миль в час.

Патрульный автомобиль описал дугу и начал удаляться. Аарон вздохнул, посмотрел на часы и сказал:

— Пора.

До дома Дрейка оставалось четверть мили. Перед ним они развернулись, чтобы можно было сразу уехать, и оставили машину у тротуара. Все пространство вокруг заросло лесом, и они рассчитывали, что их никто не заметит.

— Давай вытащим шпалу, — сказал Сэм, когда они выходили из машины.

Аарон посмотрел на небо, пока его брат открывал багажник.

— Подходящая луна для убийства, — сказал Аарон.

В тишине звукоизолированной спальни девочка сбросила на пол кимоно и скользнула в постель. Лоуренс Дабервилль Клей стащил с себя нижнее белье и улегся рядом с ней. Девочка положила ему руку на грудь.

— Как хорошо пахнет, — сказала она.

Он посмотрел через ее плечо на видеокамеру и экран монитора. Освещение было правильным. Этот вечер останется в памяти надолго.

Лео сунул обрез под мышку, а Вороны вытащили железнодорожную шпалу из машины, держа ее за ручки. Таран. Вес почти сто фунтов, ударная поверхность не больше чем головка молотка. Лучше, чем любая кувалда.

Со шпалой в руках они быстро пересекли темный двор.

— Давайте еще раз все повторим, — сказал Лео.

— Мы с Аароном работаем тараном, — монотонно заговорил Сэм. — Как только нам удастся выбить дверь, мы его бросаем, а ты вбегаешь в дом и берешь на мушку тех, кто там окажется. Аарон контролирует первый этаж, не давая никому выйти, а мы с тобой поднимаемся наверх по лестнице. На втором этаже четыре спальни, они должны находиться в одной из них.

— Бросаем шпалу, входим, всех берем на мушку, затем Аарон остается внизу, а мы поднимаемся наверх.

— Клей не расстается с пистолетом, вы видели фотографии, — сказал Аарон и посмотрел на луну. — Так что будьте осторожны.

Стараясь держаться ближе к деревьям, они перебежали открытое пространство и остановились возле куста сирени, чтобы удобнее подхватить шпалу.

— Ты готов? — спросил Аарон.

— Пошли, — ответил Сэм.

Они неловко побежали к двери, остановились, раскачали таран и нанесли мощный удар. Конец шпалы угодил двумя дюймами ниже ручки — и дверь тут же распахнулась, словно ее взорвали динамитом. Они бросили таран, и через мгновение Лео влетел в комнату. Дрейк вскочил на ноги, раскрыв рот. Он был одет в жемчужно-серый костюм и розовую рубашку с

открытым воротом. Лео с перекошенным от ненависти лицом показал ему оружие и хриплым шепотом сказал:

— Где он?

Верность никогда не обременяла Дрейка.

— На втором этаже, — тут же выпалил он. — Первая дверь налево.

— Если его там не будет, подонок, первая пуля твоя, — прорычал Лео.

— Он там...

Аарон остался с Дрейком, а Сэм и Лео подхватили шпалу и направились к лестнице. Толстый ковер заглушал их шаги. Поднявшись на второй этаж, они посмотрели друг на друга, и Лео поднял обрез. Затем они ударили тараном в дверь спальни. Она оказалась не больше сопротивления, чем входная. Лео вошел первым.

Играла легкая музыка, мягкий свет не резал глаза, но позволял наблюдать за происходящим со стороны. На стальной треноге стояла видеокамера, рядом мерцал экран телевизора. На красной атласной простыне развалился голый Клей, его кожа казалась непристойно белой, он походил на слизняка. Рядом лежала девочка — такая же бледная, как он, если не считать полоски алой помады на губах.

— Уходи, — сказал Лео ребенку, взмахнув обрезом.

— Подожди, — начал Клей.

Девочка откатилась от Клея и соскользнула с кровати.

— Ради бога, подожди, — сказал Клей.

— Встать, — рявкнул Лео. — Это гражданский арест.

— Что?

— Встать и повернуться, мистер Клей, — продолжал Лео. — В противном случае, клянусь богом, я разнесу тебя на куски.

Испуганный мужчина выбрался из кровати и повернулся. Сэм сунул пистолет в карман, вытащил из-за пояса обсидиановый нож и встал у него за спиной.

— Мы намерены надеть на тебя наручники, мистер Клей, — сказал Сэм. — Заведи руки за спину...

— Вы Вороны...

— Да. Мы Вороны.

— Я вас знаю? Мы встречались прежде? Ваши лица...

Директор ФБР смотрел на шторы, закрывавшие окна, которые выходили на подъездную дорожку. Свет фар полоснул по асфальту, затем появились красные огни.

— Полиция, — сказал Лео.

— Мы встречались много лет назад, — напомнил Сэм. — В Фениксе.

Клей начал поворачивать голову, в его глазах появилось понимание, но тут Сэм одной рукой схватил его за волосы, а другой приставил к шее нож. Директор ФБР закричал и попытался вырваться, девочка завизжала и бросилась к двери. Кровь хлынула на руки Клея, и он, схватившись за горло, упал лицом вверх на постель.

— Уходим! — воскликнул Сэм.

— Беги! — крикнул Лео.

Ворон выбежал из спальни, а Лео подошел к лежащему на спине Клею и выстрелил ему в грудь.

Дэвенпорт свернул на дорогу в форме петли, опережая первую патрульную машину на

пятьдесят ярдов. Ему пришлось сбавить скорость, чтобы проверить адрес, но затем он увидел фургон Барбары Гоу на улице и распахнутую дверь в белый дом, построенный в колониальном стиле. Он свернул к тротуару, нажал на тормоз и выскочил наружу с Р-7 в руке. Патрульный экипаж въехал вслед за ним, сзади Лукас видел огни других полицейских автомобилей. Он мгновение подождал и услышал выстрел из обреза...

— Копы! — закричал Сэм с верхней площадки, и его крик едва не заглушил грохот выстрела.

Они с Аароном предпочитали пистолеты сорок пятого калибра, старого образца — именно они и были сейчас у них в руках. Голая девочка, сбегавшая вниз по лестнице, увидела Аарона и остановилась. Сэм промчался мимо нее, вслед за ним — Лео.

Дрейк, держа руки на голове, начал отступать.

— Выродок, — сказал Аарон и выстрелил ему в грудь.

Корки отбросило назад, он упал за диван и исчез за ним.

— Через задний ход? — крикнул Лео.

— К дьяволу, — сказал Аарон. — Очистим подъездную дорожку при помощи обреза, а потом свалим отсюда.

Лео побежал к двери. Фары автомобилей были направлены прямо на нее, но ему удалось разглядеть фигуры полицейских. Он сделал три быстрых выстрела подряд, разрядив обрез, и нырнул обратно в дом, когда в ответ началась бешеная стрельба.

— Иди к заднему ходу, — сказал ему Аарон.

Он поцеловал Лео в щеку и посмотрел на своего двоюродного брата.

— Время умирать, плоскоголовый придурок! — закричал Сэм.

Между тем ответный огонь прекратился. Послышались крики, и Сэм ощутил запахи, витавшие в доме. В следующее мгновение Аарон поспешил к двери, его кузен устремился за ним, отставая всего на шаг; оба сжимали в руках пистолеты.

Лукас обернулся к полицейскому и сказал:

— Пошлите кого-нибудь к заднему ходу. Они здесь, я только что слышал...

Он так и не договорил. В доме раздался выстрел, а после небольшой паузы из открытой двери начали стрелять. В темноте вспышки были подобны молниям, полицейский, который направился к заднему входу, упал. Между тем подъезжали новые патрульные машины, из них выскакивали люди — через мгновение еще один оказался на земле, сраженный пулей из обреза.

Дэвенпорт трижды выстрелил в сторону двери, а после того как человек с ружьем скрылся, побежал к дому. В этот момент наружу выскочили Вороны, оба отчаянно палили по полицейским. Лукас сделал два выстрела в того, что был впереди, остальные также открыли огонь. Вороны рухнули на землю, но пули еще долго продолжали ударять в песок и с глухим стуком входить в лежащие тела.

А потом наступила тишина.

Еще через несколько секунд слышались слова, похожие на птиц, выпорхнувших в окно спальни.

— Боже мой, — сказал кто-то. — Боже мой.

Сирены. Шум помех в рациях. Еще сирены. Много сирен. Лукас присел на корточки за

машиной.

— Где обрез? — воскликнул он. — Кто-нибудь видел обрез?

Раненый полицейский звал на помощь. Еще один неподвижно лежал на земле.

— Кто блокирует заднюю дверь? — закричал кто-то.

— Никто. Пошлите туда людей.

Патрульный в форме возник в свете фар и начал оттаскивать в сторону раненого товарища. Дэвенпорт выпрямился, направил пистолет в сторону двери и сделал два выстрела.

— Он умер! — закричал полицейский, склонившийся над своим коллегой. — Господи, где врачи?

К дому подъехала еще одна машина, из которой выскочил Слоун.

— Услышал вас по радио, — проворчал он. — Что здесь?

— Возможно, внутри человек с обрезом.

На пороге кто-то появился, два или три человека закричали, предупреждая о грозящей опасности.

— Не стрелять, не стрелять! — воскликнул кто-то.

Лукас увидел девочку, которая медленно выходила из дома.

— Кто там остался? — спросил Дэвенпорт, когда она оказалась на дорожке.

— Никого, — расплакавшись, ответила она. Потом обернулась назад, слово все еще не могла поверить своим глазам. — Там все мертвые.

— Я не знаю, что еще мы могли сделать, — сказал Лукас. Произнесенная фраза показалась ему попыткой оправдаться, он говорил быстро и отрывисто, как будто его слова сходили с ленты телетайпа. — Ворвавшись внутрь, мы могли бы спасти Клея. Мы шли за ними по пятам.

— Ты поступил правильно, — мрачно сказал Даниэль. — Он ускользнул от охраны, чего нельзя было делать. Должно быть, Вороны знали, что так будет. Они заманили его в ловушку, чтоб им всем гореть в аду. Бедняга Вильсон мертв, Биллоу может остаться калекой — и во всем виноват чертов Клей.

— Вероятно, с ружьем был Тень Любви, — сказал Дэвенпорт.

Он стоял, опираясь спиной о стену, засунув руки в карманы и опустив голову. Рубашка лейтенанта была испачкана кровью. «Наверное, это кровь Биллоу», — подумал он. На одной из его туфель исчез каблук. Пуля? Лукас не знал. Нога болела, но он не обнаружил ни царапины. Капитан в полицейской форме с бледным как бумага лицом стоял в коридоре и смотрел на них.

— Он прикончил Клея, Вильсона и Биллоу — всех троих, — продолжал Лукас. — Один из Воронов, вероятно, застрелил Дрейка. Проклятый Тень Любви застал нас врасплох с своим обрезом...

— Перестрелка продолжалась восемь секунд, — перебил его шеф. — Результат получен после обработки пленки видеозаписи...

— Невероятно...

— Главное сейчас — Тень Любви, — сказал Даниэль. — Похоже, он скрылся через задний выход. Мы блокировали все окрестности. К утру мы его возьмем; я очень надеюсь, что он не успел сбежать до того, как мы поставили оцепление.

— А что, если он спрятался у кого-то в доме? Взял чью-то семью в заложники?

— Мы обыщем все вокруг.

— Этот негодяй — сумасшедший, и он вооружен, а мы только что убили его отцов...

Они стояли в пахнущем антисептиком коридоре медицинского центра Хэннепина, возле операционной, от которой их отделяла лишь одна дверь, — обычно никого так близко не подпускали. Еще две дюжины родственников, друзей и полицейских находились поблизости и ждали новостей.

В вестибюле собралось около сотни репортеров. Врачи и медсестры входили и выходили из операционной, половина из них делала это из обычного любопытства, но все сохраняли официальный строгий вид. Всем хотелось узнать, что происходит.

Клея привезли в больницу, но он был мертв; Дрейк, получивший выстрел в сердце, тоже. У первого полицейского мозг уже отключился, впрочем, он еще дышал. Больница вела переговоры с родственниками относительно использования его органов. Второй находился на операционном столе. Медсестра сказала, что операцию проводит та женщина-хирург, которая занималась Лили. Позднее к ней присоединились еще два помощника, а через час операция закончилась, и врач вышла, чтобы сообщить о результатах.

— Вы, парни, просто завалили меня работой, — мрачно сказала она.

— Как он?

— Пройдет еще некоторое время, прежде чем можно будет дать определенный ответ. Нейрохирург должен изучить состояние спинного мозга. Туда попали осколки кости, но пока он функционирует нормально...

— Он сможет ходить?

Рыжеволосая женщина пожала плечами.

— Что-то он потеряет, но не все. Нам необходимо заключение уролога. Несколько дробинок попали в яички.

Полицейские поморщились.

— Он лишится...

— Мы проводим тесты. Пока ничего определенного сказать нельзя. Он сможет нормально жить даже с одним, но возможны осложнения... У него есть дети?

— Да, трое или четверо, — ответил Даниэль.

— Хорошо, — сказала хирург, сняла маску и перчатки и устало бросила их в корзину. — Теперь мне нужно поговорить с семьей.

Она направилась к родным Биллоу, когда входная дверь распахнулась и вошел мэр в сопровождении помощника и агента ФБР.

— Нам нужно что-то сообщить телевизионщикам, — сказал мэр.

— Полагаю, необходимо продолжить расследование... — довольно резко сказал агент ФБР.

— Ерунда, у нас есть Дэвенпорт и полдюжины полицейских, которые видели девочку, у нас есть ее показания и его тело. Нет никаких сомнений...

— Сомнения есть всегда, — возразил фэбээровец.

— У нас есть видеозапись, — сказал Даниэль.

— О господи, — пробормотал агент, подошел к стене и прижался к ней лбом.

— Мы можем заключить сделку, — сказал мэр Даниэлю. — Клей был одной из ключевых фигур, занимающихся борьбой с преступностью в администрации президента. Я не знаю, что мы сумеем получить, но речь может идти об очень серьезных вещах. Крупные вложения в обновление города, новая система канализации, новые вертолеты — вы сами назовите цену.

Шеф полиции покачал головой.

— Нет.

— Почему? — резко спросил агент ФБР. — Почему, черт возьми? Мы ведь договорились после истории с Биллом Худом. Помните, что вы сказали? «Мы всегда договариваемся».

— Но у этого правила есть следствие, — заметил Даниэль.

— И в чем оно состоит?

— Мы всегда договариваемся, но иногда бывают исключения, — Даниэль посмотрел на мэра. — И сейчас настал именно такой момент.

Мэр кивнул.

— Во-первых, это просто непорядочно.

— А во-вторых, правда все равно выйдет наружу, — добавил полицейский. — Вы сами выступите перед камерами или хотите, чтобы это сделал я?

— Выступать будете вы, а я позвоню в Белый дом, — ответил мэр. — Грязное дело, но бывает и хуже. Может быть, мне удастся как-то смягчить ситуацию...

Агент ФБР попросил мэра сначала поговорить с президентом и лишь после этого делать заявление для прессы; помощник сказал, что им нечего терять. Даниэль заметил, что возникшая дискуссия может привести к серьезным политическим неприятностям: они говорят о заговоре, чтобы скрыть преступление. Политики стали сдавать позиции. Фэбээровец продолжал возражать. Спор становился все жарче, и Лукас почувствовал, как на него наваливается усталость, ему стало душно.

— Я ухожу, — сказал он шефу. — Я вам больше не нужен, а мне необходимо отдохнуть.

— Хорошо, — кивнул Даниэль. — Но не забывай о Тени Любви.

На выходе Дэвенпорт встретил Слоуна.

— Ты в порядке? — спросил детектив.

— Да, — устало ответил Лукас. — С учетом всего, что произошло.

— Что с Вильсоном?

— Он мертв. Они продают его сердце и легкие, печень и почки, возможно, даже член...

— Дьявольщина, — с отвращением пробормотал Гаррисон.

— Биллоу выживет. Но он потеряет одно из яичек.

— Господи... — Слоун провел рукой по волосам. — Ты заходил к Лили?

— Нет.

— Послушай... — начал он.

Он явно колебался, и Дэвенпорт спросил:

— Что такое?

— Теперь, когда ее муж здесь, ты чувствуешь себя виноватым?

Лукас немного подумал, а потом покачал головой.

— Нет, — ответил он.

— Хорошо, — сказал Слоун. — Ты правильно поступаешь.

— В мою машину стреляли, черт возьми, — проворчал Дэвенпорт. — Мой страховой агент выпрыгнет в окно, когда об этом услышит.

— Тут ты сочувствия не дождешься, — сказал детектив. — Ты самый удачливый негодяй из всех живущих на земле. Котрон сказал, что ты шел прямо на пистолеты Воронов, как Иисус по воде, но не получил даже царапины.

— Я не слишком хорошо это помню, — признался Лукас. — У меня в голове все перемешалось.

— Да. Не принимай близко к сердцу.

— Конечно.

Дэвенпорт кивнул и захромал прочь по коридору.

«Порше» получил три попадания. Лукас покачал головой и сел за руль.

Ночь была не слишком холодной. Он на зеленый свет проехал через Петлю и, не останавливаясь, выскочил на автостраду. Затем включил автопилот: двинулся на восток через реку, свернул на Критин-авеню и помчался по бульвару Миссисипи на юг, к дому.

Там его ждала Дженнифер.

Ее машина стояла на подъездной дорожке, в окне горел свет. Он подъехал к гаражу, нажал на кнопку дистанционного подъема двери и стал ждать. Женщина подошла к окну и выглянула. Она держала на руках ребенка.

— Я испугалась, — просто сказала она.

— Я в порядке, — сказал Дэвенпорт.

Он вышел из машины и, прихрамывая, направился к дому.

— А что с остальными?

— Один полицейский мертв. Другой довольно серьезно ранен. Вороны убиты.

— Значит, все кончено.

— Не совсем. Тень Любви сумел сбежать.

Они стояли на кухне на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Дженнифер рассеянно качала ребенка.

— Нам нужно поговорить. Я не могу просто уйти от тебя. Думала, что получится, но я ошиблась.

— Послушай, Джен, сейчас я не в себе. Я плохо понимаю, что происходит...

Он огляделся, и мирная тишина вокруг показалась ему неуместной шуткой.

— Впрочем, давай поговорим...

Тень Любви услышал о перестрелке по радио и теперь ждал, спрятавшись в зарослях на склоне холма, уходящего к реке. Он рассчитывал, что пристрелит Дэвенпорта, когда тот выйдет из автомобиля, но не ожидал, что ворота гаража открываются автоматически. Створка ушла вверх, а Дэвенпорт остался сидеть в машине. Индеец хотел перебежать улицу, но дом полицейского находился слишком далеко от дороги. Нет, он бы не успел.

Когда за «порше» закрылись ворота, Тень Любви прошел пятьдесят ярдов, стараясь держаться в тени ветвей большого дуба. Он пересек улицу возле соседнего дворика и оказался в темном пространстве за гаражом Дэвенпорта. Въездные ворота обычно были довольно прочными. А вот задние входы гаражей не отличались особой надежностью, ведь они не вели в дом. Тень Любви скользнул вдоль стены и подергал за ручку. Закрыто.

В дверях были две стеклянные вставки. Тень Любви снял куртку, обернул рукавом костяшки пальцев и начал давить на стекло, постепенно усиливая нажим. Наконец оно треснуло едва слышно, но он подождал, досчитал до трех, а потом снова принялся надавливать на стекло возле разлома. На нем появились новые трещины. Два небольших куска почти бесшумно упали внутрь. Тень Любви замер, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг: все замерло, он не ощущал ни малейшего движения. Он засунул мизинец, обернув его тканью куртки, в отверстие и осторожно вытащил наружу более крупные осколки. Еще через минуту он сумел просунуть внутрь руку. Повернув ручку, он вошел в гараж.

Здесь не было полной темноты — из соседнего дома внутрь проникал отраженный свет, позволивший ему различить машину. Положив левую руку на теплый капот «порше», он стал медленно двигаться к двери, ведущей в дом. Правая рука Тени Любви сжимала пистолетную рукоять М-15. Когда он подойдет поближе, то выстрелит в замок и окажется в доме через пару секунд...

Он не заметил лопаты, которая висела на стене гаража, зацепился за нее рукавом, и лопата рухнула на пол, звонко стукнула о машину и с грохотом откатилась в сторону.

— Что такое? — насторожившись, спросила Дженнифер.

Лукас уже знал.

— Тень Любви, — произнес он.

— В подвал, — прошептал Лукас.

Он взял Дженнифер за плечо и подтолкнул к лестнице, одновременно вытаскивая пистолет. Она обхватила Сару двумя руками и, перепрыгивая через три ступеньки, побежала вниз. В следующее мгновение Дженнифер уже была в подвале.

Оглушенный грохотом упавшей лопаты, Тень Любви поднял М-15 и трижды выстрелил от бедра в дверной замок. Одна пуля прошла сквозь дверь и застряла в кухонном шкафу. Две другие разбили замок, и дверь распахнулась. Вспышки выстрелов частично ослепили Тень Любви, он ощутил запах пороха. Сделав два шага к двери, он бросился на пол, и в этот момент три пули просвистели над ним.

Дэвенпорт спускался в подвал вслед за Дженнифер, но остановился, не доходя трех ступенек до самого низа. Женщина распласталась у стены, прижимая к себе ребенка. Ее лицо было искажено, словно она хотела заплакать, но не могла — такое лицо можно увидеть разве что в кривом зеркале. Лукас будет помнить его до конца жизни — образ полного ужаса. Как только раздался первый выстрел Тени Любви, Сара заплакала, но Дженнифер лишь еще сильнее сжала дочь, съезжившись у стены.

— В мастерскую! — крикнул Дэвенпорт, прижимаясь к стене и направляя пистолет в сторону лестницы. — Спрячься под верстаком.

Следующие две пули Тени Любви ударили в стены кухни. Дверь в гараж находилась под углом к лестнице. Лукас трижды выстрелил в дверной проем, рассчитывая попасть в Тень Любви, когда тот попытается войти. Из гаража донесся шум, а затем последовала длинная серия выстрелов. Дэвенпорт соскользнул на пол, и в этот момент кусочки винилового покрытия на лестничной площадке полетели во все стороны: пули врезались в стену у него над головой.

Тень Любви имел преимущество, ведя огонь из гаража: его пули летели вниз, и он знал, куда их следует направлять, а Лукас не видел цели. Индеец понимал это. Дэвенпорт услышал, как загрохотал бак с мусором, и отважился подняться вверх и дважды выстрелить в стену, рядом с которой стоял бак. Тень Любви тут же ответил, и, хотя пули по-прежнему проносились выше, Лукас был вынужден спуститься вниз и отступить в мастерскую, оставив дверь открытой.

Теперь Тень Любви полностью контролировал лестницу.

В гараже пахло порохом, выхлопными газами и бензином от газонокосилки. Тень Любви, тяжело дыша, стоял на четвереньках у двери в дом и пытался понять, сколько выстрелов он сделал. Восемь или девять — лучше считать, что девять. В обойме было тридцать патронов, кроме того, у него в куртке имелась запасная. Возможно, ему потребуются все патроны — их даже может не хватить, если Дэвенпорт забаррикадируется в подвале.

Вновь появилось черное пятно, и Тень Любви почувствовал, как в его сердце зреет гнев. Весьма вероятно, что коп его убьет. Он находился на своей территории и был хорошо подготовлен; к тому же Тень Любви чувствовал, что удача от него отвернулась, когда он не

сумел ликвидировать женщину из Нью-Йорка.

И все же он сказал себе, что должен попытаться. Черное пятно росло, оно взывало к нему, и ярость растекалась по венам, как огонь.

Дженнифер съежилась под верстаком, прикрывая своим телом Сару, которая кричала не переставая.

— Что нам делать? — повторяла женщина. — Что делать?

— Скоро должны появиться полицейские из Сент-Пола. Нам нужно продержаться всего несколько минут, — сказал Лукас. — Он либо попытается войти, либо убежит. Не высовывайся.

Дэвенпорт боком отполз назад к сейфу, где держал оружие, и стал набирать шифр. Он ошибся, выругался и попробовал снова.

Тень Любви наверху не мог принять окончательное решение. Он понимал, что ему не удастся долго скрываться от полиции. У него нет надежного убежища, его фотографии повсюду. Если он будет соблюдать осторожность, остается шанс угнать машину и уехать из города. Но после убийства Клея на него начнется беспощадная охота. Ему не представится еще одного шанса с Дэвенпортом, и он не отомстит за своих отцов. С другой стороны, коп вооружен и ждет его в доме, который превосходно знает. Если он попытается напасть, спустившись вниз по лестнице, Дэвенпорт его наверняка убьет.

Тень Любви затаил дыхание. Тишина, сирен не слышно. Ночи в октябре довольно прохладные. Люди закрывают окна, в каминах потрескивают дрова; возможно, соседи не обратили внимания на перестрелку. Впрочем, бульвар Миссисипи — любимое место для бега трусцой. Ему очень повезет, если никто еще не сообщил в полицию о выстрелах. Он должен каким-то образом выманить Дэвенпорта из подвала как можно быстрее.

Он сидел на корточках у двери, направив дуло М-15 в сторону ведущей в подвал лестницы — и тут Тень Любви заметил телефон на стене.

«Черт! Может, внизу есть еще один аппарат?» — подумал он.

Индеец присел, как бегун на старте, прислушался, а затем метнулся сквозь открытую дверь в кухню, упал на пол, перекатился и тут же развернулся, наведя М-15 на лестницу. Ничего. Он внутри.

Продолжая держать под прицелом дверь на лестницу, Тень Любви сделал шаг назад и снял телефонную трубку свободной рукой. Он услышал гудок. Хорошо. Оставив трубку висеть на проводе, он двинулся обратно к двери, бесшумно ступая в своих теннисных туфлях.

Ему необходимо выманить Дэвенпорта. Он рискнул и, бросив быстрый взгляд в сторону лестницы, сделал шаг вперед, чувствуя, как скрипят половицы под ногами. Неожиданно его осенило: пол не остановит очередь из М-15.

Двигаясь на полусогнутых ногах, он быстро прошел мимо открытой двери на лестницу в гостиную, вновь прислушался и сделал еще полдюжины шагов в глубину дома. Венецианское окно выходило на улицу. Никого. Тень Любви направил М-15 вниз и сделал шесть быстрых выстрелов в пол.

Лукас распахнул дверь сейфа, когда Тень Любви открыл огонь. Это явилось для него полной неожиданностью. Воздух подвала наполнился щепками, выбитыми пулями двести двадцать третьего калибра^[36] — словно сотни яростных пчел пошли в атаку. Дженнифер

отчаянно вскрикнула и перекатилась, одной рукой защищая голову, а телом закрывая плачущую дочь.

— Сара! Сара! — причитала Дженнифер, обнимая малышку.

— Сюда, — закричал Лукас, как только стрельба прекратилась. Меняет обойму? — Джен, Джен, сюда...

Дженнифер была частично защищена верстаком, она сидела и плакала, прижимая ребенка к груди. Дэвенпорт подполз к ней и потянул за собой, но она начала отбиваться, не понимая, что происходит.

— В сейф, в сейф...

Лукас потащил женщину и кричащую Сару к старому сейфу, вышвырнул на пол оружие и без всяких церемоний затолкнул Дженнифер с ребенком внутрь.

— Сара! — закричала Дженнифер.

Она повернула малышку, и Лукас увидел, что несколько щепок попало ей в спину.

— Не прикасайся к ним, — крикнул он.

Они с Дженнифер находились всего в нескольких дюймах друг от друга. Сара уже не могла плакать, она лишь с трудом дышала, широко раскрыв от ужаса глаза.

— Держи дверь приоткрытой на один дюйм. На один дюйм. Ты поняла? С вами все будет в порядке, — прокричал Дэвенпорт. — Ты поняла?

— Да, да... — кивнув, выдохнула женщина, не выпуская Сару.

Он оставил их в сейфе.

Всего у Лукаса было двенадцать ружей и пистолетов; он выбрал четыре, прихватив три коробки с патронами. Место под верстаком, где до этого пряталась Дженнифер, оказалось самым безопасным — там и расположился полицейский. Здесь он был защищен от прямых попаданий и мог держать под контролем лестницу. Для начала он зарядил двустволку «браунинг ситори», это ружье двенадцатого калибра он использовал для охоты. Патроны нашлись только с дробью номер шесть, но это его вполне устраивало. На короткой дистанции такой заряд способен снести человеку голову.

Затем он зарядил два пистолета «голд кап» сорок пятого калибра, с которыми выступал на соревнованиях, с обоймами на семь патронов и с одним в стволе. Когда Лукас закончил заряжать девятимиллиметровый Р-7, он решил, что противник, возможно, ушел — стрельбы не было почти минуту...

Тень Любви слышал, как кричит женщина, как ей отвечает Дэвенпорт, но слов разобрать не сумел. Ему не удалось определить, где они находятся, — мешали стены, но потом он решил, что голоса доносятся со стороны дальнего конца подвала. Несколько секунд он смотрел на лестницу, потом сделал дюжину быстрых шагов почти до самой стены и снова дал очередь в пол. Но на этот раз он стрелял на бегу к двери подвала, оставляя на ковре неровную дорожку следов от пуль.

Щепки и металлические осколки наполнили воздух, вонзаясь в спину и рукав рубашки Дэвенпорта. Он получил несколько ранений, но все они имели поверхностный характер. Лукас потерял спину и почувствовал боль в тех местах, где острые обломки дерева прошли сквозь одежду. Если оставаться в подвале, то можно лишиться глаз. Противник пробежал вдоль всего подвала. Лукас держал два пистолета наготове. Если индеец предпримет еще одну попытку...

Тень Любви рассчитывал на рикошет, а не на осколки. Он представил себе, как по подвалу, отскакивая от стен, со свистом проносятся пули. Мысль о том, что он оставил след, тянувшийся по всему дому, доставила ему удовольствие. Теперь он ждал, что Дэвенпорт выскочит на лестницу. Ждал, ждал и ждал... Ничего. Тень Любви прикинул, сколько у него осталось патронов. Он сделал не меньше двадцати выстрелов. Вытащив обойму, он вставил новую и проверил, сколько патронов в старой. Шесть. Пока у него есть чем сражаться.

Он подождал еще несколько секунд, затем вернулся обратно, выбрал другой путь и вновь побежал, поливая пулями пол. Индеец почти добрался до лестницы, когда ковер впереди неожиданно подпрыгнул футах в шести перед ним, и он понял, что Дэвенпорт стреляет в него, используя оружие крупного калибра: пули пробивают пол и уходят в потолок — рядом, совсем рядом. Тень Любви бросился в гараж.

Лукас смотрел, как перемещается стрелок, стараясь предвидеть, где противник окажется в следующий момент, а затем выстрелил из одного из пистолетов сорок пятого калибра. Лукас не особенно рассчитывал, что сумеет попасть, но надеялся, что Тень Любви перестанет стрелять сквозь пол.

Когда огонь прекратился, Дэвенпорт быстро вернулся к сейфу.

— Джен, Джен?

— Что?

— Когда он в следующий раз начнет стрелять сквозь перекрытие, я выключу рубильник и попробую прорваться к лестнице. Свет погаснет. Ты должна сохранять спокойствие.

— Хорошо.

Ребенок тихо всхлипывал. Голос Дженнифер стал отстраненным и холодным, она сумела взять себя в руки.

Патроны в одном из пистолетов почти кончились. Лукас положил его на пол, засунул второй в карман брюк и стал ждать, нацелив ружье на ступеньки лестницы. Рядом с ним находился рубильник.

Стрельба в пол не принесла успеха: индеец не знал, попал ли он в Дэвенпорта, а его время подходило к концу. Черное пятно увеличивалось, оно давило на сознание. «Нападай сейчас. Ты должен атаковать».

Дверь в гараж оставалась распахнутой, и в луче света, падающего из кухни, он увидел канистру с бензином для газонокосилки.

— Вот это да, — прошептал он.

Тень Любви не выпускал из вида лестницу. Вскоре ему удалось обнаружить выключатель в гараже, и он нажал на него.

Рядом с дверью шел ряд полок, уставленных бутылками, в основном пластиковыми. В одной, из коричневого стекла, находился инсектицид для борьбы с древесными жучками. Продолжая направлять М-15 в сторону лестницы, Тень Любви отвинтил крышку и вылил содержимое на пол. Потом он взял канистру и отнес ее к тому месту, откуда мог прикрывать выход из подвала. Стараясь действовать быстро, он наполнил бензином коричневую бутылку объемом в кварту и стал искать затычку. Газета. На полках гаража лежали кипы газет. Он оторвал лист, смял его, намочил бензином и заткнул горлышко.

Когда все было готово, он стремительно проскочил в дверь гаража мимо лестницы в

гостиную. Отсюда он сбросит бутылку на выложенный плиткой пол подвала.

— Эй, Дэвенпорт? — крикнул он.

Ответа не последовало. Он щелкнул зажигалкой, и торчащий из бутылки кончик газеты загорелся.

— А теперь, Дэвенпорт, получай! — крикнул он и швырнул бомбу на ступеньки.

Бутылка разбилась, бензин вспыхнул, мгновенно превратившись в огненный шар.

— ...Получай! — закричал индеец, и бутылка покатила по ступенькам.

Раздался звон, шипение, вспыхнуло пламя.

— Подонок, — пробормотал Дэвенпорт.

Он быстро огляделся и увидел галлоновый бидон с краской. Лукас рванул рубильник, и весь дом погрузился в темноту — единственным источником света оставался огонь на нижней площадке лестницы. Лейтенант бегом пересек подвал, схватил бидон, перепрыгнул через костер, пылавший у основания лестницы, разрядил в направлении выхода одно дуло ружья и помчался вверх, перескакивая через две ступеньки. Когда ему оставалось преодолеть последние три ступени, он швырнул бидон с краской в дверной проем.

Внезапная почти полная темнота на мгновение заставила Тень Любви потерять ориентировку, а Дэвенпорт уже выскочил на лестницу и бежал вверх по ступенькам. Индеец не стал ждать, он выстрелил сквозь стену гостиной, затем повел стволом вслед за смутно различимой фигурой, вновь выстрелил. Вспышка позволила ему различить бидон. Он спустил курок в третий раз и успел подумать: «Нет!»

Первый выстрел едва не снес Дэвенпорту голову: в лицо полетела штукатурка, и он ослеп на один глаз. Второй попал в бидон с краской, а третий позволил ему определить место, где находится враг. Лукас выстрелил из ружья, отбросил его в сторону и вытащил пистолет.

«Нет!» — подумал Тень Любви, теперь хорошо видя Дэвенпорта. Он попытался поймать его в прицел М-15, но движение получилось слишком медленным, лицо врага замерло, словно попавшее в стробоскопический источник света, но это была лишь вспышка дробовика, и Тень Любви почувствовал мощный толчок, подобный удару бейсбольной биты. Его отшвырнуло к стене, отбросило обратно, он все еще пытался развернуть ствол, а его палец судорожно нажимал на спусковой крючок...

Лукас хорошо разглядел Тень Любви во вспышке выстрела двустволки: светлые глаза и ствол М-15, выстрел и ушедшую куда-то в сторону пулю. Но лейтенант уже стрелял из своего «кольта» сорок пятого калибра, а противник падал, падал, послав три последних выстрела в потолок. Дэвенпорт продолжал вести огонь, пока вдруг не почувствовал боль и странный запах, он обернулся, увидел свою горящую брючину, упал и боком вкатился на кухню...

Тень Любви не мог пошевелиться. Он не испытывал боли, но был не в состоянии двинуть даже пальцем. И не мог сесть, не мог переместить винтовку.

«Я умираю. Почему все вдруг прояснилось? Почему стало таким четким?»

Лукас полз по полу кухни в темноте — он знал, что под раковиной лежит огнетушитель. Неужели он слишком старый и не работает? Наконец он нащупал его, сорвал печать и привел в действие. Пена покрыла его ногу, сразу погасив оранжевое пламя, змеившееся по джинсам. Он убрал палец, и струя из огнетушителя иссякла. Дэвенпорт побрел к лестнице и увидел, что бензин все еще горит, но пожар не успел распространиться дальше ковра. Он направил на него огнетушитель, быстро погасил огонь, с трудом добрался до рубильника и включил свет.

— Лукас? — позвала Дженнифер.

— Все хорошо, — хрипло ответил он.

Запах бензина, сгоревшей ткани, пороха и жидкости из огнетушителя образовали тошнотворную смесь. Ему пришлось схватиться за ручку двери, чтобы устоять на ногах.

— Но я ранен.

Он медленно поднялся по ступенькам и осторожно заглянул за угол. Тень Любви лежал на спине, точно груда грязной одежды. Лукас перешагнул через него, направив пистолет ему в грудь, а затем ногой отбросил М-15 в сторону.

Он почувствовал, что Дженнифер стоит у него за спиной.

— Будь ты проклят, — простонал Тень Любви.

Двигались лишь его губы.

— Сдохни, мразь, — прохрипел Лукас.

— Он мертв? — спросила Дженнифер.

— Через несколько минут, — ответил Дэвенпорт.

— Лукас, мы должны позвонить...

Полицейский схватил подругу за рукав куртки и сполз на пол, увлекая ее за собой. Она продолжала держать на руках ребенка, который казался почти сонным.

— Лукас...

— Подождем немного, — сказал Дэвенпорт и, посмотрев на Тень Любви, повторил: — Сдохни, мразь.

— Лукас, — закричала женщина, пытаясь вырваться, — нам нужно вызвать скорую помощь.

Он обернулся к ней и покачал головой.

— Еще рано.

Дженнифер рванулась в сторону, но Дэвенпорт навалился на нее и прижал к полу.

— Лукас...

Она ударила его свободной рукой, и Сара снова начала всхлипывать.

— Кто сказал? Кто нас выдал? — прохрипел индеец. Он все еще не чувствовал боли, только усиливающийся холод.

«Дэвенпорт — подлый сукин сын», — подумал Тень Любви.

— Ты и выдал, — ответил Лукас.

— Я?

— Да. Могила твоей матери. Ты отсылал счета Барбаре Гоу.

— Я? — переспросил парень.

Он выдохнул, на его губах появился и тут же лопнул кровавый пузырь. Солонватый вкус крови был его последним ощущением.

— Умри, — снова сказал Лукас.

Он обращался к мертвецу. Прошло несколько мгновений. Тень Любви не шевелился, и лейтенант отпустил Дженнифер. Она смотрела на него с ужасом.

— Вызывай полицию, — сказал он.

— Ты его взял? — спросил Даниэль.

— Он здесь, — ответил Дэвенпорт. — Убит.

Потом он объяснил, что Дженнифер и его дочь получили ранения, которые выглядят не особенно серьезными.

— А как ты?

— У меня обожжена нога. И все тело в занозах. Мой дом изуродован, — сказал Лукас.

— Ну так возьми выходной, — предложил шеф, но в его голосе не было и тени юмора.

— Очень остроумно, — холодно сказал Дэвенпорт.

— А что ты хотел от меня услышать? Ты в таком состоянии, что я не понимаю, зачем ты разговариваешь со мной по телефону.

— Я должен был кому-то рассказать, — проворчал Лукас.

Он посмотрел через кухню на распахнутую дверь. После того как Дженнифер позвонила по телефону девять-один-один, она решительно вышла во двор, где стала ждать прибытия врачей и полиции. Когда Дэвенпорт ее позвал, она даже не посмотрела в его сторону.

— Отправляйся в больницу, — сказал Даниэль. — Встретимся там через десять минут.

Дженнифер пришлось удалять из руки довольно длинную щепку. Когда ведущий с ТВ-3 позвонил ей, она отказалась говорить с ним.

У Сары оказалось несколько заноз в спине. Доктора сказали, что к тому времени, когда девочка будет достаточно взрослой, чтобы рассказать о том, что случилось, шрамы станут практически невидимыми.

Лукасу пришлось более суток провести в Медицинском центре Рамсея. Сначала там лечили обожженную ногу и извлекали крошки штукатурки из его правого глаза. Пересадка кожи не потребовалось, ему повезло. Глаз удалось промыть: зрение скоро будет в порядке. Когда врачи закончили с глазом, они занялись осколками. К счастью, они вошли в тело не слишком глубоко, но их было множество — в бедре, левой руке и спине.

Утром следующего дня, когда Дэвенпорт покинул больницу, его глаз все еще был закрыт повязкой, но он отправился взглянуть на дом. Когда страховой агент увидит все это, он дважды выпрыгнет из окна.

Во второй половине дня он сделал несколько телефонных звонков и поехал в Медицинский центр Хэннепина, поднялся на лифте в хирургическое отделение и вошел в комнату медсестер, где сидела его подруга.

— Лукас, я сообщила ей о твоём визите, — сказала она. — Лилиан не спит.

— Она одна?

— Ты хотел спросить: «Где ее муж?» Да, он ушел, — с усмешкой сказала женщина.

Другая медсестра, которой едва исполнилось двадцать лет, не удержалась от замечания:

— Это поразительный человек: постоянно ей читает, приносит видеофильмы, покупает деликатесы. Он все время рядом. Никогда не видела таких... — она помолчала, подыскивая подходящее слово, — преданных мужчин.

— Как мой кокер-спаниель, — закончила подруга Лукаса.

Лили сидела в кровати и смотрела шоу Леттермана.

— Привет, — сказала она, выключила телевизор, и Леттерман исчез. Ее лицо было бледным, но сегодня она говорила без усилий. — Ты до него добрался. А он до тебя. Ты ужасно выглядишь.

— Благодарю, — отозвался мужчина, поцеловал ее в губы и сел на стул рядом с кроватью. — Но ему досталось больше.

— Хм. Легенда о Лукасе Дэвенпорте выросла еще на пару дюймов.

— А как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Вполне прилично, если не смеюсь и не читаю, — ответила Лили. Она выглядела усталой, но не больной. — У меня проблемы с ребрами. Сегодня меня заставили ходить. Было больно.

— Как долго тебя здесь продержат?

После коротких колебаний женщина ответила:

— Я уеду завтра. Они сделают мне бандаж. Самолет Андретти доставит нас с Дэвидом в Нью-Йорк.

Дэвенпорт нахмурился и откинулся на спинку стула.

— Как быстро.

— Да. — Лили немного помолчала и добавила: — Я ничего не могла с этим поделаться.

Лукас взглянул на нее.

— Мне кажется, у нас остались незаконченные дела.

Он пожал плечами, и они довольно долго молчали.

— Я даже не знаю, — наконец сказала Лили.

— Дэвид? — спросил Лукас. — Ты его любишь?

— Я должна, — ответила женщина. — Ты вернешься к Дженнифер?

Дэвенпорт покачал головой.

— Я не знаю. Она... в шоке после того, что произошло в доме. Я встречу с ней завтра. Может быть.

— Не приходи меня провожать, — попросила Лили. — Не знаю, сумею ли я сдержаться, если вы с Дэвидом окажетесь рядом.

— Хорошо, — сказал Лукас.

— А ты можешь?..

— Что?

— Можешь сейчас уйти? — тихо спросила она дрожащим от отчаяния голосом. — Если ты удержишься, я начну плакать, а от этого у меня все начинает болеть...

Дэвенпорт неловко встал, переступил с ноги на ногу, наклонился и снова поцеловал Лили. Она схватила его за рубашку и притянула к себе. Поцелуй получился долгим и страстным, но потом она оттолкнула Лукаса.

— Проваливай отсюда, Дэвенпорт, — сказала она. — Будь оно все проклято, мы не можем начинать это снова, так что уходи скорее.

— Лили...

— Лукас, пожалуйста...

Он кивнул и отступил на шаг.

— До встречи, — пробормотал он, не зная, что еще сказать.

Дэвенпорт шел к выходу из палаты, продолжая смотреть в глаза Лили, пока дверь за ним не закрылась.

Он задержался, чтобы спросить у своей подруги, когда Лили выписывается.

— В десять часов, — ответила она, — «Скорая» отвезет ее на муниципальный аэродром Сент-Пола, где ее посадят в частный самолет.

На следующее утро он поехал в аэропорт на своем «форде» с полным приводом. Он остался сидеть за рулем и смотрел, как Лили выносят из машины скорой помощи, сажают в кресло на колесиках и везут к самолету. Муж не отходил от нее. Он был в том же синем костюме, волосы растрепал ветер. Он выглядел как академик. Дэвид.

Им пришлось заносить Лили по трапу на руках. Она увидела Дэвенпорта, но даже руки не подняла, чтобы помахать на прощание. Несколько долгих секунд она смотрела на него, а потом исчезла в салоне.

Самолет взлетел, а Лукас выехал из аэропорта и свернул к мосту на Роберт-стрит.

Позже он встретился с Дженнифер. Она сказала, что хочет договориться с ним о днях посещения Сары. Дэвенпорт ответил, что им нужно все обсудить. Дженнифер спросила, уехала ли Лили, и он ответил утвердительно. «Не уверена, что хочу с тобой разговаривать», — заявила подруга. Впрочем, она обещала встретиться с ним. Не сегодня и не завтра. Как-нибудь, на следующей неделе. Или в следующем месяце. Она сказала, что не может забыть последние минуты у него в доме, когда умирал Тень Любви. Сара была ранена, а Лукас не позволял ей вызвать врачей... Она пытается забыть, но пока ей не удается...

Это было в четверг. Вечером он присоединился к игре. Элла спросила про ствол дробовика. «Он исчез», — ответил полицейский. После перестрелки он больше не ощущал его прикосновения. «Со мной все в порядке», — сказал Лукас, но ему показалось, что он лжет.

Все должно было быть хорошо, но Дэвенпорт ощущал какое-то несоответствие. Казалось, он находится под воздействием наркотиков, когда окружающее становится более ярким, чем в реальной жизни, стены зданий угрожающе нависают, люди говорят слишком громко, а косые взгляды в барах означают скорые неприятности. Эти ощущения не исчезали до конца недели, но с понедельника начали тускнеть.

Прошло немногим больше трех недель после перестрелки. Утром в субботу Лукас сидел в кресле и смотрел по телевизору футбольный матч между «Айовой» и «Нотр-Дам». «Нотр-Дам» проигрывал, даже молитвы не помогли бы. Когда зазвонил телефон, Дэвенпорт испытал облегчение. Он поднял трубку и услышал шипение междугородной связи.

— Лукас?

Лили. Ее голос был тихим и хриплым.

— Лили? Где ты?

— Дома. И смотрю в окно.

— Что? Смотришь в окно?

Он вдруг вспомнил, как впервые увидел ее в коридоре полицейского участка: темные глаза, слегка растрепанные волосы, пряди, небрежно падающие на грациозную шею...

— Дэвид и дети внизу, загружают фургон. Они уезжают в Форт-Лаудердейл, у них будет большая мужская рыбалка. Мальчики в первый раз...

— Лили...

— Господи, Лукас, я сейчас заплачу.

— Лили...

— Их не будет неделю, Лукас. Мальчиков и Дэвида, — простонала она. — Проклятье, Дэвенпорт, все это так ужасно...

— Что? Что?

— Ты можешь приехать в Нью-Йорк? — Ее голос изменился, стал глубоким и чувственным. — Ты можешь прилететь завтра?

Лео взбирался наверх по темной стороне Беар-Бата, по гравию и песку. Временами его ноги скользили, и тогда ему приходилось пускать в ход руки, но он упрямо поднимался все выше и выше.

Мир все еще оставался в объятиях ночи, когда он добрался до вершины. Лео удобно устроился на холмике, снял со спины скатанное армейское одеяло и накинул на плечи.

На юге он видел огни Стургиса и автострады I-90, а дальше расстилался непроглядный мрак Блэк-Хиллз. Во всех остальных направлениях темноту нарушал лишь свет далеких ранчо.

Восход здесь производил сильное впечатление.

Звезды на западе по-прежнему оставались многочисленными и яркими, но на востоке, вдоль острой кромки горизонта, появился бледный ореол. И вдруг, с внезапностью падающей звезды, над горизонтом возникло пламя, сияющий золотой огонь — мир повернулся лицом к солнцу.

Солнечный свет коснулся вершины задолго до того, как он залил равнину. Отсюда Лео видел, как рассвет мчится к нему, проносясь по пустынным пространствам. Он сидел с одеялом на плечах, прикрыв глаза. Когда лучи добрались до основания холма, он вздохнул и повернулся на запад, наблюдая, как день устремляется к Вайомингу.

Его ожидала большая работа.

Нужно было рассказать о Воронах и Тени Любви.

Создать легенды.

Лео произнес короткую молитву и начал спускаться вниз. Звезды уже гасли, и он бросил на них прощальный взгляд.

— До встречи, парни, — сказал он. — Плоскоголовые придурки.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Лонг Хьюи — американский политический деятель, был известен под прозвищем Морской Царь. Радикальный демократ, губернатор штата Луизиана в 1926–1932 гг., сенатор от того же штата в 1932–1935 гг.

Учреждение для реабилитации отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психически больных для их адаптации к жизни за пределами исправительных или лечебных учреждений.

Парная — церемониальная сауна и важный обычай некоторых северо-американских индейцев. Так же называется церемония очищения, предшествующая духовному поиску.

Мультипликационный герой, глуповатый охотник из популярной серии «Безумные мелодии».

Бумбокс — тип переносного аудиоцентра. Изначально так назывался переносной двухкассетный стереомагнитофон с радиоприемником, громким звуком и расширенными функциями басов.

Чилим, или водяной орех плавающий, — однолетнее водное растение, происходящее из южных районов Евразии и Африки. Семя чилима варится и употребляется как легкая закуска.

Новое официальное название Шестой авеню, одной из главных улиц на Манхэттене.

Благотворительный католический фонд.

Битва при Геттисберге — сражение между юнионистами и конфедератами, произошедшее 1–3 июля 1863 г. в округе Адамс, штат Пенсильвания. Самое кровопролитное сражение в ходе Гражданской войны в США, считающееся переломной точкой в конфликте. Северянам удалось выдержать атаку армии Конфедерации и заставить их отступить.

Ли Роберт Эдвард (1807–1870) — американский военный, командующий армией Северной Виргинии и главнокомандующий армией Конфедерации.

Стюарт Джеймс Юэлл Браун (1833–1864) — американский военный, кавалерист, генерал-майор армии Конфедерации.

В классическом варианте банановый сплит состоит из очищенного банана, разрезанного вдоль, на который выкладываются шарики ванильного, шоколадного и клубничного мороженого; их поливают ананасовым и клубничным сиропами и шоколадным соусом. Затем сладкое блюдо посыпается орехами, украшается взбитыми сливками и мараскиновой коктейльной вишней. Банановый сплит подается обычно на продолговатой тарелке-лодочке.

«Сирс» — американская международная торговая сеть.

«Молодые и дерзкие» — популярный американский телесериал, впервые вышедший в эфир в марте 1973 г. и снимающийся до сих пор.

Еженедельный прямой репортаж о матче американского футбола, самая популярная спортивная передача в США, идущая более тридцати пяти лет.

Сеть закусовых в США и Канаде.

Договоренность между судом и подсудимым о том, что последний признает себя виновным в совершении менее тяжкого преступления и получит минимальное наказание, причем суд не будет рассматривать обвинение в более тяжком преступлении.

Радиостанция, более 80 лет работающая в Миннеаполисе и Сент-Поле.

Американская писательница, автор серии книг для детей о жизни семьи первопроходцев времен освоения Дикого Запада.

Сеть небольших магазинчиков, торгующих с 7 утра до 12 ночи.

Психодиагностический тест для исследования личности, созданный в 1921 г. швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом.

Северо-восточный район Миннесоты.

Фильм режиссера Сая Эндфилда. Сюжет основан на реальном историческом событии — сражении у Роркс-Дрифт (1879 г.). Тень Любви, скорее всего, имеет в виду другое событие англо-зулусской войны. Незадолго до обороны Роркс-Дрифт зулусы почти полностью уничтожили полуторатысячный британский отряд под командованием подполковника Генри Пуллейна.

Управление по делам индейцев. Занимается вопросами социального обеспечения и просвещения коренных американцев, обеспечивает правовую защиту резерваций.

Компания по производству авиационной техники и электронного оборудования.

Крупная страховая компания.

Один из видов игры в бильярд.

Древние наскальные изображения, сделанные около трех тысяч лет до нашей эры.

Имеется в виду неудачное участие Маккарти в президентских выборах.

Поселок в штате Южная Дакота, где в 1973 г. произошло вооруженное столкновение между полицией и индейцами, борющимися за свои права.

Суперкомпьютер, выпускаемый компанией «Крэй рисерч». Он стал самой быстрой машиной своего времени. Изначально разрабатывался для министерств обороны и энергетики США, но применялся и в мирных целях, например в НАСА, университетах и корпорациях по всему миру.

«Мошка в зенице Господней» — название фантастического романа Л. Нивена и Д. Пурнеля.

Популярная техника стрельбы из пистолета, названная в честь помощника шерифа Джека Уивера, который применил ее во время стрелковых соревнований в 1950-е гг. Пистолет нужно держать двумя руками и направлять его перед собой.

Игрок в бейсболе, наносящий удар битой.

Тонкая хлопчатобумажная ткань типа жатого ситца с рельефными полосками.

5,56 mm.